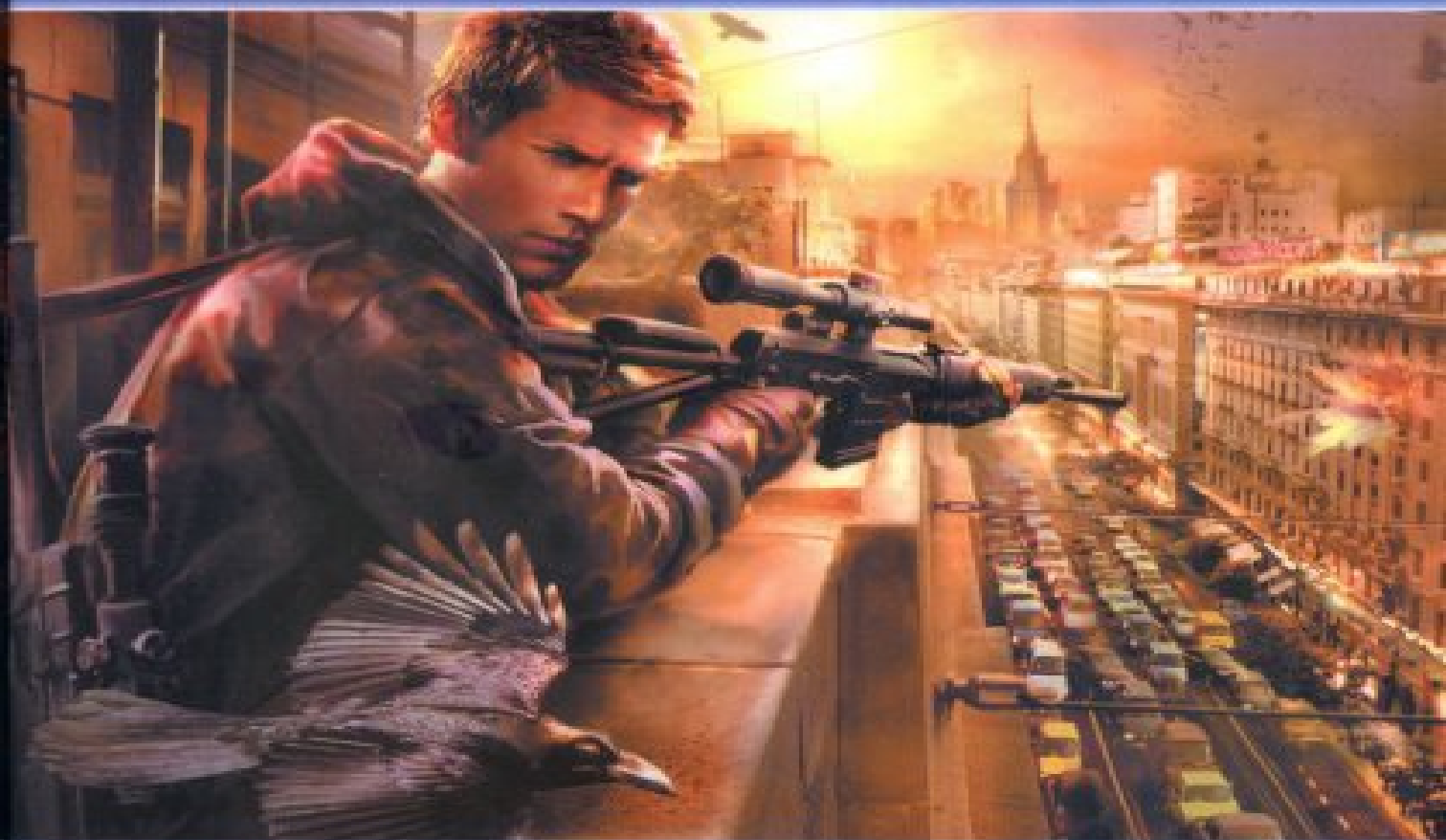

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

КОМАНДИР

Ты командир, значит, командуй, так что теперь... в бой?

Ожидали ли вы попасть в горнило самой страшной войны в истории человечества? Вот и Михаил Солнцев, студент-заочник технического вуза, этого никак не ожидал. Получив удар электрическим током, Михаил очнулся в июле 1941 года, в теле немецкого диверсанта из полка «Бранденбург-800», который под видом командира Красной армии был внедрен в одну из многочисленных групп окруженцев под Смоленском. Первый же вопрос, что делать, решил сам собой. Ты командир, значит, командуй, так что теперь... в бой?

Владимир Поселягин

КОМАНДИР

*Автор благодарит за помощь в написании книги:
главного редактора Издательского дома «Ленинград»
А. В. Сидоровича; Сергея «Уксуса»; Сергея «Мозга» Павлова;
Екатерину Корчагину; КристинАлису и многих других, кто искренне
помогал мне на форумах ЛитОстровка и СамИздата.*

От автора читателям

Хочу сразу сообщить, что это моя первая книга. Именно на ней я учился, именно она поставила меня на путь авторства.

Все. Баста. Финита. Закончил, завершил, все сделал. Я зевнул и устало протер глаза — спать охота невмоготу. Покосившись на мобилу, только печально вздохнул — три часа ночи. С отвращением посмотрев на курсовую, лежащую на столе, которую наконец-то переписал, отложил черновик в сторону и зашарил по столу в поисках ручки — нужно поставить число и подпись. Блин, ведь только что в руках держал?! Поискав под столом, ручку я так и не обнаружил. Вообще-то со мной такое происходит регулярно, пропадают вещи, оказавшиеся у меня в руках или в пределах видимости. И это с детства, с грудного возраста, с первой пустышки. Пропадает все. От мелкой вещи вроде скрепки или кнопки — до крупной. В несколько тонн. Причем все происходит, когда я один или на меня никто не смотрит. Вершиной всего стала пропажа экскаватора соседа дяди Паши, когда он отошел обедать. Вернулся — а трактора-то и нет! Только соседский мальчишка, семилетний Мишка в песочнице играет. Сам я этого не помню, отец рассказал. Кроме меня, об этом знают только родители и, думаю, что-то подозревает младшая сестренка Ленка. По крайней мере, когда пропал новенький уазик военкома, около которого я крутился, она пару раз на меня покосилась. Папа говорит, что я «черная дыра», в меня все затягивает, да я и сам стал придерживать такого же мнения, особенно когда начал почитать фантастику.

Еще раз сладко зевнув и потянувшись, я расписался, поставил дату извлеченной из пенала запасной ручкой и наконец-то убрал курсовую в папку. Потом встал из-за стола, с трудом разогнулся и, сделав пару разминочных движений, пошел умываться. Вернувшись, покосился на пустую кровать соседа-однруппника, зависшего у какой-то девчонки у нас в общежитии, и, взяв мобильник, поставил будильник на восемь утра — в девять надо сдать курсовую, завтра крайний срок. Дотянул: в один день и курсовую сдаю, и экзамен. Утром меня разбудил не будильник, а сосед Леха Шерстнев. Эта рыжая сволочь, ворвавшись в комнату, с ходу врезал ногой по моей кровати и заорал:

— Миха, вставай! Мы на экзамен опаздываем! — после чего стал судорожно переодеваться.

Приоткрыв один глаз, я простонал:

— Сколько?

— Что сколько?

— Времени.

— Десять, до экзамена полчаса осталось.

— Б...я!

Вскочив, будто подброшенный пружиной, я начал одеваться. Черт, почему будильник не сработал? Взгляд на стол мне все объяснил: телефон исчез!

— Чертова дыра! Блин, четвертый мобильник!

— Ты это о чем?

— Да так, мысли вслух!

— Место займи! — крикнул вслед Леха, когда я побежал умываться.

— Шерстнев, хорошо!

— Валиев, удовлетворительно!

— Солнцев, хорошо!..

Забрав зачетку, я вышел из аудитории. В коридоре около окна кучковались мои одноклассники — решали, куда пойдём отмечать сдачу.

— Мишка, поехали в «Икею». Там кафешка хорошая и цены небольшие...

— Не, я сестре обещал. Ей стрельнуло сегодня ноут покупать, надо помочь, может, позже подойду.

— Ну мы допоздна будем, если что. Освободишься — присоединяйся!

— Лады!

Зайдя в общагу, я взял записную книжку и пошел в ближайший салон сотовой связи, где купил бэушную мобилу и симку — без телефона как без рук. Затем доехал на автобусе до торгового комплекса «Кольцо», где мы с Ленкой договорились встретиться. Подойдя к автоматическим дверям, около которых стояла пара электриков, услышал, как один из них говорит в рацию:

— Все, включай, сейчас проверим.

Это было последнее, что я помню.

* * *

Очнулся я сразу. Открыл глаза и сперва не понял, где нахожусь. Почему вижу небо, ветки деревьев, двух парней в танкистской форме с карабинами? То, что это именно танкисты, я определил очень просто — они были в ребристых танковых шлемофонах. У отца такой в сарае висит. Когда у нас был мотоцикл, он использовал его вместо шлема. Правда, у этих почему-то отсутствовали ларингофоны, которые застегивались под подбородком. Чуть приподняв голову, огляделся: вокруг по лесу шла толпа красноармейцев вперемешку с танкистами. Некоторые несли раненых, некоторые оружие. Тут в голове что-то щелкнуло, и появился звук: бряканье амуниции, стоны, чьи-то матюги. Оглядев себя, я обнаружил, что одет точно в такой же комбинезон, как и у танкистов.

Мое пробуждение не осталось незамеченным. Один из несущих меня бойцов воскликнул с неприкрытой радостью:

— Товарищ капитан, вы очнулись!

«Чего?! Какой еще капитан? Это он кому?» — озадачился я.

— В чем дело, Карпов?

— Товарищ младший лейтенант госбезопасности, товарищ капитан очнулся!

— Да? Ну-ка опустите капитана... Товарищ капитан? Капитан Михайлов?

Носилки аккуратно положили на землю. Перед глазами появился парень лет тридцати — тридцати пяти в старинной — до сорок третьего года — военной форме с тремя кубарями в петлицах. Что мне не понравилось сразу, так это васильковый околыш его фуражки и очень уж специфический взгляд. Но еще больше не понравилось обращение.

«Михайлов? Какой еще Михайлов? Я Солнцев Михаил Геннадьевич, двадцати трех лет от роду».

В голове царил сумбур, мелькали обрывки чужих воспоминаний. То я стреляю в спину красноармейцам, отступающим в пригороде Луцка, то нахожусь на каком-то стрельбище (Квенцгут, тут же услужливо подсказала вторая память), где фельдфебель в форме Вермахта и с взглядом профессионального убийцы показывал, как разбирать и собирать русский ППД. То выброска семерых диверсантов в форме командиров Красной армии в район действий 20-

й советской танковой дивизии, посланных для диверсий и уничтожения командного состава.

— Товарищ капитан? — прервал мои воспоминания лейтенант.

Перед моим внутренним взором успела промелькнуть вся память того конченого ублюдка, в тело которого я попал. Литовец по национальности, Вацлав Швед с детства ненавидел русских из-за родителей, погибших в застенках ОГПУ. По крайней мере, так ему рассказал родной дядя, нашедший Шведа в харьковском детдоме и забравший его к себе. Что не помешало Вацлаву отслужить в Красной армии в танковых войсках, демобилизовавшись сержантом, командиром танка. В 38-м Швед был завербован немецкой разведкой с помощью ее активного члена — своего дяди. И до 40-го участвовал в акциях устрашения или, проще говоря, резал мирное население. Я на секунду заглянул в эти воспоминания и тут же заблокировал их. Такое не выдержит и подготовленный человек, а не только домашний мальчик вроде меня. Да я даже в армии не служил!..

Настоящая фамилия Шведа была Швядас, но когда записывали в документах, писарь то ли не расслышал, то ли неправильно записал.

— Товарищ капитан? — уже с напором спросил энкавэдэшник.

— Да-да. Я — Михайлов Александр Сергеевич, капитан, командир танкового батальона девятнадцатой танковой дивизии.

— И как же вы, товарищ капитан, попали в плен, из которого мы вас освободили? — требовательно глядя мне в глаза, поинтересовался лейтенант.

И тут к нам подбежал старшина-пограничник лет тридцати и тихо сказал то ли младшему, то ли старшему лейтенанту, я пока не разобрался в местных знаках различия:

— Товарищ младший лейтенант госбезопасности, там дорога и наши, — и замолчал, покосившись на меня.

— Что наши? Какая дорога? — повернулся лейтенант к старшине, оставив меня пока в покое.

— Дорога проселочная, за дорогой лес, нужно пересечь двести пятьдесят метров открытой местности, но там наших окруженцев несколько сотен. Товарищ полковник велел вас позвать.

— За мной! — приказал энкавэдэшник и, подхватив хорошо мне знакомый по любимой стрелялке немецкий карабин «Маузер Кар.98k», который я до этого не заметил, скрылся вместе со старшиной.

— Как вы, товарищ капитан? Хотите воды? — спросил у меня Карпов и, отстегнув, подал фляжку.

Я попытался открутить крышку, но из-за нервного перенапряжения руки дрожали как с похмелья.

— Давайте помогу, товарищ капитан. — Забрав у меня фляжку, боец открутил колпачок и поднес ее к моим губам.

Выбивая дробь зубами по горлышку, я сделал несколько судорожных глотков, затем шумно вздохнул и спросил у Карпова, разглядев у него на петлицах треугольнички («Старший сержант», — тут же подсказала память Шведа):

— Сержант, где мы?

— Где-то в районе Смоленска, товарищ капитан.

— Помоги подняться.

Карпов и второй танкист, оставшийся неизвестным, поддерживая, довели меня до

ближайшего дерева, на которое я оперся спиной. Я сделал вид, что переживаю, когда пройдет головокружение. На самом деле тело Шведа мне плохо подчинялось. Диверсант был невысокого роста, где-то около метра семидесяти при семидесяти двух килограммах, тогда как мой рост составлял метр восемьдесят четыре, а вес — сто шесть кэгэ. Моторика движений совсем другая. Поэтому я стал двигать конечностями, крутить головой, туловищем и делать другие разминочные движения. Проведя рукой по животу, нащупал мощный пресс. Ого! Даже привычного намека на брюшко нет! И вообще отличий от моего рыхлого растренированного тела много.

Чувствуя небывалый подъем и ни на кого не обращая внимания, стал делать приседания. Десять — нормально, двадцать... даже одышки нет. Тридцать — ну ничего себе! После сорока в голове начало шуметь, перед глазами задвоилось, и я стал заваливаться на бок, делая вид, что вот-вот потеряю сознание. Подобное поведение объясняется просто — заданием Шведа было под видом капитана Михайлова попасть в одну из групп окруженцев, обнаруженную воздушной разведкой, втереться в доверие к старшему комсоставу и с их помощью занять штабную должность. Делая вид, что из-за тяжелой контузии не может служить в боевых частях, выйти из окружения, пройти фильтр НКВД, затаиться и нести обычную службу штабиста, ничем не выделяясь, пока с ним не свяжутся.

Попасть к окруженцам оказалось просто: Шведа немного побили, чтоб появились синяки, а потом профессионально вырубил.

На одном из хуторов остановился немецкий грузовик, из которого с грохотом посыпались немцы и стали разбегаться по территории. Четверо вломились в дом, остальные занялись обыском хозяйственных построек. Из кабины вылез молодой офицер и, махнув рукой трем солдатам, оставшимся у грузовика, направился к дому. Один из немцев залез в кузов и стал сбрасывать под смех остальных связанные тела, одетые в форму командиров Красной армии... Внедрение разрабатывали аналитики Абвера. Когда было выявлено, где находятся окруженцы из 20-й танковой, разыграли небольшой спектакль.

Нужно торопиться! Пошарив у пояса, не обнаружил ни ремня, ни кобуры. Блин! Меня же из плена освободили, какое оружие? Шведа я уже считал собой, наши личности полностью слились, только заблокировал память с его развлечениями, оставив те воспоминания, что могут пригодиться. Его личность практически исчезла, оставив только воспоминания. Службу в армии оставил почти всю. До этого танки только в инете видел, когда читал про попаданцев, да технику на Площади Победы в Казани, а тут, прокрутив чужую память, узнал, что знаком со всеми «бэтэшками», Т-26, Т-28 и немного трофейным польским 7ТР. Уже неплохо.

Вот ведь никогда бы не подумал, что это произойдет именно со мной! Сколько ни читал про это, а все равно никак не могу поверить в перемещение!..

— Товарищ капитан, ну нельзя же так, вы же контужены! — запричитал боец с санитарной сумкой, перевязывающий до этого раненного в голову сержанта-зенитчика, и сунул мне под нос ватку.

В голове сразу же просветлело, и я, судорожно пытаюсь вздохнуть, силился разглядеть сквозь слезы, брызнувшие из глаз, где этот гадский медик, чтоб порвать его как Тузик грелку, но ловко увернувшийся санитар уже подавал мне небольшую тряпочку:

— Вот, вытрите, товарищ капитан.

Протерев лицо, я попытался унять пожар, полыхающий у меня в носу. Наверное, все волосы там сгорели! Вытирая продолжающие течь слезы, слушал жужжание санитара, что делать контуженым можно, а что нет. Уф, вернув тряпицу бойцу, отправил его осматривать других раненых. Вдалеке слышалась канонада, на которую я раньше как-то не обращал внимания, а потом с востока донесся гул авиационных моторов. Девятка «Юнкерсов» неторопливо шла на километровой высоте. За последним тянулся шлейф дыма, но было незаметно, чтобы он отставал. Проводив «лаптежников» взглядом, один из бойцов — невысокий, с ранней сединой — сказал:

— Вот и нас такие же бомбили, от всего полка едва батальон наберется. — В его голосе слышалась неприкрытая ненависть.

Интересно, который час? Судя по солнцу, около десяти утра. Спросил у сидящих вокруг. У бойцов часов не оказалось.

— Десять часов тридцать семь минут, товарищ капитан, — сообщил круглолицый младший лейтенант-минометчик, баюкая раненую руку.

И тут сработала память Шведа.

— Карпов, мне нужно оружие, НЕМЕДЛЕННО! — От моего тихого крика оба танкист и сидящие рядом красноармейцы вздрогнули.

«Ого, наследство Шведа проснулось! У меня никогда командного голоса не было».

— Товарищ капитан, товарищ младший лейтенант приказал оружие вам не давать, пока он не разрешит, — сказал Карпов и покосился в сторону. Обернувшись, я увидел курносого пограничника лет девятнадцати с ППД, внимательно за мной наблюдающего.

«М-да, пока не пройду проверки, буду под наблюдением».

Присев и облокотившись о дерево, стал вспоминать, как Шведа освобождали из плена.

Двое из пяти красных командиров были настоящими, для правдоподобности. Где их захватили, мне не известно. Остальные — профессиональные диверсанты из полка «Бранденбург», причем с одним — обер-ефрейтором Клаусом Шнитке — Швед был хорошо знаком. План состоял в том, чтоб на глазах у русской разведки сделать вид, что озверевшие от потерь немецкие солдаты собрались казнить захваченных русских командиров на одном из хуторов. Первыми должны были уничтожить настоящих, после чего русская разведка, увидев эти зверства, по предположениям абверовских стратегов, должна была атаковать и отбить остальных пленных. Немцы же при атаке организованно отступают, оставив планшет с удостоверениями, и, отстреливаясь, уходят с минимальными потерями. Но наши и тут преподнесли неприятный сюрприз. Оказалось, что несколько пограничников сумели скрытно попасть в одну из хозяйственных построек. Причем снайперская группа обер-лейтенанта Гауэрта, обеспечивающая огневое прикрытие, их не засекала, и это сыграло решающую роль в бою. Поэтому, когда одного из пленных, старшего лейтенанта-артиллериста, облили бензином, пограничники неожиданно атаковали. Так что внедрение, можно сказать, прошло успешно, если бы не большие потери среди личного состава солдат СС, обеспечивающих спектакль.

— Голиков, дай винтовку посмотреть, — услышал я справа. Повернув голову, увидел здорового бойца со шрамом на подбородке, протирающего немецкую снайперку.

— Мал еще, — ответил шрамолицый молодому танкисту в изорванном комбинезоне.

Не узнать эту винтовку я не мог — наградная обер-лейтенанта Гауэрта. Значит, и эта сволочь от наказания не ушла! Шведу он хвастал, что подстрелил более двадцати пяти советских командиров и даже одного генерала...

Но вернемся к проблемам: кроме меня тут еще два диверсанта; и их надо уничтожить, только как?

— Приготовитесь к движению, — негромко передавали командиры. Бойцы вставали, опраивали гимнастерки, проверяли оружие, поднимали носилки с ранеными. Тут и там раздавались позвякивания и стоны.

— Тихо, не шуметь, выдвигаемся.

— Товарищ капитан, ложитесь на носилки, — попросил Карпов.

— Нет, сержант. Я в норме, только голова немного кружится. Ты лучше положи того бойца с простреленным плечом, у него лицо бледное, вот-вот свалится. Боец, как тебя?

— Красноармеец Кульков, товарищ капитан.

— Ложись на носилки, это приказ.

— Хорошо, товарищ капитан.

Со стороны дороги, куда убежали энкавэдэшник и пограничник, вдруг началась стрельба, хлестко били «Мосинки», трещали немецкие МП, где-то строчил «Максим», ему вторили несколько МГ, хлопали немецкие карабины, но все меньше и меньше. Вот несколько раз отметился ППД. Ну понятное дело, в окружении патронов не найдешь, вот и приходится экономить и пользоваться трофейным оружием. Забухали ручные гранаты... У этого козла Шведа оказался великолепный слух. По крайней мере, мне прекрасно удавалось по звуку различать любой вид оружия.

— Вперед, вперед, не задерживаемся! — разноголосо закричали командиры, и вся масса войск пришла в движение.

Интересно, их тут сколько? Я стал вертеть головой. На глазок прикинул — только на виду никак не меньше двух сотен.

Карпов со своим напарником понесли носилки с Кульковым, а я пристроился за ними, крутя головой почти на триста шестьдесят градусов. Мне стало интересно ВСЕ! Когда еще такое увидишь? Тело Шведа слушалось все лучше и лучше. Пограничник с ППД шел недалеко, не теряя меня из виду.

«Любопытно, а других так же охраняют? И вообще, где они?» — Ответов на эти вопросы пока не было.

Вот показался просвет среди деревьев, выстрелы уже минуту как прекратились. Мы вышли на дорогу.

— Быстрее, быстрее! — махал рукой с ГТ какой-то майор со стрелковыми эмблемами. Я огляделся, лежащий на боку немецкий грузовик, похожий на полторку, разбитые и горящие машины, несколько бойцов толкали в лес мотоцикл. Везде вповалку тела в немецкой и советской форме. Вот лежит сержант-грузин, сдавив руками горло немецкого унтер-офицера, и в боку сержанта кинжал, зажатый в руке унтера. Тут и там ходили бойцы, склоняясь то над немцем, то над нашим.

«Документы собирают и оружие, — подумал я, — раненых, похоже, уже унесли».

Заметив, что отстаю от Карпова, ускорил шаг. И тут в стороне увидел убитого

немецкого офицера с перерубленным пулеметной очередью почти пополам телом. Повернувшись, поспешил к нему. Пистолет на ремне — вот что мне было нужно. Вблизи в нос ударил тяжелый запах крови и разорванных внутренностей. Нисколько не смущаясь, я наклонился и расстегнул ремень с орлом на пряжке. Правда, эту тевтонскую курицу не было видно из-за крови, но я знал, что она там есть. Перевернув тело, освободил ремень и, выпрямившись, наткнулся на взгляд погранца.

Этот взгляд говорил: «Даже не думай!»

Тряхнув головой, я достал парабеллум. С кобуры капала кровь, но пистолет был чистым. Сунув его в карман комбинезона, стал искать запасной магазин. В кармашке кобуры его не было. Пришлось обшаривать покойника. Магазины — целых два, причем оба снаряженные — обнаружались в карманах галифе.

— Товарищ капитан, — позвал погранец, — уходить надо, замыкающие уже идут.

— Да, идем. — И мы бросились догонять наших.

— Карпов, воды не одолжишь? Кровь с кобуры надо смыть. — Мне уже надоело ремень на вытянутых руках нести. К сожалению, водоемы на пути не попадались.

— Вот, товарищ капитан, возьмите мою, — протянул мне фляжку бледный Кульков, — почти полная.

— Спасибо, боец. — Я отошел в сторону. Закончив отмываться, протер сначала руки, потом кобуру носовым платком, найденным в кармане гимнастерки, и застегнул ремень на поясе. Вложив парабеллум в кобуру, поспешил догнать Карпова. Он для меня уже стал почти родным. Погранец шел за мной как привязанный. Да, правду говорят, что человек с оружием становится увереннее. Догнав мои носилки, я вернул пустую фляжку Кулькову:

— Спасибо, боец. Извини, вода закончилась.

— Ничего, товарищ капитан, — слабо улыбнулся тот.

Шагая вслед за бойцами, задумался: обыск покойника не вызвал у меня никаких эмоций, несмотря на кровь и остальное. Мне было безразлично. Я как будто смотрел сквозь призму восприятия Шведа. Я! Которого раз десять должно было вывернуть наизнанку!.. Странно это все! Может, наследие диверсанта? Он-то настоящий мясник...

Ладно, нечего заморачиваться, увидим, что будет дальше.

Километров через пять объявили привал. Бойцы опускали носилки и падали кто где стоял. Этот бросок вымотал и раненых, и тех, кто их нес. Я, отойдя в сторону, стянул сапоги и размотал портянки.

«У-у-у! О-о-о! Как хорошо!» — Легкий ветерок ласкает разгоряченные пальцы ног. Расстелив портянки, оставил их сохнуть. Некоторые бойцы последовали моему примеру. Привалившись спиной к пеньку, я прикрыл глаза и сделал вид, что подремываю. Черт его знает, что делать. Пусть пока все идет своим чередом, а дальше видно будет.

Тут из ниоткуда проявился тот старшина-пограничник, уже с МП на плече:

— Товарищ капитан, вас товарищ майор госбезопасности видеть хочет. Следуйте за мной.

Пришлось наматывать не до конца просохшие портянки (тоже странно, раньше их в глаза не видел, не то что правильно намотать. Хорошо иметь чужую память! По крайней мере в некоторых ее проявлениях). Минут через десять подошли к группе командиров. Я быстро пробежал по ним взглядом. Одиннадцать человек: полковник, подполковник, три майора, два капитана, старший политрук и три командира НКВД, полковник и два старших

лейтенанта. Один из них, знакомый мне, бросив задумчивый взгляд на кобуру с пистолетом, покосился на погранца, следовавшего за мной как хвост. Козырнув, я доложил:

— Товарищ майор государственной безопасности, капитан Михайлов по вашему приказу явился!

— Это хорошо, что явился. У меня есть к вам несколько вопросов.

Мы отошли в сторону, и майор со шпалами полковника указал на ящик из-под семидесятишестимиллиметровых снарядов:

— Садитесь, капитан.

С трудом сдержав шутку, что лучше постою, я сел на ящик и вопросительно приподнял правую бровь. Вертя в руках командирское удостоверение, энкавэдэшник представился:

— Майор госбезопасности Савельев Игнат Всеволодович. Начальник особого отдела двадцать второго механизированного корпуса. За спиной у вас младший лейтенант Никаненков Александр Юрьевич из особого отдела двадцатой танковой. Ну а вы?

— Капитан Михайлов. Командир батальона девятнадцатой танковой дивизии.

— Как попали в плен? Где ваша часть?

Отвечал я, как меня — точнее, Шведа — учили. Было даже так — психолог, одетый в форму НКВД, кричал, бил, задавал каверзные вопросы, пытаюсь поймать на несоответствии. Эти работали похоже, разве что не били. Я отвечал на вопросы, а сам обдумывал, как бы мне сдать тех двоих своих «коллег».

— Ладно, капитан, пока все. Но как выйдем из окружения, снова поговорим, — протянул мне наконец майор мое удостоверение.

Взяв его в руки, раскрыл. Так, углы потертые, а вот следа от ржавой скрепки нет. Лажа, плохо Абвер работает! Кстати, когда снимал сапоги на привале, забыл посмотреть, какие у меня гвозди. Если еще и они квадратные, можно смело вешать на грудь табличку «Я немец!».

«Ладно, потом посмотрю». — Рука автоматически сунула удостоверение в нагрудный карман.

— Можно идти?

— Да, можете идти. Вас ждет полковник Соколов.

Развернувшись и обойдя лейтенанта, я направился в сторону сборного штаба. Удалившись метров на двадцать, обернулся — лейтенант, наклонившись, что-то тихо говорил майору, не спускавшему с меня взгляда. Пожав плечами, я подошел к полковнику. Тот, сидя на корточках, расстелил карту на траве и что-то объяснял другому майору — с общевойсковыми эмблемами:

— ...возьми у Сонева два отделения саперов и все обнюхай тут и тут. Здесь должны мины быть... Должны... Не могли они брод не заминировать. Если там поста нет, значит, мины. Все, выполняй. — Майор, молча кивнув, направился к группе командиров, тусующихся около двух полуторок и одного ЗИСа с зенитным пулеметом, стоящих под деревьями без всякой маскировки. Это заставило меня осуждающе покачать головой. Непрофессионально! Если уж тебе платят, то работай с полной отдачей, ведь у военных тут самая большая зарплата. У нас всегда так: чуть что — не я виноват, кто-нибудь другой, но не я! Ну что им стоит машины замаскировать?! Приказал бойцам, они все сделают. Так нет, прилетит какой-нибудь «птенчик Люфтваффе» и разбомбит — так это он виноват, а не мы. Что ему стоило мимо пролететь?..

Полковник указал рукой перед собой.

— Садитесь, капитан. Комбат? — спросил он у меня, когда я устроился перед расстеленной картой.

— Да.

— Т-34, КВ знаешь?

— Нет, служил на Т-26.

— Вот здесь нашей разведкой обнаружен танк, наш танк. Хорошо замаскированный, так что его не видно с воздуха. Красноармейцы не смогли опознать этот тип танка, но по описанию похож на Т-34. Я видел их, когда перегоняли с железнодорожной станции. Так что по описанию узнать смог. Осмотрев его, один из бойцов, бывший тракторист, доложил, что в машине кончилось горючее. Танк нужно забрать, капитан. В одной из полуторок две бочки с соляркой. Возьми танкистов, сколько нужно, и ступай. Новейший танк нужно вывезти. Вот здесь брод. В пять часов утра мы его перейдем. В это время ты должен быть тут. Если не сможешь вывезти, уничтожь его. В общем, бери одну полуторку и поезжай.

— Товарищ полковник, разрешите кроки срисовать?

«Интересно, что делала разведка так далеко от нас? Почти двадцать пять километров. Ближайшая деревенька в семи... Если только... Да, точно, брод, около деревни брод». — Догадка пришла, когда я увидел метку реки.

— Товарищ полковник, а что этот брод у Озерков? — спросил я, ткнув карандашом в карту. — Занят противником?

Хмуρο кивнув, полковник подтвердил:

— Да. Разведчики доложили, что там стоит до батальона пехоты, пушки, еще и танковая рота, на дороге патрули на мотоциклах. Да, и спросите лейтенанта Крылова, как найти танк, он был там за старшего. Выполняйте.

Подойдя к Карпову, я поинтересовался наличием танкистов.

— Не знаю, товарищ капитан, — пожал плечами сержант. — Где-то около тридцати.

Вокруг стоял хруст сухарей. Бойцы обедали. Я невольно сглотнул — все-таки не ел с утра.

— Собери всех танкистов, кто сможет пройти двадцать пять — тридцать километров. Раненых не бери. И опроси, кто на чем служил, мне нужны те, кто знает Т-34. Сбор околс машин через полчаса. Выполнять.

— Товарищ капитан, возьмите, поснедайте, — протянул мне три сухаря старшина-пехотинец.

— Спасибо, старшина.

Взяв сухари и на ходу жуя, стал искать Крылова. После недолгих поисков нашел. Подробно расспросив собиравшегося в очередной поиск лейтенанта, потопал к машинам. Пройдя через небольшой, но глубокий овраг, вышел к ЗИСу. У пулемета дежурил невысокий красноармеец азиатской наружности. Обойдя зенитку, подошел, дожевывая последний сухарь, к крайней полуторке с бочками в кузове. У открытого капота, нагнувшись и опершись ладонями о колени, стоял красноармеец, что-то разглядывая внутри. Хмыкнув, несильно пнул бойца по седалищу:

— Жопа-жопа, повернись ко мне передом, а к машине задом.

Немедленно вытянувшийся боец повернулся ко мне лицом. Было интересно наблюдать, как меняется его физиономия: от возмущенно-злой до невозмутимо-философской. Торопливо достав пилотку из-под ремня и нахлобучив ее на голову, он доложил:

— Товарищ капитан, машина к выезду готова! Бак полон, машина загружена двумя бочками солярки, двумя бочками с бензином и одной с машинным маслом! Доложил ефрейтор Журов!

— Сколько людей можем посадить в кузов, Журов? — спросил я, разглядывая этого ефрейтора. Невысокий, коренастый светловолосый парень двадцати двух — двадцати пяти лет. Типичный водила: засаленная форма, въевшееся в кожу масло и кусок ветоши в руках. Правда, у данного конкретного индивидуума руки были пусты, но все равно водила — он и в Африке водила.

— Человек семь-восемь, не больше, товарищ капитан.

— Через двадцать минут выезжаем. Да, и кстати! Откуда машины взялись? У нас же их не было?

— Разведчики наши тут недалеко разбомбленную автоколонну и пригнали то, что уцелело, к нам. Минут пятнадцать назад к колонне ушли бойцы из хоззвода, может, еще что полезное найдут, разведка ее бегло осмотрела.

— Товарищ капитан! — Справа ко мне подходил капитан интендантской службы с вещмешком в руках. — Мне полковник Соколов приказал забрать у вас две бочки с горючим и вот, сухпай с собой выдать.

— Хорошо. Забирайте бочку с бензином и бочку с соляркой, — приказал я, убирая вещмешок в кабину.

— Но мне приказали забрать и бочку с маслом тоже.

— Нет, масло мне нужно.

Интендант ненадолго задумался, потом спросил:

— Капитан, а двадцати литров масла вам хватит?

— Вполне хватит.

— Отлично! У меня есть двадцатилитровая канистра, мы вам в нее отольем.

— Хорошо. Журов, проследи. — Хлопнув по плечу ефрейтора, я пошел встречать танкистов, подходящих к машинам.

Вперед вышел Карпов и, козырнув, доложил:

— В строю двадцать семь бойцов, товарищ капитан, раненых нет. Вот список, на каких машинах они служили, — и протянул мне листок.

Так-так... Четырнадцать человек служили на Т-26, есть полный экипаж БТ-7М, двое на Т-40, шесть на Т-28, один на КВ-1 и один на Т-34. Механиков-водителей девять, один из них с КВ-1, семь башнеров, шесть командиров танков, два стрелка-радиста, один из них с Т-34, и два пулеметчика с Т-28. Боец с «тридцатьчетверки» по фамилии Молчунов был в звании младшего сержанта, механик-водитель с КВ — старшина Суриков. Сложив листок и убрав его в карман, я приказал:

— Постройте бойцов, сержант.

Карпов тут же скомандовал:

— В одну шеренгу становись!

Танкисты сразу же пришли в движение. Несколько секунд, и передо мной возникла ровная шеренга. Некоторые были в комбинезонах, некоторые в обычных гимнастерках, но все с оружием.

— Сержант Молчунов!

— Я!

— Старшина Суриков!

— Я!

— Ко мне!

Из строя вышли два танкиста. Посмотрев на старшину с кобурой на поясе и немецким карабином, я спросил:

— Старшина, насколько хорошо вы знаете Т-34? Сможете вести?

— Хорошо знаю, товарищ капитан. Я сперва на «тридцатьчетверках» начинал. Перегонял их с железнодорожных станций к местам консервации. Пока меня, как опытного мехвода, на КВ не пересадили.

— Встать в строй, — скомандовал я и повернулся к Молчунову. Им оказался тот самый танкист в изодранном комбинезоне, что спрашивал снайперку посмотреть. Он до сих пор находился в том же неприглядном виде, сверкая голым телом сквозь прорехи комбеза. — Сержант, почему вы не в форме?

— Товарищ капитан, мы ее сняли перед боем, в танке было жарко. Ну а когда нас подбили, я выскочил, а форма в танке сгорела. — Молчунов пожал плечами: мол, и рад бы, да...

Немного подумав, я быстро скинул свой комбез, оставшись в форме, и протянул его погорельцу:

— Мы с тобой вроде одной комплекции. Возьми, переоденься. А не то твой сейчас вообще развалится.

— Товарищ капитан, мы закончили, — доложил подошедший Журов, вытирая на ходу руки.

— Сколько мест освободилось?

— Можно пятнадцать человек посадить, товарищ капитан.

Быстро отобрав бойцов и отпустив остальных, я приказал грузиться. Старшим назначил Карпова, приказав распределить секторы стрельбы на случай, если встретим немцев, и внимательно следить за небом. Затарахтев и задрожав, как трактор, полуторка, сминая кусты, выползла на дорогу, оказавшуюся неожиданно близко. Подпрыгивая на каждой кочке, мы неторопливо поехали в сторону далекой артиллерийской канонады. Чтобы добраться до уничтоженной автоколонны, нам потребовалось минут десять. Зрелище было удручающим: разбитые и сгоревшие машины, воронки от бомб, перевернутый БА-10, загнанная в кусты «эмка» с выбитыми стеклами и изорванным осколками бортом... Хорошо, убитых не было видно. Кажется, их уже убрали бойцы хоззвода, копошащиеся тут и там.

Еще через пару километров, форсировав какую-то маленькую речушку, мы въехали в лес. Сразу стало как-то темно. Приказав остановиться, я вышел из машины, огляделся и подозвал Карпова:

— Сержант, скоро стемнеет, а нам еще километров шесть осталось. Значит, сделаем так: три бойца в головном дозоре на расстоянии метров семьдесят-сто, двое в арьергарде, ДП на кабину. Если что, сможет открыть огонь по ходу движения. Пистолет-пулемет у нас один?

— Да, у рядового Хусаинова, товарищ капитан.

— Его в головной дозор, будет хоть какая-то помощь. Все, командуй!

— Голиков, Хусаинов, Иванов — в головной дозор. Голиков — старший. Двигаться на расстоянии ста метров. Манков, пулемет на кабину, сектор стрельбы — по ходу движения. Вон того рыжего возьми вторым номером. Ты и ты — арьергард. Расстояние пятьдесят

метров, ты старший! — Названные бойцы разбежались согласно приказу, остальные вернулись в кузов.

Через двадцать минут стемнело окончательно, пришлось послать бойца с фонариком, чтобы показывал дорогу — фары у грузовика не работали. Еще через час мы прибыли на место.

Выйдя из машины, я подозвал Голикова. Передовой дозор остановился на краю опушки, наблюдая за шоссе.

— Что там?

— Пусто, товарищ капитан. Только разбитая техника стоит, движения нет. С востока было слышно перестрелку, но быстро стихло!

— Да, немцы ночью спят, воюют по часам, мать их. Ладно, бери еще пятерых бойцов и выставь секреты, а мы пока танк поищем. Здесь он, рядом.

Голиков убежал отбирать себе бойцов, а ко мне подошел Карпов.

— Не видно ни хрена, товарищ капитан, — пожаловался он.

— Ничего, скоро луна выйдет, посветит. Так, сержант, мы прибыли на место. По рассказам разведки, до танка от развилки четыреста метров. Его загнали на пятьдесят метров в глубь леса. Там приметное дерево — дуб с обгоревшей верхушкой. Поэтому разбей бойцов на пары — и ищите!

Раздав ЦУ и выгнав водилу из кабины, я лег «поразмьшлять», но почти сразу был разбужен.

— Товарищ капитан, нашли, — тряс меня за плечо Карпов.

Сон мигом слетел. Зевая на ходу, я пошел за сержантом.

— Вот он, Суриков его уже осматривает.

В темноте показалась громада танка. В открытом люке мехвода то и дело мелькал луч фонарика.

— Ну что там? — спросил Карпов, заглядывая внутрь.

— Норма, Санек. Правда, аккумуляторы сдохли. Придется сжатым воздухом заводить. Заправить только и масло надо, — отозвался Суриков, вытирая руки ветошью.

— Старшина, что это за танк?

— Извините, товарищ капитан, не заметил вас. Да это «тридцатьчетверка». — В голосе старшины слышалась радость обладания любимой игрушкой. — Боекомплект полный, замок и прицел на месте. Снят только курсовой пулемет. По танку незаметно, чтобы он в бою побывал. Кстати, он командирский. Сейчас я вам башенный люк открою.

Внутри что-то звякнуло. Встав на гусеницу и держась за скобу, я легко взлетел на броню...

Старшина, подсвечивая фонариком, показывал мне машину. Башня танка мне как-то не понравилась сразу. Как будто ребенок вырезал из бумаги — маленькая, неудобная. Не то, что я видел на постаменте у танкового училища в Казани. Та сразу внушала уважение своей мощью и соразмерностью. В общем, та была красива и грациозна, а эта... Эх!

Слушая пояснения старшины, я осматривал боевое отделение. Казенник пушки, укладка со снарядами. Осмотрел место командира. Повернувшись к Карпову, велел подогнать полуторку и приступить к заправке, потом залез в танк. Сев на командирское место, покрутил штурвал наводки и задумался:

«Надо подобрать экипаж. Ну Суриков с Молчуновым — это понятно. Командиром я, а вот заряжающим Манкова поставлю. Он был заряжающим на Т-28».

Подготовив танк к маршу и поужинав сухим пайком, мы двинулись в обратный путь и спустя некоторое время благополучно присоединились к своим. До пяти утра осталось всего три часа.

«Хоть немного отдохнут», — подумал я, отправляя людей спать, а сам последовал за встретившим нас лейтенантом.

— Докладывайте, — приказал полковник, протирая глаза. По-моему, он так и не ложился.

— Танк в полном порядке. Бэка полный, экипаж подобран, рация исправна. Танк к бою готов.

Жестом велел мне садиться, Соколов указал на карту, расстеленную на сколоченном из ящиков столе и освещаемую давешним лейтенантом:

— Слушай сюда, капитан. Твоя задача такая: брод наши саперы облазили весь и утверждают, что мин нет. Передовой дозор был на том берегу — немцев там тоже нет, но посты я приказал выставить. Выдвигаемся в пять утра. Ты в передовом дозоре с ротой капитана Савельева. Переправитесь, займете оборону на этом холме. Будете прикрывать нас. При пересечении брода вас прикроет взвод сорокапятков. Все ясно?

Отправляясь спать, я услышал за спиной его тяжелый вздох:

— Эх, если б не раненые, мы бы уже к своим вышли!

— Товарищ капитан, пора! — тряс меня за плечо Манков. Я вылез из танка и спустился на землю. Солнце еще не взошло, но видно было все прекрасно. Подбежал Молчунов с пачкой галет в руках:

— Вот, товарищ капитан, сухпай дали, немного, правда...

— Все нормально, сержант. Все продовольствие раненым. Так, быстро завтракаем и готовим танк к бою!

Через десять минут появился связной: пора!

«Тридцатьчетверка», рыча двигателем на высоких оборотах, забиралась на бугор. Впереди шли красноармейцы роты, с которой мы будем прикрывать переправу. Командир роты в шлемофоне заряжающего стоял на броне рядом с башней и излагал свои соображения:

— Там на холме большая яма. Мои бойцы расширили ее, получился отличный капонир с круговым обзором. У меня там сейчас дозор с пулеметом находится, — кричал он. Мы непроизвольно морщились. Ну сколько раз объяснить, что благодаря чувствительности микрофона на шнуре его и так прекрасно слышно?! Все равно капитан непроизвольно повышал голос, пытаюсь перекричать рев двигателя.

Окоп и правда оказался неплохим, скрывая корпус так, что наружу торчала только башня.

— Глуши! — скомандовал я. — Манков, проверь сектор обстрела.

Танк, напоследок рыкнув дизелем, заглох. Послышался звук катков, когда башня повернулась вокруг своей оси. Наступила тишина, нарушаемая только скрипом, лязгом и матюгами — рота окапывалась. Повращав башней, Манков доложил:

— Норма, товарищ капитан. Но склоны холма в мертвой зоне.

— Ну тут мы вас прикроем, ни один немец не подобрется, — успокоил капитан. Вернув шлемофон башнеру, он спрыгнул на землю и пошел к своим бойцам, придерживая на ходу планшет.

Достав бинокль, я уселся на край люка и стал вести наблюдение. От брода, на котором уже показались разведчики на полуторке, проселочная дорога, огибая холм, пробегала мимо небольшой рощи, пересекала поле, засеянное рожью, и уходила прямо в лес, видневшийся в полутора километрах. Пропылив мимо холма, разведка скрылась за рощей.

Делать пока было нечего, и мне пришло в голову послушать эфир, благо «тридцатчетверка» оказалась оборудована радиостанцией. Передав Манкову бинокль вместе с соответствующими инструкциями, я согнал с места радиста и принялся крутить настройки, вслушиваясь в треск и шорох эфира.

— ...звездка прошла на хол... — неожиданно раздалось в наушниках. Говорили на немецком, который прекрасно знал Швед. — На холме русский тяжелый танк и до взвода пехоты. Даю наводку: квадрат...

«Черт, черт! Немцы не ждали нас у брода, а просто отошли на два-три километра, оставив разведку и корректировщиков с рацией, которых я сейчас только что слышал. Как только наши втянутся в ловушку, меня накроют тяжелые орудия. От прямого попадания никакая броня не спасет! Черт, черт. Черт!!!»

Я вылез из танка и побежал к пехотинцам. Их командир, выслушав новости, нахмурился, но на мое предложение покинуть холм отрицательно покачал головой:

— У меня приказ обеспечить проход. Без приказа не уйду. — И тут же крикнул: — Тухватуллин, ко мне! Беги к нашим, передай, что немцы устроили засаду. Скажи, что танкисты уловили по рации разговор корректировщиков. Брод не переходить, ты слышал? Брод не переходить! Передай, что жду приказов. — И, взмахом отпустив бойца, повернулся ко мне: — Что делать думаешь?

— Погибать под снарядами за просто так не собираюсь! Рвану вперед. Этого они от меня точно не ждут. Может, прихватчу сколько-нибудь немцев.

— Может, успеем к нашим отойти? После получения приказа?

— Не дадут нам отойти. Единственный шанс — это вперед.

Внимательно посмотрев на меня, капитан протянул руку:

— Не погибай зря и помни: мы победим!

Потом мы обнялись, и я рванул к танку, крикнув на ходу, чтоб заводили.

Экипаж на изменение обстановки отреагировал практически единодушно — руганью, после чего старшина Суриков высказался от имени всех:

— Приказывай, командир.

— Значит, так. Спускаемся по правому склону. Он крут, но спуститься сможем. Потом обходим рощу до тех стогов. Очень уж они для наблюдения стоят удобно. Дальше — по полю за полуторкой, слева от дороги. Ну а там дальше видно будет. Все, вперед, поехали!

Прежде чем закрыть крышку люка, я оглянулся на стоящего у выезда из капонира капитана, отдающего нам честь. Эта картина запомнилась мне надолго...

Рыча двигателем, машина спустилась с холма и, набирая скорость, рванула к роще. Манков, лязгнув затвором, зарядил осколочным. Объехав рощу, мы рванули к стогам и стали их давить один за другим. От четвертого вдруг брызнули в стороны люди в форме мышинового цвета. Коротко протрещал пулемет радиста. Развернув башню, я дал очередь из башенного пулемета.

«Три — ноль, наши ведут!» — мелькнула мысль.

Один за радистом, два за мной, сколько за мехводом, не знаю. Развернув танк, мы погнались прямо по полю в сторону леса. Подъезжая к опушке, я открыл люк и выглянул. В приборы наблюдения ни хрена не видно, поэтому приходится высовываться, чтобы оценить обстановку. Оглядевшись, заметил направленную на дорогу маленькую противотанковую пушку, около которой сустились немцы. Заорав: «Пушка справа!» — стал быстро разворачивать башню, но не успел. Танк подпрыгнул, вмяная орудие в землю, и, скрежеща металлом о днище, мы рванули дальше.

Я снова выглянул наружу, чтобы оглядеться. Метрах в трехстах от нас дорога ныряла в лес, и сквозь рев двигателя до меня отчетливо донеслись звуки стрельбы. Скомандовав мехводу двигать в ту сторону, захлопнул люк и стал наблюдать в перископ. Полторка разведчиков слетела на обочину и уткнулась капотом в куст. От кузова отлетали куски, из открытой кабины свешивалось тело водителя. Вдали было отчетливо видно дульное пламя пулеметов.

— Стоп! — заорал я и, наведя перекрестье прицела под правый пулемет, нажал на педаль спуска. На позиции немцев вырос куст разрыва. — Осколочный!

— Готово!

После трех выстрелов вслед отходящим гитлеровцам мы тоже сдали назад и заехали в кусты: хоть и похоже на то, что противотанковая пушка тут была только одна, но береженого бог бережет. Я откинул ремень и, чуть приоткрыв люк, осторожно выглянул — не хотелось бы получить пулю от какого-нибудь недобитка. Осмотрелся. Со стороны кювета к нам перебежками направлялись два бойца в пограничных фуражках — один с МП, другой с ППД в руках. Уже смелее открыв люк, выскользнул на землю, оставив шлемофон на сиденье.

— Вовремя вы, товарищ капитан. Спасибо. Еще бы немного, и нас гранатами забросали, — сказал тот самый старшина-пограничник, которого я видел, когда очнулся.

— Еще живые есть?

Старшина только головой покачал:

— Только мы, товарищ капитан. Остальных наповал, почти в упор били. Хорошо еще, что Журов их заметил и успел руль вывернуть. — И добавил: — Разрешите документы у наших забрать?

Кивнув, я задумался, что делать дальше. Но долго думать мне не дали. Километрах в трех вдруг залпом ударили пушки.

«Стопятимиллиметровки, — подсказала мне память Шведа. — Черт! Да они же наших перемальвают!»

Указав подбежавшим погранцам на танк и подождав, пока они заберутся на моторное отделение, приказал мехводу двигать напрямик в сторону немецкой батареи.

Несмотря на нехватку времени, погранцы успели неплохо прибаракхлиться: притащили две токаревские самозарядки и еще один МП, который я тут же отжал себе — не приведи бог, подобьют, так хоть будет, чем повоевать.

Переехав дорогу, мы рванули на максимальной скорости вдоль опушки в сторону бьющих орудий. Через два километра нам попался овраг, идущий поперек движения. Пришлось слезать и отправляться на осмотр.

«Так, с нашей стороны склоны пологие, пройти можно, но на ту сторону здесь не подняться... Зато вон там...» В бинокль место выглядело многообещающе. Точно, можно выехать. Приказав погранцам прикрыть нас, я вернулся в машину.

«Тридцатьчетверка», собирая складками ковер травы, осторожно сползла в овраг. Через километр-полтора овраг стал меньше, и орудия били как будто над головой. Приказав остановить танк, я отправил «десантников» в разведку. Поднявшись, они осторожно выглянули, и тут же старшина, обернувшись, активно замахал руками. Позвав с собой Суркова и прихватив автомат, я направился к погранцам.

На небольшом поле стояли две батареи стопятимиллиметровых орудий. Вдали под деревьями — грузовые машины, пара заправщиков и легковушка. В середине — две автоматические зенитки. Прямо у нас на глазах к одной из пушек подъехал грузовик со снарядами, и расчет принялся быстро его разгружать.

Быстро прикинув, что и как, принялся объяснять свой план:

— Суриков, поднимаемся здесь, и сразу останавливаешься. Я стреляю по зениткам. После второго выстрела двигаешь вперед и начинаешь давить пушки. У них нет ничего легкого, противотанкового, а эти дуры попробуй разверни, тем более под огнем. — Потом пришел черед погранцов. Их задача была совсем простой — прикрывать нас, не особо при этом высываясь.

Взревев двигателем, «тридцатьчетверка» мощным рывком выметнулась из оврага и тут же встала. Я навел прицел на крайнюю зенитку. Расчет замер, в изумлении глядя на нас. Выстрел. Черт! Разрыв вспух слева! Выстрел. Есть! Расчет второй зенитки быстро разворачивал свою спарку в нашу сторону. Выстрел! Хорошо, что старшина подзадержался с движением... Еще одно готово!

Пулемет радиста бил короткими очередями по расчетам ближайших орудий. Наведя прицел на грузовики, я скомандовал Сурикову короткую. Попал. Потом еще раз, еще... Шестой выстрел пришелся в грузовик со снарядами, и на месте стоянки разверзся ад. Даже нас тряхнуло. А уж какво пришлось расчетам тех гаубиц, до которых мы еще не успели добраться! Всякие попытки развернуть орудия в нашу сторону немедленно прекратились. Вдруг «тридцатьчетверка» дернулась и заглохла. В наступившей тишине послышался мат старшины. Нажав пуск, Суриков вновь завел танк, и опять все повторилось — двигатель заглох.

— Гусеница застряла, товарищ капитан, — объяснил мне очевидную вещь мехвод.

Покрутив перископом, я приказал Сурикову и Манкову оставаться в машине, а Молчунову — следовать за собой, после чего выбрался наружу. К нам подбегали пограничники:

— Отлично вы их побили, товарищ капитан!

«Да уж! — Глаза сами отыскивали несколько покачивающихся фигур в мышиноного цвета мундирах, поднявших руки, и лежащую на боку гаубицу. — Погуляли хорошо».

— Молчунов, что там? — спросил я радиста, осматривающего танк.

— Кусок щита попал в гусеницу, но если сдать назад, то освободимся, — отозвался сержант.

Выглядывающий из люка механика-водителя Суриков кивнул, и «тридцатьчетверка», рыкнув и выбросив облако черного дыма, медленно принялась сползать с орудия. Мы с радистом руководили этим процессом, указывая, в какую сторону повернуть. В это время пограничники, согнав пленников в кучу и усадив прямо на землю, нас прикрывали.

Освободив танк, я задумался: часть немцев разбежалась, сейчас нажалуются большому папе, что их тут обидели, и нам придется кисло. С другой стороны, отказываться от четырех уцелевших гаубиц... Увы, все же придется их уничтожить. Вот только как это сделать? Давить массой? Уже пробовали, чуть гусеницу не порвали. Тогда как?

В конце концов в голову не пришло ничего более умного, чем заряжать орудие, забивать ствол землей и стрелять, привязав к спуску длинную веревку. Правда, приходилось прикрывать отряженных на это дело погранцов корпусом танка... А пленных, пленных мы «отпустили». Бойцы еще не могли принять подобные методы, и мне пришлось продавить приказ на уничтожение противника.

Вернувшись в овраг, мы поехали дальше по нему и метров через сто наткнулись на немцев, мертвых немцев. Остановив танк, я велел пограничникам осмотреть их. Те быстро вернулись:

— Похоже, наши их, товарищ капитан. Ножам сняли. Ни документов, ни оружия нет. «Вот он, тот пост, который должен был тут быть! Ну и ладно!»

Разглядывая деревню в бинокль, я мысленно матерился. Слева река, справа пруд, переходящий в болото, дальше лес. Проехать можно только через деревню. В которой расположились немцы: пост с «колотушкой» и станковым пулеметом на въезде, за крайней хатой явно «штуга» спряталась — ствол кургузый торчит, пехота еще... Выход только один — на полном ходу проскочить, не ввязываясь в бой, а погранцы пусть идут в обход и встречают нас с той стороны. Ну или мы их — как получится. Дам им час форы, должны успеть. Передал бинокль Сурикову:

— Попробуем проскочить. Но сначала надо снести пушку, так что как выедем на открытое место, сделаешь короткую. — Старшина угукнул, не отрываясь от бинокля. — Потом жарь во всю железку. Жаль, не видно, что там дальше в деревне...

— Самоходка там, товарищ капитан, — подтвердил мои подозрения Суриков. — Но если немцы в ней не сидят, проскочим.

— Так то если не сидят...

Танк, медленно набирая скорость, выехал из леса, где мы прятались, на дорогу. «Тридцатьчетверка» замерла. Выстрел. Около пушки появился куст разрыва. Добавив еще снаряд, мы рванули вперед и проскочили пост. Вторая остановка — напротив замеченной ранее самоходки. Башня повернута заранее, так что наведение много времени не занимает... Выстрел!..

Впереди — улица, заполненная грузовиками, мотоциклами, легковушками. У здания, где раньше размещался сельсовет, скопление штабных машин. Из-за угла выворачивают два грузовика, набитых солдатами. Не помня себя, я заорал:

— ДАВИ-И-И!!! Дави сук! Дави тварей!!!

Танк, подпрыгивая и качаясь, вминал в землю, плющил технику и людей...

Мы выскочили из деревни и, раздавив вместе с артиллеристами противотанковую пушку другого поста, рванули по дороге дальше, не обращая внимания на щелчки пуль по броне. Въехав в лес, проскочили до развилки и...

— Стой! Бронебойным!..

Но было поздно, нас ждали. Удар, еще удар. Машина тряслась под попаданиями снарядов четырех немецких танков. Двигатель заглох, запахло гарью.

— Экипаж, из машины! — приказал я, наводя прицел под башню ближайшего противника. Смахивая кровь, текущую на глаза с рассеченного лба, нажал на педаль спуска. На месте Т-Ш вспух огненный шар. Явно рванул боезапас.

«Тридцатьчетверку» изрядно тряхнуло. Из последних сил перевалившись через край люка, я скатился по броне на землю и пополз в канаву за танком. Перед глазами все плыло. Вдруг меня кто-то подхватил под локти и потащил в лес. По лицу били ветки. Пытаясь прикрыться рукой, обнаружил, что держу МП. Тут деревья закружились, и я потерял сознание.

Мы уходили все дальше и дальше. С момента, когда немцы сожгли «тридцатьчетверку», прошло меньше суток. Очнулся я как-то внезапно, ночью. Шагах в пяти-семи неярко горел костер, над которым висел котелок, источающий приятный мясной запах. Около костра спали незнакомые красноармейцы. Один оперся рукой на «Максим» без щитка и, шевеля в такт свободной рукой, что-то негромко говорил бойцу в фуражке. Еще раз осмотревшись, я заметил человеческое тело, завернутое в плащ-палатку, лежащее рядом со мной и издающее легкое похрапывание. Попробовал приподняться, и сразу закружилась голова, начало подташнивать, что заставило меня со стоном рухнуть обратно. Храп сразу же прекратился, и на меня уставились обрадованные глаза Молчунова.

— Товарищ капитан, вы очнулись! — Вскочив на ноги, радист рванул куда-то вправо. Бойцы, разговаривающие у пулемета, обернулись на шум. В красноармейце с фуражкой я узнал старшину, который, легко вскочив и хлопнув по плечу собеседника, направился ко мне, но подойти не успел. Радист притащил за руку зевающую девушку в форме военфельдшера с двумя кубарями в петлицах, блеснувшими при свете костра. Присев около меня, девушка затараторила:

— Товарищ капитан, у вас контузия и легкие множественные осколочные ранения. Некоторые из осколков я удалила, когда вы были еще без сознания. Но несколько осталось — слишком мелкие.

Ну понятно. Это осколки брони, которые откололись при попадании бронебойной болванки.

Стараясь не коситься на голые коленки военфельдшера, торчащие из-под форменной юбки, я спросил, старательно прокашлявшись:

— Вода есть? Пить хочется!

Девушка сразу же достала из санитарной сумки фляжку и, не давая ее в руки, старательно напоила меня. Потом настала очередь похода в ближайшие кусты, а когда мы с помогавшими мне старшиной и радистом вернулись, фельдшерица уже спала, завернувшись в плащ-палатку.

Устроившись возле дерева, я велел рассказывать, что произошло за время моего нахождения в бессознательном состоянии. Рассказывал старшина:

— Мы с Полиповым расстались с вами там, у деревни. Обошли мы ее спокойно. Было правда, два парных патруля, но мы их обошли по краю болота. Когда вышли к дороге, где договорились встретиться, обнаружили моторизованную колону, стоящую на отдыхе. Хотели вернуться и перехватить вас на дороге из деревни, но не успели. Немцы, услышавшие бой в деревне, успели подготовиться. Пригнали танки, следовавшие во главе колонны. Вы выскочили из-за поворота на развилку прямо под их пушки. Как только вас подбили, мы подбежали к вашим бойцам, покинув танк. Потом к вам, когда вы успели выскочить из своего, прежде чем он загорелся. Мы открыли огонь по пехоте, прижимая ее к земле. Вас под руки подхватили ваши бойцы и потащили в лес. Повезло, что подбили на опушке и мы смогли оторваться от преследования... — И, замолчав, он наклонил голову.

Я понял, что кто-то не вернулся.

— Кто?

— Полипова на опушке, когда он нас прикрывал, скосило из танкового пулемета, а Манкова еще около танка в живот ранило. Он остался нас прикрывать. Минуты две слышали его СВТ, а потом разрыв гранаты. У него была одна. Отошли на два километра и сделали вам носилки и несли уже на них. Немцы нас не преследовали. Я пробежался вокруг и к месту боя, немцы там еще были, но в лес не заходили. К обеду встретили бойцов сто шестнадцатого стрелкового полка. Одиннадцать человек под командованием старшего лейтенанта Косолапова. Позвать его, товарищ капитан?

— Почему он сам не подошел, не представился?

Старшина пожал плечами:

— Мы не пустили, товарищ капитан. Вы не в том еще состоянии были. Сейчас позову. — Вскочив, он подошел к бойцу, с которым разговаривал у «Максима», и, наклонившись, что-то ему сказал. Мне вдруг как-то сразу захотелось есть. Я даже застонал от доносившихся от костра запахов. Радист, начавший клевать носом, встрепенулся:

— Что-то болит, товарищ капитан?

Отрицательно покачав головой, я велел ему ложиться спать. Завтра может быть тяжелый день. Согласно кивнув, радист тут же пристроился около одного из спящих красноармейцев и быстро уснул. Скрипнув сапогами, подошел незнакомый командир, плохо различимый в темноте, и, вытянувшись, представился:

— Старший лейтенант Косолапов. Командир комендантской роты сто одиннадцатой стрелковой дивизии.

— Доложите, старший лейтенант, как оказались в окружении.

— В боях под Смоленском дивизия попала в окружение. Командир дивизии приказал идти на прорыв. Собрав всех вокруг, мы пошли в атаку. Но вырвались единицы. Я сам не понимаю, как уцелел в той бойне. Через сутки я встретил группу бойцов из сто шестнадцатого стрелкового полка под командованием старшины Егорова и принял командование над бойцами.

Старшина-пограничник, обойдя Косолапова, подошел ко мне и подал миску с кашей с торчащей из нее ложкой. Взяв миску в руки и не обращая внимания, что она обжигает ладони, я стал быстро насыщаться, невольно вспоминая, когда последний раз ел. Чувствуя, что сейчас вырублюсь, я велел озаботиться часовыми и отдыхать, успев заметить напоследок, как старшина накрывает меня какой-то тканью.

Утро встретило меня прохладой и матерком, раздавшимся откуда-то слева. Скинув

влажную от росы ткань, оказавшуюся сложенной в несколько раз маскировочной сетью, и поеживаясь от утренней прохлады, я поднялся и огляделся. Мехвод и радист, накрывшись одной шинелью, спали рядом. Над давно прогоревшим костром висел котелок. Старшины не было видно. Ощувив острую необходимость посетить туалет, повернулся и чуть не споткнулся о сладко посапывающую девушку-военфельдшера. При этом обнаружил, что все еще одет в одни кальсоны, причем несвежие кальсоны.

«М-да, наверное, пахнет от меня... Надо организовать банно-прачечный день!»

Только выходя из кустов, заметил, что голова практически не болит. Так, небольшой звон в ушах плюс зуд по всему телу и под повязкой на груди. Обойдя девушку, я подошел к своей одежде и амуниции, сложенным аккуратной кучкой, поверх которой лежал МП.

«Да, мою форму спасет только костер», — подумал я, разглядывая дырки и сгустки крови на гимнастерке. Нательной рубахи не было. Видно, ее всю пустили на перевязку. Подняв галифе и встряхнув их, надел, затем накинул на себя ремни с подсумками и кобурой. Забрав из нагрудного кармана гимнастерки свое командирское удостоверение, положил его в карман галифе и направился в сторону ругающегося бойца.

Обойдя небольшой малинник, я обнаружил незнакомого старшину и двух бойцов, разбирающих пулемет Максима. Подошел к ним и велел представиться.

— Старшина Егоров, сто шестнадцатый полк, товарищ капитан.

— Красноармеец Истомин, сто шестнадцатый полк. Заряжающий второго орудия второго взвода усиленной противотанковой батареи.

— Красноармеец Вихров, сто шестнадцатый полк, наводчик второго орудия второго взвода усиленной противотанковой батареи.

— Капитан Михайлов, — представился я. — Командир танкового батальона, о чем вы, наверное, уже знаете.

Старшина тут же, кивнув, ответил:

— Да, товарищ капитан, ваши бойцы рассказали.

— Где старшина Васин?

— Ушел на разведку, часа полтора тому назад.

— Хорошо. Старшина, расскажите, что за люди собрались. Остальные продолжайте заниматься тем, чем занимались.

Бойцы вернулись к изучению пулемета, а мы со старшиной отошли к одинокой березе.

— Да там бойцы все наши, кроме товарища военфельдшера и товарища старшего лейтенанта, — принялся объяснять Егоров. — Мы с ними встретились два дня назад около какой-то деревни. И с товарищем военфельдшером, и с товарищем старшим лейтенантом.

Кивнув, я попросил старшину продолжать.

— Катков, Серов и Газеев — из автороты. Они к нам на батарею боеприпасы подвозили. Сомин и Уральский — ездвые. Иванов — исполняющий обязанности командира орудия, а Стасов — повар.

По словам Егорова, их полк был разбит на марше. Сначала авиация отметилась, потом и пехота с танками добавила. Куда шел полк, старшина не знал, но двигались они в сторону Днепра. Потом речь зашла об имеющемся вооружении:

— Мало чего мы унесли. Как танки появились, комбат приказал разворачивать орудия,

но не успели, орудия подавили танками. Кто успел спастись, разбежались по полю. Их расстреливали из пулеметов. Много там наших во ржи осталось. Раненых нет. «Максим», масксеть и немного продовольствия мы нашли вчера в небольшом брошенном артиллерийском доте, километрах в восьми отсюда, на перекрестке дорог. Очень удобное место и хорошо замаскированное. Немцы, которые непрерывным потоком шли мимо, его даже не заметили.

— Артиллерийском?

— Да, там стоит семидесятишестимиллиметровое орудие и полный погреб боеприпасов. Скважина с водой, продовольствие, под землей подведено электричество. Кубрик на десять человек.

— Почему не заняли дот, а ушли оттуда? — спросил я, на что старшина зло сплюнул:

— Товарищ старший лейтенант не разрешил! Приказал собрать продовольствие и уходить. Я просил остаться, врезать немцам, но он накричал на меня и сказал, что должен вывести людей из окружения целыми. Мне кажется, что он струсил. Ну а вечером, в сумерках нас нашел ваш старшина Васин и привел нас к вам на стоянку.

— Когда Васин вернется, немедленно отправьте его ко мне.

— Слушаюсь, — ответил старшина и, козырнув, направился к своим бойцам.

Проводив его взглядом, я задумался о том, что в любой группе окруженцев может оказаться немецкий диверсант. Швед тому пример. То, что старлей может оказаться подсадной уткой, вероятность есть. При этом, владея памятью Шведа, я знаю немалое количество лиц, проходивших подготовку и переподготовку в подразделениях Абвера. Тут мне пришла в голову мысль, как сдать нашим тех диверсантов, что были со мной.

Вернувшись на поляну, я объявил побудку. Народ, зевая, начал подниматься и приводить себя в порядок. Те, кто успел оправиться, пошли умываться к ближайшему ручью, о котором я не знал. Сходяв вместе с бойцами и приведя себя в порядок, я объявил построение. Откуда-то появившийся Косолапов построил людей и, отбив три уставных шага, доложил:

— Товарищ капитан, группа бойцов построена. Двое отсутствуют, стоят на посту.

Я смотрел на этого подтянутого командира и думал: «А здесь вообще русские есть?» В том, что он меня тоже опознал, я не сомневался. Вынырнувший из-за малинника старшина Васин отвлек мое внимание. Махнув рукой, чтоб подошел и доложился, я снова повернулся к Косолапову. Его настоящие фамилию и имя я не знал. Так, сошлись пару раз в спарринге. То, что его нужно валить, было понятно. Похоже, он тоже только сейчас меня опознал — до этого в сумерках не успел рассмотреть, зато наслушался рассказов о моих подвигах. Сейчас он наверняка решил, что так диверсанты себя не ведут и не убивают десятками солдат Вермахта. Поэтому мы, пристально глядя глаза в глаза, отслеживали движения друг друга. Напрягшись, я мысленно пробежал по своему вооружению. Пистолет отпадает — попробуй его из жесткой кобуры достать. Пистолет-пулемет: снять с предохранителя, взвести затвор — и пожалуйста, стреляй, если Косолапов даст на это время. То, что он волчара тертый, было видно по его движениям. У старлея кроме кобуры с табельным ТТ другого вооружения видно не было, но то, что оно есть, я знал точно: должен быть второй пистолет и два ножа, один из которых метательный. Подходивший Васин насторожился и, остановившись, начал пристально нас разглядывать, при этом сдвинув ППД, висящий на плече, так, чтобы ствол оружия смотрел на Косолапова.

В строю началось недоуменное шевеление. Потом под чьей-то ногой громко щелкнул сучок... Косолапов среагировал мгновенно, спиной вперед отпрыгивая в дальний конец поляны и швыряя в меня метательный нож. Мое тело, повинувшись рефлексам Шведа, рванулось в сторону, уходя с траектории броска, и тут же коротко и зло рявкнул автомат старшины-пограничника.

— Всем стоять! — закричал я, поднимаясь с земли. Готовый рассыпаться строй послушно замер. — Что, товарищи красноармейцы, — чувствую, как на лицо выползает кривая усмешка, — вражеских диверсантов никогда не видели? — По растерянными взглядами понимаю: нет, не видели. Не приходилось. Ничего, даст бог, больше и не увидят. — Так вот смотрите внимательно. Таких, как этот, специально подсылают в группы окруженцев для их уничтожения. Так что будьте бдительны!.. Егоров! — подзываю старшину-артиллериста. — Немца раздеть, тщательно обыскать. Особенно внимательно осмотреть все швы, подкладки, подошвы. У него должен быть отличительный знак с опознавательным штампом или кодом. Все, что найдете, покажите мне. Я буду у ручья. Все, старшина, командуй! Васин, Молчунов, Суриков, за мной!

Подобрав МП и дойдя до ручья в молчаливом сопровождении старшины и бойцов, я отыскал местечко поудобнее, уселся и приказал:

— Докладывайте.

Старшина, будто встряхнувшись, спокойно заговорил:

— Я попросил одного из часовых разбудить меня перед рассветом. Пробежавшись на семь километров на восток, обнаружил заброшенную лесную дорогу. По крайней мере, телега последний раз проезжала по ней пару суток назад. Пройдя параллельно дороге еще два километра, обнаружил небольшую деревушку на семнадцать дворов. Деревня находится на краю леса, в стороне от главных дорог, дальше начинаются засеянные поля и нет никаких укрытий. Я залез на самое высокое дерево на опушке и в ваш бинокль осмотрелся. Только поля. Леса дальше нет. Когда сидел на дереве, осмотрел также и деревню. Там стоит небольшой немецкий гарнизон, примерно около двадцати солдат. Видел одного офицера, живущего в самой большой хате. У них пост на въезде в деревню. Около хаты, где живут солдаты, стоят грузовик и мотоцикл с пулеметом. С краю деревни стоит большой сарай. Его охраняют два часовых, и туда носили еду в большом котле. Мне кажется, там наши военнопленные. Ну а когда вернулся, увидел это представление.

Отправив Молчунова с Суриковым смотреть за окрестностями, усадил Васина рядом и заговорил о недавнем инциденте:

— Косолапов был агентом Абвера. Задачи у них были выводить группы окруженцев на засады или, как в моем случае, выход из окружения и внедрение в какую-нибудь часть на штабную должность.

Заметив, что старшина невольно дернул плечом, хмыкнул:

— Что-то хочешь спросить?

— В вашем случае?

— Да, ты не ослышался. Я один из подобных агентов.

Пограничник нахмурился и покосился на МП, который я успел наполовину разобрать для чистки.

— Так вы немец, товарищ капитан? — В его голосе отчетливо слышалось недоверие.

— Нет, конечно, нет. Я из первого отдела ГУГБ НКВД, старший лейтенант. Еще 1

тысяча девятьсот тридцать девятом был внедрен в немецкую разведку. Большого тебе я, уж извини, не скажу, но разговор не об этом. Вместе со мной было освобождено несколько командиров на одном из хуторов...

Старшина кивнул, подтверждая:

— Я там был, товарищ капитан, и участвовал в бою с теми немцами. Мы освободили вас и еще четырех командиров.

— Да, двое из них, как и я, из полка «Бранденбург-восемьсот». Это капитан-пехотинец и старший лейтенант-мотострелок. Остальные двое, возможно, не диверсанты. Но оберст-лейтенант Шмайес, руководитель и организатор того спектакля, что был разыгран, гений многоходовых операций. Возможно, что это мы прикрытые для тех якобы невиновных командиров. Поэтому, старшина, слушай приказ. Тебе с самой возможной скоростью двигаться на соединение с нашими и передать то, что я сказал. Пусть их возьмут под самое плотное наблюдение. Да не мне их учить, сами разберутся. В общем, скажешь, что получил информацию от агента Сверчок. Это мой оперативный псевдоним. Отправишься вечером после захвата той деревни. Я решил освободить наших пленных, заодно продовольствия добудем побольше, чтоб не отвлекаться на проблему питания.

Раздавшийся неподалеку шум предупредил нас о приближении постороннего. Из-за деревьев показался старшина Егоров. Махнув рукой радисту, чтоб пропустил его, я стал ждать, когда старшина подойдет.

— Товарищ капитан, тело осмотрено, и обнаружены некоторые вещи. Они сложены около трупы.

Ощутимо напрягшийся Васин расслабился. Быстро собравшись, мы последовали за Егоровым.

Да, старшина подошел к обыску со всей тщательностью. Перед нами лежало совершенно голое тело, рядом с ним — кучка вещей.

— Я, товарищ капитан, его гимнастерку отдал Светочке, то есть военфельдшеру Беляевой. Она стирает ее и пришьет фурнитуру в соответствии с вашим званием. Вы вроде одной комплекции. Так вот, в гимнастерке мы нашли только удостоверение на имя Косолапова, в галифе, в правом шве кармана нашли вот эту тряпочку. — И Егоров протянул мне небольшой серый лоскут со штампом и надписью на немецком, что обладатель сего является агентом разведки за номером таким-то и что о нем следует немедленно сообщать в ближайший отдел Абвера. Хмыкнув, я объяснил, что там написано, и положил эту тряпочку себе в карман.

— Еще что было?

— Да, в сапогах, в специальных кармашках мы нашли еще два удостоверения на разные имена и звания.

Кивнув, я приказал снова построить людей.

— Ну что ж, давайте снова познакомимся. Я капитан Михайлов из девятнадцатой танковой дивизии. Как старший по званию, я принимаю командование на себя. Старшина Васин будет отвечать за разведку, старшина Егоров — по хозяйственной части, старшина Сурков формирует два отделения стрелков. Первым отделением будет командовать он сам, туда войдут все водители. Младший сержант Молчунов командует вторым отделением, пока не появятся нормальные сержанты. Выдвижение через час. Сурков! Позаботьтесь о трупы. Васин, Егоров, за мной!

Обойдя тело немца, мы отошли к Беляевой, сидящей на маскети, которой я укрывался

ночью. Разрешив старшинам сесть, я поинтересовался, кто хорошо обращается с пулеметом. Оказалось, что из рядовых бойцов никто. Ну не было у артиллеристов «Максима», не изучали они его! Велев Егорову подобрать расчет и назначив его старшим, я приказал Васину разработать маршрут движения к деревне, а также прикинуть расположение сил для штурма.

Отпустив старшин, я повернулся к медику, занимающейся моей в скором будущем гимнастёркой, и попросил девушку рассказать о себе. Военфельдшер подняла голову от шитья.

— Я, товарищ капитан, из отдельного медсанбата, входящего в состав девятого мехкорпуса. Была на должности второго хирурга. Четыре дня назад в село, где находился наш медсанбат, ворвались немцы. — Девушка опустила голову и заплакала. Немного успокоившись, она продолжила: — Когда немцы захватили медсанбат, я была в хате, где стояла на постое еще с двумя девушками. Переодевалась после дежурства. Было очень много раненых. Они убили всех раненых. Всех! А с женщинами сделали такое!.. Меня спрятала тетя Дуся, у которой мы жили. Вечером, когда стемнело, она помогла мне выбраться из села, дала еды на дорогу. Потом, на следующий день, я встретила товарища старшего лейтенанта Косолапова.

Я уточнил:

— Сама встретила или он вас первый увидел?

— Он первый подошел, я его сразу не заметила. Он на меня еще так странно смотрел.

Еще бы. Странно, что он ее еще там не трахнул. Свидетелей нет, делай что хочешь. Немецкие солдаты так и делали с нашими девушками-военнослужащими. Тряхнув головой, я велел описать подробно их встречу и встречу с бойцами старшины Егорова, что делал и как вел себя Косолапов.

— Встретились мы на дороге.

— Вы что, по дороге шли?! — поразился я.

Девушка недоуменно на меня посмотрела:

— Конечно, так же удобней!

Да, странно, что она раньше немецким патрулям не попалась.

— Я пряталась, если что-нибудь слышала.

Вздыхнув, велел ей продолжать.

— Так вот, я шла по дороге, которая проходила через поле. Когда услышала мотоцикл и увидела пыль, спряталась во ржи. Мотоцикл проехал недалеко, потом остановился и поехал дальше, а через некоторое время я встала и пошла дальше. Потом меня окликнули, и ко мне подошел Косолапов. Представившись, он сказал, что тоже прятался от немцев, и предложил идти дальше вместе. Вечером мы встретились с группой старшины Егорова. Мне кажется, что Косолапов сперва был расстроен, а потом ничего. Даже рад. Сразу командовать начал. Все, товарищ капитан. Я закончила. Вот, наденьте. — И она протянула мне еще сырую гимнастёрку.

Одевшись и накинув всю амуницию, я подвигался. Немного жало в плечах, но в принципе нормально. Велев Беляевой собираться, я пошел к бойцам. Лагерь был уже свернут.

Подойдя к кучке обмундирования, оставшегося от Косолапова, взял фуражку. Вот теперь я в полной форме.

Подбежал Сурков:

— Товарищ капитан, отряд к выходу готов.

Козырнув в ответ, я приказал Васину выдвинуться в головной дозор и велел выступать.

Атаковать я решил в полдень, когда немцы расслабятся после приема пищи, а пока наблюдал за деревенской жизнью в бинокль. Жизнь как жизнь: кто-то в огороде копается, кто-то дрова колет. Мужиков не видно. Ребяшня собралась стайкой и направилась куда-то по своим важным делам...

Посмотрев на часы, я кивнул штурмовой группе, в которую вошли бойцы с пистолетами-пулеметами и несколько гранатометчиков, и мы поползли к посту на въезде в деревню...

Из-за плетня показалась голова Васина. Характерным жестом старшина показал, что с часовым покончено. Мы разделились и огородами двинулись к намеченным целям. Мой план был прост: пограничник со своей группой забрасывают гранатами хату, в которой немцы устроили казарму, и стараются захватить неповрежденными транспортные средства. Я же со своими берем офицера и освобождаем пленных. Соответственно распределили и силы: с Васиным пошли три гранатометчика, а со мной — автоматчик. Остальные бойцы остались за пределами деревни, прикрывая нас.

Чтоб добраться до дома, где находился офицер, нужно было пересечь главную улицу. Спрятавшись за плетнем, мы стали наблюдать за интересующим нас двором, где толстый немец резал курицу. Отрубив птице голову, фриц отдал ее хозяйке. Дородная женщина лет пятидесяти взяла курицу и ушла с ней за дом. Немец отправился следом.

Осторожно высунув голову за забор, я быстро огляделся и, махнув бойцу, рванул через дорогу. И только оказавшись под стеной нужного дома понял, какой же я идиот — прямо перед моим носом высилась здоровенная собачья конура. И если даже ее обитатель не залает, поднимая тревогу, а просто бросится...

— Пристрелили! — выдохнул кто-то мне в затылок.

— Что?

— Говорю, немцы пристрелили. Собаку, — пояснил напарник, сжимая пистолет-пулемет. — Они такое любят.

— А-а-а... — С души как будто свалился тяжелый груз. Что ж, пристрелили так пристрелили. Им же хуже.

Прижавшись к срубам, я осторожно выглянул за угол: женщина, сидя на скамейке, ощипывала курицу, а вот денщика не было видно. Плохо. Пока с ним не разберемся, брать офицера нельзя. А время тикает. Еще немного, и Васин начнет работу, и тогда...

Дверь погреба отворилась, и оттуда показался толстяк, осторожно несущий глиняную посудину. Слава богу! Вот теперь можно начинать!

Метательный нож, доставшийся мне в наследство от Косолапова, воткнулся немцу в горло, и тот осел, булькая и хрипя. Обернувшись на шум хозяйка охнула и начала креститься. Быстро добежав до гитлеровца, я добил его, после чего показал знаками женщине, чтобы молчала. Толстуха понятиливо закивала, прикрыв рот рукой и глядя на нас выпученными глазами. Подойдя поближе, шепотом спросил, где офицер. Оказалось, что он «почивать изволит». Крестьянка хотела еще что-то добавить, но я спешил — время поджимало. Подкравшись к крыльцу, тихонечко просочился в сени, оставив бойца на улице в

прикрытии. Потянув ближайшую дверь, я оказался на кухне. Пройдя дальше, стал осматривать комнаты. Первая оказалась запертой, а во второй обнаружился спящий человек, развалившийся на кровати. Аккуратно сложенная на стуле форма подтвердила, что это тот, кто мне нужен.

Подойдя, я достал из висящей на спинке стула кобуры пистолет — такой же «парабеллум», как и у меня, — потом обернулся к немцу и аккуратно приложил его по голове. Проверив пульс, перевернул офицера на живот и связал руки его же ремнем.

В этот момент снаружи послышались разрывы гранат, а затем стрельба. Похоже, старшина начал. Выскочив из дома, мы с напарником огородами рванули к сараю с пленными. Часовой, обнаружившийся там, стискивал в руках карабин и нервно крутил головой, пытаясь сообразить, что происходит. Из-за поворота вдруг выбежали три немца и со всей возможной скоростью рванули вперед, крича на ходу, что на них напали русские. Я велел напарнику валить часового, а сам занялся бегущими. Красноармеец не сплеховал, и очень скоро перед сараем валялись четыре тела.

— А теперь — контроль!

Само собой, пришлось сначала объяснить, что это такое и зачем нужно, а потом проследить за исполнением.

Боец справился. Только побледнел слегка.

— Товарищи, товарищи, мы здесь!

«Так, а это еще что такое?!» — мысленно взвыл я.

Быстро обыскав труп часового и забрав ключ, я отпер здоровенный висячий замок, распахнул двери и едва не был сметен нахлынувшей волной освобожденных пленников. В юбках.

Надежды усилить свой отряд развеялись прахом...

В сарае находились девушки. Причем как в форме Красной армии разных родов войск, так и в гражданке. Девятнадцать человек, и все как на подбор — красавицы. Судя по всему, немцы набирали обслуживающий персонал в бордель, и мы им это дело испортили.

Когда нас наконец перестали обнимать и целовать, я приказал бойцу раздать оружие убитых немцев и оставаться на месте для обороны сарая со всем содержимым, назначив его старшим. И уже собрался уходить, когда ко мне протолкалась одна из освобожденных в форме со знаками различия сержанта связи:

— Товарищ капитан, у нас Аня пропала. То есть старший сержант Светикова. Ее забрали вчера немцы.

Пообещав обязательно найти эту самую Светикову, побежал к старшине. Стрельба вот уже минуту как стихла. Добежав до поворота, встретился с одним из бойцов Васина, бегущим навстречу. Боец доложил, что все немцы уничтожены, потери — убит один из гранатометчиков. Отослав его вызвать из леса остальной отряд, я, уже не торопясь, направился к Васину.

Нашел я его во дворе разгромленной казармы. Выбитые окна, свежая щепка, во множестве отколовшаяся от сруба, показывали, что тут шел ожесточенный бой. Пограничник сидел на завалинке, а Беляева бинтовала ему руку. Кстати, откуда она здесь взялась?! Я же ей строго-настрога приказал оставаться в лагере, который мы разбили в полукилометре от деревни!

В это время показался Суриков со своими бойцами. Подозвав его взмахом руки, я велел

выставить посты, отправить одного бойца караулить пленного и помочь Васину разобраться с трофеями. Заодно пообщаться с местными на предмет кормежки. При этом стараться не реквизировать продукты, а выменивать на что-нибудь.

Выдав ЦУ, повернулся к Беляевой:

— Какого вы, товарищ военфельдшер, не слушаетесь приказов?! Вам что, устав не писан?!

Беляева втянула голову в плечи и виновато смотрела на меня.

— Товарищ капитан, — пришел ей на помощь пограничник, — товарищ военфельдшер очень нам помогла, она перевязала всех раненых, отчего они не истекли кровью, и еще...

— Так, хватит защищать! Что сделано, то сделано. Что с рукой? — В моем голосе явно чувствовалась тревога.

Старшина виновато сказал:

— Извините, товарищ капитан. Случайно пулю словил, но ничего серьезного. Так, кожу содрало!

Беляеву я назначил командовать санвзводом, приказав сформировать его из освобожденных девушек. Не бросать же их просто так. Нет, местных, конечно, если таковые отыщутся, по домам отправим, а вот остальных придется с собой тащить. Не было печали, что называется...

Объяснив, где меня можно найти, я вернулся в хату с офицером. Запертая ранее дверь теперь была открыта, а из спальни, где находится гитлеровец, доносился голос:

— ...пусти же, я его все равно убью! Пустите!

В комнате меня ждала следующая картина: боец, отправленный сюда для охраны пленного, с трудом удерживал бьющуюся в его руках девушку в форме с эмблемами старшего сержанта войск связи. Увидев меня, он обрадованно доложил:

— Товарищ капитан, ваше задание выполнено! Немец цел и невредим!

Обернувшаяся девушка, оказавшаяся удивительно красивой светловолосой особой с припухлыми губами и дорожками слез на лице, бросилась ко мне и, схватив за гимнастерку, начала кричать, чтобы мы убили немца. После чего, не выдержав, расплакалась.

Подождав, когда она немного успокоится, я пообещал отдать ей фрица после допроса и отправил к сараю, в распоряжение Беляевой.

Гитлеровец в себя так и не пришел — то ли череп у него оказался недостаточно крепким, то ли удар получился слишком сильным. Отправив бойца за водой, я, пока тот ходил, осмотрел кровать. Это оказался монстр образца начала двадцатого века — с плетеной пружинящей сеткой и никелированными шарами на решетчатых спинках. И веревками, назначение которых легко угадывалось.

Освободив руки немца от ремня, я зафиксировал его на кровати и жестом приказал успевшему вернуться бойцу «освежить» клиента. Ни слова не говоря красноармеец опрокинул принесенное ведро на гитлеровца. Фриц дернулся, застонал и открыл глаза, уставившись на меня мутным взглядом. По мере понимания ситуации его лицо бледнело все больше и больше.

Взяв в руки лежащий на столе зольдбух, я открыл его:

— Ну что, лейтенант Миллер, поговорим?

Через полчаса, которые занял допрос, немец сошел с ума и теперь монотонно выл, время от времени дергая руками. Впрочем, еще находясь в ясном уме, лейтенант успел рассказать многое...

Особо поразмышлять о своем попадании у меня все как-то не было времени, постоянно в движении, в бою или без сознания. Сейчас, наблюдая за корчившимся в припадке немцем, я думал, что делать дальше. Нет, что делать с отрядом и куда двигаться я уже просчитал. Аналитик я был неплохой, еще в той жизни, но что делать МНЕ самому? Как вернуться обратно? Нет, мне, конечно, все это безумно нравится, еще бы, такой треш и приключения, но не навсегда же это? Хорошего понемногу. Одно радует, никаких рефлексий у меня и в помине нет от подобных приключений.

Встряхнув головой, я убрал документы офицера в карман и, проверив, как сидит фуражка, резко повернулся, направляясь к выходу.

Во дворе собрались почти все, кроме часовых, и теперь прислушивались к происходящему в доме. Светикова тоже была здесь. Она стояла, обнявшись с той сержанткой из сарая, и что-то ей рассказывала. Заметив мое появление и дождавшись разрешающего кивка, девушка сдернула с плеча трофейный карабин, уверенно дослала патрон и отправилась вершить справедливый суд.

Не обращая больше на нее внимания, я направился к старшинам, стоявшим отдельной группой.

— Товарищ капитан... — начал было докладывать Егоров, но раздавшийся из дома звук выстрела заставил его вздрогнуть и замолчать. Смущенно прокашлявшись, старшина начал заново: — Товарищ капитан, мы взяли трофеями два грузовика, один из которых наша полторка. Она стояла вон за тем сеновалом, поэтому мы ее сразу не заметили. Оба грузовика целые и на ходу, заправленные под пробку. Еще один мотоцикл с пулеметом. Захвачено три автомата, два пулемета и двадцать один карабин, два пистолета и сорок семь гранат, боеприпасы тоже есть. Трофейным оружием вооружили пленниц, тех, кто просился к нам, числом в четырнадцать человек. Остальные местные, уже разошлись по домам. Взято пять целых комплектов немецкого обмундирования.

— Отлично, в доме заберите форму офицера тоже, пригодится. Выдвигаемся через полчаса. Старшина, вы подобрали водителей для машин и мотоцикла?

— Да, товарищ капитан. Серова на трофейный «Опель», Каткова на полторку, а Газеева на мотоцикл. Он, оказывается, на гражданке участвовал в мотогонках. — Егоров уставился мне за спину.

Обернувшись, я увидел выходящую из дома Светикову с застывшим лицом. За ней вышел Васин и, посмотрев вслед девушке, направился к нам. Велев подошедшей Беляевой присмотреть за Светиковой, вернулся к разговору:

— Старшина, вы узнали, все ли немцы присутствуют в деревне?

— Нет, товарищ капитан. Мы так и не нашли трех солдат.

— Можете не искать. Они на посту в четырех километрах отсюда. Я допросил офицера, и он рассказал о бронетехнике, брошенной неподалеку нашими войсками из-за нехватки горючего. Эту бронетехнику уже три дня, как должны были забрать немецкие трофейщики, но у них нет времени. Слишком много трофеев, поэтому там и находится охрана. В общем, собираемся и едем туда. Старшина, грузовики с тентом или без?

— «Опель» с тентом, полуторка нет.

— Ясно, сколько у нас запаса горючего?

— Четыре двухсотлитровые бочки. Одной мы воспользовались, так что где-то около семисот пятидесяти литров.

— Маловато, конечно, но что есть. Значит, сделаем так! Всех водителей одеть в немецкую форму. Значит, понадобится три комплекта. Впереди едет мотоцикл с пулеметчиком. Я поеду в офицерской форме на «Опеле» с девушками, им дадим МГ с расчетом для охраны на всякий случай, за мной полуторка с бойцами. Пусть на кабину поставят последний МГ, а расчет тоже переоденут. Остальным лечь на дно кузова и не высовываться. Выдвигаемся через десять минут. Васин, командуй погрузкой.

Однако старшины остались на месте, переминаясь и переглядываясь. Минуты две я ждал, потом наконец Васин решился:

— Товарищ капитан, а что немцы хотели сделать с нашими девушками?

— Бордель они хотели сделать, офицерский бордель.

Старшины зашумели.

— Да как такое возможно, товарищ капитан?! — выразил общее возмущение Егоров.

— План «Ост», старшина. Все народы славянского происхождения являются для немцев недочеловеками без прав. А они же — сверхлюди, и мы для них рабы, не более. Так что никто согласия девушек спрашивать и не собирался, они для них рабыни. План «Ост» был подписан лично Гитлером и некоторыми важными чиновниками из правления страны. Ладно, некогда сейчас об этом. Потом напомните, я подробнее расскажу.

Неторопливо пыля по проселку, мы направлялись к брошенной колонне. В душе я надеялся, что трофейщики до нее еще не добрались, хотя немецкий лейтенант сказал, что они вот-вот должны прибыть. Колонна еле ползла под палящими лучами солнца, а вокруг колыхалось под легким ветерком море пшеницы, вымахавшей почти на метр. Вдруг на золотистом фоне мелькнуло что-то темное. Велев Серову остановиться, я попытался осмыслить увиденное. Похоже, голова. Точно! Кто-то прячется в пшенице. И этот кто-то явно не немец, поскольку тем у себя в тылу опасаться вроде как нечего.

Открыв дверцу «Опель-Блица», я спрыгнул на землю и, сделав пару разминочных движений, со скучающим видом подошел к полуторке, в кузове которой лежал Васин.

— Старшина, в поле метрах в двухстах от нас я заметил прячущегося человека. Немцы прятаться не будут, у них тут уже глубокий тыл, так что это точно наш. Ты в нашей форме, сходи узнай. Мне бойцы нужны, а не юбочное войско.

Старшина, мягко выпрыгнув из кузова, широким пружинистым шагом направился в указанном направлении. Удалившись метров на сто пятьдесят, он остановился и после небольшой заминки взял левее. Бойцы с пулеметом его прикрывали.

Наконец Васин остановился и минуты две не двигался с места, вроде бы с кем-то разговаривая. Потом рядом с ним встал человек в форме командира. Поправив фуражку, он в сопровождении старшины направился ко мне. Когда командир приблизился, я разглядел в его петлицах майорские «шпалы», поэтому, козырнув, представился первым:

— Капитан Михайлов, командир группы окруженцев. Здравствуйте, товарищ майор.

— Исполняющий обязанности начальника штаба сто третьей стрелковой дивизии, майор Даниличев.

После короткой беседы мы решили объединиться, и через полчаса майор привел почти три десятка человек — сколько сумел собрать за неделю. Двоим из них я очень обрадовался — младшие лейтенанты-танкисты в изрядно потрепанной ползанием по немецким тылам форме. Еще из командиров был капитан-летчик. Никого из этих троих Швед не знал, так что я успокаивающе кивнул Васину. Однако тот все же продолжал держаться так, чтобы не выпускать их из поля зрения.

Первым представился летчик:

— Капитан Крылов, сто шестнадцатый ближнебомбардировочный полк. Командир эскадрильи.

— Младший лейтенант Садков. Следовал к месту службы. Не доехал, началась война.

— Младший лейтенант Серов, мы вместе с Садковым из одного училища.

Посмотрев на машины, майор спросил, куда мы направляемся. Я объяснил. Потом предложил оставить девушек здесь, под охраной, и на двух грузовиках съездить к колонне. Даниличев согласился.

С трудом высадив девушек — они почему-то не хотели с нами расставаться — и отобрав бойцов для захвата техники, мы отправились дальше.

Колонна выглядела на удивление целой — ни следов бомбежки, ни следов артогня. Машины аккуратно припаркованы на обочине. Странно. Немцев, которые должны были охранять технику, тоже не видно.

Я приказал Серову остановиться. Что-то было не так. Не было часовых. Присмотревшись, разглядел в тени танка Т-28 тело человека, одетого в форму Вермахта. Похоже, кто-то из наших отметился, и они не успели уйти...

Танковая пушка немного сдвинулась. Совсем плохо. Если у неизвестных сдадут нервы и начнется стрельба, нам придется кисло. Я вылез из машины, скомандовал своим, чтобы оставались на месте, и не торопясь пошел к колонне, помахивая белым носовым платком — черт знает, а вдруг поможет...

Когда я миновал БА-10 с задранной вверх пушкой, сбоку раздался шорох. В тени броневика стоял пограничник и целился в меня из ППД. Ярко-синие глаза пылали ненавистью.

— Капитан Михайлов, девятая танковая дивизия, командир батальона. Старшего позови, — приказал я и, отвернувшись, принялся демонстративно рассматривать технику. Т-28 явно с рембазы, на моторном отделении видна заплатка. Один БА-10 с сорокапятимиллиметровой пушкой и восемь грузовиков.

Снова послышался шорох. Теперь из тени на меня смотрел лейтенант-пограничник. Опять пограничник! Как будто других войск нет!..

Я снова представился, а потом нахально заявил:

— Чужое брать нехорошо, товарищ лейтенант.

— Вы, товарищ герр лейтенант, сначала документы покажите, а потом командуйте! — окрысился погранец.

Минуты две он чуть ли не обнюхивал мое удостоверение, потом вернул его:

— Все в порядке, товарищ капитан. Вы за техникой?

— Ну а зачем же еще?! Конечно, за техникой! Не люблю пешком ходить. — И,

повернувшись к своей колонне, несколько раз махнул рукой.

Когда машины подъехали и из них стали выпрыгивать бойцы в советской форме, лейтенант заметно расслабился. Я же тем временем начал отдавать приказы:

— Садков, принимай броневедомство. Серов, на Т-28 наводчиком пойдешь. Суриков и Молчунов — туда же, и подберите остальных для экипажа. Серов старший. Егоров, осмотреть машины, что там за груз, и доложить. Васин, выставить наблюдателей, чтобы нас врасплох не застали, — сразу же стал командовать я, как-то забыв, что Даниличев старший по званию.

Летчику тоже нашлась работа — съездить на одном из освобожденных грузовиков за оставленными девушками.

Пока личный состав работал, мы с подошедшим майором беседовали с лейтенантом. Фамилия его была Соколов, он служил заместителем командира заставы и сейчас выводил остатки своих людей на соединение с частями Красной армии, и когда ему предложили объединиться, долго не раздумывал.

— Ну что ж. — Даниличев достал карандаш и блокнот. — В таком случае, товарищ лейтенант, доложите, сколько вас и чем вооружены.

— Семнадцать бойцов, товарищ майор. Из них шесть моих бойцов, с моей заставы. Остальные из стрелкового полка, что должны были нас усиливать в случае беспорядков на границе.

Я спросил:

— Новенькие были? Бойцы, которых вы не знаете?

Лейтенант посмотрел на меня и с небольшой заминкой ответил:

— Был один, дней шесть назад подобрали мы одного бойца из БАО. Так он на следующий день исчез, а на нас немцы вышли. Два дня не могли от них оторваться. Семерых потеряли.

Майор продолжал задавать вопросы, а меня отвлек звук запускаемого двигателя. Оставив беседующих командиров, я направился к танку. Подойдя к люку механика водителя, шлепнул рукой по макушке Суркова и прокричал:

— Давай, старшина, обрадуй меня. Что с танком? То, что двигатель в норме, я слышу.

— Норма, товарищ капитан. Видно, он только что из рембата, а как он на ходу, в дороге увидим!

Подтвердив кивком, что понял, я взобрался на башню танка, заглянул вовнутрь и сделал знак сидевшему на командирском месте Серову вылезать. Потом спрыгнул на землю и приказал Сурикову заглушить мотор, чтобы можно было спокойно говорить. Взвывая, двигатель стих. Сразу же появились звуки, вместе с ними и родной мат. Велев Серову и подошедшему Егорову подождать, отправился выяснить один важный вопрос, который мы как-то упустили: кто будет главным.

Майор долго не раздумывал:

— Лучше, товарищ капитан, если командовать будете вы. Я — штабист. На штабной работе с самого училища. У меня просто нет опыта.

Что ж, честно и прямо. Все же встречаются нормальные люди в этом времени, что бы там ни писали через много лет всякие так называемые «историки»...

Договорились, что Даниличев возьмет на себя обязанности начальника штаба, раз уж это дело ему хорошо знакомо, и попутно назначили лейтенанта Соколова начальником разведки. Сообщив погранцу эту новость и предупредив, чтобы не трогал Васина, я вернулся к бойцам, принимать доклады о состоянии техники.

— Все в порядке, товарищ капитан. Замки на месте, боекомплект полный, все согласно штату, — доложил Серов. Велев ему продолжать заниматься танком, я повернулся к старшине:

— Что с машинами?

— В четырех снаряды к семидесятишестимиллиметровым орудиям, в одной к сорокапяткам, в остальных всякое вещевое довольствие: гимнастерки, галифе, ремни и так далее. Судя по следам, машин было на две больше. Похоже, слили бензин, сколько осталось, и уехали.

— Двигатели проверили?

— Сейчас проверяем, товарищ капитан. Но вроде все работают.

На передний план вдруг выплыла мысль, долго ворочавшаяся на периферии сознания: а водители? Наследство нам досталось богатое, но как его утащить?

На десять грузовиков, танк, бронемашину и мотоцикл у нас было всего шесть профессиональных водителей, семь — которые могут и трое — которые знают как. В общем, засада с водителями. Вспомнив, как командуют наши офицеры в будущем, я просто отдал приказ найти водителей майору Даниличеву, с наказом «хоть из-под земли».

Когда с вопросом «Что брать?» наконец-то разобрались, я собрал командиров на короткое совещание.

— Прошу внимания, товарищи. Вот здесь, — я ткнул пальцем в точку на трофейной карте, — на базе бывшей МТС немцы развернули ремонтный пункт, на который стаскивают всю поврежденную технику, включая нашу. В двух километрах севернее, в деревне стоит немецкий гарнизон численностью около взвода. Вообще, по имеющимся сведениям, войск противника в этом районе немного — все, что можно, гитлеровцы бросили на прорыв нашего фронта. Мы этим воспользуемся и для начала захватим бывшую МТС. Там должно быть горючее. Затем...

Меня прервал подбежавший боец, доложивший о приближении противника.

— Сколько?

— Немного, товарищ капитан. Пыль мешает, но вроде один тягач и два грузовика.

— Оп-па! Мышки сами в капкан едут. ВСЕ! ВНИМАНИЕ! Делаем вид, что колонна брошена! Всем, кто в трофейной форме, стоять на виду и вести себя естественно! Остальные прячутся и готовятся к бою. И главное — по машинам и водителям не стрелять, они мне нужны целые и живые.

Даниличев не справился с заданием. И хотя за руль одного из грузовиков он хотел сесть лично, две машины оставались без шоферов, так что немецкие водители нам могли пригодиться.

Над дорогой стало тихо. Вдали показалась колонна техники и, густо пыля, стала приближаться к нам. Я стоял на обочине возле мотоцикла, в котором, делая вид, будто что-то ремонтирует, возился Газеев.

Шедший первым тягач остановился, из его кабины выскочил немец в форме

фельдфебеля и, поправляя на ходу пилотку, подбежал ко мне. Вытянувшись, он доложил:

— Герр лейтенант, фельдфебель Леманн прибыл для эвакуации трофейной техники!

Согласно приказу командира технической роты капитана Кляйна!

Лениво козырнув в ответ, я представился:

— Лейтенант Хофманн, командир взвода. Фельдфебель, постройте солдат. Я хочу обратиться с речью.

Когда Леманн выстроил своих подчиненных — их оказалось всего шестнадцать — я приказал встать в отдельную шеренгу тем, кто может водить автомашины, таких набралось пятеро. Лемман быстро распределил солдат в две шеренги, кивнув, что все в порядке, я спокойно подошел к нему и вырубил ударом кулака в висок, после чего быстро упал на дорогу. Раздался залп. Надо мной засвистели пули. Перекатившись вбок, вскинул МП, но стрелять было уже не в кого. Техники попадали убитыми, а водители, как я и приказывал, стояли живые, хоть и в полном обалдении. Увидев подбегающих красноармейцев, я сразу стал раздавать приказы:

— Живых вязать, убитых проверить, раненых добить. — Шесть бойцов бросились к стоявшим в некоторой прострации водителям, еще трое начали осматривать трупы. — Вы пятеро проверьте технику. Остальным занять оборону. Столпились, как стадо баранов, одной очередью срезать можно!

Тут же закричали, отдавая приказы, младшие командиры, разгоняя бойцов по местам...

* * *

— Вот здесь, товарищ капитан, — Соколов быстро чертил выпрошенным у начштаба карандашом на листке из блокнота, — находится сборный пункт разной техники. Там танки, броневики, грузовики, пушки и трактора. Вот тут и тут посты, вот здесь пулемет. — Показывая на плане обстановку, Соколов то и дело косился одним глазом в сторону девушек, собравшихся около остановившихся машин. — Вот тут казарма, вот здесь столовая и рядом склад с запчастями. Вот здесь, справа, как фельдфебель и говорил, находится сарай с нашими пленными. Если вот тут установить два пулемета, то весь двор будет под огнем.

Всматриваясь в чертеж, я спросил:

— Часовых снять сможете?

— Да, товарищ капитан, снимем.

— Всех немцев успели разглядеть?

— Нет, товарищ капитан. Восьмерых недосчитались. Наверное, они в большом ангаре, где ремонт идет. Им туда и обед приносили.

— Слушай приказ, лейтенант. Снять часовых, проникнуть на территорию и гранатами забросать казарму. Огнем из личного оружия уничтожить немцев, использовать только своих бойцов. Я со вторым отделением штурмую ангар. Майор Даниличев возьмет первое отделение и займется освобождением пленных. Лейтенант Садков с третьим отделением становится в заслон, будет отбивать атаки гарнизона Малахово. Лейтенант Серов...

Получив под командование боевую машину, младший лейтенант прямо расцвел. Пришлось немного его осадить, предупредив, что Суриков и Молчунов — мой экипаж и я их сразу заберу, как только найду себе подходящую технику. Ну не лежала у меня душа к Т-28!

Мало того что экипажа требовалось аж шесть человек, так еще и тащится со скоростью черепахи! Нет, конечно, Суриков выжимал из него аж двадцать километров в час, но не то, не то, хоть и плавный ход был просто великолепен! Привык я к «тридцатьчетверке»! Кроме того, фельдфебель-трофейщик во время допроса упомянул о двух русских танках, которые ремонтники восстанавливают для майора Майера, тоже большого любителя «тридцатьчетверок». Увы, сроков окончания ремонта пленный не знал...

Тогда, закончив допрос, я велел двум бойцам убрать труп, а потом долго думал о том, что как-то легко у меня получается убийство: тюк ножом — и все. И никаких рефлексий. А потом понял, что это не я убил немца, а Швед. То есть сработали его рефлексии... Как и раньше срабатывали. Зато демонстрированный расход благонадежно сказался на немецких водителях, отказавшихся не было, так что мы пополнили штат на пять водителей, хоть и пришлось к каждому отрядить по охраннику.

— ...Серов, мы где-то через час уходим, на тебе остается наш тыл и женщины. Пехоты у тебя фактически не будет, так что смотри в оба глаза.

— Так у меня же танк, товарищ капитан!

— Танк танком, а о соблюдении маскировки помнить стоит. Загони его вон под то дерево и накрой масксетью. Выстави наблюдателей. За женщин головой отвечаешь. Понял? Все. Вопросы есть?.. Вопросов нет. Начинаем за два часа до заката. Все свободны.

* * *

— Готово, товарищ капитан, — прошептал невысокий красноармеец-татарин, приподняв, чтобы петли не скрипнули, створку дверей, встроенных в ворота ангара.

Держа в одной руке нож, а в другой пистолет, я вошел в ангар. Через окна под потолком лились лучи заходящего солнца, освещая помещение. За мной тихо проскальзывали бойцы отделения, рассредоточиваясь по ангару и беря на прицел немцев. Неподалеку от двери спиной к нам стоял немецкий солдат с карабином на плече. Что-то почувствовав, он начал оборачиваться, но не успел. Нож легко вошел под левую лопатку, достав до сердца. Аккуратно положив часового на глиняный пол, я осмотрелся. В дальнем углу стоял КВ-1, вокруг которого возились несколько ремонтников в замасленных комбинезонах. Танк был уже окрашен в серый немецкий камуфляж и громко урчал двигателем на холостых оборотах. Как раз один из ремонтников закончил рисовать крест, убирая трафарет, но не КВ приковал мой взгляд, а «тридцатьчетверка», стоящая в углу. Что это была за «тридцатьчетверка»! На танке виднелась высокая радиоантенна, стояла командирская башенка, а на боку был приварен ящик для инструментов. И это еще неизвестно, что немцы сделали внутри.

Не сводя с машины изучающего взгляда, я направился к работавшим, контролируя их боковым зрением. Первым меня заметил тощий ремонтник в замаранном комбинезоне. Увидев его расширенные от изумления глаза, я кивком велел ему уйти с дороги и, только подойдя ближе, разглядел у него под комбинезоном командирскую гимнастерку со знаками различия военинженера 1-го ранга в петлицах. Молча кивнув, подполковник отошел в сторону, прихватив с собой еще одного ремонтника. На шевеление обернулся немец со знаками различия обер-лейтенанта, с привлекающим внимание огромным носом. Я даже отвлекся от созерцания «тридцатьчетверки», чтобы поизумляться величине шнобеля фрица.

Взвывая дизелем, КВ смолк. Из люка механика-водителя появилась голова еще одного гитлеровца. Опередив обер-лейтенанта, уже открывающего рот, чтобы поднять тревогу, я громко — в ушах до сих пор звенело от шума двигателя — сказал по-немецки:

— Внимание! Никому не двигаться! Вы взяты в плен солдатами Красной армии! Попытки нападения или другие способы помешать нам расцениваются как способ самоубийства при использовании моих бойцов. Всем отойти в этот угол и построиться в шеренгу!

В форме офицера Вермахта, с окровавленным ножом в одной руке и пистолетом в другой, я, наверное, смотрелся очень странно. Тем не менее все работавшие безропотно выстроились в указанном месте. Через минуту трое бойцов, осмотрев технику, доложили, что все чисто — в танках пусто. Выслушав их, я повернулся к немцам:

— Кто старший?

— Гауптман Кляйн, но его нет в ангаре. Он вышел час назад, я его заместитель, — отозвался тот самый обер-лейтенант с огромным носом.

Как выяснилось, Кляйн уехал с базы полчаса назад, прихватив с собой три грузовика, отделение солдат и бронетранспортер. Может быть, это одна из причин, по которой захват МТС прошел без единого выстрела.

Поскольку группы действовали каждая по своему плану и моего вмешательства не требовалось, я поинтересовался у носатого, что такого они сделали с танками.

— На Т-34 произведена замена двигателя на новый, установка дополнительных баков, замена всех прицелов на более совершенные. Установлены командирская башенка, ящик для инструментов. Произведена замена масла КПП, установлен дополнительный воздушный фильтр, произведена замена масляных фильтров, установлена новейшая рация и много мелких деталей...

Я кивал в такт его словам, в душе ликуя. Хрен я эту «тридцатьчетверку» кому отдам! Мой танк!

— Теперь о КВ.

— Фактически все то же, только мы не успели прицелы установить, они на складе.

Скрипнув дверью, в ангар зашел Даниличев. Оборвав нашу с немцем беседу, я спросил у майора:

— Сколько?

— Двадцать шесть, все ремонтники, значит, технику знают хорошо. Сейчас с ними люди Соколова разговаривают.

От названной цифры мне захотелось подпрыгнуть — это фактически несколько экипажей, хоть и неопытных, но все же. Плюс можно сформировать ремонтный взвод.

— Отлично, за нашими послали?

— За женщинами? Да, послал, должны уже подъезжать. Часовых выставили, секреты с пулеметами тоже, заслон со стороны деревни оставил на месте.

— Я сейчас разбираюсь с техникой, что нам досталась. А вы поговорите пока с товарищем подполковником. До Соколова.

Лейтенанта-пограничника я назначил еще и начальником особого отдела. Раз относится к органам НКВД, то пускай и работает по их профилю, совмещает должности.

Опять повернувшись к обер-лейтенанту, спросил, как его зовут.

— Обер-лейтенант Бауэр, заместитель командира сто первой ремонтной роты, — ответил он.

Велев бойцам забрать остальных немцев и запереть их в сарае, где до этого держали наших пленных, я велел Бауэру перечислить технику, что есть на сборном пункте, и указать степень ее готовности.

— Какая техника вас интересует, господин... эээ...

— Капитан. Расскажите про русскую технику.

Обер-лейтенант задумчиво почесал подбородок:

— У нас шесть танков Т-26, из них два на ходу; четыре Т-34, на ходу этот, который в ангаре, и танк капитана Кляйна. Он себе присмотрел один. Правда, мы его еще не переделывали. Кляйн хотел сперва попробовать на танке майора Майера. Остальные танки использованы для запчастей. Еще есть семь БТ разных модификаций. Из тяжелых только КВ, который в ангаре, из БТ на ходу четыре танка, это три БТ-7 и один БТ-2.

Потом пришел черед немецкой техники. С ней было похуже: шесть Т-I, при этом на ходу нет ни одного. Четыре Т-III, из них один на ходу, но без башни, еще с двух, не подлежащих ремонту, сняты командирские башенки. Один Т-IV не на ходу — разбит двигатель. Наконец, два Р-35 с выработавшими ресурс моторами и три САУ. Последние — единственные, с которыми было все в порядке. Завтра их должны были забрать.

— Отлично, пройдемте. Покажете всю технику.

Осмотрев танки, штурмовые орудия и два бензовоза на базе МАН с полными цистернами, мы вернулись к ангару. Вокруг туда-сюда бегали бойцы, переноса разные вещи. Командовал ими старшина Егоров. Стоя в воротах, он орал на кого-то в глубине склада. Отдав немца пробегающему мимо бойцу и велел отвести его к остальным пленным, я направился к старшине.

— Егоров, чем порадуешь?

— Склад полон, товарищ капитан. Видно, немцы недавно въехали на базу и ничего вывезти не смогли. Только немного с крайних стеллажей разгребли, а так все есть.

— Полный список мне через час.

— Есть!

Козырнув, старшина убежал внутрь склада, а я пошел встречать Т-28, въезжающий во двор базы в сопровождении грузовиков с женщинами и вещевым имуществом.

Сообщив Серову, что он назначается командиром взвода, который еще только предстоит сформировать из захваченной техники и освобожденных пленных, я подозвал Сурикова с Молчуновым и рассказал о модернизированной немцами «тридцатьчетверке». Затем велел осмотреть ее, выгнать наружу и подобрать заряжающего. Вытащив из Т-28 личные вещи, радостные бойцы убежали в ангар, я же направился к Соколову, он как раз в этот момент закончил беседовать с военинженером 1-го ранга.

— Что скажешь о пленных?

— Немцы внезапно прорвались и захватили рембат. Они не были предупреждены, поэтому не оказали сопротивления. Кроме одного бойца, тот успел закрыться в танке, но боеприпасов в нем не было, двигатель снят, поэтому через час сам вылез. А вот в соседней

деревне почти час шел бой. Там стояли какие-то тыловые части и дивизион тридцатисемимиллиметровых зениток. Да вчера еще привезли младшего лейтенанта. Вечером.

— Понятно, а что за младший лейтенант?

— Артиллерист. Только странный он какой-то...

— В чем странность?

— Молод слишком, лет шестнадцать на вид, хотя на вопросы отвечает уверенно. И еще у него глаза. Глаза много повидавшего человека. Как-то не вяжутся они с юным возрастом. Да и ошарашенный он какой-то.

— Ясно. Ладно, пошли знакомить меня с бойцами.

Первым представился старший из освобожденных пленных:

— Зампотылу пятой армии военинженер первого ранга Титов Савелий Петрович. Находился здесь с инспекцией. Был захвачен в плен семь дней назад вместе с остальными бойцами рембата. Вынужден был не по своей воле помогать немцам.

— Они, товарищ капитан, обещали расстреливать наших пленных бойцов, если мы не будем им помогать. наших раненых бойцов, из госпиталя, — вступился за подполковника капитан.

Я махнул рукой, прерывая его:

— Особый отдел разберется, это их дело. Главное, чтобы вы были согласны воевать за советскую власть.

Капитан прижал руки к груди:

— Да я их... да мы их... рвать будем сук! — и сдавленно захрипел.

Только через несколько секунд я понял, что он плачет. Да уж, довели человека.

— У него старший брат в том госпитале лежит, — пояснил подполковник и добавил: — Приехал офицер СС и сказал, чтобы мы помогали им осваивать наши новейшие танки, а иначе будут убивать наших раненых. За попытку саботажа будут расстреливать каждого пятого.

Уже успокоившийся капитан представился:

— Командир первой роты четвертого отдельного рембата капитан Скворцов.

— Уже лучше?

— Да, я в норме.

— Отлично, мне нужно сформировать несколько экипажей для танков и трофейных САУ. Сформировать ремонтный взвод и подобрать водителей к грузовикам. Займитесь этим, капитан.

Скворцов ушел формировать экипажи, а я повернулся к полковнику:

— Товарищ полковник, я бы хотел выяснить, как МЫ будем командовать мехгруппой?

Титов поднял руки ладонями ко мне, как будто защищаясь:

— Нет-нет, капитан! Командование группой я на себя не возьму. Я мало понимаю в военных делах. Мне бы больше с железками возиться.

— Тогда, товарищ подполковник, принимайте под свое командование все технические части группы. Будете моим замом по тылу.

Отправив полковника вслед за капитаном, я покрутил головой, разминая шею, случайно глянул на небо и оцепенел: на километровой высоте над нами кружился серебристый самолет.

— Наш, СБ, — определил незаметно подошедший Даниличев. — Интересно, что он тут делает?

Вдруг самолет резко пошел вниз и пропал из виду. Проводив его взглядом, я повернулся к майору:

— Ну что?

— С горючим проблем теперь у нас нет, два бензовоза полных бензина. Правда, дизельное топливо только в бочках, но его много — около сорока бочек. Их сейчас уже грузят на грузовики. Вот только со снарядами для КВ и Т-34 проблемы, на складе их нет. Только те снаряды, что у нас в грузовиках. Масло тоже в достатке.

Пока майор докладывал, мы подошли к заглушенному танку, из которого доносились восторженные матерки. Отправив Даниличева формировать колонну, я заглянул в «тридцатьчетверку».

— Ну что там, Суриков? Давай, докладывай, обрадуй меня.

— Товарищ капитан, это не танк, это шедевр! Мы с Сашкой все проверили, все отлично. Только снарядов нет.

— Ясно. Я сейчас пришлю грузовики со снарядами. Выгоните из ангара КВ и вон из-за того строения еще одну «тридцатьчетверку» и загрузите снаряды в танки. Все, выполняете!

— Есть. — Козырнув, Суриков убежал в ангар. Из люка мехвода появилась голова радиста:

— Товарищ капитан, тут немцы что-то говорят. Я случайно на них вышел, когда проверял рацию.

Велев Молчунову дать мне шлемофон, я прислушался к звукам из динамиков:

— ...ители деревни говорят, что это были русские солдаты!

— Принять все меры по их поиску, предупредить все гарнизоны, выставить посты на дорогах. Выслать мотопатрули, и, лейтенант, узнайте точно, сколько их было, а не сказки, что вы мне сейчас рассказывали.

— Есть. Разрешите выполнять, герр майор?..

Вернув шлемофон Молчунову, после того как дослушал все до конца, я сказал:

— Ну все, на нас началась охота.

Велев готовить танк к походу, я рванул на поиски майора Даниличева и нашел его у выстроенных в ряд танков БТ, около которых уже суетились подобранные капитаном Скворцовым экипажи в новеньких комбинезонах.

— Товарищ майор, Павел Степанович, — окликнул я Даниличева. Подойдя ближе, сказал: — Молчунов, мой радист, перехватил немецкие переговоры о нападении на гарнизон Тетюшей. Так называется та деревня, в которой мы покуролесили. В общем, зона поисков двадцать пять — тридцать километров. Только узнают о нападении на базу ремонтников, сразу увеличат зону до пятидесяти-ста километров. Могут привлечь авиаразведку. Значит нужно срочно, с наступлением темноты совершить бросок, не менее ста километров, чтобы выйти из зоны поисков. Выходим через час. Да, и Егоров должен подойти со списком вкусняшек, находящихся на складе. Согласуйте с Титовым, что брать, а что уничтожить вместе с базой.

Подобрав экипажи для танков и мехводов для САУ, экипажей для них у меня не было, я стал назначать взводных. Капитана Скворцова — командиром тяжелого взвода, отдав ему Т-28 Садкова, КВ и Т-34 Кляйна. Сам капитан выбрал себе под командирский танк КВ Садкову отдал под командование три БТ-7. Подъехавшему Серову один БТ-2 и два Т-26. БА-

10 забрал себе подполковник. Найденной на складе взрывчаткой я распорядился сам. Заминировав все, что можно: склад с оставшимся имуществом, остатки горючего, которые мы не смогли увезти, более или менее целую технику. Так как детонаторов не было, пришлось использовать взрыватели гранат, хотя Егоров перерыл весь склад в поисках детонаторов. Но вскоре дело было сделано, и мы тронулись в путь. Когда отъехали от базы всего на полкилометра в сторону деревни, до перекрестка дороги, нам навстречу попала легковая машина М-1, советского производства. Из остановившейся машины с переднего пассажирского места выскочил невысокий немецкий майор танковых войск в натертых до блеска сапогах и начал что-то кричать Скворцову, ехавшему на своем КВ впереди колонны. Идущая после КВ «тридцатьчетверка» вдруг дала газу и, выскочив из-за КВ, подмяла под себя «эмку». Майора застрелил Скворцов из пистолета. Через минуту колонна двинулась дальше. Проезжая мимо майора, я подумал, что это, видимо, тот майор Майер, для которого модернизировали мой танк. Видно, судьба: хотел иметь «тридцатьчетверку» — и умер из-за нее. Да, кстати, перед выездом в мой экипаж включили заряжающего из артиллеристов, красноармейца Истомина, я с ним познакомился одновременно со старшиной Егоровым, когда они изучали пулемет Максима. В общем, перед отправлением они подарили мне новенький комбинезон и шлемофон. Было приятно.

* * *

Проснулся я оттого, что над головой зачирикала птичка. Откинув брезент, которым укрывался, я встал и, опершись локтем о крыло «тридцатьчетверки», осмотрелся. Солнце почти в зените. Под деревьями стоит техника, в кузовах, или как я и мой экипаж, на земле около танков спят люди. На стоянке тишина, спокойствие и умиротворение. Услышав позвякивание, я повернул голову и увидел прицепленную к грузовому «Опелю» походную кухню, около которой тихо возились две девушки из подразделения капитана Крылова. Из-за грузовика вышел старшина Егоров. Подойдя к слегка дымящей кухне, старшина знаками что-то показал. Одна из девушек подала старшине миску с торчащей из нее ложкой. Старшина с задумчивым видом съел пару ложек, потом кивнул. Оглядевшись еще раз, я сделал пару разминочных движений, надел сапоги и, застегнувшись, толкнул Истомина, спавшего рядом со мной. Велев ничего не понимающему и лупающему глазами заряжающему поднимать экипаж, сам направился к Егорову, продолжающему стоя есть кашу. Подойдя, я потребовал и себе тоже каши. Девушки-сержантки — Светикова и та, что про нее спрашивала у амбара, — быстро накидав мне каши с тушенкой и налив кружку чаю, продолжили заниматься у кухни. Сейчас они мыли в ведре тарелки и ложки. Поедая кашу, я вспоминал прошедшие два дня гонок. Это были просто сумасшедшие деньки, но главное, мы смогли уйти практически без потерь, да еще с прибытком.

* * *

Тогда, объехав деревню стороной, я приказал колонне остановиться. Спрыгнув с танка, я подошел к полуторке, стоящей в центре колонны. Около машины уже стоял старшина Васин в полной готовности, с полным продовольствия и боеприпасов вещмешком, с ППД на груди

и пистолетом на боку. Подойдя к нему, я произнес:

— Пора, старшина, пора. Все запомнил? Главное — не высовываться, у тебя задание. Понял?

— Не волнуйтесь, товарищ капитан. Все сделаю, все передам.

Я взял старшину под локоток и отвел его в сторону от лишних ушей. Некоторые бойцы пользовались остановкой и опраивались, бегали до ветру.

— Перейдешь линию фронта, сразу требуй старшего в особом отделе не ниже майора. Аргументируй это тем, что имеешь особо важную информацию. Доложишь только ему, остальных посылай подальше, говоря, что это не их уровень. Ну вроде все.

Мы обнялись на прощание, и старшина развернулся и исчез в надвигающихся сумерках.

— Ни пуха ни пера, — тихо прошептал я вслед и, развернувшись, пошел к танку.

После моего приказа продолжить движение колонна двинулась дальше. Сев на свое командирское место, я достал карту и фонарик. «Тридцатьчетверку» немилосердно трясло при движении. С трудом осмотрев карту, я велел радисту связаться с лейтенантом Соколовым, находившимся в передовом дозоре и имеющим такую же карту и походную рацию, установленную на одной из машин с зенитным пулеметом, которую я закрепил за разведкой. Напомнив ему, что скоро поворот к броду, велел усилить внимание. Двигались мы медленно, не на всех машинах были фары, да и сам путь был извилист. Мы то возвращались по параллельной дороге, то, пересекая какой-нибудь брод, делали крюк. Все это по одной причине: оставаться незамеченными для местных жителей и патрулей немцев. Хотя слово майора Даниличева «незаметно» меня изрядно позабавило. Это тихо в ночи двигалась танковая колонна и очень тихо лязгала гусеницами и рычала дизелями. Один только КВ шумел так, что было слышно за несколько километров. В первую ночь мы удалились где-то на сорок километров. Встав на стоянку в довольно большом лесном массиве, отмеченном на карте как небольшой лес, разведка ночью с трудом нашла какую-то малоезженую лесную дорогу. Встав на ней под прикрытием деревьев и выставив заслоны и часовых, велел всем спать, несмотря на поднимающееся солнце. Следующий бросок я собирался совершить тоже ночью и, приказав дежурному по группе разбудить меня в двенадцать часов дня, спокойно уснул.

Дежурный с трудом разбудил меня. Пока не умылся в близлежащим ручье, чувствовал себя квелым и невыспавшимся. Подобрал группу в десять бойцов, приказал заправиться тушенкой с сухарями и взять с собой сухпай.

Я решил расширить немцам зону поисков, взяв пару грузовиков и десяток бойцов, вооруженных немецкими пистолет-пулеметами и карабинами. В общем, я решил отъехать десятка на три километров и устроить небольшой шухер, чтобы направить поиски моей мехгруппы в противоположную сторону. Пообедав и переодевшись в трофейную форму — благо на ремонтной базе нам ее досталось много и неповрежденной, оставив за старшего майора Даниличева, мы поехали навстречу приключениям на свою «пятую точку».

Сидя в кабине рядом с водителем, я думал, где бы взять бойцов. Насколько я помню историю, в начале войны немцы взяли в плен много наших бойцов и командиров. Значит, их где-то содержат, в каких-нибудь лагерях для военнопленных. Но, по крайней мере, нам пока такие не попадались. Да и колонны пленных тоже, может, из-за того что основные бои проходят дальше от нас по фронту. Где-то через полчаса мы подъехали к небольшому мосту, длиной эдак метров пятьдесят, на котором была охрана. Приказав водителю остановиться

перед опущенным шлагбаумом, я постарался сделать надменное лицо и повернулся к подошедшему рядовому.

— В чем дело? Я очень спешу, — сказал я. Благо рядовой был с нашивками охранного батальона, а не из фельджандармерии, как я опасался.

— Извините, герр лейтенант, но у нас приказ. Проверять все транспортные средства.

— Да слышал я уже, вроде какой-то гарнизон русские разгромили?

— Так точно, герр лейтенант. В Тетюшах, охранный взвод лейтенанта Миллера был полностью уничтожен, — ответил вместо рядового подошедший ефрейтор. Заметив, как мои брови сложились домиком, он, немедленно вытянувшись и отдав честь, представился:

— Старший поста, ефрейтор Шварцкопф... Попрошу проездные документы, герр лейтенант.

Я протянул ефрейтору документы, удостоверяющие, что мы из 12-й танковой дивизии, едем за вещевым довольствием и запчастями (почти час над ними работал, пока не получилось что-то путное). Осмотрев внимательно документы, ефрейтор вернул их и пожелал приятного пути. Рядовой поднял шлагбаум; чуть дернувшись, мы въехали на мост.

— У-фф, товарищ капитан! Как вы их! Я думал, все, уже и гранату приготовил.

— В германской армии, боец, все делается по порядку. К тому же нас проверяли обычные солдаты, а не фельджандармы. Эти бы мою липу на раз раскусили. Кстати, наш поворот следующий, налево.

Повернув на проселочную дорогу, мы попылили в сторону небольшого городка, находящегося у нас на пути. Когда машина въехала на небольшой взгорок, я приказал остановиться и, прихватив бинокль, вышел из машины и взобрался на кабину. Осматривая окрестности, услышал приближающиеся шаги. Оторвавшись от бинокля, посмотрел на подошедшего бойца. Им оказался заместитель Соколова, тот сержант, который держал меня на мушке, когда мы ехали прибрать колонну до приезда немецких трофейщиков. Сейчас глянув на сержанта, я не сдержал невольный смешок. Он был как будто с немецкого плаката: белокурая бестия в форме, с закатанными рукавами и МП-38 на груди. Подойдя, сержант вопросительно поднял бровь. Подавив готовый снова вырваться смешок, я сказал сержанту:

— Васильков, чуть правее вон той посадки клубится пыль. Похоже, по параллельной дороге кто-то едет. Если их немного, попробуем перехватить их у перекрестка. Будьте наготове.

Козырнув, сержант убежал в свою машину. Обернувшись к своим бойцам, сидящим в кузове, повторил:

— Перехватываем машину, если солдат немного. Старайтесь хоть одного пленного взять.

Я изрядно опасался, что бойцы не выдержат и полностью уничтожат немцев после моего рассказа о плане «Ост». Вчера, перед отбоем, ко мне подошли все командиры, во главе с майором, и попросили рассказать про немецкий план «Ост» подробнее. Видимо, старшины не удержали языки за зубами, и командиры заинтересовались. Ну я и рассказал все, что помнил, и хотя я помнил немного, но впечатление этот рассказ произвел огромное. Слушая несмолкаемые пересуды, я понял, что они решили бить немца до последней капли крови и сдаваться не будут. Эти разговоры еще долго звучали в ночи, пока я окриком не заставил их замолчать.

— Возьмем, товарищ капитан, — сказал один из бойцов, погладив ствол МГ.

— Не сомневайтесь, товарищ капитан, точно возьмем этих сверхлюдей.

Подъехав к перекрестку, я всмотрелся в облако пыли, стараясь увидеть хоть что-нибудь. Похоже, машина притормозила перед перекрестком, и облако пыли накрыло ее. Наконец показался капот точно такого же «Опель-Блица», как и у нас. Я вышел из машины и повелительно махнул немцам рукой, приказывая остановиться. Скрипнув тормозами, грузовик впритирочку остановился около меня. Стараясь выглядеть беспечно-спокойным, я стал обходить машину спереди, подбираясь к пассажиру в кабине, и, как бы без интереса, окинул взглядом «Опель». Это оказались солдаты СС. Молнии в их петлицах были отчетливо видны, несмотря на покрывшую их пыль. Унтерштурмфюрер СС, сидящий в кабине, с недовольным видом открыл дверцу, одновременно спрашивая:

— В чем дело, лейтенант? Мы спешим.

Козырнув, я ответил:

— Извините, герр унтерштурмфюрер, но дальше русскими окруженцами сожжен мост. Сейчас рота нашего батальона прочесывает все вокруг. Пока их не поймали. Вот и поставили меня тут на перекрестке всех предупреждать.

Офицер прыгнул с подножки на дорогу и, доставая сигареты, подошел ко мне.

— Лейтенант, мне срочно туда надо, понимаешь?! Срочно! — Предложив мне сигарету, унтерштурмфюрер продолжил в ответ на мое пожимание плечами: — Ну и когда вы их поймаете?

— А чего нас ловить, мы уже здесь! — И мощным ударом колена между ног я свалил немца.

Загрохотали автоматы с обоих грузовиков. Вскинув свой автомат, дал очередь по кабине, но этого уже не требовалось. Сияя свежими сколами и дырами в кузове, «Опель» стоял, накренившись набок на простреленных шинах. Из кузова тонкой струйкой текла кровь.

— Контроль! — заорал я и ударом ноги в голову оглушил офицера, который уже начал приходить в себя.

Спрыгнув с кузовов, несколько бойцов кинулись к расстрелянной машине. Пулеметчики с машин их прикрывали. Стоя наготове около тела офицера, я дождался, когда проверяющие кузов бойцы доложатся о зачистке. Прозвучало два выстрела из «Вальтера». Обойдя грузовик, ко мне подошел, засовывая пистолет в кобуру, Васильков:

— Все в порядке, товарищ капитан. Этих ублюдков живых нет. Бойцы собирают трофеи. — Махнув рукой, прерывая сержанта, я велел связать офицера и закинуть его в кузов моего грузовика.

Подойдя к своей машине, я спросил водителя, сможет ли он утащить расстрелянный грузовик подальше и спрятать.

— Да, товарищ капитан. Силенок хватит, утащим.

Прицепив грузовик к нашей машине, мы бодро покатали в сторону, куда направлялись эсэсовцы. Проехав около двух километров, скинули грузовик в глубокий овраг, попавшийся по дороге.

Стукнув несколько раз по щекам офицера, Васильков успеха не добился.

— Слишком сильно вы его, товарищ капитан, приласкали, — сказал сержант, вытирая пот со лба. Отодвинув его в сторону, я подошел к лежащему немцу. Присев, взялся за палец офицера и хладнокровно сломал его. Немец дернулся и застонал, после второго попытался лягнуть меня ногами, но я был начеку и ушел в сторону от удара. Через полчаса, стоивших немцу трех пальцев, он все-таки сломался и, пуская кровавые пузыри разбитыми губами,

начал говорить. Сержант аккуратно записывал, а я вел допрос:

— Куда вы направлялись?

— Деревня Выселки!

— Что вам там было нужно?

— По приказу гауптштурмфюрера Зорге мы должны были задержать прячущуюся у родственников семью одного из командующих ваших армий!

— Как вы их должны были найти?

— Второй дом слева от начала улицы!

— По какой именно улице?

— Там одна улица!

— Как их узнать?

— Женщина лет сорока пяти, трое детей, восьми, одиннадцати и четырнадцати лет, все девочки! Больше я о них не знаю!

— Как вы о них узнали?

— Был взят в плен русский офицер, капитан, адъютант этого генерала. Он сам рассказал о них. Он должен был их вывезти, но занимался какими-то своими делами и не успел, наши победоносные войска пришли раньше!

Задав еще несколько десятков интересующих нас вопросов, я велел сержанту добить немца и спокойно пошел к машинам, около которых нас ждали бойцы. Сзади сухо щелкнул выстрел.

— По машинам! — скомандовал я, увидев подбегающего Василькова.

Завывая двигателями, мы выехали из леса на дорогу. Пропустив на перекрестке автоколонну, повернули к деревне Выселки. Отдавать семью советского генерала мясникам из СС я не собирался, поэтому мы и направлялись в Выселки. Не доехав до деревни приказал остановиться. Собрал вокруг бойцов, объяснил им ситуацию и распределил роли, хотя некоторые бойцы были не очень ими довольны. Объехав небольшой пруд, раздавленную противотанковую батарею и сгоревший на окраине Т-Ш, мы въехали в деревню.

— Вроде этот дом, товарищ капитан. Второй слева. Остановиться?

Кивнув, я вылез на подножку машины и осмотрелся. Это была обычная деревушка на окраине небольшого леса. Нужный нам дом как раз упирался огородом в опушку. Окинув взглядом деревушку, понял, что немцев здесь нет, хотя их присутствие было отчетливо видно. Поваленные заборы, следы гусениц и колес на улице, пустые собачьи конуры показали, что немецкие войска останавливались здесь на ночевку. Испуганная бабка, косясь на нас, прятала в сарай брехливого кобелька. Еще раз осмотревшись, я заметил, что улицы в деревне стремительно пустели; видимо, крестьяне уже отведали немецкого порядка. Хотя насколько помню, они в начале войны вели себя более или менее прилично. Спрыгнув на землю, я негромко приказал подошедшему Василькову:

— Действуем по плану. Занимай со своими оборону.

Вскинув руку в нацистском приветствии, Васильков вернулся к своей машине. Операция была разработана наспех, времени на тщательную проработку у нас просто не было: два бойца сержанта, спрыгнув с машины, разбежались в разные стороны по улице. Встав на одно колено, они вскинули к плечу МП-38, пулеметчик установил на кабине МГ-34 и стал контролировать улицу по ходу движения. Оставшиеся в кузове бойцы тоже внимательно следили за обстановкой.

Убедившись, что бойцы Василькова заняли оборону, скомандовал своим, чтобы

выгружались. Спрыгнув с машины, мои бойцы, распределившись и прикрывая друг друга, направились к дому, в котором кто-то был. Я видел, как дернулась занавеска в окне. Такой спектакль объяснялся просто: мы уйдем, а хозяева останутся, и не хотелось бы их подставлять перед немцами. Подождав около крыльца, пока мои бойцы осмотрят все помещения, я, сделав надменное выражение лица, вошел в дом. В хате около печи сидел крепкий мужик с цепким взглядом, костыль рядом с ним, пустая штанина и Георгиевский крест на груди показывали, что мужик успел где-то отметить себя на просторах нашей Родины. Причем награду он не прятал, хотя, насколько я помню, носить их было не принято. Окинув взглядом комнату, бывшую и кухней, и спальней, и залом, я заметил за занавеской трех девочек, сидевших на кровати и прижавшихся друг к другу. Их контролировал один из моих бойцов, красноармеец Вяткин, присоединившийся ко мне с группой майора Даниличева. Матери видно не было. Сзади, в дверь из сеней заглянул один из бойцов и молча показал бинт со следами крови.

Ясно, хозяйственные постройки пусты. Бойцы их осмотрели, нашли только бинт со следами засохшей крови. Молча наблюдающий за нами хозяин помрачнел и бросил свирепый взгляд на занавеску. Вздохнув, я сел на лавку и, закинув ногу на ногу, спокойно произнес:

— Если вы еще где-нибудь и пулемет прячете, кроме семьи советского генерала и раненого, то... — Я покрутил кистью руки в воздухе. — ...Вообще расстрельная статья. Можно сразу к стенке ставить.

— Вы кто? — спросил бледный хозяин и, достав платок, вытер крупные капли пота на лбу.

— Сын своей родины! Ну а если серьезно, то мы перехватили солдат СС, которые ехали к вам, и любезно с ними пообщались. Так и узнали про семью генерала...

— ...Соколовского, — продолжил усмехнувшийся хозяин.

— Вы это так спокойно признали. Удивительно, а если бы мы действительно были немцами? — поинтересовался я.

Насмешливо улыбнувшийся хозяин ответил:

— То, что вы не немцы, я понял сразу.

«Черт, где я прокололся?» — мысленно изумился я.

Что я и поспешил узнать у хозяина:

— Где мы прокололись?

— Глаза, они у вас другие. Немцы смотрят на нас как на мясо, безразлично. А вы нет, так и мелькнет что-нибудь сострадательное. Особенно ваш боец вас подвел — слишком добрый взгляд.

Хмыкнув, я подумал: «Ну ничего себе, это у меня-то добрый взгляд?!»

Покачав головой, встал, вскинул руку к фуражке и представился:

— Командир механизированной группы, капитан Михайлов. Готов вывезти семью советского военачальника за линию фронта. Не сразу, но вывезу.

Хозяин взял костыли и, встав, попросил:

— Документы покажи.

Достав свое удостоверение, я протянул его хозяину. Придирчиво поизучав его, хозяин вернул удостоверение со словами:

— Сейчас можно все подделать. — Повернувшись к детям, крикнул: — Ольга, молоко принеси из погреба!

Средняя из девочек шустро выскочила из хаты. Проводив ее взглядом, я сказал:

— Нам некогда, времени совсем нет. Нужно поторапливаться.

Подробно расспросив о последних днях в деревне, мы попили холодного молока, и я вытер губы рукавом. Внимательно наблюдающий за мной хозяин улыбнулся и сказал:

— Немец бы платком губы вытер.

Улыбнувшись в ответ, я спросил:

— Что с раненым?

— Перелом ноги и сквозное ранение в руку. Он летчик, неудачно приземлился после боя. Софья сейчас за ним ухаживает.

Поговорив с хозяином о своей задумке и получив его полное согласие на спектакль, я узнал, что Софья — это жена генерала Соколовского. При этом выяснил, что старшую дочку зовут Машей, а младшую Тоней. Послал Ольгу предупредить о нас в небольшую землянку, где находился летчик, остальные девочки начали собираться. Я велел бойцу помочь им, пока разговариваю с хозяином.

— Да, забыл сказать. У солдат СС мы взяли трофеями оружие. Вам оно может пригодиться, если будете создавать партизанский отряд.

— Вы думаете, немцы здесь надолго?

— Я не гений тактики и стратегии, но тут даже я вижу, что немцы у вас задержатся не на месяц и даже не на год. Два, а то и три. Больше вряд ли, там мы уже и силенок накопим да и воевать научимся. Немцы по-любому свой порядок наводить будут. Мало кто рад будет этому порядку, поэтому партизаны точно будут.

В дверь заглянул один из бойцов и сообщил, что все готово. Обговорив, где мы оставим оружие, я дал десяток советов по организации партизанского отряда. Все, что помнил из мемуаров ветеранов-партизан, после чего произнес:

— Ладно, Савелий Кузьмич, пора прощаться. — Мы обнялись как старые знакомые.

— Вы уж побыстрее возвращайтесь, — попросил хозяин, вытирая слезы.

В дверь вошла моложавая женщина лет сорока. Вслед за ней проскользнула средняя из дочек — Ольга. Повторив специально для Софьи Владимировны наш план, мы приступили к его выполнению.

Жителям деревни этот день запомнился надолго. В деревню вдруг приехали немецкие солдаты и ворвались в дом уважаемого жителя деревни, ветерана германской войны Савелия Кузьмича Потапова. Некоторые из жителей, подсматривающие за немцами, видели, как из хаты вытолкали прикладами племянниц хозяина дома и вывели связанную и бьющуюся женщину. С хохотом закинув женщину и детей в кузов одной из машин, немецкие солдаты уехали из деревни. Правда, одному из деревенских послышалось, что за деревней машины остановились ненадолго, а потом снова двинулись дальше. Приехавшие на следующий день солдаты с молниями в петлицах, разыскивающие своих пропавших товарищей, услышали именно такую версию событий. И только прибывший к вечеру опытный следователь разобрался в происшедшем. Направленные за Потаповым солдаты вернулись ни с чем, дом был пуст.

Выезжая из деревни, я приказал остановиться у приметного дерева и выгрузить все лишнее оружие, захваченное у немцев. Подождя, когда бойцы закончат маскировать оружие ветками и вернуться в машины, забрав раненого летчика, велел возвращаться на базу. Поехали мы другой дорогой, дав небольшой крюк в двадцать километров. Проехав неохранный

мостик, перекинутый через небольшую речушку с крутыми берегами, и въехав в глубокий овраг, пересекающий дорогу, мы увидели огромное количество сидящих на земле людей, одетых в нашу красноармейскую форму. Повертев головой в притормозившей машине, я увидел и охрану, несколько пулеметов, установленных на склоне оврага и направленных стволами вниз. Шесть парных патрулей ходили по склону оврага, около дороги стояла полевая кухня. Рядом в тени небольшого деревца отдыхали несколько немецких солдат.

— Да что же это такое?! А?! Товарищ капитан?! — Водитель стиснул руль так, что побелели кисти рук, на лице заиграли желваки, лицо приняло зверское выражение. Выбив из рук автомат, за который тот схватился, мне пришлось рывкнуть на бойца:

— Замри, сиди смирно и не мешай мне думать, как их вытащить из того гов...а, в которое они попали!

Вспомнив про бойцов в кузове, быстро открыл дверцу и, не обращая внимания на унтер-офицера, который к нам направлялся от кухни, быстро сказал:

— Замерли все!

Здоровенный боец по фамилии Капустин, с легкостью вертящий в руках МГ-34, словно это ивовый прутик, за что и стал пулеметчиком, уже устанавливал на кабину пулемет с таким выражением лица, что даже я испугался:

— Тихо, боец, тихо! Убери оружие. — Медленно показывая рукой, чтобы Капустин убрал пулемет, я тихо попросил бойцов убрать оружие и сделать спокойно-безразличные лица.

— Сейчас мы им помочь ничем не сможем. Положат нас из этих пулеметов. Отъедем, тогда подумаем.

Я окинул взглядом кузов. Семья генерала лежала на дне кузова, прикрывшись какой-то материей, из-под края материи, похожей на простыню, виднелась маленькая детская ножка в синей туфле. Проследив за моим взглядом, Вяткин нагнулся и закрыл ногу простыней. Во второй машине было какое-то шевеление, но оно быстро стихло. Видно, Васильков навел у своих порядок. Я спрыгнул на землю и повернулся лицом к унтер-офицеру. Тот остановился передо мной и, вскинув руку, отдал честь, после чего представился:

— Унтер-офицер Берг, начальник охраны сопровождения колонны русских военнопленных.

Быстро окинув взглядом унтера, слышал ли он наш шепот с бойцами или нет, я понял, что унтер совершенно спокоен, и, козырнув, представился:

— Лейтенант Хофманн, почему вы остановились? Пленные устали?

Унтер удивленно на меня посмотрел:

— Да кого это интересует, герр лейтенант, устали эти свиньи или нет? Просто пришло время обеда, вот и остановились, обед-то готов.

Взглянув на сидящих на самом солнцепеке военнопленных, я ничего различить не смог. До них было около двухсот метров. Издалека они просто казались большой зеленой массой. В некоторых местах белели или серели пятна бинтов.

— Это хорошо, что вы кормите русских обедом, — рассеянно сказал я, за что удостоился еще одного изумленного взгляда.

— Но мы их не кормим, герр лейтенант, это не наше дело. Нам дан приказ доставить их до временного лагеря в Кузьминке.

Я представил перед собой карту.

«Ну ни хрена себе! Это же почти сорок километров, без еды, без воды, без лечения, без

отдыха! На одной силе воли!» — изумился я, наливаясь черной злобой к конвоирам.

С трудом подавив в себе злость, поднимающуюся со дна моей души, я с видимым спокойствием попросил Берга показать мне пленных. Справившись с желанием свернуть унтеру шею и дать нашим бойцам сигнал на открытие огня, неторопливо зашагал за немцем.

— Конечно, господин лейтенант, прошу сюда.

Следуя за унтером, я обошел кухню, прошел мимо солдат, вытянувшихся, когда мы проходили мимо, и, ответив на приветствие, стал быстро их пересчитывать. Семнадцать около кухни, считая повара и унтера, пять пулеметов, расчет каждого — два солдата. Это еще десять солдат плюс шесть парных патрулей. Еще двенадцать солдат. Всего, значит, тридцать девять человек. Странно, что нет старшим офицера, что вместо него какой-то унтер. Это я сразу и спросил у Берга, подходя к сидящим пленным. Остановившись в десятке метров от них и слушая унтера, я стал внимательно разглядывать заморенных красноармейцев.

— Командиром у нас был лейтенант Шток, и он должен был вести эту колонну, но он попал в госпиталь. По приказу гауптмана Шлоссе мне пришлось, как его заместителю, принять охрану на себя. — Унтер достал из нагрудного кармана платок и стал вытирать пот на лбу и шее.

— Что-то серьезное? — спросил я рассеянно, разглядывая пленных. Кто-то прятал стыдливо глаза, кто-то смело, со злостью смотрел на нас. Не опуская взгляда, я смотрел в эти глаза. Там было все: злоба, стыд, безразличие, радость, боль и... удивление?

— Да, господин лейтенант, пьяные танкисты наехали ему на ногу. Врачи говорят, что он теперь будет непригоден к службе.

Разыграв удивление, я спросил, как это случилось. Стараясь не слишком пристально разглядывать пленных, я спокойно глядел в глаза Никаненкова, того младшего лейтенанта энкавэдэшника из особого отдела, с которым мы расстались всего два дня назад. А было такое впечатление, будто прошла целая вечность. Никаненков сидел в окружении группы бойцов, сплотившихся вокруг него. Некоторые из них были мне смутно знакомы.

— Так господин лейтенант тоже немного выпил, но, в отличие от танкистов, стоять мог. Вот и стал командовать, как выгонять из сарая танк, который они туда загнали. Ну и когда водитель сдавал назад, то и наехал на ногу герра лейтенанта. Я сам не видел, но солдаты, которые видели, говорили, что нога лейтенанта была похожа на лепешку. Он так кричал...

«Совсем как мы, русские!» — подумал я с усмешкой. Унтер продолжал рассказывать про службу, я же не отводил глаз от Никаненкова. Тот сидел в простой форме красноармейца и, чуть наклонив голову набок, исподлобья разглядывал меня. В его взгляде я заметил появившееся презрение и ярость. Напружинившись, как будто перед прыжком, он не сводил с меня глаз. Бойцы вокруг также по его жесту стали готовиться к броску. Внимательно окинув взглядом красноармейцев, нет ли еще знакомых, — нет, все лица были мне незнакомы, — я снова посмотрел на Никаненкова. Незаметно ему подмигнув и повернувшись к Бергу, рассказывающему про свою семью (похоже было, что у него словесный понос), сказал, прервав его:

— Я хочу обратиться к русским солдатам с речью. Я немного знаю русский язык.

Унтер пожал плечами, ему было пофиг. Повернувшись к пленным бойцам, я начал говорить, страшно коверкая слова. На всякий случай, вдруг унтер знал русский.

— Русские солдаты! Я как офицер хошу сказадь, што вы двались как настоящие воины

и мне осень приядно идти вас в насем плену. В плену с вани бутут обршаться по-шеловецески и вам оказут медицинзкую помось и помось к вам придет. — Последнее слово я сказал чисто, не коверкая язык, небрежно глянув при этом на Никоненкова. Чуть опустив веки, тот показал мне, что понял и будет наготове. Повернувшись к Бергу, сказал, что мне пора, мол, и так опаздываю. Дойдя до машины, распрощался с унтером и, сев в машину, велел ехать дальше. Объехав пленных, провожаемые их взглядами, мы снова выехали на дорогу.

— Нужно хорошее место для засады, — сказал я вслух, думая о том, что делать дальше. Понемногу план начал формироваться в голове, но меня отвлек водитель:

— Вот здесь, товарищ капитан, отличное место для засады.

Бросив взгляд вперед, я понял, что водила предлагает действительно отличное место. Даже есть где машины спрятать. По крайней мере, с дороги их не будет видно. Приказав остановиться, открыв дверь и встав на подножку, осмотрелся. Ехавшая и так с небольшой скоростью машина, скрипнув тормозами, остановилась. Повернувшись к подошедшему Василькову, показал на два танка Т-26, подбитых рядом с дорогой.

Я велел осмотреть их на предмет возможной засады, как на нас, так и нами на немцев, при этом качнув головой в сторону, откуда мы приехали. Радостно улыбнувшись, сержант крикнул двоих бойцов и направился к танкам. Остальные внимательно наблюдали за дорогой. Место для засады действительно было отличным. Ровное поле, нигде не спрячешься. Два танка в ста метрах от дороги: один на вид целый, другой сгоревший. Судя по лежащей рядом с левой гусеницей башне, он взорвался от детонации боекомплекта. Еще и до леса почти полкилометра. В случае чего можно отойти туда.

Выбирая места для бойцов, где они залягут, я бросил взгляд вслед сержанту с бойцами, которые прошли уже половину расстояния, и тут же заорал:

— Все из машины!

Спрыгивая с подножки и укрываясь в небольшом, на полметра, кювете, слышал рядом топот бойцов и стук женских туфель. Мой приказ объяснялся просто: башня целого Т-26 медленно поворачивалась на нас.

Выглянув из кювета, я смотрел, как сержант с бойцами зигзагами бегут к танку. Неожиданно грохнул винтовочный выстрел — и один из бойцов упал. Васильков, понимая, что в немцев могут стрелять только свои, огня не открывал. Крича что-то на бегу, он достиг танка и, взбежав на броню, дал в небо короткую очередь. Привстав, я наблюдал, как сержант в открытый башенный люк что-то говорил сидящему внутри. Потом, повернувшись в нашу сторону, замахал руками, призывая. Второй боец, держа в руках винтовку Мосина, отобранную у кого-то позади танка, бегом направлялся к упавшему бойцу. Встав и велел бойцам усилить внимание за окружающей обстановкой, я отдал Вяткину свой бинокль и направился к танку.

Глядя на этих детей, одетых в форму учащихя артиллерийской спецшколы, — на вид им около шестнадцати-семнадцати лет — я думал, что вот именно такие характеры выиграли и победили в той войне, в которой я сейчас участвовал. Именно они защищали Москву, именно они воевали в бойне Сталинграда, именно они брали Рейхстаг. Глядя в эти глаза, я представлял себя на их месте. Смог бы я вот так, с одной винтовкой, пойти против вооруженного противника, с одним патроном, с танком без снарядов и без замка на орудии? Что-что, а характер у них есть. И я в лепешку расшибусь, но выведу их за линию фронта,

чтобы они доучились и били немцев, как встали плечом к плечу против моих бойцов. Вздыхнув, я приказал:

— Представьтесь, товарищи курсанты!

Все трое встали в шеренгу и, вытянувшись, начали.

— Курсант второй учебной батареи Суслов. Выходим из окружения после бомбардировки поезда во время эвакуации нашей школы из летнего лагеря, — отрапортовал невысокий брюнет, крепыш с волевым лицом.

Вторым представился высокий худой паренек со скуластым лицом:

— Курсант Белов, вторая учебная батарея.

— Курсант Ищенко, вторая учебная батарея, — представился последний из курсантов с удивительно длинными ресницами.

— Товарищ капитан, разрешите вопрос? — поднял руку Суслов. Похоже, у этой троицы именно он был за командира, да и движения выдавали в нем лидера.

— Да, можно, курсант. Задавай свой вопрос, — разрешил я. Суслов немного замялся:

— Товарищ капитан, а вы нас возьмете с собой? — Судя по тому, как беспокойно закрутили головами курсанты, их этот вопрос волновал очень сильно.

— Конечно, возьму. Не брошу же я вас здесь!

Курсанты радостно заулыбались. Видно, ходить одним по тылам противника им уже изрядно надоело.

— Так, ну а теперь рассказывайте, как вы тут очутились?

Курсанты хором загомонили. Велев им замолчать, я приказал Суслову начинать. Подошедший к началу рассказа Васильков успокаивающе махнул рукой. Курсанты, увидев этот жест, облегченно вздохнули. Быть убийцами своего они не хотели.

Да уж! Натерпелись курсанты за две недели блужданий по немецким тылам. Слушая вместе с сержантом рассказ, я как вживую представлял, как они убегали от бомбардировщиков, как раненый комбатр приказал им выходить к своим, разбившись на небольшие группы, чтобы не привлекать авиацию. Как их в поле расстреливали немецкие истребители, как убегали от немецких патрулей, чудом не попав под облаву. Глядя на эти исхудавшие лица, я представлял, как они собирали зерна в полях и ели их, как нашли одну винтовку с одним патроном в полузасыпанной стрелковой ячейке на месте боя, где лежали десятки захороненных красноармейцев и командиров. Как вышли на этот луг, где обнаружили два подбитых танка. Как спрятались в одном из них и, увидев подходящих от остановившихся машин трех немцев, решили драться до конца, до смерти.

— Хорошо, что все хорошо кончается. Так, курсанты?

— Да, товарищ капитан.

— Ладно, бойцы. Молодцы, что шли к своим, не потеряв силу духа и человеческое лицо. Идите в головную машину и примите под охрану женщин, находящихся там.

Повернувшись через плечо, курсанты строем, чеканя шаг, по неровному полю направились к машине. Проводив их взглядом, я обернулся к сержанту:

— Что с бойцом?

— Жить будет. Санитар сказал, что пуля прошла плечо навывлет, сейчас его отнесут в мою машину, пускай там рядом с летчиком полежит.

— Хорошо, то есть ничего хорошего. Мы лишились боеспособного бойца. Значит так, отдашь его МП старшему из курсантов и научишь их, как с ним обращаться. Вот в такие минуты сильно жалеешь, что отдал будущим партизанам все трофейное оружие. Сейчас бы

оно нам ой как пригодилось.

Отправив Василькова проверить, как маскируются бойцы для засады, я направился к машинам. Подойдя к грузовику и поставив ногу на колесо, заглянул в кузов. Затем я велел курсантам получить у сержанта пистолет-пулемет и обучиться владением им, крикнул водителя, ковыряющегося под капотом, и приказал подошедшему бойцу отогнать вместе с напарником обе машины под прикрытие деревьев и стоять наготове. Сразу после боя по моему знаку вернуться назад, курсанты с автоматом будут охранять машины. Подойдя к курсантам, сидящим перед разобранным на брезенте МП, — один из бойцов показывал им, как его собирать и разбирать, — велел, когда закончат, садиться в машины и брать их под свою охрану.

— Товарищ капитан!

Я обернулся к окликнувшему меня Вяткину, стоящему с биноклем в кузове и активно машущему руками. Подбежав к нему, я выслушал, что он увидел.

— Они показались, товарищ капитан. Вон там появилась колонна пленных. Минут через десять они нас увидят, как только выйдут из низины.

— Все, внимание! Они идут! Немедленно укрыться по своим местам.

Велев машинам уезжать, я посмотрел, как курсанты на ходу запрыгивают в один из грузовиков, повернулся к стоявшему рядом Вяткину и скомандовал:

— Давай на место. Не забудь, что ты должен делать.

Проводив Вяткина взглядом, я осмотрелся. Бойцы хорошо спрятались, хотя в некоторых местах внимательный взгляд мог подметить, что тут кто-то недавно побывал. Сделав несколько замечаний укрывшимся бойцам, направился к своей, вырытой бойцами ячейке. Так как времени было мало, то ячейка получилась для стрельбы лежа, как и у всех бойцов. Устроившись поудобней в окопчике, разложил перед собой пару запасных магазинов и немецкую гранату с длинной ручкой. Сняв фуражку, я надел немецкую каску, хоть какая-то, но защита. Приготовившись ждать, мысленно прокрутил все в голове, не забыл ли чего. У каждого бойца был свой сектор стрельбы, как и у пулеметчиков. Немцев всего тридцать девять при пяти пулеметах, четырех пистолет-пулеметах и тридцати пяти карабинах — против наших двух МГ-34 и семи МП-38, собранных по всей мехгруппе, двух ППД и четырех немецких карабинов. Так как пленные идут по дороге, а конвойные сопровождают их по обочине, то пулеметы, установленные в кювете и направленные вдоль дороги, должны были изрядно проредить конвой. Довершить же дело должны были пистолет-пулеметы и карабины. Лишь бы пленные под пулеметные очереди не бросились от неожиданности.

Взяв в руки бинокль, лежавший около магазинов к автомату, стал внимательно рассматривать в него колонну, показавшуюся на пригорке. Благо солнце светило со спины и стекла бликов не давали. Немцев было не тридцать девять человек, было больше. Во время осмотра пленных я пересчитал конвой, но не учел, что полевую кухню кто-то должен возить. Сейчас впереди колонны шел битюг, таща за собой кухню. Им управлял немолодой ездовой. За кухней следовала телега, запряженная таким же битюгом, на козлах сидел еще один ездовой. Сзади на телеге вольготно устроились два пулеметчика, направив стволы пулеметов на пленных, следующих за ними на расстоянии метров тридцать и вынужденных нюхать запахи кухни. Я видел, как многие сглатывали и принюхивались к запахам. Рассматривая ездовых, думал, а какая разница? Больше их вдвое или меньше, результат будет один. Пленные подходили все ближе и ближе. Увидев, что передняя лошадь пересекла черту, определяющую жить или умереть, я громко скомандовал:

— Огонь!

Тут же заработали пулеметы. Направив ствол МП на пулеметчиков, которые от неожиданности соскочили со второй телеги, с расстояния в пятьдесят метров, крепко прижимая приклад автомата к плечу, я двумя короткими очередями перечеркнул тела пулеметчиков. Благо из пленных на линии стрельбы никого не было. Наши пулеметы, выпустив по пол-ленты, дав несколько очередей, замekli. Случилось то, чего я так опасался. Волна пленных захлестнула конвой, и пулеметчики были вынуждены прекратить ведение огня. Увидев, как здоровенный немецкий солдат ударом приклада отбил атаку безоружного пленного и приготовился выстрелить, мне пришлось из неудобного положения дать очередь на три патрона. Два прошли мимо, но один попал в плечо, заставив немца крутануться на месте. Через секунду его захлестнуло волной пленных. Закончив стрелять, ни я, ни мои бойцы не торопились показываться из ячеек. Пленные сейчас под адреналином и могут стрельнуть в появившихся людей, одетых в немецкую форму. Поэтому мы ждали, пока они успокоятся.

— Эй, товарищи, вы где? — крикнул немолодой капитан с синими петлицами и перевязанной кистью руки. Потом повторил: — Отзовитесь!

Поднявшись на колени и встав на ноги, я вызвал небольшую волну. Все бывшие пленные рефлекторно сделали шаг назад. Некоторые, у кого было оружие, тотчас вскинули его.

— Не стрелять! — Из задних рядов выбрался Никаненков в сопровождении пары бойцов, вооруженных карабинами. У самого старлея висел на плече ремень с кобурой.

— Ну привет, капитан Михайлов! — сказал он.

Демонстративно отряхнув форму и собрав в разгрузку использованные и неиспользованные магазины к пистолет-пулемету, я не спеша направился к Никаненкову, идущему мне навстречу. Мои бойцы продолжали находиться в ячейках, отслеживая движение бывших пленных.

— Вот уж кого не ожидал здесь встретить, так это вас, товарищ младший лейтенант госбезопасности, — чуть устало хмыкнул я. Судя по реакции ближайших пленных, они не знали, что Никаненков из органов. Сопровождающие старлея бойцы даже глазом не повели. Видимо, были в курсе.

И я сразу же задал интересующий меня вопрос:

— Наши прорвались? Вышли?

Молча кивнув, Никаненков сбросил с плеча ремень и, застегнув его, провел ладонями по бокам, сгоняя складки гимнастерки назад. Также молча, щелкнув пальцем по кобуре, старлей сказал:

— И что это все значит?

— У нас что, освобождение из плена советских бойцов, граждан СССР, это уже преступление?

Никаненков поморщился:

— Я не об этом, что ВЫ тут делаете? Господин Вацлав Швед!

«Оп-па! Ну ни фига себе! Как же это он узнал?!» — ошарашенно подумал я.

— НО КАК?!

Никаненков улыбнулся и спокойно ответил, что меня опознал один из бойцов роты капитана Савельева, с которым Швед проходил срочную службу. Правда они узнали обо мне только после того, как разбитая и имеющая после артоналета огромные потери рота вернулась на свою сторону берега. Благо тот свидетель выжил, так как капитан Савельев его

использовал как связного. Задумавшись, я просканировал память Шведа и вспомнил. Точно, красноармеец Тухватуллин проходил службу вместе со Шведом, только в мотострелковом батальоне. Тот самый, которого Савельев послал при мне предупредить наших о засаде. Глядя на меня с улыбкой, лейтенант продолжил:

— Ну что, Швед? Спета твоя песенка, хоть твои люди и держат нас на прицеле, но нас больше, и шансы уцелеть в перестрелке ничтожно малы, — спокойно сказал Никаненков, но это меня интересовало мало:

— Откуда Тухватуллин узнал, что я работаю на противника?

— Сотрудники НКВД опрашивали сослуживцев, которые тебя помнили после той акции, что ты провел во Львове. Им попался Тухватуллин, один из немногих, что остался в дивизии на сверхсрочную, и помнящий тебя. Ну а там имеющий уши да услышит.

— Давай отойдем. — Я подхватил лейтенанта под локоть и отвел его метров на сорок в сторону, за нами наблюдали как пленные, так и мои бойцы.

— Во-первых, мы с тобой в разных званиях, так что твое тыканье мне режет слух, мы же с тобой на брудершафт не выпивали? А насчет Шведа, то он был убит еще осенью сорокового года при захвате их базы сотрудниками МУРа. Мы тогда подсуетились, и, по всем сводкам, он сумел прорваться, убив несколько сотрудников милиции. Их действительно тогда погибло несколько.

— Вы КТО?

— Старший лейтенант Солнцев Михаил Геннадьевич из Первого Отделения ГУГГ НКВД. Был внедрен под видом Шведа в немецкую разведку, благо мы очень похожи. Сейчас командую механизированной группой. Да, кстати! Со мной было еще два диверсанта... — И я в сжатой форме рассказал все, что было и что я насочинял за это время. Вряд ли я сейчас спалюсь, но к нашим мне путь заказан. Уж лучше я здесь партизанить начну, чем попаду в застенки НКВД. То, что меня проверят и расколуют быстро, я не сомневался. Никаненков повернулся к своим бойцам и успокаивающе махнул рукой. Напряжение, висящее в воздухе, заметно спало. Махнув рукой своим бойцам, что можно выходить, я снова повернулся к Никаненкову.

Посмотрев мне в глаза, лейтенант сказал:

— Мне ничего не остается, как поверить тебе на слово. Сам понимаешь, в какой мы ситуации.

Улыбнувшись, я протянул руку и произнес:

— Давай снова знакомиться. Михаил, можно просто Миха, — представился я.

Продолжая глядеть мне в глаза, Никаненков сказал:

— Александр, можно просто Саша. Теперь уже не тезки. Что думаешь делать?

— Уходить надо. И быстро.

— Да, надо уходить к лесу. — Саша приложил ко лбу ладонь козырьком и посмотрел в сторону леса. От леса уже пылили к нам мои грузовики. Посмотрев на машины, я обратил внимание на выехавшую из леса колонну немцев. Быстро вскинув бинокль, я стал считать их. Одиннадцать. И плюс бронетранспортер впереди колонны. Плохо, что все машины с тентами и невозможно разглядеть численность немцев. Не гут. Быстро отдав бинокль в загребущие руки Никаненкова, я стал командовать. Было не до выяснения, у кого тут член больше; узнать, есть ли в колонне командиры старше меня по званию, просто не было времени, обстановка не позволяла.

— Все бывшие пленные — строиться в колонну и делать вид, что вы на отдыхе. Все, кто

в форме Вермахта, изображать конвой. Все пленные, кто с оружием, занимают позиции внутри строя и готовятся к бою. Внимание всем, мне нужны герои на поле боя, а не сейчас. Кидаться с голыми руками на стволы противника, как только что вы сделали, не нужно. Поэтому все, у кого нет оружия, при начале стрельбы падают на землю, чтобы не перекрывать сектор стрельбы. Ясно? Раненых и убитых убрать за спины пленных, чтобы их не было видно с дороги. Васильков, ко мне!

Приказал подбежавшему Василькову занять позиции в начале колонны, со стороны подъезжающих немцев, и в случае если машины набиты солдатами, то мы их пропускаем, если же они с грузом, что подтверждает наличие брони, то мы их берем. Машины были нужны как воздух.

Обговорили с сержантом, какими знаками будем общаться. Проследив на ходу, как бойцы быстро рассредоточились, мы с Никаненковым направились в конец колонны. Встав около дороги и пропустив наши грузовики, я сделал водителю на первой машине незаметный знак, чтобы они продолжили движение дальше, не останавливаясь, и стал наблюдать за подъезжающей колонной противника. Следовавший во главе бронетранспортер, похожий на гроб, имел гусеницы и колеса спереди. Махнув рукой подъезжавшей броне, я велел остановиться. Из первой машины вылез тучный майор интендантской службы и, обойдя бронетранспортер с сидящими в нем солдатами, с любопытством глазющими на русских военнопленных, направился ко мне. Его красное лицо стремительно белело от гнева.

— Лейтенант, что все это значит? — Васильков, делая безразличный вид, заглянул в кузов, отрицательно покачал головой кому-то головой и, отойдя в сторону, сделал мне знак. Опасность. Нужно было что-то быстро решать. Захватить на шару грузовики явно не получалось. Лихо козырнув и вытянувшись, я сказал злому майору:

— Извините, герр майор, но там, откуда мы идем, была слышна перестрелка, и я хотел вас предупредить.

Глаза майора продолжали метать молнии. Со свистом втянув воздух, он сказал:

— Хорошо. Спасибо, лейтенант. Для русских окруженцев у нас есть неприятный сюрприз, так что, лейтенант, ваша тревога о нас беспочвенна.

Еще раз поблагодарив меня, майор вернулся в машину. Проходя мимо пленных, он бросил на них безразличный взгляд. Похоже, майор повидал много подобных колонн. Проводив взглядом проезжающий мимо последний грузовик, повернулся к подошедшим Василькову и присоединившемуся к нему Никаненкову.

— Что там было? — спросил я у Василькова.

— Зенитки, автоматические пушки вроде на двадцать миллиметров. В остальных машинах солдаты. Сидят наготове. Внезапного боя не получилось бы.

Хмуро слушавший Никаненков спросил:

— Может, успели бы их внезапно взять?

На что сержант так же хмуро покачал головой:

— Нет, товарищ младший лейтенант госбезопасности. Там егеря сидели. Настоящие волчары. У многих автоматическое оружие, пулеметы. Да и про зенитки забывать не нужно. У них быстро сбрасываемый тент и складывающиеся дуги. Несколько секунд — и готовы к стрельбе.

Никаненков в ответ сказал:

— Стрельба в упор им вряд ли помогла бы. Мои бойцы их расчеты быстро бы свели на

нет, пока они готовились к стрельбе.

Сделав знак открывшему рот Василькову молчать и обернувшись к нашим подъезжающим машинам, я ответил вместо сержанта:

— Свели, не свели, сейчас уже поздно говорить. Убираться надо отсюда. Стоим тут на виду, как три тополя на Плющихе. Грузите раненых и убитых на машины. К лесу двигаемся в том же порядке. Впереди кухня с телегой, конвоиры из моих бойцов. Дойдем до леса, там тщательно перевяжем раненых, а не как сейчас небрежно. Похороним убитых. Пообедаем и двинем к нашим... Черт, все-таки транспорт нужен. Так бы мы мобильней были. Ни от какой погони не уйдешь. Ладно. Сань, командуй своим бойцам построение — и двигаемся, — скомандовал я. Проводив взглядом убежавшего Никаненкова, повернулся к подошедшей семье генерала и, разведя руками, сказал:

— Извините, Софья Владимировна, придется пешком идти, хотя бы до леса. В машины раненых погрузили.

— О, не беспокойтесь, капитан, мы привычные, пройдем. Я хотела спросить, вам помощь в перевязке и уходе за ранеными не нужна?

— Нужна, Софья Владимировна, но не от вас. У вас дети, заботьтесь о них, а о раненых, как мне доложили, присматривают два медика из бывших пленных. Так что о них есть кому позаботиться. Вы лучше возьмите на себя командование кухней... А, все, сигнал, пора идти.

Не спеша, колонна двинулась по дороге в сторону леса. Курсанты и женщины спрятались в глубине колонны, как и остальные вооруженные бывшие пленные. Догнав неторопливо ехавшую телегу с двумя бойцами, одетыми в трофейную форму, я сел рядом с возницей и оперся спиной о какие-то мешки, судя по форме, с картошкой. Пройдя большую часть пути, пропустили возвращающиеся назад наши порожние грузовики. Места для всех в первом рейсе не хватило. Вот я и приказал сделать несколько рейсов, забрав также и убитых конвойных. Чем дальше их будут искать, тем лучше. Так я объяснил остальным командирам. Подумав, те пришли к мнению, что я прав. Поэтому, шестерых бойцов из бывших пленных надели форму убитых конвойных, что поцелее, и сейчас занимались вывозом. Сначала они увезли раненых на пару километров в глубину леса и с помощью медиков выгрузили их на нарубленный лапник. Потом вывезли наших убитых, которых оказалось восемь человек. Последним рейсом вывезли тела оставшихся конвойных. Их мы не хоронили, просто скинули в первый попавшийся овраг, что поглубже. Для своих же убитых вырыли братскую могилу на опушке леса, в стороне от дороги. Бойцы сами нашли это живописное место для павших товарищей. Пересчитав и покормив голодных бойцов, мне подали список. Освобожденных пленных оказалось двести сорок два бойца, ранеными двадцать один. После того как Васильков их опросил, — как заместитель Соколова по Особому отделу в моей мехгруппе, он имел на это право, — выяснилось, что в плен командиры и красноармейцы попали сегодня рано утром при прорыве немецкой группировкой нашего фронта чуть западнее Смоленска. На беду, незадолго до этого там вышли окруженцы под командованием полковника Соколова. Самих окруженцев отправили на фильтр, а вот Никаненков со своими бойцами задержались. Оказалось, что они при проверке пути следования группы случайно напоролась на легковую машину, следовавшую в сопровождении бронетранспортера. Встреча была внезапной как для разведчиков, так и для немцев. В ту же завязавшейся перестрелке был уничтожен гранатами бронетранспортер и перебиты почти все немцы. Неожиданностью для разведчиков оказались небольшие потери и лежащий на полу в иррешеченной легковушке полковник артиллерии, причем без единой царапины, не считая

испачканных штанов.

Охреневшие от такого сюрприза бойцы выцарапали полкана из машины и сделали все, чтобы немец оказался у наших. При прорыве немецких укреплений даже закрывали его своими телами, чтобы не дай бог не задела шальная пуля ценного пленного. Так Никаненков, который первым допрашивал полковника, еще когда они шастали по тылам противника, и задержался в расположении штаба дивизии, пока общался с контрразведкой. А утром должен был отбыть на сборный пункт, но прорыв немцев оказался неожиданным. Никаненков, когда рассказывал эту историю, постоянно морщился:

— И пришлось надеть форму убитого красноармейца. Немцы сотрудников НКВД расстреливают, об этом все знают. Осуждаешь?

— На хрена? Выжил, это главное. Ты, Александр, больше пользы принесешь живым, чем мертвым.

— Так-то оно так, — вздохнул Сашка и добавил: — Но все равно гложет. Понимаешь?

— О, никак совесть проснулась? Не обижайся, Сань, просто у меня шутки такие. Ладно, пошутили и хватит. Меня, как мне кажется, командиром назначили? Что-то с вопросами все ко мне бегут. Тут надо решать, кто командиром будет.

— Что тут решать? Ты как командир мехгруппы и командуй. Мы уже так решили, пока ты обедал.

— Ясно. Зови всех командиров.

Наблюдая за собиравшимися командирами, я усиленно размышлял. Проблемы накатывались на меня просто лавиной. Сперва семья генерала, потом освобожденные пленные. План большого бума откладывался, надо довести их до стоянки мехгруппы. В том, что группу обнаружат, я сомневался. Слишком хорошо они были замаскированы. Вот только проблема с охранением стояла остро, людей не хватало. Дошло до того, что пришлось ставить на посты девушек из медперсонала. Пехота была нужна, просто **ОЧЕНЬ НУЖНА**. Собравшиеся вокруг меня командиры терпеливо ждали, когда я очнусь от размышлений.

Встряхнувшись, я встал с поваленного дерева, на котором сидел, и, осмотрев всех командиров, спросил у Василькова, стоящего рядом и держащего в руках листок бумаги:

— Это список собравшихся здесь?

— Да, товарищ капитан. Вот возьмите. — Он протянул мне листок. Взяв в руки листок, я стал вчитываться в мелко написанный текст.

Так, кто у нас тут? Двадцать восемь командиров. Начиная от капитана и заканчивая младшим сержантом. В основном пехота, уже хорошо. Есть авиатехник, артиллеристы, медики, сапер, минометчик, командир пулеметной роты, интендант и два зенитчика. Танкистов не было. Ну это понятно почему, основной состав poleg в приграничных боях, те, кто вышел к своим, отправились на сборный пункт, а дальше по танковым частям, дефицит танкистов уже сказывался. Познакомившись с командирами, я всматривался в лица.

Благодать, ни одного знакомого лица. Я раскидал их по подразделениям, кроме зенитчиков и сапера. Не понимаю, почему их гнали вместе с рядовыми. Ведь бойцов и командиров должны были сортировать. Но никто не знал почему. Приказав построить всех бойцов, прошел вдоль строя, разглядывая лица. Тоже мимо, ни одного знакомого лица.

Никаненков, сопровождавший меня, за все время осмотра был напряжен, как струна. Когда я повернулся и сказал ему, что ни одного знакомого лица не обнаружил, было забавно наблюдать, как он воспрянул духом. Несмотря на проблемы, связанные с такой толпой, я решил идти таким же макаром. То есть колонна пленных в сопровождении конвойных.

Проблема была в том, что пройти нужно было по прямой тридцать два километра. Однако пленные уже отмахали почти сорок километров — и это без остановки, без отдыха, бегом или быстрым шагом. Все слабые и легко раненые остались лежать на обочинах дорог. Конвойные с ними не церемонились, стреляли в упор. Некоторые со смехом. Никаненков, когда мы сидели и прорабатывали маршрут пути до стоянки мехгруппы, рассказал, как их вели. Даже меня мороз пробрал по коже. Теперь было понятно, почему пленные бросались прямо на пулеметы. Был шанс, и они его использовали. Выходить мы решили за два часа до заката, используя время для отдыха бойцов.

— Слушай, Сань. Я решил, возьму раненых, пяток бойцов в трофейной форме и мотнусь до наших. Выгружу раненых, возьму свободные грузовики — и сразу к вам. Один рейс точно сделать успею.

— А что, план хорош. Кого возьмешь?

— Семью генерала, это понятно. А больше места нет. Два же грузовика всего.

— Когда выезжать думаешь?

— Да прямо сейчас и поеду. Чего тянуть?

— Ладно. Я буду готовить раненых к поездке.

— Подожди, Сань. Я вот чего подумал, мы можем и не успеть к сроку. Так что все пулеметы оставляем с вами. Выстави максимальное количество постов. Лады?

Машины медленно переваливались через колдобины, небольшая ямка или кочка — и сразу бешеный стук в кабину. То, что раненых нужно вести медленно, чтобы не растряссти, я не учел и сейчас пожинал плоды. Когда везли раненого летчика, проблем не было, он постоянно был без сознания, а тут? К сроку мы теперь не успеем по-любому.

Ехали мы теперь по другой дороге. Нужно сказать большое спасибо немцам за тщательную проработку карт. Тут были даже проселочные и лесные дороги.

Медленно двигавшиеся машины подъехали к глубокому оврагу. Дорога спускалась вниз и терялась во мгле. Высоченные сосны давали мало тени, и сверху казалось, что внизу царство тьмы. Водитель остановил машину прямо перед пропастью так, что капот нависал над обрывом, и, открыв дверцу, выпрыгнул на дорогу. Сзади к нему подошел водитель второй машины. Уже вместе они отошли к краю дороги и стали о чем-то совещаться.

— Архипов, в чем дело? — открыв дверцу, спросил я у своего водителя.

— Опасно тут спускаться, товарищ капитан. Нужно бы осмотреться, спуститься вниз.

— Ясно, что ничего не ясно. Ладно, сейчас возьмем пару бойцов и спустимся вниз. Я тоже прогуляюсь, а то на этой дороге все кишки растряс.

Построив бойцов, я двоих забирал с собой, троих оставил в охране у машин.

— Товарищ капитан! — окликнул меня слабый голос из кузова второй машины. Подойдя к ней, я увидел через откинутый сбоку тент раненого летчика, которого мы забрали вместе с генеральской семьей. Летчик сидел, привалившись спиной к кузову, и смотрел на меня. Лицо его было перекошено от боли.

— Слушаю вас, младший лейтенант. — Когда летчика грузили в машину, мне дали его документы, и из них я узнал, что он является штурманом дальней бомбардировочной эскадрильи, младшим лейтенантом Чубайсовым. Допросить его не получилось, он был постоянно без сознания. Только раз он пришел в себя, и я смог с ним поговорить.

Выяснилось, что их сбили при возвращении с задания. И что когда весь экипаж выпрыгнул, немецкие летчики-истребители расстреливали их в воздухе. Лейтенанту повезло,

что парашют он открыл с опозданием, почти у самой земли. Но немцы не оставили его без внимания. Результат — перелом ноги и сквозное ранение. Сам он с трудом смог перевязаться. Повезло ему еще в том, что его быстро нашли крестьяне и успели спрятать и перевязать.

— Боец справа от меня, похоже, умер, — сказал штурман.

Встав на колесо, я заглянул в кузов. Прикрытый грязной шинелью боец смотрел в небо стеклянными глазами. Приложив руку к холодной шее, я с надеждой пытался уловить пульс. Его не было. Вздохнув, я провел рукой по лицу мертвого бойца, закрывая веки. Спрыгнув на землю, сказал лейтенанту:

— Хоронить его будем, когда приедем на базу. Со всеми воинскими почестями. — Но лейтенанту, видимо, было уже все равно; закатив глаза, он уронил голову на грудь. Приложив руку к шее, я услышал слабый пульс. Вздохнув свободней, крикнул медика из первой машины. Нам пришлось из-за малого количества мест взять одного военврача. Я объяснил, что раненый летчик потерял сознание, нужно посмотреть его, уведомив также об умершем бойце. Занимавшийся одним из раненых в кузове первой машины медик оторвался от работы и кивнул.

Поправив ремень автомата на плече, я стал спускаться вслед за бойцами, державшими оружие на изготовку. Оба водителя топали за мной, негромко переговариваясь. Идя рядом с глубокой колеей, я стал разглядывать трактор, увязший в середине огромной лужи так, что вода была поверх гусениц. Подойдя ближе, увидел, что прошлые водители просто объехали лужу по краю, набив там даже новой колею. Разглядывая трактор, размышлял. Трактор наш, застрял, бросили, но не это привлекло мое внимание. Хмыкнув, громко сказал на русском:

— Можете выходить, мы свои, русские. Просто одеты в трофейную форму.

Бойцы, слушая мою речь, сразу же закурили головой. У обоих на лице отразилась досада. Из-под трактора высунулась грязная голова в советской пилотке без звездочки. Внимательно поглядев на нас, боец вылез весь. Даже сквозь грязь, стекающую по нему, было видно, насколько он худ.

— Вы кто? — хрипло выдохнул неизвестный, держась за трактор. Я вдруг понял, что он от голода еле-еле на ногах стоит. И что в лужу он залез в надежде найти что-нибудь съедобное в тракторе.

— Капитан Михайлов. Боец, тебе нужна помощь? — спросил я. Неизвестный вдруг пошатнулся и стал падать лицом в лужу. Бойцы синхронно прыгнули в лужу и, разбрызгивая грязь, подбежали к упавшему. Подхватив его под мышки, потащили.

— Архипов. Давай медика сюда. Живо! — крикнул я.

Сорвавшийся с места водила рванул наверх. Мы вчетвером вынесли тело на сухое место. Парень был в сознании. Редкая бородка и осунувшееся лицо говорили о многом. Закашлявшись, он попросил:

— Есть, дайте поесть, пожалуйста.

Сзади раздался топот двух человек. Обернувшись, я сказал подбежавшему военврачу:

— Похоже на дистрофию. Он крайне истощен.

Военврач оттер меня в сторону. Открыв трофейную медицинскую сумку, он стал в ней ковыряться, потом, повернувшись, спросил:

— Вы его не кормили? — В ответ на мой отрицательный поворот головы он улыбнулся: — Молодцы. Вы ему, считай, жизнь спасли.

Обойдя врача, я подошел к незнакомцу с другой стороны:

— Ты меня понимаешь?

Парень чуть слышно прошептал:

— Да.

— Ты один?

Незнакомец отрицательно покачал головой.

— Сколько вас?

— Ээтро.

— Что?

Незнакомец закашлялся.

— Семеро, — повторил он.

— Из лагеря сбежали?

Незнакомец согласно опустил веки. Видимо, у него окончательно иссякли силы. Я задал последний вопрос.

— Где они?

Из последних сил незнакомец приподнял руку и указал:

— ...ам.

— Я понял, боец, мы их найдем. Ты слышишь меня? Мы их найдем. — Но меня оттолкнул в сторону медик. Оставив с ним обоих шоферов, мы с остальными бойцами направились в сторону, куда указал незнакомый боец.

Нашли мы их быстро. Похоже, что как бежали, так и упали. Двое были в сознании. Увидев трех немцев, оба пытались бежать. Но силы покинули их, лежа они с ненавистью смотрели на нас и молчали. Я поднял руки и, повернув ладони в их сторону, спокойно и размеренно сказал:

— Успокойтесь. Мы свои. Советские. Просто одеты в трофейную форму. Все. Спокойно. Успокойтесь... — Я заговаривал их, чтобы они не наделали глупостей, на которые люди способны в отчаянной ситуации. Убедившись, что они успокоились, я велел бойцам не трогать их, не кормить, особенно не кормить. Спокойно подойдя к тяжело дышащему бойцу, по внешнему виду похожему на командира, я присел на корточки и, спокойно глядя ему в глаза, спросил:

— Говорить можешь?

— Д-да. — Откашлявшись, повторил: — Да, могу.

— Хорошо. Рассказывайте.

Возвращаясь к машинам, я усиленно размышлял. Крупный лагерь военнопленных, о котором рассказал сержант Герасимов, не давал мне покоя. Как освободить пленных из лагеря, я решил обсудить со своим штабом, вернувшись в мехгруппу. Оставлять же истощенных бойцов, бежавших из плена, я не собирался. Мне это даже в голову не пришло. Поэтому, выгрузив раненых в неприметном лесочке, в полукилометре от дороги, отвезли туда же на одной из свободных машин и истощенных бежавших из плена бойцов. Оставив с ними одну машину с водителем для охраны и медика и посадив всех бойцов в кузов, мы отправились на свободную охоту. Я решил устроить подвижную засаду. Про которую вычитал в мемуарах офицера-афганца. Идея была проста. Группа бойцов на автотранспорте едет по дороге и в случае встречи с противником атакует его. Но тут есть свои подводные камни.

Во-первых — нужно вести разведку по маршруту, чтобы обнаружить противника первыми, и определить, можно ли его атаковать.

Во-вторых — с ходу массированным огнем уничтожить как можно больше солдат противника. На случай продолжительного боя.

В-третьих — в случае если противника больше, чем определила разведка, и группа вступила в бой, то по возможности оторваться от него по проверенным путям отхода.

— Ну что там? — спросил я взмыленного бойца, бегущего от поста на противоположной опушке леса к машине, у кабины которой я стоял.

— Много. Уф-ф... Семь машин и мотоцикл. — Боец никак не мог отдышаться.

— Ясно. Пропускаем. Давай отъезжай, — сказал я своему водиле. Взрыкнув двигателем, «Опель» заехал за кусты. Проследив за грузовиком, я повернулся к бойцу.

— Иди отдыхай. Пусть Минаев тебя сменит.

— Есть, — приложил руку к немецкой пилотке боец. Вздохнув, я стал взбираться на дерево. Поднявшись на восьмиметровую высоту, достал из чехла бинокль. В окуляры была видна небольшая речушка и идущая параллельно ей дорога. Выехавшая из-за края леса колонна проследовала именно по этой дороге. Я с сожалением проводил ее взглядом. Слишком крупная дичь. Как бы самим не стать добычей. Проследив, как последний грузовик скрылся за поворотом дороги, стал спускаться вниз.

— Товарищ капитан. Грузовик едет. — Подбежавший Минаев дышал на удивление ровно. Я бросил свирепый взгляд на прошлого бойца. Физподготовка у него явно страдает. Ну ничего, вернемся на базу, будет отрабатывать по полной. Устрою ему марш-бросок.

— Один грузовик. Торопится. Видать, от этих отстал.

Я тут же заорал:

— В машину! Приготовиться к бою!

Спустившись на землю и взведя затвор автомата, я с разбегу запрыгнул в машину.

Мы напали внезапно, и поэтому немцы не успели отреагировать. Встреча произошла на повороте дороги, с краю леса. Я видел орущего водителя «Блица», выкручивающего руль в сторону, и пассажира, сидящего рядом с выпученными глазами. Били автоматы над кабиной. Но от тряски очереди уходили в сторону.

— Стой! — заорал я на Архипова.

Машина встала как вкопанная. В кузове послышался грохот и хор мата.

— Из машины. Живо. К бою, — скомандовал я, выскакивая из кабины и открывая огонь по двум немцам, видневшимся в глубине кузова.

— Чисто! — прокричал один из бойцов.

— Проверить кузов, — приказал я бойцам, спрыгивающим с машины. Сам же в это время стал оббегать «Блиц» сбоку, со стороны водителя. Держа на прицеле кабину машины и встав так, чтобы из кабины нельзя было меня поразить, крикнул: — Внимание, в кабине! Выйти из машины, держа руки на виду! В случае неповиновения — открываю огонь на поражение!

Щелкнув замком, чуть приоткрылась дверь. Мне пришлось заорать:

— Граната! — и, рывком уйдя в сторону, открыть огонь по кабине.

Подбежав к машине ближе, пинком отправил гранату в кусты. Упав на землю, прикрыл голову руками. Взрыв произошел спустя две секунды. Быстро вскочив, обернулся к бойцам. Вроде все живы, стояли у заднего борта грузовика, но, что странно, у всех были очень злые лица. Повернувшись, я быстрыми шагами подошел к двери и, держа автомат наготове, рывком распахнул изрешеченную дверь. Из кабины свесилось тело убитого водителя. Наведя

на него ствол автомата, дал короткую очередь в три патрона в грудь. Дернувшись, тело выпало из машины. Поставив ногу на убитого, я заглянул в кабину. На пассажирском месте сидел, привалившись к двери, мертвый ефрейтор. В виске было отчетливо видно пулевое отверстие, но мой автомат все равно выдал короткую очередь по ефрейтору. Просто для контроля.

— Что там Вяткин? Архипов, проверь машину, что с ней. — Я подошел к заднему борту машины, где молча стояли злые бойцы. Мне это резко не понравилось.

— Что за смотрины? Двое в охранение, живо! Остальным отойти от машины! — Подойдя к борту, я взялся за тент, чтобы откинуть его, но он сам отлетел в сторону. В кузове стоял Вяткин. Лицо его было каким-то мертвым, застывшим. Сзади протопал к кабине Архипов.

— Что? — спросил я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вяткин, скрипнув зубами, молча мотнул головой в глубь кузова.

Я забрался в кузов. То, что увидел, мне, как и бойцам, очень не понравилось. Теперь было понятно, почему водитель с пассажиром не сдались. За такое убивают о-о-очень медленно. На дне кузова лежали две девочки, можно сказать девушки, лет по четырнадцать-пятнадцать. Мертвые девушки. Рассматривая их, лежащих гольшом рядом друг с другом, я видел, что это не мои пули поразили их. Я стрелял по верх борта по телам встающих солдат и задеть их не мог. Кроме двух убитых мной немцев, в кузове был третий — солдат. Почему он решил ножом убрать свидетельниц, не знаю, но он это сделал. Глянув на фарш мяса, оставшийся от третьего солдата, повернулся к бойцам и спросил:

— Почему не взяли его живым?

Но бойцы только угрюмо посмотрели на меня. Тяжелое молчание прервал Вяткин:

— Это план «Ост»?

Ничего не ответив, я кивнул. Сказать было нечего. Бойцы теперь еще злее станут.

— Товарищ капитан. Машина в порядке. Целая она, — отвлек меня от размышлений Архипов. Девушек вместе с умершим от ран бойцом мы похоронили рядом со стоянкой раненых. А немцев повесили на деревьях с кусками материи на груди и надписью на немецком: «Так будет с каждым, кто покусится на честь наших женщин».

Захваченную машину вести пришлось мне. В лагерь стоянки мехгруппы мы въехали в сгущающейся темноте.

* * *

Тихий вопрос старшины Егорова вернул меня в реальность от воспоминаний о двух дневных гонках. Я переспросил:

— Что, старшина?

— Я говорю, товарищ капитан, что прокормить такое количество бойцов одной кухней очень трудно. Нужна еще одна. Да и продовольствия, что мы взяли на складе МТС, хватит только на неделю.

— Будет тебе кухня. Будет, — отмахнулся я от Егорова.

Вернув тарелку с ложкой Светиковой, неторопливо начал обходить лагерь. Да, лагерь напоминает побоище. Везде разбросаны тела, кажущиеся издали погибшими в бою. И

только легкий храп подтверждает, что это все-таки армейский лагерь на отдыхе.

Из-за громады КВ вышел зевающий Никаненков. Велев дежурному, вернувшемуся с обхода постов, объявлять подъем и собрать командиров у моего танка, я махнул рукой Никаненкову, и мы пошли к небольшой речушке шириной метров восемь, но удивительно глубокой. Раздевшись, с разбегу кинулись в воду. Неторопливо плывя на одном месте против течения, мы молчали. Я вспомнил те сумасшедшие часы, следовавшие за моим приездом на место стоянки мехгруппы. Ночью вся группа снялась с места и двинулась навстречу колонне бывших пленнх бойцов. Была еще одна причина срочно уходить. Младший лейтенант, освобожденный на базе МТС, исчез за два часа до моего приезда. Как доложил Соколов, двух бойцов, приставленных к нему, они нашли спустя пятнадцать минут после того, как их последний раз видели вместе. Со слов приведенных в сознание бойцов, они ничего не помнили. Все делали, как их инструктировал лейтенант Соколов, не приближались более чем на пять метров к нему. Один из бойцов запомнил только, что младший лейтенант, идущий впереди, вдруг исчез, после чего заметил смазанную тень справа, потом все померкло. Второй боец не помнил и этого. Жаль я не успел посмотреть на этого лейтенанта. Очень жаль.

Встретились мы с группой Никаненкова примерно через два часа. Васильков, хорошо знавший, что немцы без особой причины ночью не ездят, в трофейной форме вышел на дорогу, когда услышал гул двигателей и лязг гусениц. Остальные попрятались на всякий случай. Потом бойцов начали сажать на машины.

На всех места, понятное дело, не хватило. Поэтому их сажали на бочки с горючим, на танки, на самоходки — даже на кухню, прицепленную к «Опелю», и то пару человек посадили. Мест не хватало просто дико. Даже у меня в «тридцатьчетверке» сидела пара бойцов. Телеги, освободив от лошадей, тросами привязали к машинам, добавив еще посадочных мест. Так что, как ни странно, на семнадцать грузовых машин и тринадцать танков с самоходками мы смогли усадить ВСЕХ. Даже на бензовозы верхом уселось около двадцати человек. Но при движении несколько красноармейцев из бывших пленнх заснули на броне танков и скатились под гусеницы и колеса следующей техники. Ночью водители не всегда успевали среагировать. Поэтому и случилось несколько трагедий.

На берегу, в сопровождении командиров, стали группками появляться полусонные бойцы. Закончив купаться, мы вышли на берег, вытерлись взятой из танка материей, используемой вместо полотенца, и, отойдя от прибывающих к речке бойцов, разлеглись на берегу. Наблюдая за купающимися, я сказал Александру:

— Надо разбить бойцов по подразделениям. Все-таки плохо, что оружия на всех не хватает. Мы можем вооружить только сотню бойцов.

— Да, оружия мало. Я интересовался у Егорова. У него только полсотни единиц наберется. Да и то только немецкое оружие. Плюс еще оружие убитых конвоиров. Как раз сотня наберется. — Никаненков потянулся и со стоном сказал: — Черт, не выспался совсем.

— Много дел на сегодня. Не отдохнешь. Ладно, хватит прохлаждаться. Нужно собирать штаб. Устроим мозговой штурм.

— Все-таки решил освобождать этот концентрационный лагерь? Хотя да, я с тобой согласен, там же почти десять тысяч пленнх. По словам бежавшего бойца, их фактически не кормят. Смертность более сотни человек в сутки.

Я посмотрел на Никаненкова. Он не дрейфил, это было видно. Он действительно переживал, что мы с ними будем делать.

— А тебя, Саш, куда веди? — Он замолчал. Находиться на месте тех бойцов в лагере ему не хотелось. Наш разговор прервал появившийся дежурный:

— Товарищ капитан, командиры собраны!

Встав и потянувшись, я отпустил дежурного. Одеваясь, сказал Сашке:

— Пойдем. Сегодня будет тяжелый день.

Я стоял и смотрел на уезжающую автоколонну. Взвод Садкова, следовавший в головном дозоре, скрылся из виду уже минут десять назад. Взвод Серова шел в арьергарде. Как раз замыкающий Т-26 скрылся в глубине леса. Достав из кармана комбинезона платок, я промокнул мокрые от пота лицо и шею. Рядом послышались шаги. Обернувшись, увидел подходящего Соколова, на ходу вытирающего испачканные в грязи руки. Посмотрев в сторону ушедшей колонны, он перевел взгляд на меня и произнес:

— Пора, товарищ капитан.

Ему, как и Никаненкову, пришлось рассказать о «моем задании» в рядах немецкой разведки. До проверки они не должны были называть меня старшим лейтенантом госбезопасности или товарищем майором. Они так и делали, продолжая величать меня капитаном. Вспомнилась Беляева. Как она плакала, прощаясь у грузовика. Вздохнув, я повернулся и направился к своей «тридцатьчетверке», слушая на ходу доклад Соколова о разведке предстоящего движения.

Разделить мехгруппу на две части решил я. Мне не нужен был балласт в операции по освобождению пленных. Все грузовики, кроме одного, я отдал второй группе под командованием майора Даниличева. Мне остались: взвод капитана Скворцова с его танками. Батарея из трех САУ. Ее я сформировал из пленных артиллеристов. Командиром назначил старшего лейтенанта Сулова, бывшего командира гаубичной батареи. Расчеты были подобраны из бойцов его бывшей батареи, которые попали в плен вместе с ним, когда немецкие солдаты ворвались на их позиции. Все, что было не нужно майору Даниличеву, на время пути выгрузили и замаскировали в лесу.

Подойдя к танку, я приказал Скворцову построить бойцов и, глядя на эти лица, почувствовал гордость за свой народ. Именно они не дали взять Москву. Именно они бросались под танки, прижав к груди противотанковую гранату. Именно они, сгорая заживо в танках, таранили противника. Именно они как один встали на защиту своей Родины. Добровольцы. Именно добровольцы собрались на этой поляне. Медленно стянув шлемофон с головы, я сказал:

— Спасибо бойцы, спасибо. Через три часа мы достигнем лагеря военнопленных. И каждый из вас должен выложиться полностью в предстоящем бою. Помните, там, в заточении, находится более десяти тысяч наших товарищей. И мы спасем их! Мы! Так спасибо вам, добровольцам. Спасибо.

Три десятка красноармейцев и столько же бойцов из экипажей танков закричали, что «погибнем, но своих спасем».

— По машинам! Приготовиться к движению!

Экипажи бронетехники быстро скрылись внутри своих машин. Наблюдая, как красноармейцы устраиваются на броне, я осмотрелся. На поляне царило оживление. Вот по моему сигналу тронулась с места полупорка разведчиков. Установленный в кузове зенитный ДШК грозно смотрел в небо тонким стволом. Рыкнув дизелем, темно-серой глыбой сдвинулся с места КВ Скворцова. За ним последовал Т-28, дальше пристроился я

Последними шли САУ. Замыкающей шла «тридцатьчетверка» сержанта Гурова.

Новости показались мне странными. Я посмотрел на Соколова и приказал:

— Повтори. Не понял — это или я кретин, или немцы.

Соколов сам был ошарашен. Озадаченно почесав лоб, он повторил:

— Лагеря нет. Он полностью уничтожен. Мы, правда, издалека смотрели. Там сейчас, судя по всему, немецкие криминалисты работают. Много охраны, очень много. Не меньше двух батальонов. Ближе мы подобраться не смогли, но рассмотрели отчетливо. Все палатки, где спали немецкие солдаты, охранявшие лагерь, уничтожены. Вышки, колючая проволока, техника, сама охрана тоже. Видел длинный ров, который копала похоронная команда, и приготовленные березовые кресты. Убитых в нашей форме не видел. Только в немецкой.

«Все страннее и страннее», — озадаченно подумал я. Задумчиво глядя на Соколова, приказал:

— Делай что хочешь, но языка мне добудь. Лучше из полицейских. Они больше знают.

Лейтенант озадаченно спросил в ответ:

— Кого добыть?

Это заставило меня досадливо сморщиться. Блин, забыл, общепринятое название пленных для добывания информации сейчас еще не известно.

Посмотрев на лейтенанта, объяснил:

— Язык — это солдат противника, взятый в плен разведкой для добычи информации.

Лейтенант, козырнув, ответил:

— Понял, товарищ капитан. Разрешите выполнять?

Отпустив Соколова, я повернулся к Скворцову, который стоял рядом и внимательно слушал доклад лейтенанта.

— Ну что скажешь? — Скворцов задумчиво потер подбородок.

— По словам лейтенанта, уничтожено и место стоянки крупной моторизованной части, стоящей рядом. Даже не знаю, что сказать. Кроме нас, тут вроде никого не должно быть. Но кто бы это ни сделал, я пожму ему руку.

— Не ты один. Я бы его вообще расцеловал. Но кое-что ты пропустил.

Капитан задумался. Видя, как у него мрачнеет лицо, я понял, он сообразил, что мы в большой заднице. Свои чувства он выразил одним словом:

— Б...я!

— Не то слово!

— Что делать будем? Со слов Соколова, бой был сегодня утром, значит, пять часов назад. Они уже должны начать прочесывать местность вокруг. Если мы попадем под их гребенку, будет плохо.

— Наша безопасность меня волнует меньше всего. Ты не учел одно. Забыл про группу майора Даниличева. Это раз. И также тех молодцов, что разгромили оба лагеря. Это два. Также и пленные из лагеря, не забывай, что там было десять тысяч пленных. Это три. Они тоже где-то должны быть. Судя по рассказам сержанта Герасимова, их фактически не кормили, и физическое состояние пленных оставляет желать лучшего. Так что вряд ли за это время они ушли далеко. Если немцы поднимут в воздух авиаразведку и вышлют мотопатрули, то время обнаружения сведется к минимуму. Это четыре. И времени у нас практически не осталось. Это пять. — После каждого моего слова Скворцов мрачнел все больше и больше.

В это время подошел командир батареи САУ Суслов, до этого занимавшийся тренировкой своих расчетов в освоении трофейной техники. Так как времени на это было очень мало, то он использовал для учебы каждую свободную секунду. Уважаю профессионалов, и нетрудно в этом старшем лейтенанте заметить такого. Сулову объяснили наше положение. Реакция была такая же, как и у Скворцова. После чего я сказал:

— Времени у нас не так много. Тут нас сверху не обнаружат, если только моторизованным патрулем. По словам Соколова, у немцев в охране пехотные батальоны. И техники не так много, хотя противотанковых пушек он наблюдал по штату. Нужно дождаться захвата пленного и после допроса определиться. А пока усилить посты, остальным отдыхать. — Проследив, как удаляются командиры, я стал усиленно размышлять.

Мне сильно не понравилось сообщение Соколова, что уничтожена моторизованная часть, стоящая на отдыхе вблизи концентрационного лагеря. Не знаю, насколько велика была эта часть, но даже на нее уйдет много времени и нужна большая сила. Не меньше стрелкового полка, усиленного танковым батальоном. Меня отвлек Молчунов, позвавший обедать. Соколов вернулся только через два часа. За это время в небе наметилось заметное оживление. На высоте теперь постоянно висел «хенкель».

Добычей лейтенанта стал немецкий полицейский, отошедший в кусты, где и был прихвачен за яй...а разведчиками.

О возвращении разведки с пленным мне сообщил вестовой, прибежавший с одного из постов. Я быстро вскочил с кормы «тридцатьчетверки», на которой сидел, привалившись к задней части башни, рассматривая карту с расположением немецкой артиллерии, снятую внимательным Соколовым. Особенно меня заинтересовала батарея «ахт-ахт», стоящая уж больно для нас неудобно. Убрав сложенную карту за голенище сапога, быстро подошел к матерящимся разведчикам, волоком тащившим мычащий куль. Выдернув из плащ-палатки немца, одетого в форму СС, замотанного веревками, с большим кляпом во рту, бойцы поставили его на ноги. Приказав вытащить кляп у немца, я взял протянутые Соколовым документы. И не обращая внимания на надрывно кашлявшего немца, стал с интересом изучать их. Прочитал удостоверение до конца, потом сделал это еще раз. Повернувшись к гестаповцу, в это время отплеывающемуся от кусков ткани, оставшихся во рту, сказал Соколову:

— Вот, Соколов, тебе повезло. Взял не просто полицейского, а из самого гестапо. Правда, чин невысокий, всего лишь криминальассистент-кандидат. Это вроде как унтерфельдфебель в Вермахте. Но и мелкая сошка может много знать.

Приказав подошедшим командирам готовить технику, занялся гестаповцем. Его держали с боков два дюжих разведчика. Подойдя вплотную и глядя ему прямо в глаза, спросил на немецком:

— Что произошло утром?

Но немец решил поиграть в героя. Видно, близость своих придавала ему храбрости. Презрительно посмотрев на меня, он начал говорить, медленно цедя слова через зубы:

— У вас нет шансов уйти от наших войск. По приказу штурмбаннфюрера СС и криминальдириктора Франца Шульца район начала перекрывать танковая дивизия, следовавшая к фронту вместе с двумя пехотными дивизиями. Так что у вас шанс только почетно сдаться, — и попытался гордо расправить плечи. Но крепко державшие его бойцы помешали. После чего он добавил, злобно глянув на бойцов и озадаченно на меня. Видно, моя улыбка его нервировала. — Я готов принять вашу капитуляцию! — Тут, уже не

выдержав, я захохотал во все горло.

Отсмеявшись и вытерев слезы, я объяснил стоящим рядом бойцам и командирам причину смеха. Не все меня поддержали. Были попытки побить немца за такое щедрое предложение. Посмеиваясь, я велел отвести немца вслед за мной и вместе с Соколовым направился в глубь леса. Отойдя от места стоянки метров на сто, приказал привязать языка к дереву. С выгнутыми назад руками тот стоял и морщился от боли; видно, бойцы слишком крепко затянули узлы. Подойдя к гестаповцу и взяв за волосы, я поднял ему голову. Глядя со всем возможным презрением, сказал:

— Ну что, Клаус Штаге, будем говорить?

После допроса гестаповца кое-что прояснилось. Оба лагеря были уничтожены в пять утра. Но немцы узнали об этом только три часа назад. После того как в одно из сел вышли два десятка красноармейцев и сдались патрулю. Они в основном были перебежчиками и предателями. Начальство лагеря держало их за осведомителей в среде пленных. Так вот, Штаге не знает, что рассказали эти ублюдки лейтенанту Шамбахеру. Командиру гарнизона, стоящего в этом селе. Но он им не поверил и послал на проверку своего зама на мотоцикле. Тот, по рассказам солдат, через полчаса прилетел на огромной скорости назад и сразу побежал на доклад к Шамбахеру. Штаге не знает, кому звонил лейтенант, но по приказу из Минска задержанных изолировали. Туда немедленно направили всех доступных следователей и криминалистов. Включая и Штаге, работающего под командованием гауптштурмфюрера СС Курта Ранга. Они прибыли только час назад и не во всем разобрались, но кое-что Штаге мне поведал. Странные отверстия в броне уничтоженных танков. Слишком уж изувеченная техника, как будто ее расстреливали из двухсотмиллиметровых орудий. Сожженные заживо немецкие солдаты. Пропало много легкого оружия и немало автотехники; судя по всему, их забрали пленные. Никто из охраны лагеря не выжил, как и из моторизованного полка, стоящего рядом на отдыхе и ждущего пополнения. Убиты были только немецкие солдаты. Среди убитых оказалось и несколько русских, но медики утверждают, что они умерли от старых ранений и истощения. Около леса было обнаружено несколько советских бойцов, мертвых бойцов. По словам осмотревших их медиков, они умерли от разрыва сердца. Один из врачей стал утверждать, что бойцы умерли от испуга.

Следов не было. Нет, не так. Следов нападающих не было, совсем не было. Только следы убегающих из лагеря пленных. Нападавшие же не оставили ничего. По словам Штаге, в лагере сейчас находились штурмбаннфюрер СС и криминальديرектор Франц Шульц, командующий управлением IV А 4. Больше Штаге ничего не знал, так как пробыл на месте «бойни», как он выразился, совсем недолго.

Я задал еще несколько десятков вопросов по размещению прибывших частей — Соколов старательно записывал все в блокнот огрызком карандаша; спокойно достал нож и вогнал его под ребра заоравшего гестаповца. Немец мне больше был не нужен. Вернувшись на место стоянки в сопровождении бойцов и лейтенанта, я велел собрать бойцов и командиров.

Осматривая строй, стоящий передо мной, и сглотнув комок в горле, произнес речь:

— У нас совсем нет времени. Поэтому мы идем в этот бой, чтобы отвлечь немцев от поисков хоть на какое-то время. Предстоящий бой будет танковым, поэтому пехота остается в прикрытии наших тылов. Чтобы нам было куда возвращаться. Все, готовиться к бою. Разойдись. — Говоря это, я понимал, что никто не вернется, поэтому, отозвав в сторону

Соколова, приказал уводить людей, как только начнется бой.

Проработка плана предстоящего боя, со слов гестаповца и разведки, заняла около получаса. Надевая шлемофон, я махнул рукой Скворцову. Выдав мощный выхлоп, КВ двинулся вперед. За ним пристроилась моя «тридцатьчетверка». Встав рядом с Соколовым, я внимательно смотрел на проезжающую технику. Увидев подъезжающие САУ, хлопнул по плечу лейтенанта и побежал догонять свою машину. Взобравшись на движущийся танк и плюхнувшись на свое место, присоединил штекер разъема. После чего, положив ладони на штурвал доводки, сказал:

— Я в эфире.

Спрыгнув с танка, бегом направился за разведчиком, который показывал маршрут движения к предстоящему месту боя. Сзади шумно топали Скворцов и Суслов. Подразделение остановилось в полукилометре от опушки. Я опасался, что немцы услышат наши машины, и поэтому подстраховался. Аккуратно отодвинув ветку куста, стал осматривать лежащее впереди пространство. Передо мной открылось огромное поле с большим холмом, находящимся чуть в стороне. Именно на холме и располагался уничтоженный лагерь военнопленных, там до сих пор были видны остатки колючей проволоки, остатки столбов от вышек и огромные кляксы гари на месте казарм охраны, как будто использовали огнеметы. Внизу, в стороне от лагеря находилось множество сожженной и разбитой техники. Только в парке автотехники я насчитал больше трех десятков уничтоженных грузовиков. Разбитые, уничтоженные, сожженные танки и бронетранспортеры казались просто кусками перекореженного металла. В бинокль было плохо видно, но на пределе дальности я рассмотрел небольшое село, где остановились прибывшие полицейские из гестапо, которые сейчас бродили среди остатков обоих лагерей. Охрана располагалась немного в стороне, там было больше двух батальонов. М-да, с соблюдением тишины я мог и не париться. К немцам только что прибыло усиление. Тщательно пересчитывая серые коробки танков, тех, которые мне были видны, насчитал восемнадцать. Да, все веселей и веселей. Не поворачиваясь к Скворцову, спросил:

— Что скажешь? — Реального командного танкового опыта у меня не было, и я не считал зазорным посоветоваться с другими.

Почесав переносицу, Суслов ответил:

— Если вылезем, сожгут. Точно сожгут! — Я кивнул в ответ, поскольку считал так же, и он продолжил: — У нас мало времени. Нужно их как-то отвлечь.

Скворцов, опустив бинокль, в который рассматривал позиции противотанковой артиллерии, ответил:

— Мы давали присягу, лейтенант! Раз так нужно, то погибнем с честью.

Осматривая окрестности и опушку леса, я сказал:

— Погибать напрасно, может, и не потребуется. Посмотрите налево, видите там склон оврага? Если проехать по дну оврага, приблизиться к позициям немцев, выставить наружу только башню и стрелять, не более трех с одного места, постоянно перемещаясь, то можем изрядно их пощипать. Как идея?

— А что? Может вполне получиться! — ответил Скворцов. Суслов согласно кивнул.

Еще минуты три мы обсуждали предстоящий бой, слегка измененный в связи с обстановкой. Я подозвал одного из трех разведчиков, сопровождающих нас. Поправив на голове пилотку, боец по-пластунски подполз ко мне:

— Доложитесь, сержант!

Боец, показав направо и налево, ответил:

— Посты уничтожены. Там было всего по два солдата. Не знаю, товарищ капитан, когда у них смена постов, но нужно торопиться.

Понятно. Скворцов и Суслов, продолжавшие наблюдать в бинокли, синхронно обернулись на мое:

— Пора! Все всё помнят?

Услышав, что помнят, я велел возвращаться.

Мы вернулись к технике, оставив за спиной разведку — она двинулась к оврагу, проверять его на возможные посты и охранение.

Чтобы попасть в овраг, нам пришлось вернуться немного назад, и, съехав с некрутого склона, мы двинулись по оврагу в сторону немцев. Батарея Сулова осталась на месте, они начнут после нас. Позиции для батареи уже были осмотрены. Задача старшего лейтенанта была, прицельно выпустив полный боекомплект, сматываться на полной скорости, прихватив разведку.

Я двигался на своей «тридцатьчетверке» во главе колонны техники. Высунувшись из командирской башенки, осматривал окрестности и помогал Сурикову вести машину, подсказывая по ТПУ. Танк въехал в заросли кустарника, и мехвод ничего не видел. Оглянувшись на следующую за мной «тридцатьчетверку» сержанта Гурова, я улыбнулся. Вся техника была замаскирована ветками, и со стороны казалось, что часть леса двигается, дымя, ревя дизелями и лязгая гусеницами. Колонна хранила радиомолчание из опасения быть обнаруженными немецкими радистами. Поэтому разговаривали знаками. Наконец овраг стал мельчать, и мы выехали на ровный участок, поросший густой травой.

Дав газу, «тридцатьчетверка» рванула вперед, уступая место другим. Дно оврага было довольно сухое, но мехводы все равно старались двигаться мимо следов впередиидущих машин, оставлявших глубокие колеи. Оглянувшись на широченную просеку в кустарнике и выезжающий последним Т-28, я махнул рукой, показывая на склон оврага. Тот действительно был удобен для стрельбы.

Суриков виртуозно подвел танк к позиции. Спрыгнув с него, я взбежал на склон и, осторожно выглянув, осмотрелся узнать, что творится впереди.

— Черт! Услышали все-таки! — Несмотря на то что до немцев было около километра и у них работала техника, они услышали нас. Я это определил по разбежавшимся фигуркам и суевающей прислуге 88-миллиметровых зениток. И только услышав выстрелы справа, понял, что разведчики сплеховали. Посты уничтожены не были.

Убрав бинокль от глаз и прикусив губу, задумался. Что бы дальше ни случилось, пора воевать, но и задача уничтожить превосходящего силами противника остро не стояла. Главное — шумнуть погромче. Убрав бинокль в чехол, я побежал к танку, махая руками и таким образом показывая, что можно начать бой. Запрыгивая вовнутрь танка, услышал выстрел справа. «Тридцатьчетверка» Гурова первой произвела выстрел, дав газу и выскочив наверх.

Захлопнув крышку люка и присоединив штекер шлемофона, я сказал:

— Пора, Федя. Истомина, осколочный.

Суриков, дав газ, кинул многотонную машину вверх по склону. Выскочив наверх, я стал быстро наводить пушку на батарею 88-мых. Они самые опасные, и их надо уничтожить в первую очередь. Соблюдать радиомолчание сейчас уже не требовалось, и поэтому в эфире стоял сплошной мат и раздавались команды. Из казенника с лязгом вылетела пустая гильза.

Истомин тут же вбил следующий осколочный снаряд. Наведя перекрестья чуть левее батареи, снова нажал на педаль пуска. Около крайнего орудия вспухло облако взрыва, разметав расчет. Рядом показался еще один разрыв; похоже, что кто-то добавил по этому же орудью. Зная по книгам, как опасны эти орудия, приказал сперва подавить эту батарею всему танковому отряду. Поэтому все стреляли именно по ней.

Осмотрев в прицел перевернутые орудия в разрывах снарядов, дал отбой. Теперь батарея «ахт-ахт» опасности не представляла. Наведя прицел уже на лагерь разбежавшихся немцев, дал три выстрела осколочными и приказал сдавать назад в овраг. Вокруг нашей техники начали врезаться, вспахивая землю, болванки немецких противотанкистов. Хотя они и стреляли почти на предельной дальности, но повредить ту же гусеницу могли. Спускаясь задом в овраг, мы все-таки словили болванку по маске пушки.

Дальше мы разбивались на пары. Пока батарея Сулова вела огонь, мы, быстро разделившись, рванули по своим сторонам. КВ Скворцова в паре с Т-28 должны были идти в лоб, отвлекая на себя внимание. Я же с напарником, обойдя, должен ударить с тыла. Не знаю, выгорит ли этот совместно выработанный план, но приложу к этому все силы. «Тридцатьчетверка» покачивалась и подпрыгивала на особо больших кочках. Я очередной раз стукнулся о броню и стал громко материться. Посмотрев в щели обзора на командирской башенке, увидел, что мы выскочили на проселочную дорогу, которую пересекал овраг. Забитую машинами дорогу. Суриков, перед обзором которого перестали мелькать ветки кустарника и стволы небольших деревьев, увидел окрашенный в камуфляж борт немецкого бронетранспортера с двадцатимиллиметровой зенитной пушкой на турели и, матерно заорав, втопил педаль газа:

— А-а-а, суки, н-на...

Тут же раздался скрежет металла, и танк, вмяная борт с сидящими внутри солдатами в землю, стал наклоняться набок. Проскочившая левее «тридцатьчетверка» сержанта Гурова подмяла под себя штабную легковушку и, развернув башню, длинной очередью прошла по остановившейся технике противника. Сдав назад, мы съехали с бронетранспортера и, развернувшись, двинулись по ходу движения колонны как раз в нужную нам сторону. Гуров, продолжая расстреливать боекомплект башенного пулемета, последовал за мной, после того как я рывкнул на него по рации. Сминая и сбрасывая технику с дороги, мы двигались дальше и напоролась на два немецких танка, ждавших нас. Так как я учел прошлый урок, то шли мы с бронебойным снарядом в стволе пушки, стреляя только из пулеметов. Я всего на несколько секунд опередил немцев, успев, почти не целясь, беря их на испуг, произвести выстрел по правой «трешке». Ответный выстрел заставил мою «тридцатьчетверку» на миг замереть. Гуров, прикрывшись корпусом моего танка, выстрелил во второго. Тут же я добавил в первого, и из него начал валить черный дым. По внутренней связи я спросил:

— Все целы?

В ответ раздался хор голосов:

— Нормалек, командир!

— В порядке, товарищ капитан!

— Со мной в порядке, товарищ капитан! Что с танком — не знаю, пока снаружи не посмотрю, — отметил Суриков.

В ответ радист тут же вставил слово:

— Ага, немцы прям ждут, что ты вылезешь! Двигатель же не заглох, значит, можно двигаться дальше.

— Уймись, балаболка. Может, в ходовую попали!

Пришлось, рявкнуть уже мне:

— Уймитесь оба. Старшина, давай вперед помалу. Дальше видно будет.

Вздвогнув, танк стал набирать скорость.

Вдруг по рации заматерились голосом Гурова. Посмотрев в смотровые щели, я увидел, что «тридцатьчетверка» Гурова вся облеплена немецкими солдатами, закрывшими все смотровые щели. Заорав, чтобы Истомин зарядил осколочный, я стал быстро крутить штурвал, поворачивая башню. По броне сверху загрохотали ботинки, и в крышку верхнего люка заколотили прикладами. Но прежде чем прицел закрыла какая-то серая ткань, я успел навести ствол орудия на танк Гурова и нажать на пуск. Что произошло дальше, не знаю, помешала ткань, закрывшая обзор, внизу заматерились и мехвод и радист. Выпустив в ту же сторону полдиска из пулемета, приказал старшине гнать в лес. Я надеялся ветками стряхнуть немецких солдат. Вдруг по броне забарабанили пули. Приказав старшине крутиться на одном месте, чтобы Гуров мог достать немцев и с другой стороны, стал смотреть в одну из освободившихся смотровых щелей. Снова забарабанили пули по броне, и сверху раздался крик, услышанный даже за грохотом работы дизеля. Осмотревшись в уже полностью свободные щели, стегнул очередью по подбирившимся по кювету нескольким немецким солдатам, которые несли противотанковые мины. Приказав Гурову продолжать следовать за мной, велел Сурикову и дальше двигаться по дороге, давя брошенную из-за затора впереди автотехнику. Немцы за это время успели отступить в ближайшие заросли кустарника. Некоторые автомашины объезжали затор по вспаханному полю справа, слева был слишком глубокий кювет. Вот в этот затор мы врезались на полной скорости. Гуров, проскочивший справа, начал уничтожать тех, кто не успел объехать затор.

Нос «тридцатьчетверки» стал задираться вверх, когда мы наехали на пустой грузовик, вмяная его в дорогу. Я заорал Сурикову, пытаюсь перебить мат радиста:

— Давай назад! — Сдавший назад танк все-таки позволил мне навести прицел на скопление техники. Четырьмя осколочными снарядами я неплохо прошелся по ней, вызвав несколько пожаров.

— Объезжай справа! — «Тридцатьчетверка», объехав начавший разгораться затор и ревя на полных оборотах, проследовала за танком Гурова, успевшим заметно удалиться вперед и въехать на косогор небольшого холма, мешавшего видеть, что творится впереди.

— Догоняй его!

Наведя прицел на уматывающий на полной скорости грузовик, проложивший во ржи просеку, приказал:

— Стоп! — Довернув прицел, выстрелил. На месте грузовика появилось облако взрыва. Не знаю, что за снаряды он вез, но даже нас потрянуло изрядно. Огненные обломки раскидало на сотню метров вокруг, и сухая рожь стала быстро разгораться. То, что «тридцатьчетверка» Гурова выскочила далеко вперед, спасло нас. Вдруг в эфире послышалась ругань и приказ сержанта сдавать назад. Я увидел, что Гуров стал уходить в сторону. Вокруг его машины вставали фонтанчики от врезавшихся в землю болванок. Несколько снарядов попали в его танк, на броне показались снопы искр. Я закричал по рации Гурову:

— Сдавай назад. Быстрее сдавай! — Но было поздно. Дернувшись, «тридцатьчетверка» Гурова повернулась боком, расстелив на земле порванную гусеницу. — Гуров, немедленно покинуть машину!

Открылся люк сверху — и вместе с дымом оттуда выскочили два танкиста в синих

комбинезонах. Под кормой показались две головы в танковых шлемофонах — бойцы выбрались через аварийный люк в днище. Вскочив, они рванули вслед за двумя первыми, бежавшими к моей машине. Но тут вдруг танкисты стали падать один за другим, до нас не добежал ни один. Я совсем забыл про немецких солдат, укрывшихся во ржи, и они напомнили о себе.

— Су...и, тв...ри, что творят, гни...ы?! — орал вниз мехвод с радистом.

Мне пришлось крикнуть на них:

— Хватит, им уже не поможешь, остается только отомстить.

— Что будем делать, товарищ капитан? Немцы, подбившие Гурова, наверняка двигаются сюда! — спросил старшина.

— Ничего не будем делать. Мы сейчас в мертвой зоне. Как только немцы появятся на верхушке, мы можем спокойно расстреливать их, оставаясь в мертвой зоне. Нужно только следить за немецкими солдатами, чтобы не подобралась к нам и гранатами не закидали.

— О, черт! — воскликнул радист.

Я спросил:

— Что там?

— Один из парней Гурова ранен и ползет к нам.

Посмотрев в смотровую щель, я увидел его.

— Старшина, сдай вперед так, чтобы он оказался под нами, затащим его через люк в днище.

— Понял, командир, сделаем.

Чуть дернувшись, «тридцатьчетверка» медленно поползла вперед. Я же, приказав зарядить бронебойным, внимательно наблюдал за верхушкой холма. Танк встал, Молчунов с Истоминым втянули раненого внутрь танка и положили его на днище.

— Истомин, на место! — заорал я, увидев башни показавшихся на верхушке холма немецких танков. Радист продолжал заниматься раненым и, разорвав упаковку индивидуального медпакета, начал делать перевязку.

Наведя прицел башни на головного Т-IV, я нажал на педаль пуска. Истомин, успевший занять свое место, вогнал следующий снаряд. Первая болванка, отрикошетив от брони «четверки», отлетела в сторону, зато вторая впилась в маску пушки. Через секунду «четверка» исчезла во взрыве сдетонировавшего боезапаса. Быстро, пока они не успели въехать на вершину холма, я стал, как автомат, посылать снаряд за снарядом в танки противника. Гильзы сыпались на раненого, лежащего на днище, но на это уже никто не обращал внимания. Из восьми немецких танков выйти на дальность выстрела смогли лишь два. Остальные, кто медленно разгорался, кто взорвался от детонации боезапаса, кто застыл мертвым куском металла, размотав гусеницу и получив подарок в борт от попадания снаряда.

— Давай вперед помалу, — приказал старшине.

«Тридцатьчетверка», работавшая на холостых оборотах, стронулась с места и медленно двинулась вперед, ведя на ходу огонь по оставшейся бронетехнике противника.

— Уф-ф, все, этот был последним, — сказал я, подбив последнюю «тройку».

— Давай двигай вокруг холма, чувствую, ждут нас на верхушке. Хотя подожди.

Наведя прицел на подбитую «тридцатьчетверку», послал бронебойный снаряд в корму. Не хочу, чтобы она опять досталась немцам. Посмотрев на медленно разгоравшийся танк Гурова, приказал двигаться вперед на полной скорости. Вдруг на башне послышался какой-

то звон, как будто на нее что-то бросили.

— Гранаты, всем открыть рот!

С громким звоном на танке разорвалось несколько гранат. Нас спасло то, что крышку люка я закрывал не на замок, а на кожаный ремень. Я еще в свое время часто читал, что бывало, погибали танкисты от обычной гранаты, разорвавшейся на броне танка, от кинетического удара. Поэтому и подстраховался с ремнем. Развернув башню, длинной очередью прошелся по ближайшей ржи. Где скрывались немцы, рассмотреть так и не смог, слишком высокая выросла рожь. Пытаясь вытряхнуть звон из ушей, приказал двигаться дальше. Пока объезжали холм, выкинули все гильзы от использованных зарядов через нижний аварийный выход.

— Сержант, что там с раненым?

Радист сразу ответил:

— В плечо, товарищ капитан, сквозное. Я перевязал, но нужен врач.

— Кто он, я не рассмотрел?

— Заряжающий, красноармеец Осокин.

— Ясно. Всем внимание, выезжаем на открытое пространство. Странно, что нам навстречу никто не попался. Должны же были послать дополнительные силы в обход холма... К бою!

Перевалив еще через одну дорогу, на этот раз пустую, мы выехали на другую сторону холма. Там действительно стояли три танка, направив стволы пушек вверх. Очень похоже на то, как только что действовал я. На мое счастье это были Т-II, к тому же стоящие ко мне боком. Со своими двадцатимиллиметровыми пушечками они были мне не страшны. Видимо, немецкий командир не рискнул послать их в бой под наши снаряды.

— Стоп! — приказал я и стал быстро наводить прицел на крайний танк.

Только после того, как он загорелся, остальные меня заметили. Но было поздно, мои снаряды легко дырявили их слабую бортовую броню. Оставив слева три железных костра, я на полной скорости рванул в сторону села. Соваться к тем батальонам, что охраняли уничтоженные лагеря, было опасно, мигом сожгут. А вот штаб и их машины, находящиеся в селе, были для меня лакомым кусочком. Я не сомневался, что их охраняют так же жестко, как и те лагеря, но атаковать село по дороге я и не собирался.

Двигаясь прямо к постройкам, увидел, как тройка бомбардировщиков что-то бомбила примерно там, где находилась батарея Сулова. После того как они отбомбились, в том районе к небу потянулся черный дым, какой бывает от сожженной техники. Похожих дымов в том районе было довольно много. Это показывало, что ребята работали хорошо, но все поднимающиеся дымы были заметно в стороне. Надеюсь, парни успели покинуть машины.

Продолжая следить за обстановкой по сторонам и по ходу движения танка, увидел у приближавшегося села батарею мелкокалиберных зенитных пушек, находящихся в полукилометре от нас. Расчеты зениток уже навели стволы на нас и терпеливо ждали, когда мы приблизимся, чтобы ударить наверняка.

— Стой! — заорал я, быстро поворачивая башню в ту сторону.

— Истомин, осколочный!

— Товарищ капитан, в стволе бронебойный!

— Ах ты, черт! — крикнул я, нажимая на педаль пуска.

Болванка безрезультативно зарылась в землю между двух пушек, осыпав расчеты землей. Истомин забил осколочный снаряд. Его я послал под звонкие оглушающие удары по

броню, расчеты все-таки открыли огонь. Судя по всему, били разрывными, не бронебойными. Снаряд разорвался примерно там же, где и первый, только результат был другой. Обе пушки замолчали, послав еще три осколочных снаряда, полностью подавили батарею. Просветление сверху показалось мне подозрительным; подняв голову, увидел исковерканную командирскую башенку. Теперь через нее машину было не покинуть. Люк заклинило. Не знаю, как теперь «тридцатьчетверка» выглядит со стороны, но, похоже, мы отделались легко.

— Давай вперед, на полном газу! — приказал старшине.

— Истомин, боезапас?

Заряжающий поднял голову и ответил:

— Семнадцать бронебойных, четыре осколочных и три диска для пулемета, товарищ капитан.

— Понятно. Пока не заряжай ничего. Там видно будет.

— Товарищ капитан, куда дальше? Тут огороды начались, — влез в разговор старшина.

— Давай я показывать буду. — Высунув голову в полуповрежденную башенку, стал смотреть в исковерканные смотровые щели. — Давай левее, через огород той хаты.

«Тридцатьчетверка», ревя и пугая живность, промчалась по огороду, давя картошку, и выскочила во двор. Снеся ворота и задев столб, вылетела на улицу, заставленную машинами и другой техникой.

— Давай, старшина, действуй! — приказал я.

Дав полный газ, Суриков налетел на ближайший грузовик с кунгом, полностью утыканный антеннами. Со скрежетом грузовик исчез под танком. Я почти не участвовал в дальнейшем, только внимательно наблюдал за обстановкой вокруг, пока старшина развлекался. Проскочив до конца улицы, мы развернулись и, набирая скорость, помчались обратно, тараня технику с другой стороны улицы. Увидев подбежавших слева двух солдат со связками гранат в руках, я немного довернул башню и короткой очередью успел срезать одного. Второй пытался убежать, но получив в спину вторую очередь, свалился в пыль. Разрывы гранат, оставшихся у первого убитого солдата в руках, я уже не видел. По моим расчетам, мы уничтожили уже более тридцати автомашин и мотоциклов. Село было довольно большое, встречались даже трехэтажные здания. И вот когда мы опять вылетели на площадь, на одной из машин у нас лопнула гусеница. Множество таранов не прошло даром. Размотав ее до конца и круганувшись вокруг оси на голых катках, старшина заглушил двигатель и громко сказал:

— Все! Приехали!

В ответ я быстро приказал:

— Суриков, Молчунов, покинуть танк с личным оружием. Ребята, попробуйте захватить целую машину, мы с Истоминим вас прикроем, пока немцы не пришли в себя.

Старшина с радистом со всей возможной скоростью покинули танк через нижний аварийный люк. И броском, под свист пуль, преодолели расстояние до штабного бронетранспортера, стоявшего недалеко.

— Бронебойный! — крикнул я Истомину. И, наведя на появившийся из-за крайнего дома бронетранспортер с зенитным пулеметом, выстрелил.

— Осколочные! Все! Подряд! — От стрельбы мы были оглохшие, поэтому приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

Посылая снаряд за снарядом в уцелевшие штабные машины, я вызвал пожар на одной из

них. После чего, развернув башню, открыл огонь из пулемета по мелькавшим между техникой солдатам противника. Вдруг один из грузовиков с натянутым на кузов тентом отлетел в сторону, и предо мной оказался немецкий танк со своей короткой пушкой.

— Бронебойный! — тут же заорал я, чуть повернув башню, благо она была повернута в нужную сторону.

Мой выстрел был первый, немец не успел повернуть пушку в нашу сторону, что и решило исход схватки. От удара болванки почти в упор башня «тройки» сползла на корму, а потом свалилась на землю. Продолжая поливать немецкую пехоту из пулемета, я приказал Истомину готовиться к эвакуации из машины, вместе с раненым.

— Понял, командир. В стволе бронебойный.

— Знаю. Всем покинуть машину!

Справа от танка тихо урчал на малых оборотах подогнанный Сурковым бронетранспортер. Выпустив по немцам последний диск и выстрелив болванкой по двигателю стоящей без башни тройки, я быстро покинул машину через нижний люк и, стреляя из автомата по пехотинцам, запрыгнул через боковую дверцу внутрь бронетранспортера. Истомин вместе с раненым Осокиным уже находились там. Не дожидаясь пока я закрою дверцу, Суриков, дав газу, рванул вперед. Рыча и подпрыгивая на кочках и ямах, бронетранспортер мчался на максимальной скорости к выезду из села. Посмотрев на перекошенное от боли лицо Осокина, — тряска не так полезна для раненых, как мягкая койка, — я, высунувшись над бортом, открыл огонь по мелькавшим тут и там немцам.

Вдруг Суриков заорал:

— А-а-а! Су...и! — После чего под нашей машиной раздался взрыв, и бронетранспортер перевернулся.

Меня выкинуло из кузова. Так и не выпустив автомат, я, оглушенный, перекувыркнулся через голову, распластавшись на земле, и попытался справиться с головокружением. Наставив автомат на мелькавшие перед глазами человеческие фигурки, открыл огонь. Автомат, выдав короткую очередь на три патрона, заткнулся. Я потянулся за последним магазином, чтобы перезарядить оружие, но кто-то выбил его у меня. Последнее, что помню — опускавшийся на лицо окованный металлом приклад немецкого карабина.

Пробуждение было тяжелым. С трудом смог открыть только один склеенный чем-то глаз, после чего посмотрел вверх. Судя по всему, я лежал на спине в каком-то сарае, перед глазами были балка и стропила, обшитые досками. Чувствовал я себя весьма хреново, как и любой человек, получивший контузию. Попытка глубоко вздохнуть привела к тому, что я закашлялся и после щелчка в голове вдруг стал слышать звуки. Справа раздалось шуршание соломы, и я понял, что сам лежу на ней. Перед глазами показалась голова Молчунова, перевязанная разорванной нижней рубахой.

— Товарищ капитан, вы очнулись! — Он попытался улыбнуться разбитыми губами. Два синяка под глазами симметрично располагались на его избитом лице.

— Помоги подняться, — прохрипел я пересохшим ртом.

Подхватив меня под мышки, Молчунов с трудом помог мне усесться, привалив спиной к стенке сарая. Дотронувшись до головы, я понял, что у меня такая же повязка, как и у радиста. Видимо, удар прикладом не прошел даром.

— Дывы, Фома Ильич, командыр проснулись.

— Ну и что, Мыкола? Все равно немцы нас за комуняк принимают, несмотря на

добровольную сдачу... — Справа сидели двое в форме красноармейцев и криво улыбались, глядя на меня.

Посмотрев на радиста, я спросил:

— Что за чмошники?

— Кто, товарищ капитан? Извините, не понял!

— Эти двое, кто такие?

— А, предатели, к немцам переметнулись. Сдались, а те их в сарае заперли, вот и злобствуют. Один вроде украинец, другой наш, русский, судя по говору — из Рязани.

Так как мы оба были контужены, то говорили громко. Предатели, с интересом прислушивающиеся к нашему разговору, недовольно заворчали.

— Ниче, и на нашей улице будет праздник. У немцев порядок. Попили нашей кровушки, хватит. Поступим к ним на службу — возьмем свое. Все, что у отца советы забрали, все вернем.

Слушать этот бред мне быстро надоело, и я спросил у Молчунова:

— Остальные где? — Радист молча показал глазами в угол. Повернув голову, я увидел двоих в комбинезонах. Лиц различить не смог, поэтому спросил: — Кто?

— Истомин. Его придавило кузовом, когда перевернулся бронетранспортер.

— Жаль парня. С остальными что?

— Немцы злыми были. Осокину еще и руку сломали, когда ногами били. Старшина до сих пор в сознание не пришел. Врач, когда нас осматривал, сказал, что у него контузия; когда старшина очнется, он не знает.

— Что за врач? Из наших?

— Да, товарищ капитан, военнопленный.

— Эти давно здесь?

— Когда нас принесли, они уже были.

Наши громкие переговоры были услышаны часовым. Дверь со скрипом открылась, и в сарай вошли три немца. Один из них был офицером СС в звании штандартенфюрера. Ого, целый полковник нас посетил. С интересом осмотрев меня, он сказал солдатам на немецком языке:

— Офицера ко мне в кабинет, — и вышел наружу.

Послышался звук запускаемого двигателя, машина, шурша покрышками, удалилась. Странно, что я не расслышал шум двигателя подъехавшей машины; наверное, на заглушенном моторе прикатились, вот и не слышал.

— Вставай, русская свинья.

Меня подхватили под локти и волоком вытащили из сарая. Как ни странно, обращались со мной довольно прилично. Держа за плечи, терпеливо ждали, когда у меня закончится головокружение. Откуда-то справа подошел невысокий худощавый мужчина лет сорока, в нашей форме и грязном когда-то белом халате, с медицинским чемоданчиком. За ним следовал немецкий солдат.

— Ну что же они вас так резко подняли. Осторожно нужно. Осторожно. — Открыв чемоданчик, он достал пузырек с прозрачной жидкостью и, смочив марлю, ткнул ее мне под нос.

От запаха нашатыря меня чуть не стошнило, но голова просветлела. Убедившись, что я более или менее в порядке, врач кивнул немцам. Те осторожно повели меня по улице, направляясь в сторону площади, где меня подбили. Идя по улице, я с удовлетворением

смотрел на раздавленную и уничтоженную технику. Немцы, почувствовав мое настроение, больно сжали руки. По улице ходили солдаты и местные жители. Вдруг откуда-то справа выскочила старуха со злым лицом и заорала, что я уничтожил ее огород и разнес весь двор. Нагнувшись, она зачерпнула свежую коровью лепешку и швырнула ее в меня. Попала. Коровьи экскременты потекли по лицу. Немецким солдатам, державшим меня, это не понравилось, им тоже досталось. Поэтому они стали гнать ее от меня, не отпуская рук. Сразу обнаружилось, что конвоиров больше, чем я думал. Со спины показались еще два солдата и стали шугать старуху. Но та, вырвавшись, успела подбежать ко мне и плюнуть в лицо. Увернуться я не смог из-за державших меня солдат. Это им, похоже, понравилось, но старуху они все-таки отогнали. Постаравшись вытереть лицо о плечи, я продолжал идти вместе с конвоирами к площади. Бабка двигалась в отдалении, не переставая выкрикивать угрозы и оскорбления, я пристально посмотрел на нее, стараясь запомнить, и продолжил осматривать проделанную нами работу.

Из-за кунга «Опель-Блица» показался корпус моего танка. Уже не моего. Около него суеилось несколько ремонтников, восстанавливая гусеницу. Черт, надо было хоть гранату кинуть вовнутрь, чтобы он никому не достался. Хотя там оставалось очень мало снарядов для детонации. Подходя к дверям трехэтажного здания, в окна которого я выпустил несколько бронебойных снарядов, обернулся, бросив последний взгляд на свой бывший танк.

В кабинет я так и зашел с испачканным коровьим гов...м лицом. Штандартенфюрер с улыбкой наблюдал, как меня сажают на стул, и знаком отпустил конвоиров. Достав из великолепного портсигара папиросу, штандартенфюрер закурил. После чего спросил на плохом русском:

— Ну как вам гостеприимство местных жителей?

— Так себе. Оставляет желать лучшего, — ответил я на немецком языке, что заставило немца удивленно приподнять брови.

— О, ваше произношение великолепно. Для русского просто отлично!

— О, герр штандартенфюрер, вы мне льстите. Позвольте представиться. Вацлав Швед, служу в полку «Бранденбург». В шве моих галифе вы найдете мой опознавательный знак. В эту группу окруженцев попал совершенно случайно. Позвольте рассказать вам после того, как ваши солдаты достанут код. Сам, извините, не могу, все тело болит.

Разговор со штандартенфюрером затянулся почти на час после того, как его адъютант ушел пробивать опознавательный код. Мне даже принесли воды в тазике и полотенце, чтобы я мог умыться. Врать мне оказалось привычно. Только сложно было накладывать на недавние события. Поверил он мне или нет, но слушал внимательно. После допроса меня отвели обратно в сарай.

Пройдя в угол, где находились мои бойцы, сел рядом с радистом. Улыбнувшись, глядя на его синюшное лицо, тихо спросил, наклонившись к уху:

— Как у вас тут?

— «Пока все хорошо», — сказал индюк, направляясь за хозяйкой к колоде. — Кивнув на угол и криво улыбнувшись, радист добавил: — Когда вы ушли, эти двое пытались права качать, но я их послал.

— Старшина не очнулся?

— Нет, но Осокин пришел в себя!

— Да? Потом подойду. Есть возможность уйти отсюда. Будь наготове.

— Понял, — так же тихо сказал радист, его глаза радостно блеснули.

Пройдя к Осокину, спросил у бойца:

— Как себя чувствуешь, боец?

— Рука болит, товарищ капитан. Невезучая она у меня. То пуля, то перелом.

— Ничего, выберемся, сдадим тебя на руки красавицам медсестрам, будешь спать на белоснежной простыне и кушать кашу с маслом.

— Хорошо бы, товарищ капитан.

— Спи, сон полезен.

Еще почти час мы с Молчуновым общались, склонив головы друг к другу, под подозрительными взглядами соседей. Вот что странно, я точно получил контузию, а сейчас ее почти нет. Так, легкий шум в ушах, чего не скажешь про радиста. Речь его изредка начинала заплетаться, нормальный слух так и не вернулся. Я еще тогда заметил, когда сожгли мой первый танк, что пришел в себя после контузии довольно быстро. Странно все это... Отправив радиста отсыпаться, сам лег рядом и, прикрыв веки, начал прокручивать в памяти наш разговор с штандартенфюрером.

* * *

«Я буду вас называть вашим настоящим званием, гауптман. Кстати, какое у вас звание в разведке?»

— Лейтенант Абвера, герр штандартенфюрер.

— Хорошо, лейтенант. Расскажите, что произошло с вами за последние два дня?»

Мой так называемый рассказ длился почти час, хотя я и старался врать правдоподобнее, вставляя ключевые моменты, происшедшие за это время. Например, командиром моей «тридцатьчетверки» был погибший рядовой Истомина, являющийся в действительности сотрудником НКВД. Повезло, что в танке на четыре человека экипажа нас оказалось пятеро. Я же за все время боя пролежал на днище танка, притворяясь сильно контуженным. Потому как являюсь честным солдатом Рейха и в своих стрелять не желал. Офицер проглотил эту ложь не моргнув и глазом. Поняв, что о нападении на оба лагеря я ничего не знаю, сразу потерял ко мне интерес. Почему-то его интересовало именно нападение на лагерь военнопленных, уничтоженная нами техника в селе его особенно не волновала. Дальше допрос быстро закончился.

* * *

Нас так и не накормили, и, хмуро вздохнув, я стал устраиваться спать. Сейчас я самый боеспособный из нас четверых. Еще через полчаса очнулся старшина.

— Ну что, Федя, как себя чувствуешь?

— Непонятно, товарищ капитан, — ответил старшина и начал ощупывать себя руками.

— О, слышишь уже хорошо.

Как ни странно, старшина был в более приличной форме, чем я думал. Походив по сараю туда-сюда, он лег рядом с нами, и мы с радистом начали посвящать его в наш план, получивший его полное одобрение. Закрыв со старшиной радиста своими телами от взглядов предателей, лежавших в противоположном углу сарая, мы позволили ему и дальше

раскачивать длинный гвоздь, забитый в стену.

Толчок в плечо разбудил меня. Открыв глаза, я увидел темный силуэт склонившегося надо мной человека. Определив по торчавшим вихрам, что это старшина, спросил свистящим шепотом:

— Что? Рано же еще.

Действительно было еще рано. Сквозь щель было видно встающую луну.

— Товарищ капитан, там за стенкой кто-то шебуршится.

Мне в руку лег стержень из холодного металла. Ощупав его, понял, что это гвоздь двухсотка, все-таки вытасченный радистом из доски. Хозяева использовали его как крючок для упряжи. Вставая, я зашуршал соломой и замер на миг. Со стороны двух предателей продолжал раздаваться храп. Выйдя на середину сарая, я весь превратился в слух, слева встал старшина. Было тихо, только слышны шаги часового, ходившего около двери. Вдруг снаружи послышалось поскуливание.

— Чертова собака, пшла вон! — послышался крик часового на немецком. Послышался удар, и громкий визг обиженной собаки стал удаляться.

В углу зашевелился один из предателей и, привстав, стал прислушиваться к смеху часового. Я подбежал и футбольным ударом в голову оглушил первого. Потом навалился на второго, спавшего рядом, сжал его гортань и с силой вдавил ее. Послышался сип и бульканье из поврежденного горла. Сжав кулак, ударил его в висок. Предатель замер, только из горла продолжало доноситься бульканье. Повернувшись к первому, понял, что добивать уже не требуется. Старшина закончил за меня. Быстро подойдя к двери, встал рядом со старшиной и тоже стал прислушиваться к происходящему снаружи. Судя по всему, часовой так ничего и не услышал и продолжал ходить недалеко от двери. Найдя довольно большую щель размером в пару сантиметров, я смог разглядеть охранника. Хорошо освещаемый луной часовой повернулся к нам боком и, остановившись, замер. Постояв так минуту, продолжил хождение от одного угла сарая до другого. Расстояние для броска было нормальное, только вот просунуть руку наружу и метнуть гвоздь не получится из-за малого размера щели. Знаками показав старшине ложиться отдыхать, я вернулся на свое место и, прижав губы к уху старшины, тихо сказал:

— Уходим на рассвете.

Кивком показав, что понял, старшина отодвинулся и, замерев, стал издавать легкое похрапывание. Восхитившись мастерством старшины так подделывать звуки спящего человека, я стал обдумывать, как уложить часового. Ладно, как говорится, утро вечера мудренее.

Старшина разбудил меня за час до рассвета. Тихо сказав мне на ухо, что караул только что сменился, тенью скользнул к двери и замер, прислушиваясь.

Встав и потянувшись, я подошел к щели и посмотрел на нового часового. В отличие от прошлого, этот был вооружен карабином. Чтобы его завалить, у меня был только один выход. Отойдя от щели на пару метров, я остановился и начал разрабатывать кисти рук и пальцы, возвращая им чувствительность. Был только один шанс из тысячи, что у меня получится. Проснувшиеся бойцы с надеждой смотрели на мои приготовления. Достав гвоздь, я осмотрел его. Нормально, остро заточен, уже хорошо. Подкинул его на ладони, примериваясь к броску.

В немецком лагере Шведа готовили на совесть, так что я надеялся на его моторную

память. Сделав несколько тренировочных движений рукой, стал ждать. Сердце в груди вдруг стало громко бухать, странно, я раньше был совершенно спокоен, а тут напал мандраж. Несколько раз глубоко вздохнув, смог успокоиться. Снова приготовившись, я внимательно смотрел на часового, обрисованного луной, сквозь многочисленные щели. И как только в нужной мне щели появился его силуэт, метнул гвоздь. Остро заточенный стержень вылетел сквозь дыру и, пролетев три метра, воткнулся острием в висок часовому. С тихим стуком и бряканьем амуниции тело караульного упало.

— Давай начинай, — прошипел я в сторону бойцов.

Старшина с радистом стали отрывать плохо прибитую доску, обнаруженную радистом в процессе осмотра сарая. Плохо было то, что она находилась прямо у дверей, а значит, под наблюдением часового. Стоящий рядом с ними Осокин сквозь щели наблюдал за улицей.

— Готово, товарищ капитан, отошла, — услышал я тихий шепот старшины и, отодвинув его в сторону, с трудом протиснулся наружу.

Я быстро подбежал к часовому и подхватил его карабин, соскользнувший с плеча во время падения. Открыв затвор, проверил, есть ли патрон в стволе. Держа оружие наготове, стал осматриваться, было тихо, село спало. Посмотрев в сторону леса, увидел едва заметное просветление на горизонте.

— Федя, сними с него амуницию, быстро.

Я стоял рядом со старшиной, возящимся с застежками ремней, слушал тихую ругань радиста, помогавшего Осокину протиснуться сквозь проделанную щель.

— Товарищ капитан, он живой, — тихо воскликнул старшина.

Наклонившись над часовым, я понял, что гвоздь вошел в висок всего на сантиметр, и ударом оглушил его. Достав из чехла штык-нож, я спокойно вогнал его под ребра часового. Теперь уж точно труп.

— Держите, товарищ капитан, — сказал старшина, протягивая мне немецкую разгрузку.

Отдав карабин радисту, я стал быстро надевать ее на себя, при этом скомандовав старшине еще и снять с убитого сапоги — у радиста сапоги давно каши просили, да и у старшины были не лучше. Застегнул ремень на поясе, стал накидывать на плечи ремешки, только отрегулировать их под себя в темноте у меня не получилось. Отдав бойцам две обнаруженные гранаты, так называемые «колотушки», тихо двинулся к окраине села, держась тени заборов. Осторожно проскользнув мимо еще двух часовых, мы попали на площадь, которую охраняли аж трое фрицев. Крепко сжимая цевье карабина, я тихо перемещался, прячась в тени раздавленных и уцелевших машин. Видно, немцы не все успели эвакуировать из села. Стоящая особняком легковушка привлекла мое внимание. Судя по обводам, это был плавающий вездеход. Кивком указав на него Сурикову, знаками показал, что хочу забрать его, не обращая внимания на заметно округлившиеся глаза бойцов, уже хорошо различимых в рассеивающейся темноте. Снова, уже сердитым жестом, показал на машину. С одной стороны от часовых ее прикрывал здоровенный трейлер, зачем-то оказавшийся на улицах села. С другой — борт грузовика с раздавленной нами кабиной.

Показав жестами, что ее надо толкать, посадил за руль Осокина. Ничего, и с одной рукой можно баранку крутить. Сняв машину с ручника и поставив на нейтралку, удалось с трудом сдвинуть ее с места. Тихо шелестя покрывками, машина под управлением Осокина въехала в узкий проулочек. Дотолкав ее, сколько хватало сил, мы остановились в тени большой яблони, склонившей свои ветви над проулком. Приказав Сурикову осмотреть машину, можно ли ее использовать или нет, велел остальным отдыхать. Осокина поставил следить за

обстановкой как самого неуставшего.

— Товарищ капитан, не заводится, придется напрямую соединять.

Голос старшины вывел меня из раздумий; кивнув ему, велел:

— Работай, только быстро. Молчунов, помоги ему.

— Есть, товарищ капитан.

Во блин, даже в плену не забывали о субординации. Рассвело, но старшина с радистом продолжали возиться под капотом машины. Поселение потихоньку просыпалось: невдалеке мычали коровы, были слышны щелчки кнутов.

Вдруг раздался звук запускаемого стартера. Захлопнув капот с закрепленной на нем запаской, старшина прыгнул за руль машины. Радист с Осокиным сели на заднее сиденье, я же расселся на переднем, поставив карабин прикладом на пол.

— Давай неторопливо езжай. Как будто мы свои, а вот если начнут стрелять, то дави педаль газа до предела. Понял?

— Да, товарищ капитан. Понял.

— Ну тогда трогай!

Тихо работающий на малых оборотах двигатель негромко взвыл, когда старшина дал газу. Проехав проулок до конца, мы выехали на луг с пасущимися на нем коровами. Из села крестьяне все вели и вели новых коров. Наблюдая эту картину, я удивлялся все больше и больше. Какого хрена немцы их не отобрали, не реквизировали. Вдруг сзади взлетели две ракеты; определив по месту взлета то, где находился наш тюремный сарай, понял — побег обнаружили. Приказав старшине прибавить немного газа, попросил Осокина, стоившего от болей в руке при каждом подпрыгивании машины, потерпеть.

Подпрыгивающая на кочках машина выскочила на дорогу, и, повернув, старшина попылил по ней, что заставило меня заорать:

— Куда! Там посты, давай напрямик, по полю!

Сползя юзом в неглубокий кювет, машина, громко ревя на больших оборотах, рванула дальше по полю со сгоревшим урожаем. Мы держали путь на далекий лес, видневшийся километрах в пяти от нас. Воспользовавшись тем, что уже рассвело, я стал нормально застегивать немецкую разгрузку. Как только закончил, мне в лицо вдруг попала пригоршня земли. Старшина с матом стал крутить баранку, заставляя машину делать зигзаги. Пристав, я закрутил головой и заметил на горизонте башню танка. Судя по покачиванию, он двигался на нас, стреляя на ходу. Присмотревшись, узнал Т-II, ну-ну, попробуй на ходу попасть в движущуюся машину. Видимо, немецкий командир-танкист это понял, потому что я увидел, как башня танка замерла и на конце тоненького ствола появились огоньки.

— Стой! — заорал я старшине.

Наводчик наверняка целился по ходу движения машины, но разрывы снарядов произошли метрах в семидесяти от нас. Видимо, искривление поля в этом месте, не позволявшее полностью видеть нас, спасло и на этот раз. Из-за этого искривления мы ехали как бы в низине, и немецкие танкисты видели только наши головы, как и мы только башню их танка, выделяющуюся на фоне сгоревшего поля. Но было понятно, что как только они поднимутся повыше на этот мелкий холм, то ехать нам недолго. Пригнувшись под пролетевшей над головой пулеметной очередью, я сказал старшине, который уже набрал приличную скорость:

— Федя, до леса надо доехать на максимальной скорости. Через минуту мы будем на его прицеле. Так что гони. Гони! — И повернувшись к сидящим сзади, велел Осокину, уже

закатывающему глаза на бледном лице: — Терпи, Осокин. Терпи! Будем гнать на полную.

Уловив слабый кивок, посмотрел на шлейф пыли и пепла, тянувшийся за нами. Теперь понятно, как немцы засекали нас. Я повернулся к старшине, который, по-моему, уже выжал из машины все, что смог. Еще минуты три, и мы уйдем из зоны прямого выстрела.

Обернувшись к преследующему нас танку, стал всматриваться в заметно отставшего немца. Его уже было видно полностью. И только сейчас я заметил десант, сидящий на его броне и как раз спрыгивающий с остановившегося танка.

— Уходи в сторону! — тут же заорал я.

От стрелявшего танка до нас было уже километра два, что затрудняло стрельбу, но врезающиеся в землю снаряды заметно нервировали нас. Машина вырывалась из сплошных разрывов и скрылась от внимания немецких танкистов за деревьями леса.

Приказав старшине сбросить скорость и внимательно смотреть за дорогой, прокладываемой по опушке леса, я стал вспоминать стрельбу немцев. Странно, такое впечатление, что по нам стрелял не танк, а мелкокалиберная зенитная пушка. Вроде тех, что мы расстреляли на въезде в село. В то, что немецкие танкисты из пушки Т-II смогут стрелять таким темпом, я не верил. У Т-II в обойме только по десять снарядов, а по нам прошли очередь не меньше тридцати. Видно, были еще подобные танки, которых я не заметил.

С хрустом продираясь через заросли мелкого кустарника, машина, ревя двигателем, выехала на небольшую поляну. Велев старшине остановиться, я приказал:

— Пятиминутный передых. Федя, насколько мы удалились от села?

— Километров двадцать будет, товарищ капитан!

Да, если считать, что тот лесок мы проскочили насквозь за пять минут и по новому полю минут через двадцать въехали уже в настоящий лес, то где-то так и выходило.

— Осмотри машину на наличие повреждений. После того ада, из которого мы вырвались, наверняка появились пробоины. — Повернувшись к пассажирам сзади, спросил: — Как вы?

— Осокин сознание потерял минут десять назад, товарищ капитан. Почти сразу, как въехали в лес.

— Ясно, осмотри его. А я вокруг пробежусь.

Сделав круг по лесу и обнаружив заросшую лесную дорогу, которой давно никто не пользовался, я вернулся к машине. Старшина с радистом возились с Осокиным. Оказывается, езда под огнем не прошла даром, довольно крупный осколок впился рядовому в бок, и сейчас мои бойцы пытались помочь раненому. Старшина как раз разрывал белую ткань, обнаруженную в багажнике отделения, и стал обматывать Осокина этим импровизированным бинтом.

Держа карабин наготове, я отслеживал обстановку вокруг, слушая бормотание старшины, обследовавшего ранение Осокина. Не знаю, как он смог с такой раной доехать с нами сюда, но мы помочь ничем не могли, кроме как наложить повязку. Слишком много крови потерял Осокин. Через несколько минут, так и не придя в сознание, он умер. Закрыв Осокину глаза, услышал всхлипывающие звуки сбоку. Повернувшись к радисту, закрывшему лицо ладонями, мягко сказал, положив руку на сотрясавшееся в рыданиях плечо:

— Он умер, Саша. Его уже не вернешь. Но мы отомстим за него немцам. Ты слышишь Саш? Отомстим! — Мой голос по мере разговора все повышался и повышался. — Немцы запомнят этот день на всю жизнь! — И обратился к стоящему рядом старшине: — Пора ехать. Погоня может быть близко. Парня похороним позже. Кстати, как машина?

— Да что ей будет, железке! — махнул рукой старшина. — Радиатор пробит. Я залепил его смолой, обнаруженной в багажнике, и долил из канистры с водой. Удивительно, но колеса целые, ни одно не пробито. Еще есть полная с бензином. Эх, таких парней потеряли. Истомин, Осокин, а я ведь даже не знал, откуда они.

— Федя, пора ехать, — мягко напомнил я.

— Да, товарищ капитан, сейчас, — ответил старшина, опустив голову, как будто прощаясь. Встряхнувшись, он сел за руль и спросил, куда ехать.

Радист снова сел рядом с телом Осокина. Крепко держа карабин, я показывал старшине, как выехать на заброшенную дорогу.

Теперь было понятно, почему дорога заброшена. Видно, отремонтировать разрушенный старенький деревянный мостик никто не стал, и дорога умерла. Обойдя молоденькую березу, растущую прямо на дороге, я подошел к обрыву и посмотрел вниз на небольшую речушку, несущую свои воды мимо нас вниз по течению. Гнилые пеньки свай черными обломками зубов торчали из воды.

— Не объехать, товарищ капитан, — уверенно произнес отошедший от вездехода старшина.

— У нас плавающая машина. Не забыл?

— Забыл, — кивнул старшина, — только у нас весь корпус в дырках, потонем ведь.

— Тут восемнадцать метров, успеем! Но это потом. У тебя смола осталась? Которой ты чуть не каждый километр радиатор чинишь?

— Да, товарищ капитан, осталась. Только не понимаю, зачем она была нужна немцам.

— Забей. Ладно, ты дыры заделай в корпусе, а мы с Молчуновым пока Осокина похороним. Лопата в багажнике?

— Да, товарищ капитан, сейчас дам.

Получив от старшины лопату, я стал выбирать место для могилы. Подошедший радист показал на небольшой склон у речушки с красивыми берегами.

— Осокину тут бы понравилось, товарищ капитан.

Кивнув в ответ, направился к понравившемуся месту.

Лопата легко входила в мягкий песчаный грунт. И то, что поблизости не росло деревьев, сильно помогало нам.

Пыхтя, бойцы принесли тело Осокина. Накрыв его голову найденной старой курткой водителя, сказали несколько прощальных слов, после чего, бросив по горсти земли, стали по очереди засыпать могилу. Радист приготовил крест, сделанный им, пока я копал яму. Напоследок я разрядил карабин и, передергивая затвор, три раза нажал на спусковой крючок, отдавая дань уважения погибшему танкисту. И мы оставили одинокий холмик с крестом, на котором радист вырезал штык-ножом: «Красноармеец Осокин, танкист, погиб смертью храбрых при штурме села Высокое. 19.07.1941».

Речушка была маленькая, но удивительно глубокая, колеса потеряли сцепление с дном почти сразу же, как только въехали в воду. Посмотрев на дно машины, я заметил прибывавшую воду. Я бы не сказал, что она прибывала быстро, но дно уже покрыла. На середине речки двигатель стал работать с перебоями и, когда осталось меньше трех метров, окончательно заглох.

— Быстро покидаем машину! — крикнул я, вскакивая и перебираясь на капот.

М-да, об устойчивости машины я и забыл. Поэтому, с трудом удержав равновесие,

прыгнул на берег, все-таки черпнув сапогами воду. Выбравшись, обернулся и смотрел, как умные бойцы подгребли руками к берегу и спокойно выбрались. Хмыкнув, сказал, что они молодцы. Прихватив из полузатонувшей машины то, что могло пригодиться, и определившись по солнцу, мы направились к Днепру.

Снова услышав бурчание желудка, только выругался. Последний раз ели мы вчера, перед боем.

Вдруг я услышал шум справа по ходу нашего движения. Повернувшись к старшине, тоже прислушивающемуся к звукам, в недоумении приподнял бровь. На радиста я даже не посмотрел, с контузией он плохо слышал, и поэтому тихие звуки, раздающиеся невдалеке, просто не мог слышать.

— Плачет кто-то, товарищ капитан, — тихо сказал старшина.

Мне тоже так показалось, поэтому показав знаками, чтобы следовали за мной, направился в сторону источника шума. Обернувшись, улыбнулся: воины в походе. Старшина сжимает в одной руке штык-нож от карабина, во второй гранату. Радист, крепко держа черенок лопаты, следует замыкающим, последняя граната у него за пазухой — вон рукоятка виднеется. Отодвинув мешающую ветку в сторону, прислушался. Действительно плач. Определив по звуку направление, пошел в ту сторону, слегка шурша высокой сухой травой и держа наготове карабин. Последние метры мы преодолели ползком. Выглянув из-за дерева, я увидел двух девушек в нашей форме.

Внимательно осмотревшись, увидел и того, по ком они плакали. Лежал он боком, звания я его не видел, но то, что командир — точно. Немногочисленные бинты, которыми он был перевязан, указывали на то, что командир был ранен. Поднявшись на ноги, я еще раз осмотрелся, больше никого на полянке не было. Отдав карабин старшине, вышел на открытое пространство из-под деревьев и был наконец замечен девушками.

— Ой, вы кто? — воскликнула одна из них, заметив меня.

Подойдя поближе, я представился, глядя на лежащего полковника с летными петлицами.

— Капитан Михайлов, бывший командир механизированной группы. Умер? — спросил я, кивнув на полковника.

— Да. Ой, не смотрите на нас!

Тактично отвернувшись, все равно бойцы страхуют, я терпеливо ждал, пока девушки не приведут себя в порядок. Когда они наконец закончили, спросил:

— Вы кто и как здесь оказались? А сначала представьтесь!

— Сержант Марьина, операционная медсестра двести шестого медсанбата.

— Красноармеец Иванова, сестра-сиделка двести шестого медсанбата.

Рассказ их был не такой уж и долгий. Подошли бойцы, и мы вместе стали слушать об их злоключениях.

Выяснилось, что этот район немцы захватили дней пять назад и стремительно двинулись дальше. Медсанбат был эвакуирован фактически полностью, остались только безнадежные. И как раз когда немцы ворвались в расположение медсанбата, там шла погрузка последних раненых. В общем, из-под огня смогли вырваться только две машины. Санитарный автобус, в котором находились обе девушки, и полуторка из автобата, присланная в помощь. Полуторка, дав газу, смогла оторваться от автобуса, не обращая внимания на сигналы. Автобус же довольно скоро встал, получив повреждение во время бегства. Водитель и два пожилых санитара, находившихся с ними, вынесли раненых и по

очереди унесли в глубь леса. На пять человек у них было три винтовки и наган у военфельдшера, старшего машины, плюс пара вещмешков с продовольствием. У девушек оружия не было. К вечеру на них набрел этот полковник с ранением в плечо. В общем, они провели в лесу все это время.

Страшное началось вчера рано утром. Прибежал один из санитаров, следивший за дорогой, и сказал, что только что на большой скорости мимо пролетели три немецких грузовика, полностью облепленные советскими бойцами. И что один из них на глазах санитаря сорвался с машины и упал на дорогу, а остальные даже не остановились. Когда санитар подбежал к неподвижно лежащему бойцу, первое, что бросилось в глаза — это невероятная худоба и вонь немытого тела. Перевернув тело, он понял, что боец мертв, и сразу же бросился бежать в лагерь. Военфельдшер приказал принести убитого в лагерь, что и сделали санитары. Через несколько часов приехали несколько грузовиков и, остановившись примерно в том месте, где сорвался боец, начали выгружать солдат. Выстроившись в цепь, они стали прочесывать лес. Военфельдшер приказал девушкам уходить, оставшись с санитарями оборонять лагерь с ранеными. Полковник повел их в сторону фронта; чутко прислушивающиеся к перестрелке у лагеря, девушки поняли, когда наступила тишина, что все кончено. Перестрелка длилась всего пару минут.

— А что с полковником случилось?

— Остановка сердца. Похоже, сердечная недостаточность.

— Ясно. У вас покушать есть? А то мы только что из плена сбежали, голодные, со вчерашнего дня ничего не ели.

— Нет, товарищ капитан, как стрельба началась, мы побежали и ничего с собой не взяли.

— Ну и ладно. Посмотрите, что с моими бойцами. Нас, правда, врач уже осмотрел, но вы все-таки тоже посмотрите.

Пройдя быстрый медосмотр, мы похоронили полковника. Документов у него не было, и мы со слов девушек вырезали на деревце, под которым выкопали могилу: «Полковник Иванцов 19.07.1941».

Через час мы отправились дальше уже большим составом.

К полудню мы остановились на привал, радист из-за контузии стал совсем плох, и покашли, его с двух сторон придерживали обе девушки.

Вдруг раздался хруст веток, ломающихся под ногами бегущего человека. Встрепенувшись, я взял на изготовку карабин.

— Товарищ капитан, там дорога, — вскричал подбежавший старшина, которого я отправил осмотреться.

— Оставайтесь здесь, мы скоро, — приказал я девушкам и радисту. Подхватив карабин, рванул вслед за старшиной к обнаруженной дороге.

— Вот, товарищ капитан. Я посмотрел следы, грузовики недавно проезжали, — произнес старшина, отведя ветку в сторону для лучшего обзора. Вдалеке послышался звук мотора.

— Если один — будем брать. Приготовь гранату, кинешь по ходу движения.

— Понял, товарищ капитан. Сделаем, — ответил старшина, доставая из-за пазухи гранату и отвинчивая колпачок.

Решение захватить транспорт пришло как-то спонтанно, под давлением обстоятельств.

Тут и оружие нужно и продовольствие. Через несколько секунд определили, что едет мотоцикл, по звуку вроде один. Напомнив старшине, что замедлитель на этой гранате девять секунд, посоветовал дергать за веревочку заранее. После чего подполз поближе к дороге. Через просветы между деревьями был виден движущийся мотоцикл с двумя седоками. Держа на прицеле пулеметчика в люльке, я ждал разрыва гранаты.

— Хальт! — вдруг заорал один из немцев, видимо, заметивший старшину.

Мой выстрел заставил поникнуть голову пулеметчика, почти одновременно грохнул разрыв гранаты. Передернув затвор, я послал пулю в грудь привставшего в седле второго немца. Быстро перезарядил карабин и осторожно направился к мотоциклу, держа оружие наготове. Приблизившись шагов на двадцать к мотоциклу, произвел два прицельных выстрела в грудь каждого немца. Махнул рукой настороженно наблюдавшему за мной старшине, и мы вместе подошли к мотоциклу. Оказывается, я мог и не стрелять в водителя, один из осколков разорвал его горло. То-то он привстал в седле, держась за него.

Нашими трофеями стали два карабина, ТТ без запасного магазина в кармане пулеметчика. Пулемет МГ-34 с двумя запасными лентами. Боеприпасы, четыре гранаты и ранец одного из немцев, набитый продовольствием. К сожалению, мотоцикл пришел в полную негодность, осколки разорвали покрышку переднего колеса и оставили несколько рваных дыр в бензобаке.

Прихватив трофеи, мы направились к нашей стоянке. Успокоив испуганных стрельбой девушек и подхватив под руки радиста, распределили груз между всеми и быстро покинули это место. Марш-бросок на пять километров полностью вымотал нас. После небольшого отдыха попросил девушек приготовить ужин. Карабины я отдал девушкам, пулемет старшине, он с ним уверенно обращался, радисту, как менее боеспособному, вручил ТТ.

После ужина, состоящего из свежего хлеба и сала с луком, стало значительно лучше. Есть хотелось еще, но девчата не дали, став вдруг серьезными медиками. Сказали, что много есть после голодания опасно. На мое ворчание, что мы провели в плену меньше суток, они не обратили внимания. После ужина Молчунову стало заметно лучше. Пока было время, мы провели быстрый ликбез по освоению трофейного оружия. По крайней мере повернуть ствол в сторону противника и произвести пару выстрелов девушки теперь смогут.

— Федя, проверь пулемет, я пробегусь пока вокруг. — Старшина, помогавший застегивать Марьиной трофейную разгрузку, кивнул, подтянув МГ ближе.

Отойдя от лагеря километра на полтора, я ощутил свежесть, которую принес ветерок. Направившись навстречу ветерку, вышел к довольно широкой речке, метров так на сто пятьдесят. Подойдя к воде, положил рядом карабин, набрал горсть воды и плеснул ее себе в лицо. Тщательно умывшись, потянулся за карабином, и тут что-то привлекло мое внимание. Присмотревшись к кустам, растущим прямо из воды, понял, что там что-то скрыто. Подхватив оружие, я, аккуратно раздвигая ветки и убирая паутину с пути, направился к заинтересовавшему меня месту. Обойдя кусты, растущие у берега, я обнаружил, что тут недавно кто-то проходил. Дойдя по следам до берега, увидел то, что скрывали маскирующие кусты.

Бронекатер, стоящий у самого берега, завораживал своей хищной красотой. Присмотревшись к артиллерийской башне, стоявшей впереди, опознал в ней прототип башни танка Т-34. Хмыкнув, по доскам, используемым как трап, поднялся на палубу катера.

— Есть кто живой? Выходи, свои!

Вдруг услышал, что где-то внизу заколотили чем-то железным, и раздались крики о

помощи. Быстро найдя крышку люка, в которую кто-то долбил снизу. Откинув ломик, которым она была заклинена, открыл люк и отскочил в сторону, держа карабин наготове. Из люка, сипло кашляя и матерясь, вылезли три моряка в тельняшках, с обмотанными какими-то тряпками лицами.

— Там еще двое, вылезти не могут, — хрипло выдохнул один из них, срывая повязку. Лет ему было около сорока пяти, седые усы; внешний вид выдавал старого моряка.

Подойдя к люку, я увидел еще двоих лежащих внизу и не подающих признаков жизни. Закинув карабин за плечо, быстро спустился вниз. В нос сразу ударил запах выхлопных газов и бензина. Подхватив одного из матросов, подал его наверх. Чьи-то руки подхватили матроса и вытянули. Подав последнего, вылез на палубу и, откашлявшись, спросил:

— Что здесь произошло?

— Вы кто? — хмуро спросил усатый.

— Капитан Михайлов, бывший командир танковой группы. — Козырять не стал из-за отсутствия головного убора.

— Главстаршина... Михайлов. Боцман.

— Однофамилец... Так что тут произошло?

— Никитин, сукин сын, матрос-рулевой, запер нас в машинном отсеке, когда мы ремонтировали дизель, и пошел сдаваться немцам. Кулак недобитый.

— Давно? — спросил я, посмотрев на часы.

— Да где-то минут сорок назад!

— Дизеля целы? Двигаться можете?

— Да, норма. В порядке.

— Я за своими и к вам. Дождетесь?

— Дождемся, товарищ командир. — Упоминание о командире, навело меня на вопрос:

— А где ваш командир?

— Погиб. Утром внезапно налетел «мессер», и пулеметами... — Главстаршина махнул рукой. — И лейтенанта, и половину экипажа как корова языком слизнула.

— Ладно, потом дорасскажете! Готовьтесь к выходу.

Сбоку закашлялись. Посмотрев на одного из очнувшихся матросов, которого только что полили забортной водой, я, громко топая по трапу, побежал за своими.

До нашей стоянки было где-то километра полтора. В лесу я немного заплутал, пропустив лагерь левее. Сориентировавшись, все-таки попал куда надо. Отозвавшись на окрик старшины, подошел к стоянке. Окинув всех взглядом, сказал, прищурившись от солнечных лучей, падавших на лицо:

— Нашел наших. — Посмотрев на спавшего радиста, добавил: — Там у берега бронекатер стоит, нужно торопиться. Вот-вот подойдут немцы. Так что бегом!

Быстро собравшись и разбудив Молчунова, мы со всей возможной поспешностью направились к катеру.

— Вещи сюда складывайте, — показывал главстаршина, остальные матросы готовили катер к выходу.

— Товарищ капитан, матрос Газелин не отошел от отравления, надо бы посмотреть, — сказал боцман, кивнув на медработников.

— Сержант! — окликнул я Марьину, помогавшую Молчунову спуститься внутрь катера. Радист стал совсем плох; видимо, до этого он держался на одной силе воли и, очутившись в более или менее спокойной обстановке, окончательно расклеился.

— Тут пострадавшего матроса надо посмотреть.

— Иду.

Подав стоявшему внизу бойцу радиста, она схватила одну на двоих с Ивановой санитарную сумку и побежала на нос катера, где лежал пострадавший от угарного газа моряк. Другой матрос, хлопотавший около пострадавшего от отравления, оставил его на попечение Марьиной и бросился помогать остальному экипажу.

— Боцман!

— Да, товарищ капитан!

— Значит так, командование над катером я на себя не возьму. Я в вашей кухне плохо разбираюсь, командуй ты, а пока пристрой меня куда-нибудь. Вон хотя бы командиром орудия, я воевал на таком, пушку знаю.

— Хорошо, товарищ капитан. У нас как раз расчет побило вместе с командиром.

— Ладно, разберемся. Пойду осваивать орудие. Старшина, ко мне!

Вынырнувший из люка старшина вопросительно посмотрел на меня.

— Значит так, старшина, мы теперь расчет этого орудия. Принимай хозяйство.

Осмотрев пушку, никаких различий практически не нашли. Пушка оказалась той же ф-34, как и на моих обоих танках, тут даже шлемофоны были. Пока мы с Суриковым осматривали боевую башню, катер, потихоньку порывивая двигателем, отошел от места стоянки.

— Рулевой, возьми левее, — скомандовал боцман не отрываясь от бинокля.

— Есть взять левее! — отозвался щупленький рулевой.

Откинув крышку башни, я, сидя на башне спустив ноги внутрь боевого отделения, с интересом крутил головой, следя за оживленной возней матросов. Для чего нужна половина из проделываемых ими работ, я не понимал.

В это время мы на малом ходу вышли из протоки на большую воду Днепра.

— Справа большой катер! — крикнул матрос, находившийся на носу бронекатера.

— К бою! — громко скомандовал боцман.

Плюхнувшись на место наводчика, я захлопнул крышку люка и стал крутить штурвал наводки, направляя ствол орудия на цель, обнаруженную сигнальщиком. Выход на крупные волны Днепра дал мне возможность оценить профессионализм наводчиков бронекатеров. Попасть в цель при качающемся прицеле очень трудно. То вода в прицеле, то небо, и в этом промежутке иногда мелькала цель.

Через минуту я приноровился. На танках тоже приходилось стрелять на ходу, что ж мне и здесь сплеховать, что ли?

— Стрельба по готовности, — услышал я голос боцмана в наушниках шлемофона.

— Готов! — откликнулся я в ответ, тут же скомандовав в микрофон ТПУ: — Суриков, осколочный!

— Готов осколочный! — ответил старшина после лязга затвора.

— Огонь, — скомандовал боцман, я немедленно продублировал приказ.

Чуть опущенное орудие смотрело в сторону уже начавшей разворачиваться посудыны противника. Ветер, дувший им в корму, наконец развернул их знамя, укрепленное на небольшой мачте, что дало мне возможность рассмотреть свастику. Поймав момент, когда наш катер замрет на мгновение, прежде чем опять качнуться вбок, произвел выстрел по катеру противника.

— Рядом легла, — услышал я боцмана.

— Давай еще!

Только после четвертого выстрела я смог попасть в корму улепетывающего от нас катера.

— Ах ты бисов сын! — вдруг в динамиках воскликнул боцман.

— Что там? — отозвался я на последовавшую далее матерную тираду боцмана.

— Никитин, сукин сын. Вот кто их сюда привел. Бейте их, товарищ капитан. Бейте!

— Суриков, осколочный!

— Готово!

После выстрела я услышал радостный вопль боцмана:

— А, молодцы, добились. Они хода лишились. Рулевой поворот влево. Щас мы их бортовым залпом накроем.

Дослушивал я, быстро крутя ручки поворота башни, поворачивая ее вслед за поворотом катера. По остановившемся катеру, где суетились фигурки людей, ударила пулеметная спарка ДШКМ-2Б, установленная на корме. Посмотрев на ее работу, я спокойно откинул крышку люка и снова уселся на башне, с интересом глядя на приближающийся полузатопленный большой катер. Пара матросов, вооружившись моим трофейным МГ, держали на прицеле выживших немцев.

— О, смотрите, и Никитин живой! — воскликнул из рубки радостный боцман.

Немцев, плавающих сейчас вокруг посудыны, после шквального огня двуствольного зенитного ДШК выжило около десятка. Самого Никитина я опознал по матросской куртке. Испуганно оглядываясь на нас, он, вцепившись в спасательный круг, судорожно греб к берегу.

— Сдавайтесь. Это, как его? А, хенде хох! — крикнул немцам боцман.

— Боцман, а они тебе нужны? — спросил я однофамильца.

— Да нет вообще-то. Информация разве что?

— Да на хрена они тогда нам сдались?! Вон офицерик плавает, его и возьмем. Остальных в расход. — После чего, достав трофейный карабин, я скомандовал: — По немецко-фашистским захватчикам! А-агонь!

Матросы с трофейным пулеметом короткими очередями пересекли несколько плавающих рядом голов. Корма подбитого катера полностью ушла под воду. На поверхности остался только нос, за который держалась пара немцев, прося у нас пощады. Прицелившись в крайнего, я выстрелил ему в грудь, второй, тот офицер, смотревший на нас с круглыми от испуга глазами, ждал выстрела. Крикнув, чтобы плыл к нам, и пообещав, что я пальцем его не трону, стал ждать. Матросы подняли из воды мокрого немецкого лейтенанта и, связав, оставили на палубе.

— Боцман. Этого сам не хочешь снять? — с любопытством поинтересовался я, кивнув на Никитина, удалившегося от нас на сотню метров.

— Давай! — протянул он руку.

Отдав ему свой карабин, я с интересом и комментариями стал следить за отстрелом предателя.

— Мимо... О, почти рядом... Мазила...

Дождавшись когда у боцмана кончатся патроны, дал ему запасную обойму.

— Держи полную. Может, все-таки поближе подойдем, уже сто пятьдесят метров, да и качка еще.

— Томилин. Давай малый вперед!

Жалеть предателя никто не стал. Подойдя к нему поближе, боцман почти в упор всадил в скулящего от страха подонка оставшиеся в карабине три пули.

— Бойцы, пленного на нос катера! — крикнул я матросам, стоящим рядом с пленным офицером, и последовал за ними, сказав боцману, что пока допрошу его.

— Ну что он рассказал? — спросил у меня боцман, вытирая лоб грязной тряпкой.

Услышав за спиной шум сброшенного в воду тела, я спокойно ответил:

— Смоленск они взяли. Могилев еще держится, но не сегодня завтра их вышибут. Как смотришь на то, чтобы помочь? Да и наш берег еще не весь занят, хотя попытки переправиться были.

— До Смоленска идти часа три. До Могилева ближе. Горючки только пол бака, до города хватит, а там встанем, и придем мы туда, когда стемнеет. Вечер уже. Да и боеприпасов с гулькин нос.

— Старшина!..

— Главстаршина, товарищ капитан!

— Пусть так, — согласно кивнул головой я, продолжив: — Идем в Могилев. По пути, может, чем прибарахлимся. Командуй.

— Товарищ капитан, но Могилев же глубоко в тылу у немцев?!

— Главстаршина, там в окружении бьются три наших дивизии. Не знаю как ты, а я себе не прощу, если не помогу им. Понял?

— Да, товарищ капитан, понял.

— Нужно избавиться от раненых. Да не смотри ты так на меня. Я в переносном смысле. В Могилев же их не возьмешь. Ладно, идем к нашему берегу, только осторожно, а то еще свои подстрелят.

Встав на корме около зенитного пулемета, я смотрел на струю воды, вырывающуюся из-под кормы нашего бронекатера. Слева была видна удаляющаяся спина мертвого немецкого офицера, плавающего в воде лицом вниз. Я выполнил свое обещание, даже пальцем его не тронул. За меня все сделал здоровенный матрос с симпатичной фамилией Красавчик. Когда он мне представился, я сперва подумал, что он надо мной издевается, однако, спросив боцмана, выяснил, что нет, действительно Красавчик Вадим Вячеславович, старший матрос.

— Товарищ капитан, на берегу видны машины! — услышал я крик боцмана.

— К бою!

От места боя мы успели отдалиться на пару сотню метров, когда боцман в морской бинокль узрел несколько грузовиков на берегу. Противоположный берег, к которому мы так стремились, скрывался вдали за небольшим туманом. Взяв у боцмана бинокль, я всмотрелся в грузовики, которые сразу определил как немецкие. Что-то в них мне сразу не понравилось. Вглядевшись, крикнул, не отрываясь от бинокля:

— Сержанта Марьину ко мне! — Мой приказ сразу же передали по цепочке внутрь катера. — Боцман, катер тормози!

— Томилин, стоп машина, — спокойно продублировал приказ боцман.

— Товарищ капитан, по ваше...

— Сержант, — прервал я ее, — напомниме мне рассказ вашего санитаря, который видел грузовики, набитые нашими солдатами.

— Он сказал, что видел три машины, полные бойцов в советской форме.

— Три?

— Да, товарищ капитан. Он говорил три.

— Хм, хорошо. Вернитесь на свое место.

Слушая удаляющийся перестук каблуков, я смотрел на три грузовика, накренившихся в разные стороны у самой кромки воды. Они стояли без колес и со снятыми тентами. Разбортированные колеса я обнаружил рядом.

— Думаю, они использовали камеры для плотов. Жаль, противоположного берега не видим. Уверен, они лежат на берегу.

— Кто лежит, товарищ капитан?

— Плоты. Давай-ка ты потихонечку к берегу, хочу осмотреть машины. Сдается мне, что у крайней машины лежит человек.

Дождавшись пока боцман раздаст команды, сжато рассказал ему последние два дня наших приключений, включив сюда и рассказ девушек.

— Так кто все-таки напал на лагерь, товарищ капитан? — с интересом спросил у меня боцман.

Опустив бинокль и протерев заслезившиеся глаза, я спокойно ответил:

— Не знаю, боцман. Свидетелей я еще не встречал.

Катер приткнулся носом к берегу, метрах в ста от машин. Место показалось боцману нормальным для причаливания. Скинув сапоги, я с шумом обрушился в воду, держа карабин над головой. Следующим прыгнул в воду матрос Красавчик с пулеметом Дегтярева наперевес. Внимательно осматривая ближайшие заросли, я направился к машинам под прикрытием пушки с сидящим на месте наводчика Сурковым. Перешагнув крышку, подошел к крайнему «Опелю». Я не ошибся, у заднего борта действительно лежал боец, и он умирал. Даже я понял, что жить ему осталось недолго, максимум пара минут. Быстро подойдя к нему и упав на колени, громко спросил:

— Боец. Ты меня слышишь?

С трудом сфокусировав на мне блуждающий взгляд, красноармеец с хорошо различимыми следами треугольников на петлицах, что-то просипел.

— Что? — переспросил я его.

— ...оды.

— Красавчик, воды живо!

Поднеся ко рту сержанта бескозырку с водой, стал потихонечку вливать воду в открытый рот. Сделав несколько судорожных глотков, боец устало прикрыл глаза. Дрожь, пробегающая по его телу, казалось, усилилась. Ранение в живот — страшная штука. Да, я знаю, что раненому в живот нельзя давать пить, но мне надо было его расспросить.

— Сержант, ты слышишь меня? — повторил я свой вопрос.

— Да-а-а, слы-ышу-у-у.

— Кто вас освободил из лагеря? Кто напал на немцев?

— Демоны, это были демоны! — вдруг закричал раненый и после небольших судорог застыл. Его глаза, медленно стекленея, безразлично смотрели в небо.

Вздохнув, я рукой провел по лицу покойного, закрывая веки. В ворота гимнастерки была видна засаленная бечевка, я потянул за нее, вытащил на свет маленький деревянный крестик и, вздохнув, убрал на место.

— Красавчик, что в машинах? — спросил я матроса, с интересом заглядывающего в машины.

— Тут несколько убитых бойцов, товарищ капитан. И пулевые отверстия в бортах.

— Наверное, налетели на какой-нибудь патруль или пост.

— А почему раненого оставили, товарищ капитан?

— Может, сам не захотел. Или еще чего, не жилец он был... Ладно, возвращаемся.

Глядя на удалявшийся берег, я слушал Суркова, рассказывающего матросам о наших похождениях по тылам немцев.

— Может, там нет никого, товарищ капитан? — спросил у меня боцман.

— Должны быть, продолжайте махать!

С остановившегося в ста метрах от берега катера мы внимательно смотрели на как будто вымерший берег. Метрах в трехстах от нас были видны вытащенные и разобранные остатки плотов. Посмотрев на Красавчика, махавшего белым полотнищем, я стал ждать ответных действий от берега. Вдруг в наступающей темноте, на фоне белого песка появились две фигуры, и послышался голос, окликнувший нас:

— Эй, на катере, кто такие?

— Свои! — откликнулся боцман. Остальные матросы радостно его поддержали.

Я внимательно вглядывался в стоящих на берегу бойцов. Каски, плащ-палатки, винтовки в руках, обмотки. Все это указывало на то, что встречающие нас бойцы все-таки наши. Бронекатер ткнулся в дно, не дойдя до берега метра три. Разбежавшись и оттолкнувшись, я взлетел в воздух, песок смягчил удар кромки берега по ногам. Выпрямившись после прыжка, я быстрым шагом направился к стоящим бойцам. Лишь подойдя ближе, опознал в одном из них командира в звании младшего лейтенанта. Что-то в них было не так. Проанализировав, понял — они не обстрелянные. Видимо, подошли свежие дивизии третьего эшелона.

— Лейтенант, представьтесь! — Я говорил командирским голосом.

— Командир разведвзвода, младший лейтенант Гаврилов, — кинул руку к голове лейтенант.

Мне ответить было нечем, фуражка осталась в танке, а шлемофон где-то на улице села, поэтому, представившись, я приказал:

— Отведите меня к командиру. И позаботьтесь о раненых на катере.

Отдав несколько приказов стоящему рядом бойцу, лейтенант повел меня в расположение своего полка. С трудом поднявшись по песчаному осыпающемуся склону, мы направились к видневшейся рядом темной массе. Ночь вступила в свои права, и было плохо видно. Пройдя мимо часовых, спустились в небольшой блиндаж, расположенный рядом с мелкокалиберной зенитной пушкой 61-к, накрытой масксетью. Сдав по просьбе дежурного оружие и спустившись по свежевырытым ступенькам, я вместе с лейтенантом оказался в довольно большом блиндаже с двумя накатами. Осмотревшись в свете керосинки, опознал в ужинающем майоре командира полка. Да и лейтенант подтвердил это; подойдя к майору, он сказал:

— Товарищ майор, часовыми обнаружен советский катер, подошедший к нашему берегу, — и, наклонившись к уху, что-то зашептал ему.

Пока они переговаривались, я быстро осмотрелся. В блиндаже присутствовали восемь человек, связисты, командиры и политработник в звании политрука. Спокойно отойдя от входной двери, подошел к майору. Вытянувшись, представился:

— Капитан Михайлов, личный порученец генерала армии Жукова.

Судя по вытянувшимся лицам майора и других командиров, такого от неизвестного оборванного капитана они не ожидали.

— Майор Гаранин, командир сто четвертого стрелкового полка восьмой дивизии, — озадаченно представился майор. Вслед за ним представились остальные.

— Политрук Волгин, исполняющий обязанности замполита полка.

— Капитан Романов, начальник штаба.

— Старший лейтенант Карасев, командир второго батальона.

— Лейтенант Сусанин, командир взвода связи, — представился последним щупленький лейтенант в очках на покрытом веснушками лице.

— Товарищ капитан, а что с вами случилось?

Удивление майора было понятно, порученцы в таком виде не ходили. Комбинезон я скинул еще пред встречей с девушками, и хождение в форме по лесу не способствовало улучшению ее внешнего вида.

Назваться порученцем генерала меня заставило ощущение, что если на них не надавить, то ничего я не добьюсь. Поэтому, сделав властное лицо и уверенно окинув взглядом блиндаж, я присел за стол, сколоченный из досок, и сказал, повернувшись к начштабу:

— Бумагу и карандаш, капитан.

Взяв протянутый листок и новенький химический карандаш, стал составлять донесение. Но тут вышел из оцепенения молчащий политрук и спросил вкрадчивым голосом:

— Товарищ капитан, а можно ваши документы посмотреть?

Бросив на него жесткий взгляд, я сказал, тяжело роняя слова:

— У меня их нет, политрук. Выполняя задание Георгия Константиновича, я попал в окружение в районе Борисова...

Похоже, политработник уже представлял у себя на груди новенький орден за пойманного шпиона.

В это время дверца входа отворилась, и в блиндаж вошел командир с малиновыми петлицами. Встряхнув снятую фуражку, он повернулся к нам. Понятно, особист. Судя по лейтенантским кубикам, сержант госбезопасности.

— О, у нас гости?

Что-то знакомое было в этом особисте. Быстро прокрутив память Шведа, я узнал в нем Андрея Серебровского, сына белого генерала, а также немецкого диверсанта. Глядя на него, я прокручивал в голове свои действия. Андрей в это время, с улыбкой окинув взглядом помещение, подошел к майору и, сев рядом, с интересом посмотрел на меня.

— Привет, — кивнул я ему и добавил: — Давно не виделись. Товарищ майор, мы тут с лейтенантом пошепчемся. Не возражаете?

— Нет, не возражаю! — Связываться с всеильным НКВД майор явно побоялся.

Остальные тоже промолчали. Мы с Андреем вышли из блиндажа и, отойдя на сотню метров, тихо заговорили.

— Каким ветром тебя занесло сюда, Вацлав?

— Попутным, Андрей, попутным. — Мы говорили очень тихо, стоя близко друг к другу, чтобы никто не услышал.

Пришлось немало потрудиться головой, чтобы объяснить с Серебровским. Он легко съел информацию, что я иду в виде пятой колонны на Могилев, помогать немецким дивизиям захватить город. И также мне легко удалось договориться о подтверждении им моего статуса порученца Жукова, якобы мы встречались раньше в штабе фронта. Вернувшись в блиндаж, Андрей веско сказал свое слово о том, что я действительно порученец генерала и более геройского командира ему встречать еще не приходилось. После Серебровского взял

слово я. Сначала сообщил о тяжелом положении советских дивизий, окруженных в Могилеве. После чего, объяснив присутствующим командирам, что мой катер идет в город, попросил помочь окруженным дивизиям боеприпасами, продовольствием, медикаментами и всем необходимым, выложив полный список перед майором.

* * *

— Осторожно грузи. Да тихо ты! — слышался громкий шепот боцмана, когда таскавшие ящики бойцы гремели чем-нибудь тяжелым. Подойдя к оружейной башне, я заглянул внутрь и спросил у Суркова, хорошо видно при свете включенных плафонов внутреннего освещения башни:

— Сколько снарядов загрузили на катер, старшина?

— Два полных БК — один в трюме, другим дополняю использованный боезапас, товарищ капитан.

— Хорошо, работай.

Подойдя к тихо матерящемуся боцману, сказал:

— Через десять минут отходим. Готовьтесь.

— Да нас так нагрузили, товарищ капитан, что мы днищем будем везде дно цеплять.

— Не ворчи, боцман, а готовься.

— Хорошо, товарищ капитан.

Сбежав по сделанным саперами мостикам на берег, я подошел к группе командиров, тихо переговаривающихся между собой. Отведя в сторону Андрея, спросил его:

— Плоты эти, откуда они?

— А, тут переправилась группа бойцов, бежавших из лагеря, так это их плоты.

— Где они?

— Да по законам военного времени за сдачу врагу в плен поставили к стенке. Хе-хе, сам командовал расстрельной командой.

Сжав крепко челюсти, я тихо спросил, стараясь, чтобы мой голос звучал естественно:

— Всех расстреляли?

— Почти всех. Как ни возражал майор, я быстро подвел всех под измену.

— Почти всех? Кто-то выжил?

— Нет, никто не выжил. Несколько не успели расстрелять, сами сдохли. А чего это ты так ими заинтересовался?

— Надо было выяснить, как они сбежали из плена, — ответил я честно и, попросившись с ним, по мосткам взбежал на катер. — Отходим, — скомандовал я.

С трудом сдвинув с места тяжело нагруженный катер, мы отошли от берега и, набирая скорость, пошли в сторону Могилева. Все-таки склады полка мы подчистили изрядно, и сейчас нам приходилось нелегко. Обойдя стоящие на корме бочки с горючим, я подошел к зенитке и, наблюдая за удалявшимся берегом, думал: воспользуется ли политрук запиской, потихоньку сунутой мною ему в руку...

Незаметно пройдя мимо деревушек, находившихся на берегу Днепра, мы шли дальше. Как утверждал главстаршина, он знает местные воды как свои пять пальцев и с завязанными глазами может пройти в любом месте реки. В три часа ночи в стороне Могилева показалось

зарезево пожаров, еще через полчаса мы слышали оружейную перестрелку.

— Полный назад! — вдруг закричал боцман, крутя штурвал, и добавил: — К бою. Впереди понтонная переправа.

Вскочив на башню, я скользнул на свое место и, шлепнув по шлемофону спавшего Сурикова, крикнул, присоединяя штекер разъема:

— К бою. Осколочный!

— Готово, товарищ капитан, — услышал я после характерного лязга казенника.

Выверив прицел, нажал на педаль пуска. Грузовик, выезжавший на берег с наведенной переправы, стал моей целью. Следующим попаданием я подбил машину, которая только что въехала на понтон. После этого на пределе скорострельности пушки стал быстро расстреливать машины и бронетранспортеры по всей переправе, надеясь, что в одной из машин будут боеприпасы, детонация которых вызовет повреждение пролета и позволит нам прорваться дальше. Мне повезло на четвертом транспорте. После детонации боеприпасов, освещаемый горящими на понтонах машинами, катер стал разгоняться, чтобы прорваться дальше между поврежденными соединениями понтонов. Целый кусок наплавного моста стал отходить в сторону, открывая достаточно широкую брешь. Развернув башню, я неприцельно успел послать еще десяток снарядов по скопившейся на берегу немецкой технике, вызвав пожары и там. Но немцы — вояки крепкие, и все усиливающиеся хлопки пуль по катеру вызвали возгорание одной из бочек с горючим, предоставив немцам отличный шанс поквитаться с нами. Похоже, что никакого серьезного вооружения у немцев на берегу не было, и, кроме пары пулеметов, по нам никто не стрелял, хотя освещаемый горячей бочкой катер представлял собой прекрасную мишень. Высунув голову из башни, я осмотрелся. Вдруг мое внимание привлекла фигура матроса, скользнувшего к горячей бочке. В матросе я узнал Красавчика. Тот подбежал к горячей бочке и, ухватив ее голыми руками, с хэканьем зашвырнул за борт. Выскочив из башни, я помог ему потушить одежду и погасить открытое пламя разлившегося на палубе горючего. Отпустив рукоятку брандспойта, я устало вытер вспотевший лоб и спросил Красавчика:

— Не обжегся, герой?

— Немного, товарищ капитан.

— Иди вниз, пусть тебя посмотрят.

Девушки, как и контуженный радист, остались в распоряжении полка, так что теперь за медика был один из матросов.

— Хорошо, товарищ капитан!

Проводив взглядом матроса, я оперся плечом о стволы зенитки. И тут же с матом отскочил в сторону — оказывается, зенитка тоже вела огонь по противнику, что я в бою, сидя в своей башне, не расслышал.

Пока было время, проверил другие емкости на предмет повреждений, проще говоря, не пробиты ли они пулями и не протекает ли горючее. Нашел еще две дырки и приказал пробежавшему мимо матросу принести затычки, пока заткнув их пальцами. Закончив, вернулся к башне, поговорил со старшиной, пополняющим боезапас, и отправился на мостик к боцману.

— Скоро уже? — спросил я его, подойдя вплотную.

— Через час будем, товарищ капитан. Журов, что там? — крикнул боцман стоящему на носу сигнальщику, который внимательно всматривался в темень по курсу катера.

— Чисто, товарищ главстаршина. Ни топляков, ни мусора.

— Хорошо, смотри внимательно!

— Понял, товарищ главстаршина.

Дослушав, я сказал:

— Нужно будет как-то определиться, где наши, где немцы. Ты знаешь, где там причалы?

— Конечно знаю, товарищ капитан! Столько лет туда на своем буксире ходил.

— Хорошо. Подойдем тихой сапой и выясним кто где. Ясно?

— Да, ясно, товарищ капитан! Город уже видно!

Достав из специального ящика бинокль, я стал всматриваться в приближающиеся предместья Могилева.

— Там, где горит то пятиэтажное здание — немцы, дальше пока не вижу, пожары слепят. Возьми правее, а не то нас пламя осветит.

Снова приложив к глазам бинокль, я смотрел на развалины города.

— Боцман, мне кажется или вон там что-то похожее на пристань?

— Да, товарищ капитан, это действительно пристань речного вокзала, там речные трамвайчики швартуются.

— И на ней вроде бы никого нет. Подойди туда и высади меня.

— Хорошо, товарищ капитан, приготовьтесь!

Несмотря на то что в принципе было достаточно светло, чтобы нас рассмотреть, мы были как невидимки; наверное, этому способствовала отличная маскировка катера. Со стороны мы были похожи на огромный плавучий куст. Оттолкнувшись от палубы катера, я запрыгнул на берег. Держа карабин наготове, медленно перебирая ногами, настороженно двинулся в сторону ближайших развалин. С собой я решил никого не брать — людей и в экипаже не хватало — и потому в одиночку шел по разрушенному городу в сторону ближайшей перестрелки.

Как меня взяли, я, честно говоря, прощелкал. Шуршание справа и удар в затылок, когда я развернулся на звук. В том, что меня взяли спецы, я не сомневался и, когда сознание пришло в норму, стал вслушиваться в разговор стоящих рядом людей.

— Ты где его взял, Генрих? — Разговор шел на немецком, что меня, честно говоря, не удивило, но и не больно-то расстроило.

— В развалинах магазина, герр лейтенант. Шел в сторону обороняющихся русских частей справа от нас. Вооружен нашим карабином — видимо, трофей, герр лейтенант.

— Вот как? Хорошо. Проверьте, не очнулся ли он!

Сильный удар носком сапога под ребра вывел меня из себя.

Я заорал на немецком, не глядя на немцев:

— Какая сволочь это сделала? — и, открыв глаза, сердито посмотрел на стоящего рядом громилу фельдфебеля.

— Очнулся, герр лейтенант.

— Что тут происходит? — добавил я, играя роль немецкого диверсанта. Встав на ноги и потирая ушибленный бок, перевел взгляд на стоящего рядом лейтенанта-пехотинца: — В чем дело, лейтенант? Почему вы мешаете операции Абвера?

— Извините, вы кто?

— Лейтенант Швед, полк «Бранденбург». Это что-нибудь вам говорит?

— Да, лейтенант, говорит. Я сейчас свяжусь со своим начальством, и мы выясним, кто вы.

— Лейтенант, связывайтесь быстрее. За срыв операции, разработанной самим... — Я возвел глаза к потолку разрушенного дома и добавил: — Ответите головой.

Проследив за моим взглядом, лейтенант опустил глаза и задумался. Я осмотрелся, в большой комнате стоял стол с картами и мягкий диван, на который я тут же плюхнулся, с интересом наблюдая за мимикой офицера.

Повернувшись к телефонисту, лейтенант приказал:

— Свяжись с капитаном Грейсом, — и, развернув голову в мою сторону, извинительно сказал мне: — Я должен сообщить начальнику разведки полка. — После чего спросил у зачуханного связиста: — Что там?

— Связи нет, герр лейтенант. Обрыв на линии.

— Так исправь немедленно!

Выскочивший из-за стола связист, прихватив двух пехотинцев, скрылся в ночи. Повернувшись в мою сторону, офицер открыл было рот, но его отвлекла ругань как на немецком, так и на русском. В комнату, где мы находились, ввалилась целая толпа немецких солдат, окружив кого-то, кого я не смог разглядеть под телами солдат. Вдруг с криками они разлетелись в разные стороны, и моему взору предстал командир Красной армии в звании майора-артиллериста. Пока я разглядывал этого здоровяка, с легкостью раскидавшего немцев и с рычанием пнувшего подвернувшегося под удар пехотинца, он вдруг заметил меня, вольготно развалившегося на диване.

— Гнида! Немцем проданся?! — заорал он с пеной у рта, бешено вращая глазами.

Резво вскочив с диванчика, я отряхнул свою форму и не спеша направился к майору, небрежно улыбаясь.

— Я что, по-твоему, должен воевать за комуниак? Хрен вам, хватит, попили нашей кровушки!

Говоря это, я двигался к взбешенному майору. Проходя мимо улыбающегося лейтенанта, который, похоже, русский знал, я схватил со стола МП, давно присмотренный для подобного случая, и открыл огонь. В комнате было десять человек: сам офицер, фельдфебель и восемь солдат, которые привели связанного майора. Стегнув длинной очередью по встающим солдатам, двумя короткими очередями по три патрона дал по командирам, после чего до конца магазина бил по солдатам. Отстегнув пустой магазин, я вытащил у лейтенанта три полных, одним из них перезарядил автомат, остальные сунул за голенища сапог.

— Меня развяжи! — вдруг сказал с интересом наблюдающий за мной майор.

— А где пожалуйста? — спросил я, разрезая стягивающие его веревки трофейным кинжалом. Взяв пистолет лейтенанта, пробежался по комнате, добывая немцев.

Майор в это время вооружился подобранным автоматом фельдфебеля и, выходя со мной на улицу, спросил:

— Ты кто?

— А тебе не все равно? Свой я, свой! Пробирался к нашим окруженным дивизиям, не попался немцам. Так что твое появление для меня было спасением.

— Подожди, так ты что — не из городских бойцов? Пришел от наших? В город прорвался?

Сейчас мы осторожно пробирались по груде кирпичей разбитого бомбежкой жилого дома, и его громкий шепот мог привлечь к нам ненужное внимание. Поэтому я тихо попросил его замолчать:

— Слушай, майор, все потом, лады?

— Хорошо.

— Блин, и где здесь наши? Всюду стреляют, не разберешься. Товарищ майор, может, вы все-таки выведете меня к нашим частям?

— Давай, следуй за мной.

Стукнувшись головой о низкую балку, я шумно ввалился в подвал, где находился штаб 172-й стрелковой дивизии.

— Сразу видно — нащ, — восхищенно присвистнул кто-то. Закончив чесать место ушиба, я повернулся на голос.

В это же время почувствовал, что меня освобождают от оружия. Говорил седоусый полковник, стоявший у стола, заваленного картами. Майор, мой попутчик, тут же положил перед ним карту, захваченную мной у немцев. В это время из-за висящей на стене плащ-палатки, которая заменяла собой занавеску, вышел генерал с красными от недосыпа глазами. Увидев его, я, вытянувшись, представился:

— Товарищ генерал-майор, по приказу штаба фронта доставил в обороняющийся город Могилев боеприпасы и продовольствие. Командир танкового батальона капитан Михайлов.

— И как же ты их доставил, на спине принес?

— Нет, товарищ генерал-майор, на бронекатере доставили. Он пришвартован в районе речного вокзала и замаскирован.

— Андрей Васильевич, проверьте! — приказал Романов полковнику. То, что это генерал Романов, я понял сразу, узнал его по фотографии, которую видел в газете.

Посмотрев на полковника, я произнес:

— У экипажа катера приказ: в случае обнаружения — огонь на поражение и отход от берега.

— Есть пароль? — спросил у меня полковник.

Кивнув, я назвал его. После чего несколько командиров вышли из подвала. Повернувшись к генералу, изучавшему трофейную карту, я сказал:

— Товарищ генерал, разрешите поговорить с вами наедине! Один на один!

Обернувшийся ко мне генерал несколько секунд изучал меня. После чего, кивнув на плащ-палатку, из-за которой вышел, продолжил ознакомление с картой. Зайдя в указанное помещение, я понял, что попал в личные апартаменты генерала. Присев за стол на кривоногий табурет, стал ждать. Шуршание у входа привлекло мое внимание, и я сразу же вскочил на ноги, повернувшись к входившему в комнату генералу.

— Ну и о чем вы, капитан, хотели со мной поговорить?

— Знаете, товарищ генерал, ваш прорыв через шесть дней ни к чему не приведет. Вы попадете в плен.

— Что это значит? Вы кто?

— Вы верите в перемещение из будущего в прошлое?

На несколько секунд генерал задумался. Он на самом деле оказался гением, и не только тактики и стратегии, поэтому его вопрос прозвучал достаточно быстро:

— Ты из будущего?

— Да! Две тысячи одиннадцатый год!

— Хм. Не верю я тебе, нет, не верю!

— Верю, не верю. Спросили бы что-то действительно важное.

— Мы победим?

— Да, в мае сорок пятого! Сорок первый и сорок второй — это время громких поражений Красной армии и побед Вермахта. Воевать мы еще не умеем. К сорок третьему научимся.

— Хорошая новость. Много народу погибнет?

— По последним данным, около тридцати миллионов человек.

— Много, очень много, — покачал головой генерал и, серьезно посмотрев на меня, повторил вопрос: — Так кто же все-таки ты?

— Солнцев Михаил Геннадьевич, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года рождения. Студент. Не знаю как, но я оказался в этом теле, — похлопал я себя по груди.

Мой рассказ длился до самого рассвета, генерал с полковником слушали очень внимательно. Когда я начал говорить, Романов попросил меня остановиться и, выйдя за занавеску, вернулся вместе с седоусым полковником, оказавшимся заместителем командира дивизии по боевой. Я так думаю, он его позвал как свидетеля, на всякий случай. Мне пришлось повторить все, что я сказал генералу, однако полковник мне не поверил, хотя и дальше слушал с интересом, правда, с недоверчивым выражением лица. Рассказ про подход немцев к окраинам Москвы и окружение Ленинграда был воспринят как плохая шутка. Закончив свое повествование на взятии Рейхстага, я остановился и замолчал.

— Значит, Гитлер отравился, а его приспешники скажут, что он застрелился?

— Так точно, товарищ генерал-майор!

— Почему вы обращаетесь к товарищу генералу по-старорежимному, капитан? — подозрительно спросил у меня полковник.

— В начале сорок третьего введут погоны и старорежимные выражения. Командиров будут называть офицерами, а бойцов — солдатами. Ну что мне еще сделать, чтобы вы мне поверили?

— Ты, капитан, сам подумай, ну как такому верить?! Это же нелепо!

— Все, что мог, я сказал и сделал. Дальше вы сами поймете, что я прав. А сейчас мне пора возвращаться на катер.

Но меня остановил полковник:

— Подожди, капитан. Нет твоего катера. Ушел он, раненых забрал и ушел.

— Ясно. На катере старшина остался, боец мой.

— Не остался, как только узнал, что катер с ранеными уйдет без тебя, так сошел на берег. Сейчас у особиста, про тебя рассказывает. Больно уж это странно, что в окруженный город вы смогли прорваться.

— Я надеюсь, ничего с ним не случится? Товарищ генерал?

— Даю слово, капитан!

— Хорошо. Я посплю, если вы позволите, вторые сутки на ногах.

Мне досталась койка полковника, тот сразу вышел, как только мы закончили разговор, но генерал не уходил. Внимательно следя, как я, скинув форму, укладываюсь на лежак, спросил:

— Как страна переживет войну?

— Плохо. Пока страна не перейдет на мирные рельсы, будет все — и голод, и бедность!

— Главное — пережить эту войну. Ладно, ты спи... хм, попаданец. — Выходя из помещения, генерал обернулся и спросил: — Значит, Киев возьмут в сентябре, и в окружение попадет более шестисот тысяч наших бойцов и командиров?

— Так точно, товарищ генерал.

Генерал не переспрашивал, он, как мне кажется, запоминал. Кивнув, он резко откинул занавеску и вышел из комнаты.

Как всегда, я проснулся не сам, меня разбудили. Честно говоря, незнакомому бойцу с трудом удалось это сделать.

— Товарищ капитан! Товарищ капитан, вас зовут. Товарищ капитан!

Наконец сообразив, что это не глюки и меня действительно будят, я открыл глаза и сладко зевнул.

— Ну товарищ капитан!

— Боец, завянь. Лучше принеси мне воды умыться.

— Не могу, товарищ капитан, немцы днем внезапно атаковали и отрезали нас от реки. Нет воды, товарищ капитан, вот есть влажное полотенце.

— Давай.

Закончив приводить себя в порядок, я оделся, вышел из комнаты и подошел к полковнику, генерала видно не было.

— Товарищ полковник, капитан Михай...

— Оставим пока устав, капитан. Ты ведь танкист? Тут твой старшина такие сказки рассказывал про ваши похождения.

— Какие? Атака МТС или попытка освобождения лагеря военнопленных?

— И про колонну наших пленных тоже. Ладно, сейчас не об этом! Наша разведка приволокла немецкого полковника с такими бумагами, что их немедленно надо доставить в штаб фронта. Единственный шанс прорваться это воспользоваться трофейным немецким танком. Вы ведь немецкий язык знаете в совершенстве?

— Так точно, — ответил я, на что полковник поморщился.

— В общем, берешь своего старшину, бойца из разведвзвода, и уходите из города, трофейную форму получишь у старшины Филлипова из нашей дивизионной разведки. Сейчас с тобой генерал поговорит, жди.

Зайдя вслед за разбудившим меня бойцом в соседнее помещение, где пахло кашей, я обнаружил Суркова, с аппетитом уплетающего кашу. Увидев меня, старшина вскочил на ноги и радостно сказал:

— Здравствуйте, товарищ капитан, вот тут я... я вот... — и смущенно умолк. Я с изумлением понял, что старшина готов расплакаться.

— Да, старшина, жаль Молчунова нет, тогда бы был полный экипаж, — произнес я, нарушив молчание.

Обнявшись, мы сели на лавку, и, получив свою миску, я стал слушать рассказ старшины о том, что произошло после моего ухода.

— Товарищ капитан, вас товарищ генерал-майор вызывает! — окликнул меня незнакомый сержант.

Вскочив и оправив гимнастерку, я вышел вслед за ним в помещение штаба дивизии.

— Товарищ генерал...

— Капитан, подойдите сюда, — оборвал меня генерал, склонившись над картой, хмуря лоб, он о чем-то думал. По штабу туда-сюда шныряли бойцы и командиры, вынося вещи. Видимо, штаб переезжал в другое место. Подойдя к столу и поздоровавшись с командирами, я тоже склонился над картой. — Несмеянов уже рассказал тебе суть задания?

Наверное, Несмеянов это полковник, как-то не было возможности выяснить это. Поэтому я и ответил нейтрально:

— Товарищ полковник мне все объяснил, товарищ генерал-майор.

— У тебя осталось меньше часа, чтобы вырваться из города. Через некоторое время наша часть начнет наступление вот на этом направлении. В суматохе может получиться выехать без особых проблем. И запомни, капитан. Эти документы должны быть доставлены в штаб фронта. Я могу на тебя положиться?

— Да, товарищ генерал-майор. Можете.

Меня не оставляло чувство нереальности происходящего. Странно все же, что именно меня выставляли из города. И это после той инфы, которую я на него скинул. Очень странно. Обдумывая это, я направлялся вместе со старшиной к разведчикам за новой формой и техникой. Мне досталась форма фельдфебеля-танкиста, которая идеально подошла по размеру. Критически осмотрев нас, старшина Филлипов, оказавшийся вопреки фамилии чистокровным казахом, сказал:

— Не похожи. Ой, не похожи!

— Ты еще «Ой, халтура» скажи. Пародист, блин, — хмыкнул я.

— Товарищ капитан, к вам у меня претензий нет, даже пистолет правильно повесили, на животе. Но старшина-то, ну куда он штык-нож повесил? Не так, дай-ка... вот... так как-то.

— Филлипов, тебе не кажется странным, что механик-водитель будет в форме пехотинца?

— А он что, в бою из танка вылезать будет?

— М-да, уел! Ладно, пусть будет. Другой формы точно нет?

— Танкиста — только та, что на вас. А пехотинцев целыми достались только два комплекта.

— Товарищ капитан, вас вызывают к товарищу генералу, — окликнул меня младший лейтенант с повязкой дежурного на рукаве.

Оправляя трофейную форму на животе, чтобы пакет не выпирал, я вместе с Сурковым двигался вслед за старшиной Филлиповым, осторожно пробиравшимся среди развалин зданий. Хоть здесь и был тыл дивизии, но и тут можно было схлопотать пулю от немецких снайперов. Как их горько называли наши бойцы, «охотники за головами». Зайдя в большой двор и пройдя арку, мы вышли к небольшому домику, стоявшему как-то особняком. Филлипов, вытянув руку, указал нам на что-то:

— Вон ваша техника и боец, который с вами едет!

Присмотревшись, мы одновременно повернулись к Филлипову и возмущенно спросили:

— Ты где здесь танк видишь?!

— И эта танкетка танк?!

Но старшина Филлипов махнул рукой и ответил:

— При захвате этого «не танка» семь наших парней полегли.

Мы смутились. Действительно, предлагают исправную машину, а мы рожи кривим.

Смущенно хмыкнув, я извинился.

— Ладно, Сурков, проверь технику, а я пока с пополнением познакомлюсь.

— Хорошо, товарищ капитан.

Поднырнув под маскировочную сеть, Сурков, на ходу поздоровавшись с новичком,

нырнул в легкий трофейный танк Т-II, стоящий вплотную к стене. Снова поправив складку на животе, чтобы пакет с документами не выпирал, я подошел к бойцу. Кажется, мои телодвижения не укрылись от него, и, бросив мельком взгляд на мой живот, он, вытянувшись, представился:

— Красноармеец Суворов, по приказу майора Василевского назначен к вам в экипаж заряжающим.

Скептически осмотрев его, я спросил:

— Боец, ты хоть снаряд в руках держал?

— Товарищ капитан, я служил в противотанковом дивизионе заряжающим.

Боец честно смотрел мне в глаза и внаглую врал. Судя по его чистым рукам, самое тяжелое, что он держал, это карандаш или стопку бумаги. Взгляд, которым он прошелся по мне и удаляющемуся старшине Филлипову, тоже доверия не внушал. Это были глаза сторожевого пса. Неужели они меня за лоха держат и я не пойму, кто это такой? Все-таки я был о генерале более высокого мнения, или это инициатива полковника? Ладно, потом узнаю. Повернувшись к вылезшему из танка Суркову, спросил:

— Ну что, Федя, далеко мы на нем уедем?

— Далеко недалеко, но за город точно!

— Докладывай точнее!

— Горючего полбака, на сто километров хватит, боезапас четыре полных обоймы с половиной. Четыре ленты к пулемету, и есть запасные, неснаряженные.

— Хорошо, через семь минут начало, — известил я их, посмотрев на наручные часы, подарок генерала, и добавил, первым двинувшись к танку: — В машину.

Забравшись через боковой люк в танк, взял протянутые Сурковым наушники, надел их и, проверив, велел изучить танк, пока было время. Покрутив штурвал поворота башни и осмотрев прицел пушки, повернулся к заряжающему, который с чем-то возился.

— Боец, что у тебя там? — наконец не выдержал я.

— Ленты перекаладываю, товарищ капитан. Неудобно лежат.

— Ясно. Сурков, заводи, сейчас начнется. А вон и проводник бежит.

Взбравшийся на танк боец в пропыленном обмундировании, отдав честь, представился:

— Сержант Потапов, прислан к вам командиром разведроты, чтобы помочь с ориентированием по городу.

Задать ему вопрос помешала небольшая канонада, начавшаяся рядом с нами. Показав бойцу рукой, чтобы держался крепче, и приказав Суркову двигаться вперед, я снял с головы заряжающего наушники и надел их на голову Потапову.

— Так лучше? — спросил я его в микрофон.

Громкий вопль согласия заставил меня поморщиться, танк — вильнуть в сторону, а старшину — разразиться таким отборным матом, что боец покраснел, как спелый помидор.

— Говори тихо, боец, тебя все прекрасно слышат.

— Хорошо, товарищ капитан! Вот тут налево вокруг того дома и мимо сгоревшей полуторки, выйдете к красному трехэтажному дому, там наши. Вот, а за ним начинается площадь, там на противоположной стороне немцы, и у них много противотанковых пушек. Они вас там быстро сожгут, поэтому мы туда не поедem...

— Боец, так какого хрена ты нам об этом рассказывал?! — опередил меня на мгновение старшина.

— Чтобы вы, товарищи, были в курсе происходящего в городе. Вот тут опять налево. Дальше прямо.

— Так, юморист, показывай точно и без воплей, куда ехать. Понял, боец?

— Да, товарищ капитан, понял. Вон, где подбитый «мессер» лежит, направо. Так, ага... влево, тут прямо, ага-ага, этот сгоревший танк лучше объехать справа, левая сторона заминирована. Все, товарищ капитан, дальше немцы, там уже сами.

— Понял, не впервой! Спасибо, боец, возвращайся к своим.

— Хорошо, товарищ капитан, я побежал!

Забрав наушники и проследив, как боец метнулся в дом, откуда нас с подозрением разглядывали красноармейцы и командиры, велел Суркову двигаться дальше. Бойцы, засевающие в доме, открыли бешеную стрельбу в сторону противника, и я приказал дать газу. Мы пролетели по небольшому проулку, объехали перевернутую санитарную полуторку с лежащими вокруг телами мертвых бойцов, которых никто не удосужился убрать, и, следуя рассказу Потапова, повернули направо. Благополучно миновав полевую кухню, около которой скопилось до взвода немецких солдат, мы рванули дальше.

— Товарищ капитан, — умоляюще посмотрел на меня заряжающий, рассматривая в перископы немцев.

— Дыши спокойно, боец, мне тоже хочется перестрелять эту пададь, но я же терплю, и ты терпи, сожми челюсти и терпи. Так, старшина?

— Да, товарищ капитан, так и хочется их снова на гусеницы намотать, но задание превыше всего... Ах ты бисов сын, куда лезешь?! — обругал старшина нерасторопного водителя грузовика, выскочившего из-за угла дома.

Чудом увернувшись от лобового столкновения, мы помчались дальше под удивленными взглядами немцев. Мол, почему это боеспособная техника уезжает от передовой?

— Старшина, впереди патруль и шлагбаум, языки я им вряд ли сумею заговорить, так что гони сразу, как подъедем к шлагбауму. Понял?

— Да, товарищ капитан, понял!

— Боец, заряжай разрывными.

— Готово, товарищ капитан, зарядил, — услышал я в наушниках радостный возглас бойца, который не смог заглушить смешок старшины.

— Ага, заряжающий, одиннадцать секунд заряжал. Нас за это время одиннадцать раз бы успели поджечь. Быстрее работай, парень. Быстрее!

— Ладно, старшина, не ори на парня. Он ведь в первый раз в танке воюет. Так, боец?

— Да, товарищ капитан, так!

— Ну вот видишь, новичок он. Готовьтесь, пост. Давай, жми, газу-газу-газу!

Повернув башню, я с ходу, короткими очередями выпустил первую обойму по стоящим рядом грузовикам с солдатами, которые либо доставили пополнение, либо новую часть на смену. Брезенты двух машины разлетелись лохмотьями. Никто из кузова не вылез, только несколько струй красной жидкости полилось на городскую брусчатку. Да, в упор по кузовам, набитым солдатами, — это верная смерть. Потихоньку расстреливая вторую обойму, мы на полной скорости вырвались на окраины Могилева, сбивая ограды и плетни.

— Здесь сверни в проулок, и по берегу Днепра идем дальше! Понял?!

— Понял, только там немцы.

— Обозники это, гони.

Раскидав телеги и пройдясь по не успевшим разбежаться немцам из пулемета, мы

свернули и помчались дальше вдоль берега, стараясь не попасться в силки немецких постов, которые наверняка уже были предупреждены.

— Старшина, ты почему так странно таранил обоз?

— Так лошади-то при чем? Я давил только телеги...

— Да видел я, что и как ты давил, время, старшина, время, не забывай о нем!

Подпрыгивая и покачиваясь, мы мчались на полной скорости, выжимая аж целых тридцать пять километров в час по бездорожью. В отличие от «тридцатьчетверки», в немецкой «двойке» было куда как комфортнее и удобнее. Поэтому с удовольствием откинувшись на спинку мягкого командирского сиденья, я изучал обстановку в перископы.

«Блин, даже обзор в „двойке“ лучше, чем в нашей „тридцатьчетверке“!» — вздохнув, подумал я, продолжая наблюдение.

К моему удивлению, немецких войск у Могилева было не так уж много. Думаю, что вторая линия состояла всего из одной, может быть, из двух пехотных дивизий. Поэтому, когда мы выскочили на позиции тяжелой артиллерии со стопятидесятидвухмиллиметровыми орудиями, я приказал остановиться и открыть огонь по орудийным расчетам. По самим орудиям, я считал, стрелять бесполезно, починят, а вот прислугу попробуй почини. Мы прошлись пушечным огнем по артиллеристам и зацепили ящики с боезапасом, что вызвало неслабый взрыв, разметавший немцев и уронивший несколько ближайших орудий, который докатился и до нас. Взрывная волна не прошла для нас без последствий, танк, дернувшись, заглох, старшина прикусил язык, я разбил стекло на часах, а боец держался за голову, на лбу у него стремительно росла шишка.

— Старшина, что с машиной?

— Фе фнаю, фоварив капифан, сейфас попфобую завесфи.

Было слышно, как работает стартер, но двигатель, поработав несколько секунд, снова заглох. Внимательно наблюдая за немцами, я с помощью пулемета держал их на расстоянии, чтобы не было мыслей поджечь нас.

— Старшина?

— Фсе, фовариф капифан, фе заводифься жефезка фемефкая!

— Попробуй еще раз!

— Ховошо!

И, о чудо! Взревев от перегазовки, танк рванул дальше, объехав скопление грузовиков, по которым я дал несколько коротких очередей, стараясь попасть по двигателям, но вряд ли попал, стреляя с двигавшегося танка. Мы выскочили на проселочную дорогу и помчались дальше по ней, забирая немного в сторону встающего солнца.

— Старшина, нужно менять технику, эта уже засвечена. Немцы уже наверняка связались по радию со всеми ближайшими постами. Так что смотри, вдруг что путное попадется.

Сам я также внимательно смотрел в перископы, глядя на проносящуюся мимо технику.

— Товариф капитан, вон вроде танк стоит!

— Не, старшина, это наша техника, брошенная. Нам немецкая требуется.

Проехав мимо двух «бэтэшек», стоящих с открытыми люками, мы помчались дальше. Свернули на перекрестке вправо и столкнулись на следующем с немецкой бронеколонной, двигавшейся в сторону фронта.

— Старшина, пристройся к ним в хвост, среди немецкой техники мы затеряемся!

— Хорошо, товарищ капитан. Вот за этим бронетранспортером поеду.

— Как язык, старшина? Я заметил, что ты стал говорить все лучше и лучше!

— Проходит, товарищ капитан, только опух немного!

— Это ничего, это нормально. Блин, старшина, дистанцию соблюдай, куда ты к нему приближаешься? Все держат дистанцию сорок метров, и ты так же держи. Во, ша нормально. Так, а ты, боец, что там притих?

— А о чем говорить-то, товарищ капитан?

— О себе расскажи! Кто, откуда и кто тебя с нами отправил?

— Так я же вам, товарищ капитан, рассказывал, мене с вами приказал отправиться ротный.

— Ты эту фигню будешь другим говорить, а мне говори правду. Кто тебя с нами послал и с каким заданием? Старшину я не спрашиваю, и так понятно, что его местные чекисты завербовать пробовали, меня ты интересуешь.

— Товарищ капи...

— Боец, твою мать. То, что ты никакой не боец, было видно сразу, лейтенант, не меньше. Я прав?

После некоторого колебания боец ответил:

— Правы. Младший лейтенант госбезопасности Гаврилов, задание — охранять пакет.

— Да вы меня что, совсем за идиота держите? Ясно же, пакет — это липа.

— Липа? Как липа? — воскликнули в один голос старшина и гэбэшник.

— А вот так. Не посылают не пойми кого с важными сведениями. Факт? Факт! Вот тебя, лейтенант, кто инструктировал? Генерал? Или полковник?!

— Генерал, товарищ капитан.

— Ну я в принципе так и думал. И приказали, небось, в случае моего возможного попадания в плен не допустить этого путем...

— Любыми возможными средствами.

— Интересная формулировка... но продолжим. Я, как вы уже поняли, носитель сверхважной наступательной операции немцев, их задача окружить наши войска под Киевом, с последующим их уничтожением...

— Товарищ капитан, впереди мост через Днепр. Что делать? — прервал меня старшина.

— Продолжай следовать в том же порядке, так мы, если повезет, вместе с немцами на передний край выйдем.

— Там регулировщик. А у нас опознавательные знаки другой дивизии, вдруг остановят?

— Старшина, ты что, забыл про русское авось? Прорвемся!

К счастью, регулировщик только проводил нас подозрительным взглядом, но не остановил. Гроыхая траками по настилу понтонного моста, мы вслед за колонной выехали на берег, сзади к нам пристроилась чья-то полевая кухня, прицепленная к «опелевскому» грузовику. Регулировщик на этом берегу тоже проводил нас странным взглядом.

— Старшина, по возможности сворачивай на любую проселочную дорогу. Похоже, этот регулировщик нас в чем-то заподозрил. Как бы не перехватили нас впереди. Эх, жаль, что рация разбита, послушали бы их переговоры.

— Товарищ капитан, впереди развилка!

— Да вижу я. Так, колонна идет прямо, ну а мы, как все нормальные герои, всегда идем в обход, давай налево.

Танк, урча двигателем, повернул налево, и, набирая скорость, мы поехали в сторону лесного массива, видневшегося вдалеке, и что странно, грузовик с кухней направился вслед за нами.

— Старшина, за нами хвост, как бы не напал, — сказал я с улыбкой.

— Сильный? Отобьемся? — В голосе старшины не было паники, лишь деловой расчет бывалого солдата.

— Ну я не сказал бы, что сильный, скорее горячий. А отбиться будет трудно! С нашей пушкой и с его поварешкой мы равны.

Не выдержав, я засмеялся. Гаврилов выглянул в один из смотровых перископов и сказал:

— Кухня сзади едет, старшина.

— Да я уже понял, товарищ младший лейтенант госбезопасности.

— Ага, кухня, жаль пыль мешает, может, еще кто едет? Не видно ни черта! — сказал я, подавив смех, и, присмотревшись к пыли сзади, добавил: — Никто за нами не едет, кроме этой кухни. Пусто на дороге. Давай не торопясь до лесу, а там и поговорим с этими пиявками.

Через полчаса неспешной езды мы въехали под кроны деревьев, лесная дорога была сверху прикрыта верками и листвой. И поэтому мы ехали как в туннеле, заметно стемнело.

— Старшина, если тут где-то по лесу ходят наши окруженцы, то как бы не нарваться. Да и кухня неплохой трофеей, уже есть охота.

— Понял, товарищ капитан, надо какой-то опознавательный знак повесить.

— Да думал я уже. А если немцы встретятся? Кстати, лейтенант, а ты машину водишь?

— Да, товарищ капитан, вожу.

— Это хорошо, будет кого за баранку посадить. О, старшина, вот поворот, давай направо, метров через триста остановишься, я с хвостом сам разберусь.

Дождавшись остановки танка, я откинул крышку верхнего люка, выбрался на броню и, стоя на башне, демонстративно потянулся. Подвигав туда-сюда руками, спрыгнул на моторный отсек, потом на землю и направился к кабине грузовика, из которого уже выбирался немец в таком же звании, как и я, фельдфебель. Отдав друг другу честь, мы поздоровались, после чего хвост представился:

— Фельдфебель Ранке, следовали за нашей частью и проткнули колесо. Когда починились, сунулись в разные стороны, наших нет. А тут как раз вы из нашей дивизии...

Поняв, что немцев всего трое. Сам фельдфебель, водила и еще один солдат в кузове, который выглядывал из-за брезента, я решил не тянуть время и, достав из кобуры пистолет, несколько раз выстрелил. И если с фельдфебелем (падающим с удивленным лицом) и водилой проблем не было, то солдат успел нырнуть внутрь кузова, готовя карабин к стрельбе.

— Лейтенант, давай в кабину, пока я с этим фрицем разбираюсь, — крикнул я Гаврилову, голова которого торчала из люка, с интересом за мной наблюдая.

Не успел я подбежать к кузову, как из придорожных кустов раздался винтовочный залп по кузову и послышалась команда на русском, чтобы мы не двигались. Деться нам действительно было некуда, до танка метров пять и до грузовика столько же, поэтому я смиренно поднял руки, оставив пистолет висеть на пальце дулом вниз, и стал с интересом следить за происходящим.

Из кустов вышло около десятка красноармейцев с одним командиром в звании сержанта. То, что они давно находятся в окружении, было видно с первого взгляда. Чтобы приобрести столь затрапезный вид, нужно ну очень постараться. При этом ни один из них не был одет в трофейную форму вместо своей, пришедшей в негодность, как в других группах окруженцев. Я невольно с уважением посмотрел на сержанта; судя по всему, своих бойцов

он держит в кулаке.

— Кто такие? — спросил у меня подошедший сержант.

Внимательно осмотрев его, я ответил:

— Спецгруппа, вырвались из окружения города Могилев. Я командир группы, капитан Михайлов, и два моих бойца, младший лейтенант госбезопасности Гаврилов и старшина Сурков. А теперь, сержант, представьтесь вы.

— Командир отделения сержант Волдухин. Двадцать второго июня находились на лесозаготовках, без оружия. Сунулись в разные стороны, везде немцы, ну а... — горестно махнул рукой сержант.

— Ладно, сержант. Потом расскажешь, мы как раз остановку сделать хотели, заодно и пообедаем, я смотрю, обед там уже готов? — кивнул я на бойца, инспектирующего котлы, после чего приказал: — По машинам, на ближайшем скрытном месте встанем на обед.

Гаврилов вернулся в танк, среди окруженцев оказался водитель. Он собрал оружие и документы убитых немецких солдат, и мы поехали дальше. Как только я заметил небольшой просвет среди деревьев, приказал поворачивать туда. Просвет оказался сильно заросшей дорогой, по которой, судя по колеям, ездили только на телегах. Танк, ломая корпусом небольшие деревца, успевшие вырасти на дороге, и снося упавшие, двигался вперед, сзади, чуть отстав, пробирался грузовик.

— Вот, смотри, старшина, отличная поляна для стоянки. Давай загоняй танк под те деревья, там кроны густые.

Выпрыгнув из остановившегося на присмотренном месте танка, я махнул рукой подъезжающему грузовику, чтобы встал рядом.

— Все, сержант, обед. Командуй раздачей, а то уже кишки поют.

Отдыхая после сытного обеда из двух блюд, горохового супа из концентрата и пшенной каши с подливой, бойцы тихонько переговаривались. В двух бидонах мы нашли чуть теплый чай, который тоже пошел на ура. Собрав вокруг себя бойцов, я велел рассказать, как они скитались по немецким тылам. Гаврилов сел рядом и, наострив уши, внимательно слушал бойцов.

Рассказ был прост и незамысловат. Получили приказ на лесозаготовки, работали два дня, пока не загрохотала граница, от которой они были километрах в двадцати. Прыгнули в полуторку, бывшую с ними, и направились в сторону расположения части. При переезде через небольшой мост были обстреляны с самолета, с перепугу не заметили с какого. В результате двое убитых, двое раненых, раненых донесли до ближайшей деревушки и, отдав их на руки местному правлению, отправились дальше, как тут на них посыпался десант. Оружия нет, делать было нечего, кроме как бежать за помощью. Сунулись в разные стороны, везде немцы. К вечеру набрали на остатки пехотной колонны, которую, судя по всему, подавили танками, раздобыли немного оружия и продовольствия. Так и шли по тылам в течение месяца, отстреливая понемногу немцев, пока не встретили нас.

Через час я приказал двигаться дальше, но меня остановил старшина, который сказал, что горючего на танке хватит минимум на десяток километров. После проверки кузова грузовика бойцы нашли две полные канистры с бензином. Не зная, подойдет ли он к двигателю танка, мы все-таки залили бензин в бак. В самом грузовике было еще больше половины бака, поэтому на него запас не оставляли, вылив все до капли в танк. С ним шансов выйти к своим было существенно больше.

— По машинам! — скомандовал я и повелительно махнул рукой, показав, куда надо

двигаться.

Ломая молодую поросль, «двойка», вслед за разведчиками, выбралась на езженную лесную дорогу. Рыча двигателем, следом появилась морда «Опеля», с натугой таща по стволам кухню.

Спрыгнув на дорогу, я внимательно осмотрелся. Дорога явно езженная, и, судя по свежей колее, тут кто-то недавно проехал.

— Полуторка была, товарищ капитан, ее след.

— Да? Ладно, проедем дальше, там посмотрим, кто это тут катается. Немцы только вчера на этом направлении в прорыв пошли. Мы уже далеко отмахали, километров на пятьдесят будет, так что это, скорее всего, действительно наши. Поехали.

Дорога вывела нас в поле. Проехав на остатках горючего еще около двух километров, мы уперлись в деревянный забор, опутанный сверху колючей проволокой. На вышке у ворот нас кто-то азартно поливал из пулемета. Грузовик остался на месте, а мы под непрекращающимся обстрелом направились к воротам, из-за которых на нас испуганно смотрел парень в форме НКВД, держа технику на прицеле винтовки. Стрелка на вышке был не видно из-за слепящего света прожектора, который кто-то догадался направить на нас. Откинув крышку люка, я, не выглядывая наружу, крикнул:

— Боец, командира позови, и живее, тебе капитан приказывает!

Убедившись, что он явно стрелять пока не собирается — пулемет тоже стих, — я выскользнул наружу и, прыгнув на землю, стал разминаться. Послышавшийся скрип ворот отвлек меня. Из-за створки быстро выглянул кто-то в фуражке и скрылся обратно. Хмыкнув, я крикнул:

— Свои, на трофейной технике. Выходите!

Из-за дверей действительно выкатился колобок в звании капитана госбезопасности. Что мне сразу не понравилось, так это рыбы глаза, по которым я сразу сделал вывод: спиной к нему лучше не поворачиваться.

— Уф, мы уж думали, что это немцы. — Капитан явно обрадовался, что мы русские, правда, его бойцы продолжали держать нас на прицеле.

Однако капитана я разочаровал:

— Немцы действительно рядом. Мы видели их мотопатруль километрах в десяти отсюда. Так что ваши опасения, товарищ капитан госбезопасности, небеспочвенны.

— Но у меня тут почти три десятка заключенных. Мне не хватает транспорта. А их нужно вывезти. Я... я... воспользуюсь вашей техникой, капитан.

— В принципе я не возражаю, только горючего у нас нет, на последних каплях доехали.

— Невелика беда, у нас есть бензин.

* * *

Встав у ворот, я наблюдал за шлейфом пыли, который стелился за удаляющейся колонной, состоящей из трех машин и одного танка. Капитан отжал у меня танк вместе со всей техникой, и было забавно наблюдать, как он протискивался в люк. У охраны лагеря оказалось две полуторки, вместе с нашими получилась колонна из нескольких единиц. Как только колонна скрылась, я повернулся к своим бойцам. Внимательно осмотрев их, сказал:

— Так, парни, мне на ваши лохмотья смотреть уже надоело. Местные бойцы вряд ли все

забрали, так что пошуруйте-ка по помещениям, может, что найдете. А вы двое — в охранение, — приказал я своему экипажу и указал на вышки. Сам же не торопясь направился к зданию, где был кабинет начальника.

Отъезд бывших хозяев, если честно, меня порадовал, этот капитан нас, как окруженцев, быстро бы к стенке поставил, вон как глазами стрелял. Только испуг скорого нападения немцев его остановил, да и ограбил он нас изрядно, всю технику забрал, даже кухню. Хорошо, что мне удалось у него записку выбить, что трофейная техника в количестве трех штук была сдана капитану госбезопасности Олигофренову. Кстати, когда я прочитал фамилию капитана под его прищуренным взглядом, то действительно чуть не рассмеялся, похоже, не любит капитан смеха над собой, уж больно недобрые были у него глаза. Кухню тоже посчитал как технику. Колеса есть? Есть. Значит, техника.

Открыв чуть слышно скрипнувшую дверь, я осмотрел кабинет, по коридору прогрохотали сапоги двух бойцов, что-то выносящих наружу. Проводив их взглядом, вошел в помещение. Стол, стулья, все как обычно. Дверь в соседнюю комнату привлекла мое внимание, открыв ее, я провел рукой по лицу, стараясь унять дрожь от увиденного. Там висела форма командиров Красной армии разных званий и войск, вся она была тщательно выстирана и развешена на плечиках. Коллекционер, блин, попался. Проведя рукой по форме еще раз, я снял с плечиков форму майора-танкиста. Почему его? Во-первых, идеально мой размер. Во-вторых, танкистов больше не было, кроме одного лейтенанта, не понижать же себя в звании. В-третьих, никакая другая мне была не нужна. Поэтому, кинув форму на стол, я стал снимать лишние шпалы с петлиц, после чего, скинув с себя немецкую, надел нашу форму. Подойдя к зеркалу, висевшему на стене, которое капитан почему-то не забрал, осмотрел себя.

Орел, видна армейская выправка, даже я видел, что форма мне очень шла. На груди остались дырочки от орденов прошлого хозяина, они немного портили общую картину, но я посчитал, что с формой мне повезло. Накинув ремень с кобурой и застегиваясь на ходу, вышел во двор. А во дворе царил бедлам, бойцы, одетые в свежую форму, во главе с сержантом натащили целую кучу всякого барахла и готовились ее поджечь.

— Что вы тут решили устроить? — спросил я, примеривая фуражку, подгоняя ее под себя и разминая — она была мне несколько маловата.

— Не хотим немцам оставлять, товарищ капитан, — ответил сержант, одобрительно осмотрев меня с ног до головы.

— Подобрал что было, сержант, — несколько смущенно ответил я, после чего спросил: — Как обновка?

— Нормально, товарищ капитан, правда, новой нет. Зато вся стираная, по сравнению с той, что была раньше, небо и земля.

— Не бойсья, сержант, немцев на дым вывести, мы ведь за это время вряд ли далеко уйдем?

— Отбоюсь я уже, товарищ капитан.

Посмотрев в глаза смертельно уставшего человека, я махнул рукой и крикнул бойцам:

— Поджигай — и уходим! Сурков, Гаврилов, что у вас там?

— В той стороне, куда ушла колонна, была перестрелка, даже пушки стреляли. Сейчас там что-то горит, товарищ капитан. Как бы наших не побило, что уехали отсюда.

— Ясно, спускайтесь, уходим. — Поправив ремень планшета, куда я убрал пакет генерала, который так и не выбросил, оглядевшись, направился к воротам.

Продираясь через кусты вслед за бойцами, я все с большей тревогой прислушивался к стрельбе, которая шла вокруг. Видимо, фронт опять рассыпался, и немецкие дивизии рванули вперед. Велев устраиваться на перекур, я собрал командиров и сказал:

— Наверное, наши опять не смогли остановить немцев, и сейчас в эту брешь устремляется все больше немецких частей. И что там сейчас у них? — хитро улыбнувшись, спросил я.

— Неразбериха, товарищ капитан? — озадаченно спросил Гаврилов.

— Вполне вероятно, хотя у них везде порядок. Но у них тут сейчас немало техники, и было бы неплохо ею с нами поделиться. Как вам такое предложение?

— А они дадут? — спросил сержант Волдухин.

Удивленно посмотрев на него и криво усмехнувшись, я ответил:

— А мы попросим. Вежливо... Все, после отдыха идем к дороге. Я уже устал идти пешком. Что я, пехота какая-нибудь?!

В ответ на мои слова на лицах бойцов появились улыбки, причем у старшины она была гордая.

Место для засады я выбирал сам. Маленькое озеро на краю лесного массива, с чистой родниковой водой и растущими вдоль берега ивами. Окруженное со всех сторон деревьями, защищающими это уютное место от ветра, оно показалась мне идеальной приманкой, к тому же не просматривалось с дороги.

Рассадив бойцов по камышам, я спрятался за большим валуном, незнамо каким ветром принесенным сюда. Первая группа купальщиков была мною отвергнута — полный взвод на трех машинах нам не по зубам. Следующим спустился грядообразный бронетранспортер с солдатами, а за ним легковая машина с какими-то шишками. Очень вкусно; подав сигнал рукой, что это наши жертвы, я приготовился. Уговор был такой: как только они начнут купаться, снимаем часового и валим остальных. Пленные нам были нужны, но не в данном случае.

Все прошло как по маслу, хотя и раздалось несколько выстрелов из винтовок, а не то бы не обошлось без жертв с нашей стороны, уж больно шустрого часового немцы оставили. Спокойно встав, я подошел к кромке воды, посмотрел на немцев, стоявших в воде с поднятыми руками, и сказал одному из них, имеющему блестящую лысину и находившемуся несколько в стороне от солдат:

— Добрый день, герр генерал. Не составит ли вам труда выйти на берег?

После чего повернулся и, заложив руки за спину, неторопливо направился к машине, пройдя мимо бронетранспортера, в котором уже хозяйничали бойцы Волдухина, собирая в кучу оружие и форму немцев. Один из бойцов уже встал за пулемет и грозно водил дулом туда-сюда. Осмотр машины, кроме офицерской формы, дал мне в руки новенький «Вальтер» в желтой кобуре, два планшета с подробными картами и портфель, закрытый на замок и опечатанный сургучом с оттиском свастики. Услышав шуршание травы сзади, я повернулся к подходившему в сопровождении бойца генералу:

— Можете одеться, только вот оружие уберу, чтобы у вас не было искушения стрелять в нас.

Мрачно посмотрев на меня, генерал бросил молниеносный взгляд на портфель, лежащий на капоте вместе с оружием и планшетами, и, чуть помедлив, стал одеваться. Отдав ему ремень с пустой кобурой, для того чтобы с виду казалось, что с ним все нормально, я

приказал бойцу:

— Боец, адъютанта тоже сюда. А остальные мне не нужны.

— А что с ними делать, товарищ капитан? Выстрелы же могут немцы на дороге услышать.

— Штыками, боец. Что, мне вас всему учить, что ли? Выполнять приказ!

Генерал отвернулся от бойни, происходившей в этом несколько минут назад прекрасном месте. Я внимательно наблюдал за уничтожением купальщиков, практически никто не захотел выйти, и как только первый из немцев, стоящий близко к берегу, получил штыком в грудь, остальные бросились в глубину, стараясь побыстрее доплыть до другого берега. Поняв, что несколько немцев могут уйти, Волдухин махнул рукой пулеметчику в бронетранспортере. Несколько прицельных коротких очередей покончили с этой драмой, и крики умирающих немецких солдат стихли.

— Грязновато как-то поработали! Что скажешь, сержант?

— Да как-то непривычно, товарищ капитан, расстреливать безоружных немцев.

— Сержант, ты, помнится, рассказывал мне, как видел несколько пленных колонн, которых вели немцы. Напомни, как конвоиры расправлялись с нашими отставшими бойцами?

Это сразу вернуло привычный блеск глаз сержанту, и он, расправив плечи, спросил:

— Хороший пленный этот генерал?

— Пока еще не знаю, не допрашивал. Валить надо отсюда.

— Что делать?

— Уезжать, и побыстрее. Я надену форму адъютанта, самого его закроем в багажнике и в трофейной форме поедem внаглую по дороге.

— Товарищ капитан, смотрите, что я нашел! — окликнул меня старшина, показывая походный кожаный чемоданчик с богатым выбором бритвенных принадлежностей.

Проведя рукой по колющейся щеке, я посчитал, что нашли мы его вовремя, да и обросшие, давно не бритые бойцы поддержали меня одобрительными возгласами.

Перед дорогой расстановку в машине я немного переиграл. Пока бойцы переодевались, а сержант аккуратно брился, вытирая опасную бритву о висящее на плече полотенце, я решил одеть его в форму унтер-офицера и посадить старшим в бронетранспортер. Одного из его бойцов одеть в форму офицера, а Гаврилова в форму адъютанта, он сейчас как раз стоял на очереди бриться. Я же еду в форме советского капитана, со связанными руками, на случай если попадемся на глаза нашим окруженцам, это может дать хоть какой-то шанс выйти с минимальными потерями.

Взяв помазок, уже привычно намылил лицо Вацлава Шведа и, глядя на него, гадал. Вот вроде совершенно русское, с располагающими к себе серыми глазами и приятными чертами лица, а принадлежит противнику, врагу.

Через полчаса полевой «мерседес» генерала, управляемый старшиной, выезжал на дорогу, по которой непрерывно шли наступающие немецкие войска. Сидя на заднем сиденье, сжатый с обеих сторон бойцами, одетыми в офицерскую форму, я осмотрелся, после чего приказал старшине:

— Сурков, ты с генералом будь понаглее.

Старшина, непрерывно сигналив, внаглую вклинился между движущимися машинами. Не оборачиваясь, я спросил у бойца слева:

— Наши не отстали?

— Нормально, товарищ капитан, едут.

Генерал, сидевший впереди, обернулся и сказал с недовольством:

— Наши генералы так не ездят. Вы позорите мою честь.

— Ваша честь, генерал? Да какая может быть честь у грабителей и насильников?! Нету ее у вас, с тех пор как вы пришли на нашу землю!

В это время дорога вывела нас к небольшой речке с перекинутым через нее мостом. Крепким деревянным мостом. Медленно по очереди мы въезжали на него, я мрачно наблюдал, как немецкая похоронная команда носит тела в защитных гимнастерках. Похоже, что бой за мост только недавно прекратился. В это время наша машина съехала с моста, покачиваясь на недавно засыпанных воронках, и покатила дальше.

— Старшина, ищи какую-нибудь второстепенную дорогу. Пора прощаться с этой гостеприимной колонной.

— Понял, товарищ капитан.

— Капитан, что вы собираетесь с нами делать? — спросил генерал, не оборачиваясь.

Несколько секунд подумав, я честно ответил:

— Насчет вашего адъютанта еще не решил. А вас за линию фронта, в Генштаб. Вы, как я прочитал в ваших документах, являетесь главным инспектором германских войск. Так что вам будет что рассказать. Да и карты с портфелем могут пригодиться.

— Товарищ капитан, а что этому борову еще надо? Бормочет да бормочет, — спросил Гаврилов, сидевший справа.

— Беспокоится за себя, жить хочет.

— А, это понятно, жить все хотят, — немного успокоился он.

Над головой послышался звук авиационных моторов, и появились шесть двухмоторных самолетов, которые я определил как СБ. Их сопровождал один маленький истребитель, другого прикрытия не было. Ни я, ни Швед больно-то не разбирались в силуэтах современных истребителей, но то, что это не И-16, это точно.

— Мост бомбить полетели, — сказал Гаврилов, проводив взглядом удаляющиеся бомбардировщики.

Через десяток километров, когда мы ехали в середине колонны, нас вдруг накрыл артналет из десятка орудий.

— Давай в поле напрямки, к тому холму! — крикнул я сквозь грохот разрывов.

Бронетранспортер, не отставая, следовал за нами. Генерал в этом хаосе даже не пытался выпрыгнуть или сделать еще какую-нибудь глупость. При посадке умный капитан Михайлов приказал связать его ноги и привязать их к сиденью, так что генералу просто ничего не оставалось, как молиться Богу, чтобы нас не накрыло, что он и делал.

Не знаю, где сидел корректировщик, но снаряды он клал классно, за несколько минут дорога покрылась горящими и разъезжающимися в разные стороны машинами.

— Давай туда, — показал я связанными руками направление.

Мы уже мчались по полю, не жалея подвеску, объехав холм немного стороной. За ним оказалась неплохая накатанная полевая дорога, и дальше мы уже поехали по ней, оставив разгромленную колонну в стороне.

— Сейчас наши парни сровняют вашу артиллерию с землей, — со злостью сказал генерал, показав на точки в небе.

Присмотревшись к быстро приближающимся самолетам, в которых я узнал «лаптежники», понял, что они не к нам, а действительно были вызваны на помощь

командиром обстрелянной колонны.

— Старшина, остановись, перекур. Сержант, остановка на пять минут! — крикнул я подъехавшему на бронетранспортере Волдухину.

Выпрыгнув из машины, скинул веревки с рук и, взяв протянутую фляжку, отпил, наблюдая за обстановкой как в небе, так и на земле.

— Орудия бомбят, — сказал сержант, опуская бинокль.

Продолжая наблюдать за выстроившимися в круг пикировщиками, я немного погодя ответил:

— Да кажется, отойти они не успели!

— Жаль ребят, — вздохнул сержант.

— Хотя и им может попасть, — добавил я, показав рукой в сторону.

Там возвращались с бомбежки наши самолеты. Бросив охранять строй бомбардировщиков, истребитель устремился к немецким «лаптежникам». Проследив взглядом маршрут нашего истребителя, я поднял бинокль и посмотрел туда, откуда они возвращались. В той стороне, где находился мост, все было затянато дымом пожаров; похоже, советские летчики недаром ели свой хлеб. Заметив, что путь советских самолетов пролегал почти над нами, произнес со смешком:

— Надеюсь, что они пустые, а то не хотелось бы получить подарочек от своих!

В это время немецкие пилоты заметили, что к ним приближается советский истребитель, деловито выстроились в круг, стали, прикрывая друг друга, медленно удаляться в сторону своих позиций, однако истребитель быстро их настиг. Приложив к глазам бинокль, я стал сопереживать нашему летчику, но тут меня отвлек испуганный возглас одного из бойцов Волдухина. Посмотрев, куда он показывал, только грязно выругался. Со стороны солнца на строй наших бомберов сверху падала пара немецких истребителей-«мессершмитов». Я с болью в сердце наблюдал, как один за другим, огненными комками устремились вниз два наших самолета, в это время наш истребитель, бросив немцев, на полной скорости мчался к своим, но успел он как раз, когда немцы подожгли третий бомбардировщик. В воздухе закрутилась боевая карусель, с треском пулеметов и ревом моторов. Пользуясь моментом, оставшаяся тройка СБ уходила все дальше.

— Бойцы, по машинам, надо подобрать наших летчиков! — показал я на четыре парашюта, опускавшихся невдалеке от нас.

Запрыгнув в машины, мы на полной скорости рванули к парашютистам, и только через несколько секунд до меня дошло, что что-то не так.

— Стой! — заорал я и объяснил бойцам: — Вы все в немецкой форме, выметайтесь, я один съезжу. И генерала не забудьте.

Бойцы шустро попрыгали из машины и, отвязав генерала, отвели его в сторону. Заняв место водителя, я спокойно попылил к опускающимся парашютам. Первый мне попался в полукилометре от наших. Подъехав к настороженному летчику, я вышел из машины и представился:

— Капитан Михайлов, спецгруппа. Вы, товарищ летчик, как, с нами или пешкодралом?

Держа меня на прицеле ГТ, он обошел машину по кругу и потребовал:

— Документы!

— Ты что, дурак? Мы по немецким тылам ходим, какие документы? У меня вся группа одета в трофейную форму, поэтому и пришлось ехать мене одному. Так ты едешь? Сматываться надо!

— Поехали, наших надо подобрать, — ответил наконец летчик и опустил пистолет.

Я указал ему на место рядом с собой, но авиатор, собирая парашют, ответил на мой удивленный взгляд:

— Казенное имущество, заберу.

— В багажник его тогда.

Открыв багажник, я выругался, а летчик отпрыгнул. На нас смотрели выпученные глаза адъютанта. Он что-то мычал сквозь кляп.

— Совсем забыл про него. Это немецкий офицер, мы его в плен взяли пару часов назад. Вот место свободное.

Я помог уложить парашют, мы сели в машину и отправились к остальным, так как было чистое ровное поле, они нас отчетливо видели и терпеливо ждали там, где приземлились. Летчик, сидящий рядом, отстегнул ворот летного комбинезона, и на солнце сверкнули три шпалы подполковника.

— Извините, товарищ подполковник, если что-то не то сказал.

— Да ничего, капитан, все нормально.

— Твою мать! — заорал я, увидев появившиеся на холме машины.

Немцы из обстрелянной колонны ехали за летчиками. Дав полный газ, мы помчались к ближайшему. Тот, тоже заметивший немцев, с ходу запрыгнул на заднее сиденье машины, жаль, что она была без съемного верха, парням было бы легче. Так мы достигли следующего и помчались к последнему, который бежал нам навстречу. Подхватив его под самым носом немцев, я, почти на месте развернувшись, погнал обратно.

Мои парни у бронетранспортера внимательно за нами наблюдали и, как только мы подъехали ближе, стали отсекал немцев из пулемета. Первая пара — мотоциклы с колясками — была уничтожена точным огнем. Остальные остановились и стали за нами недоуменно наблюдать, но так как брони у них не было, то первые же выстрелы заставили их убраться. Запрыгнув на свое место, старшина дал газу, оставшиеся набились в бронетранспортер, и мы на полном газу погнали по дороге.

— Там слева должен быть аэродром соседнего полка! — громко произнес подполковник.

Приказав старшине поворачивать в ту сторону, куда указал летчик, я осмотрелся. В кабине помимо летчиков еще оказался и один из бойцов сержанта. Заметив мой взгляд, он пояснил:

— В бронетранспортере места не хватило. Генерал уж больно толстый.

— Генерал? Какой генерал? — удивился подполковник.

Я досадливо поморщился и ответил:

— Совсем забыл сказать, мы взяли в плен генерал-лейтенанта Моера, главного инспектора армии. Тот немец в багажнике — его адъютант.

— Ну вы, пехота, даете! — изумился какой-то летчик сзади, остальные его поддержали.

— Положим, мы со старшиной — танкисты, а вот остальные — пехота.

— Вы для нас сверху все пехота! — отозвался тот же голос.

— Слушай, пернатый, у меня такой вопрос: почему вас бросил тот, на истребителе?

— Не бросал он, это я дал разрешение помочь нашим, никто же не знал, что немцы сюда новые части перебросили, да и воздух был чист! — ответил мне подполковник.

— Так-так-так, вот об этом поподробнее, пожалуйста.

— О чем именно?

— О новых частях! У немцев что, авиация кончилась?

Подполковник хмыкнул, остальные летчики сзади зашумели:

— Кончится у них, как же! Держи карман шире!

— Два дня небо чистое было. Ни одного немца!

— Мы вон переправу бомбили, так по нам только зенитки лупили!

Среди этого галдежа я старался получить информацию. То-то мне странным казалось, сколько уже едем, а ни одного немца над головой, хотя до этого чуть ли не каждый час раздавался звук авиационных моторов.

— А ну тихо все! — рявкнул у меня над ухом подполковник, после чего продолжил: — Тут такое дело, не совсем, хм, понятное. В общем, пропала авиация у немцев, на нашем участке совершенно перестала летать. Ну и командование направило на разведку самолет. Так как разведчика у нас не было, единственно что мы могли, послали СБ лейтенанта Караулова, вон он сзади сидит, тот что левее. Расскажи-ка ты нам, лейтенант, что ты там увидел.

— Да все я видел. Не было у немцев авиации! Все их аэродромы уничтожены. Я над одним минут десять крутился, фотографировал, так по мне ни одна зенитка не выстрелила. Спустился ниже, а там одни трупы, живых не было. И вот что странно, если почти на всех аэродромах вместе с самолетами и людьми были уничтожены взлетные полосы, то на одном аэродроме она была цела.

— А самолеты? — спросил любопытный Сурков, как и я с интересом слушавший рассказ.

— Нет, там также все было уничтожено. Только взлетная полоса цела, такое впечатление, что ею кто-то воспользовался.

Я задумался. Освобожденный неизвестной силой лагерь пленных и аэродромы — может, все это звенья одной цепи? А может, еще что у немцев случилось? То, чего мы не знаем. Мне остро захотелось поговорить с генералом, уж он-то должен знать.

— Что знать? — спросил подполковник. Видно, я в своих мыслях заговорил вслух.

Подумав, я сжато рассказал свою эпопею. И подробно — о неизвестной силе, освободившей лагерь. Летчики с интересом слушали мой рассказ, после чего задумавшийся старший лейтенант Караулов сказал:

— Да, действительно, очень похоже на то, что я видел!

— И впрямь, нужно допросить этого генерала, — пробормотал такой же задумчивый подполковник.

Кивнув, я приказал старшине:

— Остановись вон у того озера с деревьями.

Озеро было окружено полем и вытекало в небольшой овраг. Такой же трюк, как мы провернули с генералом, с нами не получится, но я приказал на всякий случай поставить часовых у пулемета и у оврага.

Вскрыв трофейным кинжалом трофейную же банку с тушенкой, я стал есть ее вприкуску опять-таки с трофейными галетами. Ели мы с подполковником по очереди и за это время познакомились. Он оказался командиром бомбардировочного полка, подполковником Летягой Александром Дмитриевичем, и этот полет был очень важен для наших войск, так как мост взорвать не успели. За разговорами мы добились банку и направились к генералу, который сидел связанный около машины, и только кляп не давал ему высказать все, что он думает. Сверкая голодными глазами, он злобно глядел на нас.

— Как думаешь, капитан, он скажет что-нибудь?

— Конечно скажет, товарищ подполковник! Жить захочет, все расскажет.

— Он же генерал. Надо как-то поаккуратней.

— Это мое дело. Вы, товарищ подполковник, посидите где-нибудь в стороне, а как допрос начнем, так я вас и позову. Хорошо?

Проводив взглядом отошедшего к своим летчикам подполковника, я кликнул Волдухина и пару его бойцов. Генерал боли боялся, хоть и не хотел сперва говорить, но заговорил, и поэтому, выдернув из его ноги шомпол, я велел одному из бойцов перевязать ему ногу и позвать подполковника. Подошедший подполковник Летяга стал с интересом слушать, бросив мимолетный взгляд на забинтованную ногу.

— Расскажите, герр генерал, все, что произошло необычного в последнее время с войсками Вермахта и Люфтваффе.

Сидевший на подножке «мерседеса» Гаврилов торопливо записывал в планшет мой перевод с немецкого.

— Что именно вас интересует? — морщась, спросил генерал.

— Все необычное.

Допрос длился почти полтора часа, и этот толстоватый генерал нам успел многое поведать, несмотря на то что был прислан сюда из Берлина всего несколько дней назад. Двумя словами, с тылами происходило что-то странное. Первым был уничтожен моторизованный полк полного штата, находящегося на отдыхе, при этом был освобожден и лагерь военнопленных, находящийся рядом. Про повторное нападение, где мы участвовали, генерал упомянул мельком, что меня расстроило. Второй случай — уничтожение следовавшей к передовой танковой колонны, состоящей из трехсот единиц разной техники, на этот раз было несколько свидетелей из солдат Вермахта, с их слов сделали несколько рисунков, которые, кстати, находились в опечатанном портфеле. Третий случай — полное уничтожение всей авиации на четырех ближайших аэродромах. Причем на том, где уцелела взлетная полоса, исчез один из дальних разведчиков. И сегодня прошла информация, что над Киевом русскими был сбит немецкий самолет-разведчик, который не проходил ни по каким бумагам. Сопоставив некоторые факты, генерал понял, что это тот самый угнанный разведчик. Далее были только общие вопросы и факты по подобным или похожим действиям. Закончив, я приказал накормить Моера и выставить рядом часового. Втроем — я, Летяга и Гаврилов — мы склонились над открытым портфелем и стали доставать оттуда кожаные папки с орлом наверху и грифом «совершенно секретно» на немецком языке. Открыв одну, я увидел листочки с рисунками. Взяв всю пачку, я стал быстро их просматривать. От изумления у меня вырвалось:

— Так это же боевые роботы, твою!.. — Каплевидные и с разным вооружением, некоторые летали на антигравах, или что у них там еще, другие с опорами, похожими на куриные ноги.

Отдав стоящему рядом и подпрыгивающему от нетерпения Гаврилову всю пачку, я сел на подножку «мерседеса» и озадаченно задумался. Картинки напоминали научно-фантастические комиксы. «Блин, это куда же я попал?» — эта мысль невольно билась в моей черепушке.

То, что этот мир мне не родной, я стал подозревать после нападения на лагерь, но чтобы настолько? Кто же это все-таки такие? Я еще не подозревал, что найду ответ только много-много лет спустя.

В это время через заслон моих мыслей смог пробиться голос Гаврилова:

— Товарищ капитан, товарищ капитан, вы что, знаете, что это такое? Товарищ капитан...

Отмахнувшись от него и попросив отойти и не доставать меня, стал обдумывать ситуацию. Это что же такое творится? Получается, что эти неизвестные пришельцы на стороне русских? Я судил по освобожденному лагерю пленных. Значит, возможен контакт, нужно торопиться, эти бумаги и генерал должны быть доставлены в Москву немедленно, чтобы власть успела подготовиться.

Вскочив на ноги, я стал громко отдавать распоряжения, несмотря на то что обещал отдохнуть еще пару часов. Бойцы споро стали готовиться к выдвижению. Отобрав у Летяги и Гаврилова бумаги, я запихнул их обратно в портфель, лишь мельком пробежавшись глазами по документам. Сами они прочитать по-немецки не смогли, языка не знали. Прочитанное убедило меня в правильности моего решения: нужно торопиться. Выспросив у подполковника точное местоположение ближайшего аэродрома, мы на полной скорости рванули туда.

Не повезло нам в самом начале — при переезде через маленький деревянный мостик, переброшенный через небольшую речушку, какой-то отчаянный боец кинул под следующий впереди бронетранспортер гранату. Поджечь он его не смог, но гусеницу от разрыва сорвало. И тут из нашей легковушки вылез подполковник Летяга и так обматерил бойца за порчу трофейной техники, что тот немедленно скрылся за спину вышедшего на дорогу командира. При разговоре с этим молоденьким лейтенантом, оставленным командиром прошедшей здесь дивизии в заслоне с семью бойцами, удалось узнать, что наши части продолжают отступать. И, по его словам, мы смогли бы их догнать, если бы была целой техника. Я вышел из машины, оставив генерала под охраной Гаврилова и Суркова, подошел к лейтенанту, который от ора Летяги стал красным, как помидор, и вмешался:

— Товарищ подполковник, лейтенант, я считаю, поступил правильно. И это не его вина, что в немецкой технике ехали мы! — после чего, не обращая внимания на изумленно повернувшегося ко мне Летягу, спросил у летежи: — Лейтенант, у вас есть какой-нибудь транспорт? Меняюсь почти на целый бронетранспортер.

Лейтенант задумчиво окинул взглядом подбитую технику и, поколебавшись, ответил, махнув куда-то рукой:

— У меня стоит полуторка под деревьями. Но отдать я ее не могу, она на мне числится.

— Да не вопрос, лейтенант. Мы ее берем вместе с водителем, он нас довезет до пункта назначения, тут всего-то восемь километров осталось, потом вернется.

В общем, через десять минут мы пылили дальше. Перед отъездом я задал лейтенанту интересующий меня вопрос:

— Почему вы не стреляли?

Смущенно потупивший глаза лейтенант ответил:

— Хотел технику целой захватить. У нас в полку командир стрелкового взвода танк неповрежденный у немцев отбил, его к ордену представили.

Хмыкнув, я его приободрил, сказав, что и на его улице будет праздник.

Полевая дорога, тянувшаяся перед нами, петляла из стороны в сторону, из-за чего и замедлялся наш путь, отдаляя время прибытия. Но, как и всякая дорога, которая всегда где-нибудь заканчивается, закончилась и она. Приказав остановиться, я стал изучать в бинокль полевой аэродром, и бой, идущий рядом с ним, мне очень не понравился.

— Давай, старшина, гони, может, успеем! — крикнул я Суркову, и мы погнали к аэродрому вслед за полуторкой. В «мерседесе» нас сидело пятеро — я и старшина спереди, Летяга, Гаврилов и генерал сзади, остальные уместились в полуторке.

Все-таки мы успели. Пока зенитки, немногочисленная охрана и бойцы БАО сдерживали немецкие части, мы подскочили на полном ходу к штабу полка, который охранял одинокий часовой. Из штаба и прилегающих землянок несколько бойцов и командиров таскали какие-то папки в одиноко стоявшую полуторку. На самом аэродроме горело несколько самолетов, и не похоже, что от повреждений, видимо, сами подожгли.

Выпрыгнув из еще полностью не остановившейся машины, я сразу заорал во все горло:

— Командира ко мне, ЖИВО!

Из здания штаба выскочил капитан с летными петлицами и, подбежав к подполковнику, который не скрывал свои петлицы, стал рапортовать, но Летяга молча показал капитану на меня:

— Он здесь командир, к нему иди.

Я спросил у подошедшего капитана, представившегося начальником штаба капитаном Овсовым:

— Есть целый аппарат, который сможет улететь отсюда?

Растерянный капитан ответил:

— Готовится к взлету транспортный «Дуглас», но на нем улетают особисты нашей дивизии.

— Ну с особистами мы разберемся. Где самолет?

Запрыгнув обратно в машину, я показал куда править. Объехав зенитку, бьющую куда-то в сторону немцев, мы под начавшимся минометным обстрелом подъехали к самолету, находящемуся под прикрытием деревьев. Из «эмки», стоявшей рядом с самолетом, два типа в форме НКВД быстро носили какие-то свертки, рядом с входом курил один из летчиков; наверное, ему не доверяли и таскали явно тяжелые свертки сами. Под взглядами находящихся у самолета людей я вылез из машины и быстро подошел к старшему, со шпалами капитана в васильковых петлицах. Отдав честь, доложил, стараясь перекричать шум работающих моторов и боя:

— Товарищ подполковник, нами захвачен в плен немецкий генерал с особо важными сведениями, нужно срочно доставить его в Москву!

Внимательно слушавший меня капитан кивнул, и вместе мы подошли к «мерседесу».

Налюбовавшись на связанного генерала, капитан крикнул:

— Самолет перегружен, нам придется часть архива оставить здесь, иначе не взлетим.

Кивнув, что понял, я приказал вывести из машины генерала и вытащить его адъютанта. Энкавэдэшники так же споро стали разгружать самолет, потроша свертки и кидая их в кучу. Один из них облил бумаги бензином и поджег. Пока составлялся акт об уничтожении, я посадил с немцами и Гаврилова. Все-таки, оказывается, и в НКВД нормальные люди служат, а я уж собирался, если они ответят отрицательно, приказать арестовать их и ссадить с самолета.

Транспортник, взревев двигателями, начал взлет и, оторвавшись от взлетной полосы, стал медленно подниматься. Через несколько секунд самолет скрылся за деревьями. Проводив его взглядом, я крикнул:

— Уходим! — и, запрыгнув в брошенную «эмку» на место водителя, дал по газам.

Несмотря на плотный огонь двух бронетранспортеров и прорвавшихся на взлетную

полосу немецких солдат, мы смогли вырваться. Отчаянное сопротивление зенитчиков дало свои плоды, три танка застыли темными глыбами у кромки леса, а вот остановить обошедшую по флангу пехоту противника уже никто не смог, и мы уезжали под бешеную стрельбу на аэродроме.

Я старательно давил на газ, крепко сжимая руль, который постоянно пытался вырваться из рук на плохой дороге. В редкие минуты поглядывал назад, не отстали ли машины, но они крепко держались за мной. На очередном ухабе, еще раз приложившись макушкой о крышу «эмки», я стал материться и вспоминать конструкторов. Сидящий рядом Летяга только похихатывал, правда осторожно, при таких скачках нетрудно прикусить язык. Спустившись в глубокий овраг, я загнал машину в кусты и вышел из «эмки» к подъехавшим машинам.

— Волдухин, пару бойцов в разведку по курсу движения, и часовых не забудь. Остальным отдыхать, — скомандовал я.

Козырнувший сержант убежал к своим бойцам, на ходу отдавая команды. К моему удивлению, в полуторке было два лишних красноармейца, которые откуда-то взялись в кузове. Мое любопытство удовлетворил подошедший Волдухин. Оказывается, бойцы были с уничтоженной зенитки, единственные оставшиеся в живых, они запрыгнули в притормозившую полуторку, когда мы пролетали мимо них, сматываясь от немцев.

— Ладно, лишними не будут. Вооружены?

— У одного карабин, другой без оружия, но есть две гранаты, — немедленно ответил сержант.

Кивнув, что принял информацию к сведению, я прилег под кустом и, достав карту, стал внимательно ее изучать. После изучения позвал летчиков, они тут облетали все, местность должны знать. И вот четыре головы склонились над километровкой.

— Смотри-ка, у них даже зенитный дивизион указан, который недалеко от нашего аэродрома в соседней деревне стоит, — удивился Караулов, с интересом изучавший трофейную карту.

— Да, и мосты и броды есть, — продолжил Летяга, с таким же интересом склонившийся над трофеем.

Подождав пока летчики выговорятся, я задал интересующий меня вопрос:

— Как нам быстрее и проще прорваться к своим?

Обсуждение заняло почти полчаса, вернувшиеся к этому времени разведчики доложили, что немцев они не видели, но стрельбу в разных местах слышали.

— По машинам! — крикнул я и сел в «эмку», за рулем которой уже находился Сурков, на заднем сиденье с удобством развалился Летяга. На «мерседесе» поехали летчики, старший лейтенант Караулов с удовольствием сел за руль. Подъехав к опушке леса, по которому мы ехали уже минут двадцать, я приказал остановиться и, взяв бинокль, направился к открытому пространству, вслед за боевым охранением, посланным со мной Волдухиным.

Найдя удобное место для наблюдения, я осмотрелся. Дорога, выбегавшая из леса, змеилась по полю и скрывалась в небольшом распадке, который из-за складки местности я осмотреть просто не мог, но вроде пустом. Из оврага дорога уходила вдаль. Осмотрев поле, границ его я не обнаружил. Честно говоря, не хотелось бы мне выезжать на открытое пространство, было какое-то предчувствие. Помедлив мгновение и бросив пристальный взгляд на небо, я вернулся к машинам.

— Сержант, сколько у нас горючего?

— Водители говорят, по трети бака в каждой. Запаса нет.

— Понятно, надолго не хватит. Опять становиться безлошадным... По машинам!

Мы осторожно выехали из леса и пропылили к оврагу. Я ошибся, овраг был занят. Остановившись из-за перегородившей дорогу телеги, осмотрел два десятка беженцев, сидевших на земле. Мне надолго запомнятся их взгляды на нас. Они ничего не сказали, но даже я не смотрел им в глаза, мне было стыдно, что мы, взрослые здоровые мужики драпаем от передовой. Аккуратно объехав телегу, мы выехали из оврага и направились дальше. И если до этого мы спокойно разговаривали в машине на разные темы, то теперь молчали, вспоминая беженцев.

Когда лобовое стекло пошло трещинами и капот вспучился разорванной жестью, я сперва не понял, что произошло. И только когда мимо пронеслись две быстрые тени, оглушая нас ревом моторов и треском пулеметов, понял, что предчувствие меня не подвело.

— Из машин! Укрыться! Огонь по противнику! — стал командовать я, выпрыгивая из машины.

Отбежав от машин метров на тридцать, я залег в густой траве, рядом плюхнулся старшина. Немцы меня все равно видят, но так хотелось прижаться к спасительной земле, чтобы она меня защитила. Преодолев это желание и привстав на коленях, достал «вальтер» и стал целиться в истребители, начавшие новый заход. Рядом стоял на коленях один из бойцов и, положив ствол МГ на плечо Волдухина, тщательно выцеливал немцев, но огня пока не открывал. В поле мы были как на ладони, и деться нам было просто некуда.

На дороге медленно разгоралась полуторка, из кузова свешивалось тело убитого бойца. «Мерседес» стоял ко мне боком с открытыми дверцами, летчиков видно не было. И тут боец наконец открыл огонь из пулемета.

— Вроде попал? Товарищ капитан, точно попал! — закричал боец с пулеметом. Я же с удовольствием провожал взглядом уходящие истребители. Никакого дыма я за «мессерами» не заметил, они просто улетали.

— Похоже, горючее кончилось, вот и ушли, — ответил я и, повернувшись к расстроенному бойцу, внезапно гаркнул: — Сержанту Волдухину и красноармейцу Тетюшину выношу благодарность от командования.

— Служу трудовому народу! — ответили вытянувшиеся бойцы.

Поблагодарив их и пожав руки, приказал сержанту выяснить наши потери. Сам же пошел к своей машине, около которой стояли летчики со снятыми шлемофонами. На заднем сиденье, уткнувшись лбом в стекло двери, привалился подполковник Летяга. Развороченная крупнокалиберными пулями спина ясно давала понять, что с такими ранами не живут.

— Вытащите подполковника из машины, — командовал я летчикам. Глядя на тело убитого, я осознал, что за то короткое военное время мы успели немного сдружиться, и я искренне был расстроен смертью этого сильного командира.

Но долго переживать мне не дали, отвлек подбежавший сержант. Посмотрев на тело Летяги, лежащее на траве, чуть помедлив, стал докладывать:

— Трое раненых, их перевязывают, четверо убиты. Две машины повреждены, одна вроде целая, — кивнул он на «мерседес».

Посмотрев на уцелевшую легковушку, приказал:

— Раненых в машину, убитых похоронить. Выполнять!

Через час мы продолжили движение. Преодолев поле, на этот раз без происшествий, мы

вошли в небольшое село, раскинутое на берегу маленькой речушки. В селе были наши части, я это сразу услышал на околице, когда где-то с другой стороны села взревел двигатель танка, судя по звуку Т-26. Тут же меня отвлек окрик на русском:

— Стой, кто идет!

Приказав своей колонне остановиться, я направился к посту, окликнувшему меня. Увиденное меня разочаровало, никакого орудия для защиты или чего другого. Небольшой окопчик для пулемета, стоявшего на сошках здесь же, и всего пара бойцов во главе с младшим сержантом.

— Старший, ко мне, — скомандовал я, но к моему удивлению, сержант не сдвинулся с места, а с подозрением окинув меня взглядом, ответил:

— Сейчас старший подойдет, — и, подняв винтовку, выстрелил в воздух.

Это был сигнал. Через минуту прибежал старший лейтенант в сопровождении отделения бойцов. Козырнув мне, представился:

— Старший лейтенант Конев, командир роты.

Так и не дождавшись продолжения, тоже козырнул и ответил:

— Капитан Михайлов, командир танкового батальона. Пробились из окружения, с потерями. Срочно нужны медики.

Окинув взглядом сидевших на обочине бойцов и замершую тушу «мерседеса», он ответил:

— У нас тут во второй хате санвзвод стоит, давайте туда, а вас, товарищ капитан, прошу пройти к нашему особисту.

Проводив раненых до медиков, я направился вслед за старлеем, который неотступно следовал за мной. Моих бойцов разоружили и увели куда-то в сторону, а меня и летчиков повели по улице дальше. Пройдя мимо трех танков, стоявших на улице без всякой маскировки, мы вошли во двор довольно большой хаты пятистенки, там стоял на посту боец с васильковыми петлицами и карабином на плече. Попросив нас подождать во дворе, лейтенант заскочил внутрь. Через минуту он вышел в сопровождении невысокого крепыша в звании лейтенанта НКВД. Осмотрев нас, он что-то брезгливо сказал услужливс наклонившемуся старлею.

Мне это нравилось все меньше и меньше. Как чувствовал, что влипну во что-нибудь. Показав на меня пальцем, особист приказал вводить меня первым. В большой довольно прохладной комнате, куда меня ввели, при этом сняв ремень с кобурой, было пусто. По знаку особиста меня посадили на стул, стоящий перед хозяйским столом. С противоположной стороны сел лейтенант.

Окинув меня взглядом, сквозь зубы спросил:

— Кто такой? Документы!

Посмотрев на него внимательным взглядом, я ответил, стараясь сохранить спокойный тон:

— Нету документов. У немцев они!

Лейтенант понимающе кивнул головой:

— В окружение попали и уничтожили их, я такое каждый раз слышу от выходящих к нам. — И тут же заорал, брызгая слюной: — Правду, сволочь! Мне нужна правда!

Я начал привставать и ощутил на своих плечах чьи-то руки. Резко скинув руки, я не глядя съездил локтем назад, оттолкнувшись ногами от стола, упал на спину и, перекатившись, вскочил на ноги. Лейтенант с выпученными глазами дергал клапан кобуры,

а сбоку стоял, держась за живот, сержант НКВД. Быстро подскочив к нему, я вырубил сержанта одним ударом по затылку, потом, переметнувшись через стол, выбил «наган» из рук лейтенанта и с удовольствием съездил ему в челюсть.

Быстро подобрав револьвер, я подбежал к двери и накинул крючок, после чего, вернувшись, подошел к державшемуся за челюсть лейтенанту и спросил, глядя в пылающие ненавистью глаза:

— Телефон, связаться со штабом, где он?

— У меня нет. Только у командира дивизиона телефон стоит.

— Пошли, проводишь.

Взяв его в охапку, я, открыв дверь и прикрываясь лейтенантом, вышел во двор. О происходящем в хате, похоже, никто не догадывался, судя по тому, что меня встретили с ошарашенными и удивленными лицами. Летчики озадаченно переглянулись. Боец с карабином, быстро отойдя от шока, скинул оружие с плеча и стал целиться в нас.

Держа ствол нагана у виска особиста, я крикнул:

— Оружие на землю, не то пристрелю его как собаку, — и, нажав стволом на висок, сказал спокойно: — Прикажи ему.

— Косухин, оружие на землю, — тут же отреагировал лейтенант.

Так шагая, мы дошли под взглядами нескольких десятков бойцов до дома, где находился телефон. В дверях я встретил капитана с эмблемами артиллериста, который, с удовольствием полюбовавшись на нас, пропустил в хату. На столе стоял телефон. Зашедший следом капитан быстро сложил и убрал карты и приказы со стола, после чего также молча вышел. Оттолкнув лейтенанта в угол и велев постоять там, я снял трубку и покрутил ручку.

Этот дивизион имел связь только со штабом полка, поэтому, связавшись с начальником штаба, попросил его связаться и доложить представителям контрразведки о моем выходе из окружения. В том, что обо мне нужные люди уже осведомлены, я не сомневался, поэтому, поглядывая на летеху, стоявшего ко мне спиной в углу и иногда бросавшего злобные взгляды, ждал звонка. Раздавшийся стук в дверь отвлек меня от размышлений, а лейтенанта от придумывания мести.

— Войдите!

В комнату прошел тот самый молчаливый капитан. Бросив насмешливый взгляд на лейтенанта, захохлившегося в углу и похожего на мальчишку, которого отец поставил в угол за разбитое школьное окно, посмотрел на меня и спросил:

— Что все-таки произошло? А то сержант Жмых ничего толком объяснить не может, ходит да за живот держится.

— Да лейтенант немного обознался. Вот и не разобрались сразу, кто есть кто. — И доверительно улыбнувшись капитану, добавил: — Не люблю, когда меня бьют или пытаются убить, ответ бывает адекватным, бью или убиваю уже я. Я не представился. Капитан Михайлов, командир танкового батальона.

Кивнувший в ответ капитан ответил:

— Капитан Новик, командир зенитного дивизиона. Может, лейтенанта отпустим?

— Не, пусть пока стоит. Я его в угол на час поставил, еще сорок минут ждать. Кстати, у вас поужинать ничего нету? А то с утра не ел.

— Есть, как не быть. Самохвалов! — крикнул кого-то капитан и добавил: — Поесть два котелка принеси!

— Как там мои бойцы, не обижаете?

— Нормально все с ними, правда, сидят пока под охраной, приказал накормить. — И, усевшись за стол, с любопытством спросил: — Твои бойцы рассказали, что вы в плен генерала немецкого взяли. Расскажешь?

Летеха в углу насторожился и наострил уши. Мой рассказ занял почти полчаса. За это время мы поели каши с тушенкой, которую принес усатый старшина, и выпили по стакану горячего чаю. На предложение капитана остограться, сказал твердое нет, спиртные напитки, кроме пива, я не жаловал. В заключение рассказа меня прервал зуммер звонка, заставив нас всех вздрогнуть.

— Тьфу ты, чертяка, на самом интересном месте, — недовольно сказал капитан.

— Алло. Капитан Михайлов у аппарата! — произнес я, подняв трубку.

На том конце провода раздался командный бас, различимый даже через шорох помех:

— Командир танкового батальона девятнадцатой танковой?

— Да.

— Позывной Никаненкова!

— Хм, Хохол.

— Что вы сказали ему при расставании?

— Что сказал? Сказал «Ну с Богом».

— Хорошо. Ваш позывной?

— Сверчок.

— Ваше точное месторасположение?

— Деревня Крюково. Расположение отдельного зенитного дивизиона.

— Ясно, мы будем у вас в течение суток. Ждите.

Аккуратно опустив трубку, я повернулся к капитану и сказал:

— За мной подъехать должны. На ночлег устроишь?

— Да вот лавка, устраивайся.

Поблагодарив его и повернувшись к летехе, я совершил самую большую глупость на сегодня:

— Лейтенант, вы можете идти. — И опустошил барабан «нагана», вернув его и патроны подошедшему владельцу.

Проводив взглядом лейтенанта, вышедшего из дома, я повернулся к капитану, спросившему меня:

— Так что там дальше-то? Вы приехали на аэродром и?..

Дорассказав полностью эпопею с немецким генералом, сказал, вставая:

— Пойдем, моих проведем.

Выйдя на уже темнеющее крыльцо, услышал какой-то шорох справа и мощный удар в корпус. Раздавшийся после этого знакомый голос все прояснил:

— Вяжите его!

«Нет, как все-таки я лопухнулся с этим недомерком», — думал я, перекидывая через бедро второго нападающего. Меня просто завалили телами. После того как получил пару раз в челюсть, сознание у меня стало уплывать. Из последних сил освободив левую руку, кому-то с хрустом ее впечатал. На границе сознания слышал где-то вдалеке мат капитана, после ничего не помню.

Открыв глаза, я посмотрел на стропила, видневшиеся сквозь рассеивающуюся темноту. Очнулся я опять в каком-то сарайчике, похоже, ни немцы, ни наши разнообразием в

содержании пленных не отличались. С трудом приподняв свое избитое тело, я оперся спиной о стену сарайчика. Шея плохо гнулась, но оглядеться я все-таки смог. Темные кочки с противоположной стороны и храп доказывали, что я тут не один. Аккуратно проверив свое тело путем ощупывания, понял, что, кроме синяков, ничего серьезного у меня нет. Я с благодарностью подумал о Шведе, предоставившем мне такое замечательное тело, и о бойцах, которые его избивали.

Устало прикрыв глаза, задумался; судя по начавшей рассеиваться мгле, начинается рассвет, и с момента моего звонка прошел уже не один час, но представители контрразведки так и не прибыли, и это начинало меня беспокоить. Еще раз прогнав наш разговор с неизвестным, я с теплотой в душе подумал о Сашке Никаненкове — вышел. А раз вышел он, то и остальные ребята тоже, и это была хорошая новость. Пока было время, задумался о том, что меня ждет, если контрразведчики опоздают.

Нет, надо было все-таки поговорить с летехой, успокоить его, прежде чем отпускать, да что уж теперь виниться, если уже сижу в арестантской. Прикрытые глаза сделали свое дело, и, прислушиваясь к хрусту земли под сапогами часового, я незаметно уснул.

Скрип открывающейся двери вывел меня из полузабытья, встряхнувшись, я с интересом посмотрел в сторону часового, открывшего дверь. Позади него маячили еще две фигуры.

— Шнайдер, на выход!

В углу зашуршала сеном одна из фигур, к моему удивлению, в комбинезоне танкиста. Сверкнув тремя кубарями в петлицах, видных через расстегнутый воротник, танкист встал на ноги. Посмотрев на конвой, он, щуря заплавленные фиолетовыми синяками глаза, сказал разбитыми губами:

— Что, опять? Когда же ваш лейтенант уймется?!

— Поговори мне еще! На выход!

Зло сверкнув глазами, командир направился к выходу, при этом, проходя мимо, с интересом пробежался по мне взглядом, на секунду задержавшись на петлицах. Признав во мне тоже танкиста, кивнул, приветствуя, и вышел из сарая. Проснувшиеся шесть арестованных проводили вышедшего командира взглядами, один из них встал и направился ко мне.

— Доброе утро, товарищ капитан, — поздоровался один из арестантов, присаживаясь рядом.

Я с интересом оглядел его: младший лейтенант-артиллерист, с таким же избитым лицом, как и у вышедшего старшего лейтенанта, правда, у танкиста синяки были свежие, а у артиллериста уже начали желтеть.

— Было бы оно доброе, я бы тут не сидел, — ответил я лейтенанту.

Вздыхнув, он спросил:

— Товарищ капитан, это вы Шкета в плен взяли и «наганом» угрожали?

— Было такое, — ответил я и попытался приподняться. Несмотря на то что голова немного закружилась и тело пронзала стреляющая боль, я все-таки смог встать, хотя и с помощью артиллериста.

— А почему вы его взяли в плен?

— Надо было, — ответил я назойливому летехе. Дождавшись, пока сарай не перестанет кружиться, держась за стены, стал ходить туда-сюда.

Отбиваясь от летехи, старавшегося мне помочь, стал осторожно разрабатывать мышцы.

За полчаса я закончил тренировочный комплекс, взяв его из памяти прошлого хозяина. В это время с помощью артиллериста познакомился с остальными арестантами, которые сами подходили ко мне и здоровались. Выше меня по званию никого не было. Были три пехотинца-лейтенанта, вышедших, как и я, вчера из окружения, только эти лейтенанты вышли вместе со своими бойцами, с теми, что остались. Еще был старший лейтенант-авиатор, оказавшийся технарем с того самого аэродрома, где я посадил в транспортник генерала, с ним был младший лейтенант, командир радиовзвода того же полка. После моих вопросов оказалось, что они сумели вырваться еще когда немцы только подходили к аэродрому, запрыгнув в полуторку, на которой уезжал политрук полка. А дальше так же, как и у нас: заход истребителя на машину — и выжившие вышли на это село, попав в гостеприимные объятия местного особиста, которого уже окрестили Шкетом.

Младший лейтенант-артиллерист вышел на окраину села только с двумя бойцами, оставшимися в живых после того, как в расположение их гаубичного дивизиона прорвались немцы. К моему удивлению, всех их обвиняли в дезертирстве, но еще больший шок я испытал, когда рассказали про танкиста. Старший лейтенант Шнайдер, оказавшийся из поволжских немцев, вышел из окружения на трех танках, оставшихся от его роты, и сразу же был арестован как немец.

Шкет шил Шнайдеру целый букет преступлений, от дезертирства с места боя до работы на немецкую разведку. И это при том, что Шнайдера наградили медалью «За отвагу» после уничтожения восемнадцати танков, которые прорвались в тыл его части, при этом, не потеряв ни одного своего. От таких новостей я только покачал головой, ну особист, ну тварь.

Вернувшись после разминки на свое место, я прилег на солому и, не обращая внимания на ноющее тело, прикрыл глаза, меня сильно тянуло в сон.

Скрип открывшейся створки вывел меня из дремоты. Двое бойцов с закатанными рукавами гимнастерок внесли бесчувственное тело танкиста. Грубо бросив его на солому, спокойно вышли под нашими злыми взглядами. Часовой в это время вынес пустое ведро и занес полное, со свежей колодезной водой. Я подошел к ведру и под скрип закрывающейся двери первым отпил из него. После того как попили остальные, я приказал осмотреть Шнайдера и вытереть мокрой тряпочкой его окровавленное лицо. Два командира из пехотинцев склонились над танкистом. Постояв немного, я, пошатываясь, вернулся на место.

Через полчаса створка ворот снова открылась, и конвой забрал старшего лейтенанта-авиатора. Вернулся он минут через двадцать сам, на своих ногах. Держась за бок и постоянно морщась, он прошел на свое место. Мне показалось, что его движения и мимика какие-то нарочитые, быстро прокрутив в уме возможные варианты, понял, что они со Шкетом, похоже, спелись, и теперь мой черед идти на допрос.

Еще через час, когда солнце почти поднялось на небосклон, створка снова скрипнула, и голос сменившегося часового произнес:

— Михайлов, на выход!

Сплюывая тягучую окровавленную слюну на пол, я снова провел языком по осколкам передних зубов и, пошевелив связанными за спиной руками, посмотрел на Шкета, продолжавшего брызгать слюной:

— ...подписывай, тварь, все равно шлепну! Или ты думаешь, твои дружки немцы успеют сюда прорваться и спасти тебя?! Не будет такого, подписывай па...ль!

С кривой усмешкой посмотрев на него, я ответил:

— Помнишь, что я в хате говорил? «Бьют или убивают меня — бить или убивать начинаю уже я». Твой сержантик... — я кивнул на сержанта, стоящего сбоку и потиравшего кулаки, — уже, считай, труп, а вот насчет тебя я еще думаю.

— Ах ты су...а! Жмых, давай еще!

На меня снова посыпались удары, и я опять грохнулся с табуретки, в какой-то момент я сумел несвязанными ногами сделать подсечку, и сержант с грохотом рухнул на пол. Своего шанса я не упустил, мощный, насколько было сил, удар пришелся в грудь Жмыха, до головы мне было не дотянуться.

— Охрана, ко мне! — сразу же завопил летеха.

Ворваться в дом им помешали тесный для двоих бойцов косяк двери и слишком широкие плечи. Потолкавшись, оба бойца наконец смогли ворваться в комнату. Сжавшись в позе эмбриона, я старательно уворачивался от беспорядочных ударов. Плохо, что руки связаны, нельзя прикрыть живот. Наконец бойцы устали и остановились отдышаться. Пока они отдыхали, я мысленно пробежался по избитому телу, хоть оно и превратилось в комок боли, но вроде ничего серьезного нет.

Один из бойцов поднял хрипло дышавшего и державшегося за грудь сержанта и довел до скамейки. Сплюнув скопившуюся во рту кровь на грязный окровавленный пол, я прохрипел, кивнув на сержанта:

— Сил маловато осталось, слабо вдарил.

— Вот сука! — возмутился стоящий рядом боец и замахнулся.

— Отставить, Скрябин. Посади его обратно на табурет.

Боец, ухватив меня за расстегнутый ворот гимнастерки, попытался поднять. С треском воротник оторвался и остался в руках здоровяка вместе с петлицами и знаками различия, я же снова грохнулся на пол. Отшвырнув воротник в сторону, он подхватил меня под мышки, снова поднял и усадил на табурет.

— Оба пока свободны, — приказал летеха, злобно щуря глазки.

— Не боишься со мной один на один оставаться? — спросил я, проводив выходящих бойцов взглядом, после чего снова сплюнул тягучую красную слюну.

— Ты сейчас ни на что не годен. Ха, да с тобой сейчас любая бабка справится!..

— ...кроме тебя!

— Вот сука! Ты, урод, мало получил?! Лучше подпиши, а то ведь еще хуже будет!

— Да пошел ты!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вставший сержант, скособочившись от боли, подошел ближе и сказал:

— Товарищ лейтенант, давайте его, как того майора? Никто и не узнает?!

В это время сквозь шум в голове я услышал приближающийся гул моторов нескольких машин, скрип тормозов и несколько командных голосов, в котором первую роль играл знакомый бас. Бросив насмешливый взгляд на Шкета, я сказал:

— Тебе, товарищ Шкет, лучше бы выйти, там, кажется, начальство приехало.

Сблуднувший с лица летеха поправил ремень и, надев фуражку, быстро вышел на улицу.

— Ну что, болезный, вот мы и одни остались, — сказал сержант, положив мне на плечо руку.

— Точно, и теперь к тебе никто на помощь не придет. — После чего последовал мощный удар головой в живот.

Сержант согнулся, я, резко наклонившись назад, со всей силы врезал ногами по туловищу Жмыха, отчего он улетел к столу и, отскочив от него, упал на пол, а я свалился на пол вместе с табуретом. Как только я собрался подняться и добить его, открылась дверь, и в комнату ввалилась целая толпа народу. Первое, что они увидели, это меня, лежавшего на полу и бьющегося в агонии.

А что я мог сделать, когда услышал топот сапог? Конечно, остался лежать на полу и делать предсмертный вид, благо сильно стараться не надо, отделали меня знатно, и многочисленные синяки покрывали как лицо, так и все тело.

Двое сразу же бросились ко мне и стали приводить в чувство, но я не приводился, сквозь закрытые веки мне ничего не было видно, но при этом я внимательно слушал. На сержанта, кстати, никто не обращал внимания.

— Лейтенант, ты что, охренел?! Да я тебя... .. и ... урод! — Последнее слово было мне понятно, насчет остальных сомневался, что правильно понял.

В это время мне сунули какую-то тряпочку под нос; вдохнув знакомый запах, я мгновенно очнулся и сквозь зубы застонал, делая вид, что сейчас снова провалюсь в беспамятство.

Все-таки меня привели в более или менее нормальное состояние, по крайней мере, я делал вид, что понимаю, о чем меня спрашивают. Мне развязали руки. Стараясь незаметно разрабатывать их, я отвечал на вопросы командира в форме майора. Только хрен он был майором. Видя, как перед ним тянется подполковник, я всерьез подумал, не генерал ли он.

— ...итан, ты слышишь меня? Капитан Михайлов? Все правильно?

— Да, товарищ полковник, я капитан Михайлов, это я звонил. — Раздумывая над званием стоящего передо мной майора, я невольно назвал его полковником, которое определил как наибольший вариант. И судя по тому, что майор не поправил меня, я попал в точку.

— Хорошо, как ты себя чувствуешь? Сможешь выдержать дорогу?

Кивнув, я посмотрел на вставшего сержанта Жмыха, стоящего ко мне вполборота. Прикинув все шансы, я позволил двум приехавшим с майором-полковником бойцам подхватить меня под руки и повести к двери. Но мне пока этого было не надо, резким рывком стряхнув их руки и оттолкнув в стороны, я успел сдернуть у одного из бойцов карабин, висевший на плече. Остальные только начали поворачиваться на шум, майор только-только подошел со злым лицом к отдельно стоящему Шкету, а я уже со всей силы впечатал ствол карабина в горло Жмыха, пробив его и изувечив. Резко выдернув ствол из горла, под хрип и бульканье сержанта я подскочил к Шкету и, увернувшись от одного из командиров в звании старшего лейтенанта, который попробовал перехватить меня, широким полукругом съездил прикладом в губы летехи. Приклад буквально вбил зубы в горло не успевшего увернуться летехи, сломав при этом челюсть.

— Квиты, — выдохнул я. На все это у меня ушли те немногие крупницы силы, что еще оставались, и, уже теряя сознание, я упал на пол. При этом никто не успел меня подхватить... гады.

* * *

Первое, что я увидел, когда очнулся, это потолок самолета и маленькие иллюминаторы.

И только через некоторое время до моих ушей стал доноситься звук авиационных моторов. Скосив глаза, увидел, что салон набит людьми. От наблюдения меня отвлекло лицо непонятного майора, склонившегося надо мной, которое что-то произнесло:

— ...чнулся ...олезный? Как себя чувствуешь?

Не знаю, известен ли сейчас этот знак, но я поднял руку и, сжав кулак, показал вверх большой палец.

Фальшивому майору я не соврал. Свое состояние я действительно оценил как хорошее, не отличное, а хорошее. Я еще раньше заметил, что после ранений и контузий прихожу в себя очень быстро. Хорошенько выспался — и готово. Нет, кое-какие последствия остаются, которые потом быстро сходят на нет, но все-таки остаются. Вот и сейчас я кроме слабости чувствовал ноющую боль. Лежал я на полу и вроде как на носилках, приподнявшись с помощью того лейтенанта, который попытался помешать мне поквитаться со Шкетом, сел на лавку рядом с фальшмайором.

Подождав, пока салон транспортника перестанет крутиться, осмотрелся под любопытными взглядами остальных пассажиров, которых кроме меня оказалось около десятка.

Судя по покачиваниям, воздушным ямам и болтавшимся перед моим лицом ногам стрелка-радиста, находящегося в стрелковой люльке и наблюдающего за небом, мы все-таки летим.

За спиной здорового старшины с ППД в руках я заметил смутно знакомую фигурку с замотанной челюстью.

«Смотри-ка, и Шкета прихватили», — мысленно удивился я. Наклонившись к фальшмайору, спросил, кивнув на летеху:

— Товарищ майор, а этого зачем взяли?

Несмотря на мой шепелявый вопрос из-за выбитых передних зубов, фальшмайор меня понял:

— Приказ из Москвы. Он сынок Члена Военного Совета, и его художествами решил заняться САМ.

— Сколько я был без сознания?

Фальшмайор показал руками.

«Вот это ни фига себе?! Семь дней! Однако».

Кивнув, что понял, попросил чего-нибудь поесть. Желудок, когда о нем вспомнили, сжался в голодных спазмах. Взяв протянутое мягкое печенье и фляжку запить, стал осторожно жевать. Отпив из фляжки, в которой оказался холодный и подслащенный чай, я машинально пробежался по остаткам зубов и замер. Пройдясь языком еще раз, понял, что над ними кто-то поработал, нет острых торчащих обломков. Удивляло, когда это успели меня так подлечить, что я не замедлил спросить у фальшмайора.

— Да над тобой целая бригада врачей работала. — Он приподнял и показал портфель, лежавший рядом. — Так они такого понаписали... И регенерация повышенная, и анализы странные, чего только в тебе нет. Зубы?.. А, зубы, и над ними поработали. Дантист еще удивился, что у тебя начали отрастать новые.

Пройдясь по зубам еще раз, понял, что фальшмайор прав, те осколки, которые я принял за пеньки, была новая поросль зубов.

Осмысливая новую информацию, я машинально отхлебывая из фляжки, посмотрел в ближайший иллюминатор. Недалеко висела тройка истребителей сопровождения.

Повернувшись к соседу с другой стороны, спросил:

— Мы давно взлетели?

Тот, глянув на наручные командирские часы, ответил:

— Минут двадцать пять назад. Вы как раз очнулись при взлете.

— Понятно.

Устраиваясь на жесткой лавке поудобней, я жадно посмотрел на вещмешок, стоявший у ног соседа, все-таки три печенья мне маловато, хотя я и понимал, что много есть мне нельзя. Печально вздохнув, осмотрел себя, синяки фактически исчезли, одет я был в новенькую командирскую форму без знаков различия и ботинки вместо сапог. Пошевелив пальцами ног, проверил, не жмут ли они. Не жали.

Мои размышления прервали странный треск и крики в салоне. Оторвавшись от изучения обуви, с изумлением увидел ровную строчку дырок, которые пересекали борт. Оглушая нас стрельбой, бил куда-то стрелок-радист.

Я осмотрел повреждения, несколько человек попали под эти отверстия и сейчас сползали на пол, пачкая его темной кровью, среди них я заметил и Шкета. Быстро подсчитав убитых и раненых, определил: убитых трое, считая Шкета, и двое раненых, одному из них оторвало руку, и сейчас сосед накладывал ему жгут.

Появилась новая строчка пулевых отверстий, и появились новые раненые и убитые, стрелок-радист повис в своей люльке, удерживаемый ремнями он стал покачиваться вслед за маневрами самолета, который уходил от немецких истребителей из стороны в сторону.

Выглянув в окно, я увидел в стороне, как четверка «мессеров» схлестнулась с нашим прикрытием, от которого осталось два «ишачка», третьего не было видно. Еще одна пара заходила на нас, пилот резко увел в сторону, но это не избавило нас от новых пробоин. К тому же, когда самолет резко лег набок, меня отшвырнуло в сторону и накрыло телами. Когда через некоторое время я смог выбраться, мы уже летели в нормальном режиме, без всяких выкрутасов. Плюхнувшись рядом с фальшмайором, спросил, стараясь перекричать шум ветра, врывавшегося в пробоины, и рев моторов:

— Что, оторвались?

Сидевший рядом на скамье майор открыл глаза и зло ответил:

— Ушли, как же. В клещи они нас взяли, на свой аэродром ведут!

Быстро выглянув в разбитое окно, я признал правоту фальшмайора, увидев всего в сорока метрах немецкий истребитель, который, уравнив скорость с нашим транспортником, летел рядом. Уверен, с другой стороны такой же конвоир.

— Нужно что-то делать! — крикнул я фальшмайору.

Тот, кивнув, ответил:

— Знаю, думаю пока!

— Да что тут думать? Занять место стрелка-радиста, в немца пальнуть, тут камнем докинуть можно, и уйти в сторону со снижением.

— Хорошо, поговори с пилотом, а мы пока снимем стрелка.

Фальшмайор не чурался работать лично. С помощью еще двух бойцов стал освобождать место стрелка. Я же, покачиваясь, двинулся к пилотам.

Посмотрев на убитого пилота, повернулся ко второму, который управлял самолетом, крепко держа штурвал, и, наклонившись к нему, прокричал прямо в ухо:

— Уйти сможем?

Тот молча показал вверх. Присмотревшись, сквозь слезы, которые выбивал ветер,

влетавший в разбитое окно, увидел, что над нами барражируют две пары немецких истребителей. Несколько секунд поразмыслив, я снова склонился к уху летчика и быстро изложил свой план, при этом спросив, где мы находимся.

— Линию фронта пролетели, уже немецкая территория.

— Черт. Ладно, будь наготове.

Вернувшись в салон, я изложил доработанный план, который состоял в том, чтобы шугнуть немца и, уйдя в его сторону, резко сесть на землю. Место стрелка уже занял один из командиров, натянув летные очки, и сейчас осторожно выглядывал, примериваясь. Договорившись, как будем действовать, я вернулся в пилотскую кабину и, похлопав летчика по плечу, сказал, что сейчас начнем.

Выглянув в одно из окон, я увидел дальше по курсу довольно большое озеро в глубине леса. Поэтому, быстро наклонившись к уху летчика, спросил, ткнув в озеро пальцем:

— Там на озере сесть сможешь?

— Да, смогу.

— Хорошо, крикнешь, когда будет пора.

Кивнув, летчик продолжил вести транспортник, который медленно приближался к спасительному озеру. Заметив знак рукой, который подал летчик, я махнул стрелку, внимательно за мной наблюдавшему.

Прогрохотала очередь, и наш транспортник, резко свалившись на правое крыло, пошел вниз. Хорошо, что я держался за скобу, и меня, в отличие от остальных, при жесткой посадке не мотало по салону. Раздался треск и удар о деревья, от которого я со скобой в руке улетел на переборку, которая отделяла пассажирский салон от пилотской кабины. От переборки меня кинуло на пол, и сверху навалился кто-то еще. Крутанувшись, я вылез из-под безвольного тела и, присмотревшись к трупам, понял, что на меня свалилось тело Шкета. Отшвырнув его в сторону, я вскочил и крикнул начавшим шевелиться фигуркам:

— Быстрее на выход! Слышите?! На выход!

Сам же бросился к кабине и сразу остановился. Кабины не было, от удара об дерево ее сплющило и вмяло, посмотрев на тонкую струйку крови, стекающую по искореженному дюралю, только расстроено махнул рукой. После чего подошел к телу старшины и, подобрав с пола ППД, начал снимать ремень с запасным диском и кобурой пистолета, заодно прихватил чей-то сидор. Пока двое парней боролись с дверью, которую заклинило при жесткой посадке, я быстро привел себя в порядок и, накинув ремень автомата на плечо, стал помогать открывать дверь.

С жутким скрипом дверь немного приоткрылась и снова встала, но пролезть было можно. Я первым выпрыгнул на берег озера, в который врезался самолет. В двух метрах плескалась вода, остатки хвоста были в воде. Подав руку, я помог спуститься раненому, фальшмайору и еще двум командирам в звании капитана и старшего лейтенанта, у всех были общевойсковые эмблемы.

Над нами пронеслись быстрые тени, я крикнул, что истребители идут на второй заход, и мы все вместе, придерживая раненого, побежали в глубь леса.

— Как мы так быстро пересекли линию фронта? Да и вообще, расскажите, что было, пока я был в отключке, — задал я волнующий меня вопрос, когда мы удалились от самолета километра на три и сели отдохнуть.

После того как немцы улетели, мы вернулись к самолету, надеясь прибахлится, но

нас ждало разочарование в виде густого дыма и начавшего разгораться транспортника. Махнув рукой и подхватив раненого, который совсем сомлел, мы двинулись в глубь леса. Из оружия на пятерых, считая раненого, у нас были один ППД, три ТТ и два «нагана». Проверив свою кобуру, я обнаружил там револьвер марки «наган» вместо привычного ТТ. Сейчас, сидя в тени деревьев, которые своей широкой листвой защищали нас от палящего солнца, я слушал фальшмайора. При этом разбирая автомат и тщательно его чистя найденной в сидоре тряпочкой.

Пока я прохлаждался под присмотром врачей в Киевском военном госпитале, куда меня доставили со всей возможной скоростью, местные опера НКВД устроили проверку деятельности этого Шкета и за два дня такого накопили, что ему светила вышка. После того, как врачи дали добро на мое перемещение из пункта «А» в пункт «Б», прошло семь дней. Приказ из Москвы гласил: доставить немедленно. Маршрут самолета был проложен недалеко от линии фронта, летели рядом всего минут десять, а в зубы к немцам попасть успели.

— Понятно. Кстати, как там Никаненков и остальные? Нормально прорвались?

Фальшмайор, вздохнув, сказал:

— Никаненков вышел с двумя бойцами. Разрозненные группы выходили еще в течение суток. В общем, недалеко от передовой они напоролась на немцев, начался бой, в который втянулись все наличные танки, а тут им ударили в спину моторизованные части немцев при поддержке танков, началась бойня. Со слов выживших, машины с ранеными давили танками, в общем, прорваться сумели немногие, общим числом где-то человек двадцать!..

На меня тяжелым грузом свалилось это известие. Это же я их отпустил, чтобы под ногами не путались, пока я штурмую лагерь. Немного погоревав о бойцах, я стал слушать дальше.

— ...взяли под колпак, все сведения подтвердились! Правда, двоих взяли, а у остальных ждем, когда выйдут на связь сообщники.

«А, это он о диверсантах, про которых я наболтал Сашке. Понятно».

— Товарищ майор, мы забыли представиться друг другу, — произнес я с улыбкой. Удивленно посмотрев на меня, майор усмехнулся и представился:

— Старший майор Мезенцев Анатолий Михайлович. Представитель Ставки.

— О как. Ну а я капитан Михайлов. Он же старший лейтенант Солнцев...

— ...он же попаданец из будущего. Генерал Романов вышел из окружения, смог пробиться.

— Понятно. Эпопея с захватом немецкого генерала, я так думаю, вам тоже известна?

— Нам известно практически все!

Отойдя от отдыхающих подальше, мы разговорились. Мезенцева интересовало все, что я помнил и знаю, но разговор довольно быстро прервался. Минут через двадцать к нам подошел капитан и хмуро сказал:

— Корольков умер... Уходить надо, как бы немцы не нагрянули.

Мы быстро собрались, завалили тело умершего листвой и, забрав документы, направились дальше. Через три часа я уловил запах дыма и, приняв хавшись, уверенно направился в ту сторону.

Через полчаса мы осторожно вышли на опушку леса. Осмотрев в бинокль, забранный у капитана, небольшой хутор, я озадаченно нахмурился.

— Там немцы, — сказал я, опустив бинокль, и, передав его Мезенцеву, добавил: — Но

немного.

— Почему ты так решил?

— Вон за сараем торчит мотоциклетное колесо, даже отсюда виден номер на крыле. Да и часовых не видно, только один у колодца.

— Где? А, вижу.

После некоторого осмотра хутора майор объявил:

— Обходим и идем дальше.

— Товарищ старший майор, вон же транспорт есть, чего пехом-то шлепать? Заберем — и дальше поедem как белые люди.

— Опасно, рисковать я не буду.

И ведь действительно не дал, несмотря на все мои просьбы. Даже не послушал обещание, что я один там справлюсь. Не пустил, так мы и пошли дальше пешком.

Отмахиваясь от паутины, которая так и старалась попасть на лицо, я шел вторым после старшего лейтенанта по фамилии Санычев. Капитан оказался татаринoм, земляк, с фамилией Сафиуллин, хотя по лицу русак русаком.

— Хальт!

От неожиданности я присел, это меня и спасло, очередь прошла над головой, скосив Санычева и Мезенцева. Дав в ответ длинную очередь патронов на двадцать, я ломанулся в сторону. Капитан бежал за мной, стреляя на ходу из ТТ.

Отбежали мы недалеко, заметив рядом старое поваленное дерево, перепрыгнули через него и затаились. Капитан торопливо менял магазин, а я, стараясь унять бешеный стук сердца, сделал пару глубоких вдохов-выдохов — все-таки семь дней в больничной койке не остались без последствий, мне было тяжело. Прикрываясь стволом, я по-пластунски заполз в яму от упавшего дерева и, выглянув, осмотрелся, меня же прикрывали торчащие корневища.

То, что я увидел метрах в двадцати от нас в просвете между деревьями, мне показалось лысой головой, и как только она зашевелилась, понял, что ошибся, приняв жо...у за голову. В поле зрения были также лежащие Мезенцев с Санычевым. Посмотрев на немца, который, похоже, сел с бумажкой поразмышлять о былом, правда, при этом не забыв прихватить автомат, я прицелился и дал очередь в три патрона. Сразу же раздался громкий вопль боли. Немец схватился за остатки задницы, которую разворотили мощные тэтэшные пули, и стал кататься по земле. Второй очередью я прервал его мучения и, резко развернувшись, полоснул очередью по двум немцам, вывалившим из-за кустарника, после чего дал длинную очередь по кустам, в которых еще кто-то шебуршился.

Вдалеке началась стрельба, в которой ведущее слово взяли в основном немецкие карабины, автоматов практически не было слышно. До нас доносились крики, причем в основном на русском с редкими вкраплениями немецкого. Мы с капитаном озадаченно переглянулись, я недоуменно пожал плечами в ответ на его вопросительно приподнятую бровь и снова прислушался.

Вдруг раздался треск сучьев под чьими-то ногами, сюда кто-то бежал, причем хрипло дыша. Перезарядившись, я взял на прицел то место, где слышался шум, и приготовился. Между деревьями замелькала бегущая фигура в такой знакомой и родной советской форме красноармейца. Шум приближался, теперь вместо одного бойца мимо нас стали пробегать одиночки и группы бойцов, и их вид дал мне понять, что тут происходит.

Повернувшись к капитану, лежащему в двух метрах от меня и стерегущему тыл, сказал с

сомнением:

— Похоже на побег пленных. Наверное, этот засранец из охраны военнопленных, и не из последних, раз имеет автомат. Мы на него наткнулись, и вот результат.

Мое внимание привлекла группа бойцов, бегущих компактной группой, у одного из них был немецкий карабин. Пристально разглядывая группу, я с сомнением произнес:

— Старшина?

— Что? Какой старшина? — так же тихо спросил меня капитан, но я уже крикнул:

— Старшина! Егоров, ко мне! — и, встав на ноги, махнул рукой, привлекая к себе внимание, за что тут же чуть не поплатился жизнью.

Хлестко ударил выстрел, и один из корней отлетел в сторону в брызгах щепок. Быстро присев, я полоснул из автомата по немцу, торопливо передергивающему затвор карабина метрах в сорока от нас. Не попал, прыткий Ганс успел спрятаться за дерево и через секунду вывалился из-за него, борясь с одним из наших бойцов, к которому быстро пришла помощь.

Повернувшись к старшине, подбегающему в окружении красноармейцев, в которых я узнал своих бойцов, услышал от него:

— Товарищ капитан, это вы? Но как вы...

— Старшина, все потом! Там два наших погибших командира лежат, заберите оружие, документы, особенно портфель. Ясно? И вот там подстреленный немец, засранец с автоматом. Быстро-быстро, не задерживаемся, нужно уходить.

«Эх, жаль двух убитых немцев уже обобрали другие пленные», — подумал я.

Бойцы мгновенно разбежались и скоро вернулись назад. Я махнул рукой, чтобы следовали за мной, и мы компактной группой углубились в лес.

Передвигаясь за головной группой из двух бойцов, вооруженных одним карабином, мы со старшиной беседовали. В основном рассказывал старшина, а я его внимательно слушал.

— ...и когда мы приблизились к фронту, передовой дозор наткнулся на немцев, их там много шныряло, но нам пока везло, не попадались. По команде майора Даниличева танки Садкова атаковали немцев и сшибли их с дороги. Нам был приказ двигаться по параллельной дороге, впереди шел взвод Серова, они же первыми и напоролась на немецких танкистов на отдыхе. Немцы бой услышали и успели сесть в танки. Сперва танк Гордеева сожгли, а потом и остальных. Серов на горящей машине таранил немецкий танк и взорвался вместе с ним, это дало нам время, которое в итоге не помогло. Мы успели развернуться и поехать обратно, но на следующей развилке снова немцы. Дальше плохо помню, контузило меня, обрывками все. Помню горящие грузовики и разъезжающиеся по полю машины с ранеными, и как их давили немецкие пантеры, и бегущих по полю наших бойцов, и как они падали под пулеметами, и как сдавались...

Слушая Егорова, я как наяву видел горящие машины, убитых и раненых на полевой дороге. Как бойцы начали поднимать руки, сдаваясь солдатам в форме мышиного цвета, как злые немцы били их за большие потери, которые они понесли от танкистов.

— ...и нас разделили, больше я Беляеву не видел, — привлек мое внимание голос старшины.

— Подожди-ка, я прослушал. Беляева что, тоже в плену?!

— Ну да, километрах в тридцати отсюда, в промежуточном лагере. У женщин там своя казарма, она отделена от нас колючей проволокой. Немцы этот барак частенько навещают, су...и.

— Всем внимание, отдых. Еремин, выстави часовых! — скомандовал я сержанту-

крепьшу из моих бойцов.

Козырнув, тот побежал выполнять приказ. Я же прихватил Егорова за локоть и в сопровождении капитана, который теперь охранял портфель, отошел в сторону.

— Давай, старшина, рассказывай про этот лагерь, — приказал я.

— Вы что, капитан, собираетесь освободить его?! — изумился Сафиуллин, мгновенно поняв, зачем я интересуюсь.

Посмотрев на него, я сказал со сталью в голосе:

— Беляева мой боец, а своих я не бросаю. Понял, капитан?

— А остальные пленные в лагере к вашим относятся?

— Относятся, но не как МОИ бойцы! — После чего, повернувшись к старшине приказал: — Начинай, старшина!

Поправив ремень с кобурой, ранее принадлежащий погибшему Мезенцеву, Егоров начал рассказ.

«Кисло. Судя по рассказу старшины, отбить Беляеву будет трудно, тем более остальных. Освободить только одну Свету не получится, бойцы не поймут!» — лежа на спине и покусывая травинку, размышлял я.

— Товарищ капитан, идут, — негромко окрикнул сидящий недалеко от меня Егоров.

Встав, я осмотрелся. Наш лагерь стал довольно большим, кроме группы старшины, через несколько минут ко мне прибился еще десяток бойцов. За пару часов блужданий по лесу мы собрали еще три десятка бойцов, причем семеро из них были окруженцами с оружием. Как раз их командир в звании старшего сержанта, в это время дежурный по лагерю, возвращался с двумя красноармейцами, в них я узнал бойцов, которых сам инструктировал и отправил на восток.

— Товарищ капитан, группа разведчиков под командованием красноармейца Свиридова вернулась с задания! — откозырял мне старший сержант Волков.

Командир он хороший, нечего сказать, но уж больно уставник. Откозыряв в ответ, приказал:

— Докладывайте, — и показал рукой, чтобы они присели.

Судя по виду, бойцы заметно устали, да и кормежка в лагере не дает оставаться в силе, поэтому и выглядят мои бойцы как после длительного голодания. Волков в ответ на мой жест заметно поморщился, но после того как я его отпустил, удалился проверять посты.

— Я слушаю. Можно не по уставу, своими словами, — разрешил я, посмотрев, как мнутца бойцы.

— Хорошо, товарищ капитан. Мы с красноармейцем Никулиным, после того как удалились от нашей стоянки, взяли путь на восток, через три километра обнаружили... — Слушая рассказ Свиридова, понял, что это не то. Этот путь мне не подходит.

Хорошую новость принесла третья вернувшаяся разведгруппа. Дорога. Малоезженная дорога — то, что мне было нужно. Воспользуемся опытом немецких диверсантов, которые за день до начала войны под видом советских патрулей останавливали машины и, уничтожив водителей и сопровождающих, забирали машины и форму с оружием. Это очень помогло остальным диверсантам, сделав их мобильными и незаметными на фоне отступающих войск.

Быстро собравшись, хотя нищему только подпоясаться, велел построиться.

Проходя мимо красноармейцев, я считал вооруженных бойцов.

«М-да, четырнадцать вооруженных на сорок три человека. Хорошо хоть есть пулемет у

бойцов Волкова, правда, с одним диском, но есть», — размышлял я.

Поправив кобуру с «наганом», я отдал свой ППД одному из бойцов, который до плена тоже был автоматчиком, и сказал:

— В семи километрах от нас находится дорога, обнаруженная разведкой. Наша задача оседлать ее и организовать захват транспорта и оружия противника для последующего задания. Всем все ясно? Тогда в путь. Волков, команду!

Егорова я, как и в прошлый раз, поставил по хозяйности, отдав под его командование семерых пожилых бойцов, которые у нас находились.

— Товарищ капитан, звук мотора слышно.

Выплюнув уже надоевшую травинку, я повернулся на живот и посмотрел в просвет, где была видна дорога. Пока никого не было, но я терпеливо ждал.

Вдруг из-за поворота дороги выбежала пара бойцов и, сделав определенный знак, метнулась и исчезла в зарослях невысоких кустов, растущих возле обочины.

— Приготовились, едут две машины и мотоцикл! Если машины с солдатами, то пропускаем. Если их мало, то огонь на поражение по солдатам, по машинам не стрелять!

Сбоку защелкали затворы винтовок, карабинов и курки пистолетов. Взведя курок на «нагане», я приготовился.

Вот показался передовой грузовик, за ним второй. Мотоцикл следовал почему-то последним. Проследив за кабиной и кузовами, крикнул:

— Огонь!

Судя по тому, что в кузове было только по паре немецких солдат в сопровождении, они или зачем-то ехали, или что-то везли. Посмотрим что.

Стрелять с расстояния в сорок пять метров из револьвера я посчитал опрометчивым и, прикрываясь деревьями, стал приближаться к вставшим грузовикам.

Тщательно прицелился и выстрелил в ногу одного из немцев, успевшего выскочить из кузова и спрятаться за грузовиком. От попадания пули немец подскочил, и его голова показалась над капотом, дав мне уйму времени прицелиться и спустить курок. Пулеметчик в коляске был убит одним из первых выстрелов, поэтому бойцы перебежками приближались к машинам, стреляя на ходу. Доснарядив патронами барабан, я резко выбежал на дорогу и, забежав за машину, стал расстреливать оставшихся в живых немцев. Только два из них могли оказать мне сопротивление, поэтому их я застрелил первыми, остальные же были тяжело ранены и опасности не представляли, но я на всякий случай добил и их. Подбежавшим бойцам велел собрать оружие и раздать его безоружным, которые терпеливо ждали нас неподалеку.

Нашими трофеями стали грузовик и мотоцикл, у одной машины было неудачное попадание в двигатель, и он вышел из строя. Велев отбуксировать поврежденный грузовик подальше в лес и замаскировать, стал подсчитывать трофеи и потери. К сожалению, был убит один из бойцов. Мы захватили один пулемет с боезапасом, один автомат, принадлежащий унтеру, девять карабинов и четырнадцать гранат, в самих машинах было пусто, только в одной завалился под лавкой цинк патронов к карабинам. К сожалению, продовольствия, кроме солдатских пайков, не было, но хоть это.

— Машину и мотоцикл отогнать и оставить неподалеку. Выставить около них охрану, остальным ждать следующих немцев! — скомандовал я Волкову, глядя, как недавно безоружные бойцы примеривают на себя трофейную амуницию.

К вечеру у нас скопилось три грузовика, два мотоцикла, легковушка и немецкая форма. Оружия хватало на всех, был даже запас.

Самым ценным, как я считал, был захват легкового «Опеля» с капитаном СС внутри, ехавшего в сопровождении всего одного мотоцикла.

Форма мне пришлась впору, хотя были видны пулевые дырки в спине.

«Вот гад, не мог просто сдаться, так нет, ему приспичило отстреливаться, а у меня теперь его форма с дырками», — мысленно ворчал я, оглаживая складки.

Старшина, уже одетый в форму фельдфебеля, стоял рядом, держа в руках немецкий карабин.

— Уходить надо, товарищ капитан, как бы немцы не прочухали, где пропадают их машины.

— Да, старшина, пора. Командуй посадку на машины как договорились, — ответил я ему, поправляя нарукавный знак со свастикой, после чего подошел к легковушке и, сев на заднее сиденье, скомандовал бойцу в форме рядового Вермахта: — Поехали, следуй за мотоциклами.

Состав движения колонны я определил так: впереди, в головном дозоре следуют два мотоцикла с пулеметами, потом моя легковушка и грузовики с бойцами. На последнем грузовике пулемет установили таким образом, чтобы он мог отсечь огнем, если нас будут преследовать сзади.

Двигались мы медленно, в основном из-за плохой дороги. Жуя на ходу галеты и запивая их кофе из фляжки офицера, я размышлял о дальнейшем.

— Слушай, Рамиль, как ты думаешь, как отреагирует охрана лагеря, если мы вот так спокойно подъедем к воротам? — спросил я у сопровождающего, передавая ему флягу.

Капитан Сафиуллин, сидящий на переднем сиденье и изображавший моего ординарца в такой же форме СС, только рядового, придерживая портфель Мезенцева, с которым не расставался, отхлебнул кофе и с недоумением ответил:

— Не знаю, подъедем, там видно будет.

— Рамиль, ты же татарин, откуда в тебе это русское авось, а?

— От вас и набрался. За службу я с кем только не общался, так что прилипло.

— Понятно. О, вот и опушка.

Мы выехали из леса и, прибавив скорость, двинулись дальше, оставляя за собой столб пыли, заметный издалека.

— Вот, товарищ капитан, развилка, после нее еще километров шесть — и будет лагерь, — встрепенулся водитель, поворачивая на развилке вправо.

— Понятно, готовимся.

Отстегнув магазин на автомате, я проверил патроны и, защелкнув его обратно, взвел затвор. После чего положил МП на колени и стал ждать.

— Вот и лагерь, — смурным голосом произнес водитель. Видимо, вспомнил, как попал сюда.

— Давай к воротам.

— Понял.

Последний грузовик, как и договаривались, несколько раз дернувшись, заглох, не доехав до ворот метров двести. Оттуда открывался прекрасный вид на три вышки, которые уже брали на прицел через дыры в прорезанном тенте сидевшие в кузове бойцы.

— Начинаем, — приказал я.

Капитан Сафиуллин, выскочив из машины и услужливо согнувшись, открыл мою дверь, придерживая локтем свой МП. Я вылез из машины, щелчком сбил несуществующую пылинку со своего черного рукава и, не обращая внимания на вставшего за моей спиной Рамиля, неспешной походкой направился к воротам, у которых стоял старший поста в звании унтера.

— Герр гауптштурмфюрер, начальник лагеря сейчас подойдет. Пожалуйста, проходите.

«Ни фиги себе, он даже документы у меня не проверил!» — ошарашенно подумал я, делая невозмутимое лицо.

Пройдя через открытую калитку на территорию лагеря, я осмотрелся.

«Да, Егоров был прав, это скотный двор с хозпостройками и коровниками, которые превратили в бараки. А вот и начальник лагеря бежит».

— Герр гауптштурмфюрер, добрый день. Что вас привело к нам, очередная проверка?

Как ни странно, но моей формы и меня он явно не опасался и вел себя как со своим знакомым офицером, хотя и был в звании майора.

— Да, проверка. Вы знаете о побеге военнопленных, случившемся сегодня?

— Да, конечно, герр гауптштурмфюрер. Эти свиньи убили семерых наших солдат, сопровождающих их до железнодорожной станции. Сейчас их ищет охранный батальон майора Вилке.

— Вот поэтому я и приехал с инспекцией и с дополнительными солдатами для усиления охраны. Постройте всех свободных солдат, майор.

Майор дал несколько команд стоящему рядом офицеру в звании обер-лейтенанта и предложил пройтись по лагерю в виде экскурсии, пока солдаты приводят себя в порядок и строятся. Но мне это было не нужно. Рамиль, стоящий сзади вплотную, закрывал своим телом дыры в форме, и мне бы не хотелось, чтобы их заметили, последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

— Нет, я дождусь ваших солдат, — отрицательно покачал я головой.

Солдаты, кстати, уже бежали к нам. Дождавшись, когда они встанут в строй по две шеренги, крикнул во все легкие:

— Огонь! — после чего мы с Рамилем упали на землю, закрыв головы руками.

В это мгновение над нами свистели пули, и было слышно, как оглушающе били пулеметы на мотоциклах и грузовиках. Приподняв голову, я осмотрелся. От полутора сотен немцев осталось едва ли человек тридцать, метавшихся под непрерывной стрельбой по двору. С вышками было все кончено, сразу определил я из-за отсутствия пулеметного огня по нам и не видя часовых. Взяв автомат на изготовку, открыл огонь по остаткам мечущихся по плацу немцев, присоединяясь к Рамилю, вставляющему уже второй магазин.

Дав очередь по двум улепетывающим немцам, я свалил обоих — и стрелять стало не по кому.

— Досмотровая группа, вперед! — опять заорал я, прогоняя звон в ушах.

Под прикрытием пулеметов два десятка бойцов стали врывать через ворота во двор. Подождав, пока они закончат с этим неприятным делом и добьют всех раненых, я встал и вслед за ними направился к казармам немцев и к зданию администрации.

— Смотри, Рамиль, каким барином был местный начальник, — развел я рукой по обстановке кабинета.

— Сейчас не об этом нужно думать, а взять архив, там наверняка указаны все

предатели, работающие на немцев.

— Ну в этом ты специалист, а не я. Так что работай. Я тебе в охрану дам пять бойцов, хватит?

— Хватит, и еще грузовик под архив не забудь.

— Ну ты хомяк.

— Какой есть, все, не мешай!

Хмыкнув, я вышел из здания администрации и направился к баракам, около которых скопились мои бойцы. Грузовики в это время въезжали на территорию лагеря.

— Волков, почему пленные заперты в бараках, не выяснили?

— Да, товарищ капитан, выяснили. Их после побега вообще не выпускают.

— Ясно. Ведите меня к женскому барaku.

— А эти?

— Пока не интересуют, пусть посидят.

В ближайшем бараке, услышав меня, заорали и стали долбить в дверь, на что я громко сказал:

— Сейчас архив проверяется на сотрудничество пленных с немцами. Так что выйти хотят в основном они, и если не перестанете, я отдам приказ на открытие огня. Волков, командуй тут, а я с Егоровым до баб прогуляюсь. И запомни, никого не выпускать, это приказ. Понял?

— Да, товарищ капитан! — ответил Волков, каменея лицом, и, повернувшись к бойцам, стал отдавать приказы на охрану барakov. На вышках уже маячили наши пулеметчики, проверяя оружие.

— Ну что, старшина, пошли освобождать нашу красавицу? — повернулся я к подошедшему Егорову.

Девичье тело содрогалось в моих объятиях. Осторожно прижимая Беляеву к себе, я нежно гладил ее по спине и бормотал успокоительные слова. Гимнастерка стремительно намокала на груди. Скривившись, я обвел бешеным взглядом окружающее пространство. Они посмели тронуть моего человека! Черная злоба просто переполняла меня. Рыдания стали тише и глуше; отступив от меня, Беляева отвернулась в сторону, чтобы я не видел ее опухших глаз.

— Все в порядке?

— Да, товарищ капитан, все хорошо, — с трудом улыбнулась наш медик.

С сомнением посмотрев на нее, я перевел взгляд на других узниц.

«М-да, кажется, немцы реально использовали пленниц как работниц бесплатного борделя. Судя по состоянию Светы, и ее не обошла эта участь. Вот черт!»

— Старшина, что там с пленными? — Девушки немедленно оживились, услышав о пленных немцах.

Одна из них, которая была просто королевой среди придворных, сделала ко мне пару плавных шагов и вкрадчивым голосом спросила:

— Товарищ капитан, а у вас что, пленные немцы есть?

Я сразу понял, как снять стресс с этих женщин и девушек.

— Да, есть, и они ваши, если хотите, но только после того, как мы их допросим.

И совершил ошибку, махнув рукой в сторону, где Рамиль допрашивал немцев.

— Девки, за мной! — тут же взвизгнув, рванула девица в указанную сторону. Беляева

одна осталась рядом со мной.

— Уж лучше их, чем нас. Мне так как-то поспокойней, — ответил я на удивленный взгляд старшины. Кивком он согласился со мной и спросил:

— А с остальными пленными что делать? Выпускать?

— Сейчас у капитана Сафиуллина спросим, закончил он или нет, да и валить отсюда пора, и так тут уже полчаса глаза мозолим. Ты вот что, старшина, проверь автопарк и найди водителей.

— Так я уже осмотрел машины, товарищ капитан. Там два немецких грузовика и три наших полуторки, одна не на ходу, движка нет. А вот насчет водителя — не знаю, вроде водителей больше нет.

— Старшина, у нас целый лагерь военнопленных, уж среди них-то будут водители. Тем более там в основном тыловики, реально повоевавших наверняка немного.

Разговаривая, мы шли в сторону шумевшей толпы женщин. Молчавшая до этого Беляева вдруг заговорила:

— А я ведь им говорила, что вы придете и спасете нас, говорила, а они не верили, смеялись.

Приобняв ее, я медленно шел к зданию администрации. Неподалеку стоял Рамиль и смотрел бумаги, изредка поднимая голову и бросая взгляды на женщин. Рядом топтались бойцы. Видно, он тоже понял, что остановить взбешенных женщин не удастся, и просто отошел в сторону от пятерых захваченных немцев. Я посмотрел на то, что когда-то было немецкими солдатами, а сейчас стало просто кусками мяса.

«М-да, взбешенная женщина — это страшная сила».

— Рамиль, как успехи? Пора уходить, а у нас пленные до сих пор закрыты, есть хоть какие-нибудь подвижки?

— Все-все, заканчиваю, сейчас иду, давай к первому барaku, там встретимся.

— Хорошо! — Повернувшись к старшине, сказал: — Принимай под командование все юбочное войско и готовь к погрузке на транспорт. Трех машин вам хватит?

Окинув женщин взглядом, он утвердительно кивнул и, откозыряв, пошел к женщинам, на ходу раздавая приказы командным голосом.

— Свет, иди тоже с ним, я скоро подойду, — обратился я к Беляевой. Провожая взглядом ее покачивающуюся фигуру, только покачал головой: «Ну немцы, ну су...и. Еще повстречаетесь вы мне».

Вздыхнув, я повернулся и быстрым шагом направился к баракам.

— Волков, приготовиться, сейчас будем отфильтровывать наших от не наших... А вон уже и капитан Сафиуллин идет.

— И раз, и раз! — слышал я сквозь ревуций на полных оборотах двигатель. Показав, где рубить ветки и как укладывать их в настил, побежал к застрявшей машине.

— Ну что тут, Скрябин? — обратился я к старшине-артиллеристу из вновь освобожденных. Его по рекомендациям бойцов назначил командиром взвода, сформированного из бывших пленнх. К моему удивлению, их набралось едва ли четыреста человек, хотя баракы могли вместить в три раза больше, но потом я вспомнил про побег Егорова и понял, что уже не одна колонна ушла оттуда.

— Хорошо, продолжайте!

Отойдя в сторону, я осмотрелся.

«Да уж, загнали нас немцы. Прямо в болото, ладно хоть авиации нет, где-то в другом месте она крутится, а то было бы еще хуже, чем сейчас. И как только этот охранный батальон на нас вышел? И ведь главное — в полном составе!»

Мысленно покачав головой, я подумал, что если бы мы не успели уйти из лагеря, предварительно разбив пленных по подразделениям и вооружив их, то нам бы было совсем кисло.

Два взвода из вновь сформированных, которые были вооружены полностью, остались прикрывать нас на опушке, и стрельба там слышна до сих пор. Хотя уже заметно стала стихать. Похоже, то, что мы отдали им все гранаты и патроны, оставив себе по минимуму, изрядно им помогло, раз они продержались так долго. Погладив планшет, где в блокноте были записаны фамилии всех, кто нас прикрывал, я вновь прислушался.

«Видно, все... кончились наши. И то молодцы, держали их почти час».

— Товарищ капитан, все, гать проложена, разведка докладывает, что тот берег пуст, можно начать движение, — отрапортовал мне грязный как черт Волков.

— Тогда двигаемся, и отправьте гонца к заслону. Можно отходить. Может, хоть кто-то уцелел? — вздохнул я, прислушиваясь к смолкшей стрельбе.

Я стоял и провожал последних бойцов, уходивших на тот берег, рядом топтался боец, назначенный Егоровым моим ординарцем.

— Ну все, я на тот берег, поторопись за нами, — отвлек меня подошедший Рамиль. Ординарец мой был из недавно освобожденных и машинально шарахнулся в сторону от капитана. Видно, грубая зачистка лагеря от предателей и агентов среди пленных произвела на бойца большое впечатление. Хотя лично Рамиль не убил ни одного, за него это делали бойцы, когда он объявил, кто это. Так что мы оставили в лагере около двух десятков тел, где заколотых штыками взбешенными бойцами, где просто расстрелянных.

— Хорошо, я следом за вами, — кивнул я и всмотрелся в пролесок, среди которого появились человеческие фигурки.

— Вроде идут? — пробормотал я и стал отстегивать клапан на чехле с биноклем. Рядом со мной присел, скрываясь за кустами, Рамиль и махнул руками, чтобы приданные ему бойцы следовали дальше, не дожидаясь его.

Отодвинув ветку в сторону, я чуть привстал с колен и всмотрелся в приближающихся бойцов, которых отличная оптика ощутимо приблизила ко мне.

Это были остатки заслона, впереди шел мой гонец и, придерживая одного из раненых бойцов, направлялся к нам. За ним следовали еще шестеро, и каждый из них или нес раненого, или помогал идти. Вдруг гонец остановился и с отчаянием всмотрелся в пустой берег болота. наших он не видел из-за деревьев, закрывающих гать, поэтому решил, что мы все ушли.

— Наши, нужно им помочь, вперед, — скомандовал я бойцу и, повернувшись к Рамилю, добавил: — Ты сиди здесь, прикрывай нас на всякий случай.

Я указал на его МП и последовал за бойцом, который уже преодолел половину расстояния.

— Товарищ капитан, ваше задание выполнено, враг был задержан на час, — отрапортовал мне один из раненых, в котором я узнал старшину Власова, до плена командовавшего разведвзводом.

Самое плохое, в обоих взводах, что я оставил в заслоне, были самые опытные из

пленных — те, кто действительно успел повоевать, и сейчас все, на что я мог рассчитывать, это на сорок человек из всей толпы бывших пленных, большинство которых тыловики.

— Молодцы, бойцы. Выйдем к своим, я вас к наградам представлю, — приободрил я их, после чего помог дойти до гати и велел следовать дальше, а сам остался дожидаться двух бойцов, которые шли в прикрытии.

Через несколько минут показались и они. Увидев среди деревьев бегущих вместе бойцов, я привстал и махнул рукой, показывая, куда следовать.

— За мной бегом! — скомандовал я, и мы побежали по гати на тот берег.

На том берегу нас дожидались несколько фигур.

— Все, Ефремов, давай! — приказал я, как только достиг берега.

Сержант Ефремов был из саперов и всю использовал тот небольшой запас тола, что мы захватили в одной из немецких машин.

Ряд небольших гейзеров пробежал от нас к тому берегу, полностью уничтожив с таким трудом проложенную гать.

— Все, уходим!

— О, разведка идет, — кивнул на подходящих бойцов Рамиль. Подошедший красноармеец, бросив взгляд на портфель, с которым Рамиль практически не расставался, доложил:

— Товарищ капитан, разре...

— Докладывай и побыстрее, — прервал я его, нетерпеливо постукивая карандашом по расстеленной на капоте полуторки карте.

— Немцев в деревне мы не обнаружили, как и местных жителей. Пустая деревня.

— Странно, здесь ведь глубинка, почему нет местных? Немцы-то ладно, но местные?

— Не могу знать, товарищ капитан, но мы там все осмотрели, такое впечатление, как будто деревенские ушли перед нашим приходом.

Я задумался.

«Про что-то похожее я как-то читал. Может, и здесь также? Проверим!»

— Волкова ко мне!

Подбежавшего через минуту сержанта я напряг на выполнение ответственного задания и, кряхтя, стал взбираться на дерево, с которого открывался отличный вид на деревню, приказав остальным при этом занять круговую оборону. Назначенные на должности командиров сержанты и красноармейцы тихо, стараясь не шуметь, стали распределять бойцов по позициям.

«Эх, жаль, что оружия мало, где-то получается одна винтовка на четверых!» — подумал я, наблюдая за стоянкой внизу.

Около машин, где находились раненые, я заметил Беляеву, бодро отдававшую приказы девушкам-подчиненным.

— О, наши появились, — отвлек меня Рамиль, взобравшийся на соседнюю ветку.

Поднеся бинокль к глазам, я стал пристально наблюдать, и в меньшей степени за бойцами, чем за деревней. Как только из-за новенького банного сруба выглянула чья-то голова, мне все стало ясно.

— Рамиль, это деревня-ловушка для ловли таких вот окруженцев, которыми притворяются бойцы Волкова.

— Что будем делать? — спросил он, не отрываясь от окуляров.

— Да пока ничего. Волков — командир тертый, тем более я рассказал ему о своих подозрениях, так что его врасплох не возьмешь. Подождем пока.

— О, я, кажется, понял, как они действуют! — воскликнул Рамиль, продолжая наблюдать за деревней.

— Как?

— Да все просто! Как только их наблюдатели замечают отряд окруженцев, они уводят деревенских, а сами прячутся в тайниках, после чего берут их голыми руками, пока они обыскивают избы.

— Как понял? Тайники засек?

— Да, вон у того сеновала земля, покрытая соломой, пошевелилась, видно, крышку схрона приподнимали. И во-он у того пятистенка было то же самое.

— Понятно... Ладно, ты наблюдай, а я соберу всех боеспособных и окружу эту деревню, тебе оставлю трех бойцов, используй их как вестовых.

— Хорошо. Мне вот только непонятно, почему они не взяли нашу разведку?

— Вот и выясним, — ответил я и начал спускаться вниз.

Собрав командиров отделений, поставил задачу по окружению деревни и помощи нашим. Четыре сержанта, внимательно выслушав меня, разбежались по своим подразделениям, я же пошел за младшим сержантом Ковалевым, который со своими бойцами занимал позиции около дороги, ведущей в деревню.

Мы едва успели занять позиции, как в деревне началась стрельба и послышались разрывы гранат.

— Весело там у них, — сказал Ковалев и, придерживая карабин, положил рядом с собой гранату. Из-за малочисленности оружия я оставил в лагере только четыре карабина у часовых. Еще было несколько пистолетов у командиров, вот и все, чем они располагали.

— Приготовиться! — скомандовал я и, вытащив из кобуры парабеллум, на который я сразу сменил «наган», приготовил его к стрельбе.

— Пошли! Всем внимание, бандиты могли выставить охранение!

Но, к моему удивлению, никакого охранения не было. Прокравшись вдоль плетня, мы стали перелезать через него и попали во двор чьей-то хаты.

— Ковалев, у тебя кто хорошо стреляет?

— Не знаю, товарищ капитан, я своих бойцов мало знаю, но красноармеец Слепцов говорил, что он Ворошиловский стрелок.

— Хорошо, пусть твой стрелок залезет на сеновал и через дверцу нас прикроет. — Благо сеновал был высокий, и дверца выходила на улицу.

Не дожидаясь, пока снайпер займет свою позицию, мы двинулись дальше. Сам понимаю, что мой штурм дилетантство, но никто этому меня и не учил, так что как выйдет, так выйдет.

Выглянув из-за угла следующего дома, я увидел полицаев. Плохо было то, что они оказались рассредоточены, и скоротечного боя не получилось бы.

Внимательно осмотревшись, я спрятался обратно, дав доступ к углу Ковалеву, и пока он рассматривал позиции полицаев, усиленно думал.

«Так, атакой тут не решить, тем более, судя по всему, полицаев не меньше, чем нас. Выход только один — занять позиции для стрельбы и начать бой на уничтожение с непредсказуемым результатом, но есть одно НО. Остальные три отделения не извещены о

моем решении, и послать гонца не представляется возможным. Вывод? Только один, атаковать!»

— Приготовиться! — скомандовал я и, вынув из ремня немецкую гранату-колотушку, отвинтил колпачок.

— Значит так, выбегаем, кидаем гранаты, переживаем разрывы и атакуем. Как работать прикладами в рукопашной, еще не забыли? Советую вспомнить.

Если с оружием у нас были некоторые проблемы, то вот с гранатами нет, на каждого вооруженного бойца было по две колотушки, благо один из захваченных грузовиков вез именно их.

— Ну бойцы... — Я медленно обвел их глазами и скомандовал: — Начали!

Выскочили мы из-за угла целой толпой, и если бы полицаи ждали нас, то дело кончилось бы плохо, однако на тыл они не обращали внимания, азартно паля по дому, где укрылся Волков со своими бойцами, что упростило нам работу.

Упав на землю, я переждал разрывы и, вскочив, махнул рукой вперед, вопя:

— В атаку! За Сталина! За Родину! Вперед!

Бойцы повскакали с ревом, в котором с трудом можно узнать русское УРА — от него даже меня бросило в дрожь, — и побежали вперед, стреляя на ходу по противнику. По всей деревне резко началась усиленная стрельба, перемешанная с разрывами гранат.

Бойцы добивали последних полицаев, не обращая внимания на то, что некоторые из них поднимали руки вверх, сдаваясь.

Вдруг из-за большого дома, в котором ранее явно был сельсовет, выскочила группа из двух десятков полицаев и рванула в нашу сторону, лишь некоторые из них отстреливались. Остальные только бежали, многие бросили оружие, чтобы было легче бежать.

— Занять позиции! — орал уже Ковалев, но бойцов осталось мало. Шестеро красноармейцев лежали там, где их застали пули врага, и только одного из них перевязывали, остальным не повезло.

Подхватив карабин одного из погибших бойцов, я лег у колодезного сруба и, прицелившись, нажал на спуск. Мордатый мужик в ермолке споткнулся и покатился по земле, рядом звонко били карабины бойцов. Вдруг из-за того же здания сельсовета выскочила целая толпа красноармейцев, на первый взгляд — не меньше тридцати, и, остановившись, стала целиться, повинуюсь командам невысокого командира.

— Укрыться! — тут же крикнул я, откатившись за сруб колодца, так как мы тоже были на этой линии стрельбы.

Раздался залп, и несколько пуль глухо впились в верхний венец. Дождавшись второго залпа, я осторожно выглянул, стоящих на ногах полицаев не увидел, поэтому, осторожно встав, помахал приближающимся красноармейцам. Глядя, как подходившие к раненым и убитым полицаям бойцы ведут себя, подумал: «Опытные, однако. Сразу видно, не первый раз в такой ситуации!»

Когда было собрано все оружие, я приказал продолжающим лежать на позициях бойцам подниматься и спокойно пошел к приближающемуся ко мне командиру в звании старшего лейтенанта.

— Старший лейтенант Карапузов, командир батальона сто седьмого полка! — представился он, глядя на меня снизу вверх.

Так же бросив руку к фуражке, представился и я:

— Командир танкового батальона, капитан Михайлов.

Мы довольно быстро разговорились.

Оказывается, полк с остатками штаба дивизии выходил из окружения, когда дозор наткнулся на наш лагерь, из которого мы вышли всего пять минут назад. Переговорив со старшиной Егоровым, — я оставил его в лагере старшим — они быстро собрали боевую группу и отправили ее нам на помощь, к тому же продолжавший сидеть на дереве Рамиль уже подсчитал примерное количество полицаев.

— Как только ваш капитан слез с дерева и показал свое удостоверение нашим особистам, те перед ним буквально на цыпочках стали ходить, — продолжил рассказывать Карапузов, наблюдая, как его бойцы зачищают деревню.

Ко мне быстрым шагом шел Волков. Подойдя, доложил, что он со своими бойцами взял в плен старшего полицаю.

— Хорошо, молодцы, сейчас пойдем и допросим, он хоть целый?

— Вроде того, товарищ капитан, — замялся сержант.

— Та-ак, его еще допросить можно?

Волков виновато опустил голову. Рассказ Волкова мог бы вызвать у меня улыбку, но мне было не до смеха. Поглядев, как из леса цепью выходят бойцы, мы пошли к дому, где находился пленный.

Главарю полицаев сломали челюсть. Нет, не так. Когда его пытались скрутить, он смог вырваться, но один из бойцов успел поставить подножку, и этот кабан с высоты своего огромного роста треснулся челюстью о порог двери.

Оставив Карапузова разбираться с зачисткой деревни, я прошел к дому с многочисленными следами пуль в стенах. Войдя, я пригнулся, входя в низкую дверь и очутился в большой комнате. Пройдя мимо беленой известью печки, сел на лавку напротив главаря.

— Ну и кто же ты такой? — спросил я вслух, ни к кому особенно-то не обращаясь. Взяв со стола книжечку и полистав, стал читать вслух: — Старший полицай Федор Бондарчук, хм, смешно. Что ж ты, гнида, такую фамилию позоришь?

Посмотрев внимательно на опутанного веревками полицаю, кивнул на челюсть, по которой стекала розовая ниточка слюны.

— Как, болезный, не болит?

Поймав свирепый взгляд, я обратился к стоящему рядом Волкову.

— Ты смотри, сержант, не уважает он нас, брезгует говорить с советскими командирами. — Посмотрев на полицаю немигающим взглядом, представляя, что передо мной просто кусок мяса, предельно жестким голосом рявкнул: — Ты никто и звать тебя никак! У тебя есть выбор: умереть легкой смертью, рассказав все, что мы спросим, или долгой и тяжелой, если будешь молчать. И не вращай глазами, знаю, что со сломанной челюстью можно говорить. Да, больно, но можно.

Все-таки мы сломали его, правда, в переносном смысле, до крайности дойти еще не успели, видимо, полицай понял, что мы пойдем на все.

В принципе этот полицай знал не так много, как мне хотелось бы.

В этой деревушке они находились уже более десяти дней, составляли один из узлов по отлову окруженцев, и, кстати, работали довольно продуктивно, так как за это время взяли и уничтожили около двухсот окруженцев. Группы бойцов выходили на деревушку довольно часто, бывали даже одиночки. Хорошо поставленная группа дозорных неплохо справлялась со своим делом, вот только с нами у них вышел прокол. Часовые, заметив нашу группу

разведки, подумали, что это все что есть, и спокойно пропустили их в деревню, сопровождая по бокам. Но они вместо того чтобы искать еду, стали просто обыскивать хаты, это ввело главного в удивление, и он приказал отпустить разведку обратно, проследив ее путь. А когда узнал, что там целая толпа русских, да еще практически невооруженная, да еще и с бабами, то вообще пребывал в эйфории от такой удачи.

А вот захват Волковым Бондарчука с замом стал роковым для полицаев. О плане главного знал только его зам, которого закололи ножом, когда дрались в сенях, и наша атака стала для полицаев неожиданной.

— Слушай, сержант, зачем они вообще к вам приперлись, да еще сами, не послав подручных?

— Так, товарищ капитан, это не они к нам, а мы к ним. У них тут в подполе целый бункер с бойницами, вот мы и зашли в этот дом. Кто же знал, что тут главные прячутся.

В это время дверь отворилась, и к нам зашли несколько незнакомых командиров. Один из них был в звании полковника, перевязанный левый глаз делал его похожим на Кутузова.

Вскочив с лавки, я кинул руку к фуражке и отрапортовал:

— Товарищ полковник, капитан Михайлов, проводим допрос захваченного в плен вражеского пособника.

— Много сообщить успел?

— Сколько знал, все рассказал.

— Хорошо. Повесить! — неожиданно жестко приказал полковник. Я не палач, поэтому отошел в сторону, когда двое бойцов подхватили мычащего предателя и поволокли его к выходу.

— Удивляешься, капитан, что я приказал его повесить? — с любопытством спросил меня полковник, присаживаясь на лавку и кладя руки на стол.

— Да нет, товарищ полковник, не особо, — пожал я плечами.

— А я все-таки скажу. Там в лесу, в трех километрах от деревни мои разведчики наткнулись на овраг, который был почти доверху заполнен убитыми бойцами. Нашими бойцами, капитан, понимаешь?

Я кивнул и как наяву представил себе этот овраг.

«Да уж, за подобное не только линчевать надо, а и похуже!»

— Дорога телегами накатана была, вот мы и пошли по следам. Там с вашими встретились, остальное ты знаешь. Что скажешь, капитан?

— Да, вы были правы, товарищ полковник, что предателя надо повесить.

— Да я не об этом, что собираешься делать?

— Так под ваше командование, товарищ полковник, как старшего по званию.

— Хорошо, пока пойдешь в подчинение к майору Говорухину, а там дальше видно будет. Твоих бойцов распределим по ротам.

Я с интересом посмотрел на стоящего справа от полковника майора Говорухина.

«Что-то день какой-то странный, уже второй артист или режиссер, еще Михалкова встретить, так вообще хоть фильм снимай!» — подумал я.

Познакомившись с майором и остальными присутствующими командирами, мы с Говорухиным вышли из дома. В деревне было столпотворение от сотен бойцов и командиров. Вот мимо забора проехала артиллерийская упряжка с сорокапятимиллиметровой пушкой. Проводив ее взглядом, я спросил у майора:

— Какие будут приказы, товарищ майор?

— Расскажи о себе, капитан. Мне надо знать, кем я буду командовать.

Мы подошли к завалинке дома и, сев на нее, повели неспешный разговор. Рассказывал я сжато; если Говорухина интересовал какой-то момент, то уже более подробно. Нас постоянно прерывали, подходили разные командиры, которых майор сразу представлял мне. После того как я закончил, Говорухин, докуривая уже восьмую трофейную папиросу, спросил:

— И как этот генерал себя вел? Страху не показывал?

— Нет, пока я ему пару пальцев не сломал, все пыжился, а после сразу словесный понос пошел.

— Хорошо, хватит только им наших генералов в плен брать, — затоптав папиросу, пробормотал он.

— Еще немало возьмут, пока воевать не научимся, — неожиданно для себя буркнул я.

— Слушай, капитан, ты мне эти пораженческие разговоры брось. Бойцы и командиры и так не в себе оттого, что отступаем, еще ты тут! — жестко приказал майор и, поднявшись, спросил: — Раз ты такой умный, скажи, чья будет победа?

Встав, я хлопнул его по плечу и с улыбкой ответил:

— Наша, чья же еще. Стоит только посмотреть на карту нашей страны и карту немецкой, тогда сразу становится понятно, чья возьмет. К тому же неудачи наших войск довольно легко объяснить, я интересовался этим вопросом.

— Ну ладно... — Майор задумался, а потом посмотрел на меня и спросил: — А ты политинформацию среди бойцов не проведешь? Надо, чтобы они знали, почему мы отступаем.

— Да не проблема, мне есть что рассказать.

— Хорошо, я к полковнику Лузгину, попробую получить разрешение!

Тут я кое-что вспомнил и торопливо произнес:

— Совсем забыл, мне на этот счет надо посоветоваться с капитаном Сафиуллиным, получить разрешение уже у него.

— Хорошо, встретимся здесь через полчаса.

Кивнув, я потопал к особистам. Спросив на ходу, в каком доме они находятся, подошел к нему.

У двери караулил красноармеец. Обернувшись на шум наших машин, въезжающих в деревню, я велел бойцу позвать капитана Сафиуллину.

Рамиль вышел из хаты с закатанными рукавами, на ходу вытирая мокрые руки полотенцем.

— Что случилось, Сань? — Вслед за ним вышли еще трое командиров, в которых я сразу определил особистов. Представив меня им, а их мне, он переспросил: — Так что случилось?

— Давай отойдем, — предложил я.

Куда бы мы ни отходили, везде находились бойцы, шныряя туда-сюда. Наконец найдя лавочку и облокотившись о забор, я спросил Рамиля:

— Ты ведь в курсе, откуда я?

За время нашего знакомства этой темы мы не касались, поэтому, внутренне напрягшись, я и задал этот вопрос.

— О том, что ты из будущего? В курсе конечно, я был ближайшим помощником Мезенцева, так что спрашивай.

— Хорошо, тут такое дело... — Я сжато рассказал о просьбе майора.

— Дело хорошее, но сначала потренируйся на нас, мне, честно говоря, тоже очень хочется знать, что нас ждет. Пошли в хату, будешь рассказывать всему особому отделу дивизии, только о себе молчок! Понял?

— Хорошо. Да, я все спросить хотел, выяснили, что случилось с жителями деревни?

— Пока нет, выясняем. Но все личные вещи лежат на месте, и это навевает нехорошие мысли.

— Да уж... навевает.

Попив колодезной воды, я поставил звякнувшее цепью ведро на сруб колодца и отошел в сторону. Мое место сразу занял боец с десятилитровым термосом и, бросив ведро в колодец, стал быстро крутить ворот, а я неспешной походкой направился к хате, где через пару минут должен был выложиться весь, объясняя первые поражения Красной армии и кто, как говорится, в этом виновен.

Зайдя в хату, я, к своему удивлению, понял, что комната под завязку набита командирами. Впереди сидели полковник и старший особист, Рамиль притулился у окна, стараясь казаться незаметным. Среди командиров были преимущественно политработники.

— Давай, капитан, руби правду-матку, — глухо приказал полковник, исподлобья глядя на меня. Похоже, идея о политинформации не вызвала у него особой радости.

Собравшись с мыслями, я встал у стены и под пристальными взорами десятков глаз стал рассказывать, с чего все началось.

— М-да, слишком ты много знаешь для простого капитана, — задумчиво сказал полковник, подойдя ко мне.

Допив воду из кружки — горло совершенно пересохло — и поставив ее рядом с ведром, я повернулся к полковнику. Мельком глянув на Рамиля, стоявшего неподалеку и потихоньку наблюдающего за нами, спокойно ответил:

— Простая аналитика и хороший сбор информации. Ничего сложного.

— Ну-ну, ладно, отдыхай пока.

— Товарищ полковник, вам уже доложили, что у нас на хвосте висел батальон немцев?

— Да, я в курсе, этим вопросом занимается капитан Столбов, посты вокруг деревни усилены, высланы парные патрули. — И полковник в окружении своей немногочисленной свиты удалился.

Посмотрев ему вслед, я обернулся к подошедшему Рамилю.

— Язык у тебя подвешен, это не отнять, даже меня пробрала дрожь, когда ты рассказал об этом плане «Ост». Теперь понятно, почему немцы так себя ведут, а вот англичан ты зря приплел, ну что в нападении на нас замешаны их длинные руки.

— Рамиль, то, что я выложил, это только вершина айсберга, многого я просто не знаю, ну не интересовался Второй мировой и сейчас от этого локти кусаю. Мне только известен обычный школьный курс, а там все шиворот-навыворот, всю историю обос...али. Так что не требуйте от меня многого.

— Ладно, да, забыл сказать, ночевать будешь с нами.

— Отлично!

Узнав, где находится медсанбат, я направился туда, пора проведать Свету.

Со Светой мы пробыли почти три часа, и я возвращался к хате особистов, покусывая на ходу травинку и думая о девушке.

Война меняет характеры людей, и Беляеване исключение, в мирное время она даже не подумала бы затащить меня на сеновал, но не сейчас.

Ей, как и мне, нужна была физическая разрядка — чем мы и занимались до темноты и после. Вспоминая ее поведение и отчаянно-испуганные глаза, я не стал отказывать и последовал за ней на сеновал, куда она повела меня за рукав. И если вначале инициатива исходила от нее, то дальше главенство перехватил уже я. После чего проводил девушку до здания, где был медсанбат, крепко поцеловал и отпустил спать.

Пнув попавшуюся под ноги пустую консервную банку, что вызвало недовольство часового, я последовал дальше.

— Чего так быстро? — послышался заспанный голос Рамиля.

Тихо перешагивая через спящих на полу, я подошел к лавке, где лежал капитан, и, сбросив с печки старый полушубок, улегся на него, предварительно сняв ремни и положив их у изголовья, причем расстегнутая кобура была повернута в мою сторону.

— В смысле? — таким же шепотом спросил я.

— Я думал, ты со своей знакомой останешься.

— А, нет, дежурит она, по крайней мере, так мне сказала!

— Ну-ну.

Лежа стянув гимнастерку и скинув сапоги, я разложил портянки на полу, чтобы они немного просушились, и запах моих портянок растворился в тяжелом духе, который стоял в хате. Устроившись поудобней, я закрыл глаза, чтобы провалиться в царство Морфея, но голос Рамиля вернул меня к действительности.

— Знаешь, со мной такое в первый раз.

— Что именно?

— Эти два дня. Утром взлетели, оказались сбиты, целый день скитались по лесу, следующим утром освободили пленных, правда, случайно, но все же. Потом штурм концентрационного лагеря и бегство от немецкого батальона, штурм деревни и встреча с нашими окруженными частями. Вот. Вот такое у меня в первый раз.

— Хм... а у меня такое каждый день, — лениво ответил я и почти сразу провалился во тьму сна.

Проснулся я, когда чей-то сапог ощутимо постучался мне в печень. Спросонья крутанувшись, я подмял пинавшего и выхваченным из ножен штык-ножом попытался ударить его по горлу. Однако нож из моих рук моментально выбили, а меня оттащили в сторону, матерясь по-русски. Продрав глаза, я осмотрелся.

«Черт, Рамиль! Неужели я его так?»

Около полушубка на полу лежал Рамиль и стонал, держась за живот.

«Точно, я же его коленом в солнечное сплетение приложил!» — вспомнил я, рефлекторно ответил на новый удар и уже вслух спросил, оглядывая заполнивший комнату народ:

— И что это здесь происходит? Да отпустите вы! — Это я уже скомандовал двум командирам, державшим меня.

Не колеблясь, они разжали руки и отошли в сторону, над Рамилем склонился военврач и стал его осматривать, после чего помог встать и усадил на лавку, было видно, что капитан приходит в норму, только бледность выдавала его состояние.

— Я жду, — повторил я, оглядывая народ.

Кого тут только не было, но больше всего врачей. За их спинами мелькнуло бледное лицо Беляевой, и у них всех было одинаковое выражение лица — озадаченное. Вперед вышел мой новый командир, майор Говорухин, и, осмотревшись, слегка удивленно ответил:

— Как бы тебе, капитан, сказать? В общем, не просыпался ты. Совсем не просыпался.

— Это как?! — изумился я и добавил: — Я же отчетливо помню, как заснул и проснулся, все нормально было. Ну устал немного, так со всеми бывает, что тут такого?

— Да не в этом дело, тебя никак разбудить не могли. Вон даже врачей позвали.

— Это как это? — продолжал не понимать я.

— Капитан, не сейчас, ладно? Полк уже ушел, и мы последние, так что собирайся, уходим, — скомандовал он и вышел из хаты. С улицы сразу же послышались команды.

Оглядев до сих пор молчавший народ, я попросил у Рамиля прощения.

— Да ладно, и не такое бывало, — ответил он. — Хотя когда перед глазами мелькнул клинок, было страшно.

На меня тут же налетели врачи и стали спрашивать о самочувствии. Как ни странно, Светы среди них не было. Ответив на их вопросы, я вышел вместе с Рамилем из дома, и мы направились вслед за бойцами, численностью примерно с роту. Пятеро медиков уже обогнали их и проследовали дальше.

— Может, все-таки расскажешь, что произошло? — обратился я к идущему рядом капитану. Рассказ Рамиля много времени не занял.

Оказывается, когда начали просыпаться, то меня не смогли разбудить, испробовали все способы, даже водой поливали. Я пощупал гимнастерку — действительно влажная. Потом вызвали врачей, они тоже все испробовали, додумались даже иглами колоть в нервные точки, но ничего не получалось.

— ...я рядом стоял, и тут меня такая злость взяла. Пнул тебя и заорал: «Рота, подъем!» — сразу оказался на полу, и перед глазами клинок мелькает, — рассказывал на ходу Рамиль.

Прибавив скорость, мы быстро догнали наших бойцов и, обогнав их, заняли свои места впереди. Все машины везли раненых, и теперь даже полковник был вынужден идти пешком, уж не говоря о нас.

Шагая рядом с Говорухиным, я выяснил интересный момент, оказывается, все бойцы в арьергарде были из недавно присоединившихся, как и мы. Мельком осмотрев бойцов, своих я не заметил.

— Идем дальше, надо догнать основную группу, — сказал Рамиль, и мы в сопровождении трех бойцов быстрым шагом направились в сторону встающего солнца, вслед за группой врачей.

Полк уходил от немцев уже третий день, и полковник постоянно оставлял заслоны. Как только я заметил в одной из таких групп своих, то, зайдя к Говорухину, попросил, чтобы командующим поставили меня вместо незнакомого лейтенанта железнодорожных войск.

— Не могу, получил приказ из особого отдела — тебя не трогать.

— Блин, да плевал я на их приказ. Там мои, понимаешь?

— Иди к ним сам, я отпустить тебя не могу. Без приказа не могу.

— Ладно, будет приказ.

Рамиля я нашел сидящим под деревом и что-то записывающим в планшет. Подойдя, объяснил свою просьбу.

— Саш, ты как ребенок, чес слово. Сам подумай, кто отпустит носителя ценной

информации?! Сам ведь знаешь, что арьергард — это смертники. Что сказал пленный, которого разведка притащила? Он сказал, что по нашему следу пустили моторизованный батальон, после того как мы уничтожили прошлых преследователей. Так что сам понимаешь, что их ждет.

— Понимаю, но бросать не буду. У меня еще осталась честь командира, и своих я не оставлю.

— Саш, ты пойми, — поморщился Рамиль, — если ты останешься, то я разверну весь полк, чтобы тебя вернуть, ты сам понимаешь, что будет?

— Рамиль, ты же знаешь, что я везучий и из любой задницы вылезая, так что давай бумажку. Я напишу, что добровольно остался с арьергардом и ты пытался меня остановить.

Капитан покачал головой и открыл планшет, я опустился рядом с ним на сухую выгоревшую траву.

— Рамиль, понимаешь, тут какое дело... — Я задумался под взглядом Рамиля, смекая, как попроще сказать ту новость, что мучает меня с тех пор, как меня пытались разбудить: — ...знаешь, мне кажется, скоро я вернусь в свое тело. Обратно в будущее.

— Не понял, как это вернешься?!

— Да чувство у меня, что недолго мне осталось ходить в этом теле. Вернусь я. Но не это главное... Ты представляешь, что будет, если вернется Швед и сможет воспользоваться моей памятью?

— Да, будет, как ты говоришь, «кисло».

— Вот и я об этом, так что у меня единственный шанс не дать воспользоваться Шведу такой возможностью — это погибнуть в бою. И не смотри на меня так, я это уже три дня обдумываю, другого предложения не будет. Мне кажется... нет, я просто уверен, что в случае смерти этого тела мое сознание вернется обратно, так что сам понимаешь.

— Но почему? Ведь мы смогли бы...

— Нет, не смогли бы! Если он воспользуется памятью, то сможет водить вас за нос, я его хорошо знаю, опытный зверюга, и такой шанс непременно использует. Вычислить вы его вряд ли сможете.

Рамиль яростно зачесал затылок, обдумывая мои слова, потом достал блокнот и стал записывать все мои предположения. После чего сказал:

— Одного я тебя не отпущу. С тобой пойдет лейтенант Райкин, он проконтролирует. Сам я не могу. Почему? Думаю, ты понимаешь. — Он кивнул на портфель, с которым не расставался.

Услышав фамилию, я только вздохнул, уже не удивляясь.

— Знаешь, Рамиль, меня не это пугает... — Вздохнув, я привалился спиной к стволу дерева.

— Что?

— ...как бы тебе объяснить... Понимаешь, характер Шведа... мы как бы слились... в общем, я боюсь, что когда вернусь, он останется со мной. То есть я все так же смогу убивать не моргнув глазом, это меня и беспокоит, — выложил я наконец. Меня это реально беспокоило.

— Ты хочешь сказать, что что-то от Шведа останется с тобой? — нахмурившись, спросил Рамиль, перестав писать.

— Нет... как бы объяснить? В общем, он изменил меня, мой характер. Теперь я не тот маменькин сынок, что был. Я стал другим и уже не изменяюсь... это меня и беспокоит.

— Дела, — озадаченно ответил Рамиль, почесав затылок. Достав еще один лист, он протянул его мне: — На, все свои мысли о возвращении выложи тут. А в этом блокноте все, что помнишь о будущем.

Окопы были полного профиля, хорошо, что остатки саперной роты помогли нам в копании траншей. Когда начали намечать будущие ячейки, я быстро пресек это, приказав копать полнопрофильные окопы.

За то короткое время не все успели их выкопать, и некоторые бойцы еще возились, выбрасывая землю на бруствер окопа. Осмотревшись со своего командного пункта, я недовольно обернулся, поглядев на обустроивающуюся в небольшом окопчике Беляеву, которую так и не смог уговорить уходить с полком. Даже приказы на нее не действовали. Упертая.

— Товарищ капитан, пыль видна. Похоже, разведка идет! — окликнул меня стоящий недалеко лейтенант-пограничник, которого оставил со мной Рамиль.

Достав из футляра бинокль, я всмотрелся.

«Действительно разведка. Два мотоцикла впереди и бронетранспортер в прикрытии. Ну-ну».

Замаскировать окопы мы попросту не успели, хотя работы уже начались, так что с остановившегося бронетранспортера нас кто-то стал разглядывать в бинокль. Через некоторое время разведка развернулась и попылила обратно.

— Скоро начнется, — сказал я, опуская бинокль и осматриваясь.

Окопы закончили не полностью, в некоторых местах глубина была около восьмидесяти сантиметров, а то и меньше, но стрелковые ячейки вырыли полностью, так что небольшой шанс был. Я посмотрел в сторону леса за нашей спиной, это был наш шанс. Там, в сотне метров от опушки, обустроивался Егоров, готовясь к эвакуации раненых и выживших после боя.

— Свет, иди к Егорову, мы все равно будем туда отходить, — обратился я к Беляевой, однако та только поджала губы и отрицательно покачала головой.

«Ну и что я буду с ней делать?»

— Свет, ты пойми, шансов уцелеть у раненых будет больше, если ты станешь помогать им именно там, а не здесь.

Все-таки я смог ее уговорить, и, собрав свои вещи, она удалилась к Егорову, в сопровождении одного из бойцов.

Вздыхнув, я проводил ее взглядом и, повернувшись к лейтенанту, спросил:

— Повтори численный состав подразделения. — Не то чтобы я не знал, но хотелось бы еще раз услышать и обдумать.

— В составе числится восемьдесят три бойца. Из них двенадцать из железнодорожных войск, под командованием лейтенанта Желязны. Остальные такие же окруженцы, как малые группы, так и одиночки, что вышли на нас в течение последних пяти дней. По вооружению — у нас одно трофейное противотанковое орудие с боезапасом и шестнадцать немецких пулеметов, хотя боезапаса на них не так много, как хотелось бы.

— Хорошо, хоть есть чем их встретить. О, идут!

Я стал всматриваться в клубы пыли, появившиеся на дороге. Впереди шли три танка и закрывали своими корпусами остальных.

«Еще немного, еще... еще... есть!» — мысленно заорал я от восторга, когда под

гусеницей передового танка вспух разрыв противотанковой мины, заложенной саперами. Посмотрев на горящий танк, громко скомандовал:

— К бою!

Воздух с хрипом вырывался из легких. Остановившись, я прижался спиной к стволу огромного дерева и, пытаясь отдышаться, огляделся. Рядом падали или останавливались бойцы, у многих были свежие раны. Зная об опасности кровопотери, я показал на них Беляевой, которая тяжело дышала и держалась за бок. Разрешил взять пару бойцов в помощь, велел осмотреть и перевязать раненых. Кивнув, Света с трудом встала и с отобранными Егоровым бойцами стала обходить лежащих красноармейцев.

— Посчитай, сколько нас осталось... и вооружение тоже, — в два приема выдохнул я Райкину, сидевшему рядом на корточках, уткнувшись в колени.

— Есть, — устало махнул он рукой, изображая отдание чести, а потом стал прохаживаться, склоняясь над бойцами и что-то спрашивая у них.

Прижимаясь спиной к дереву, я устало сполз на землю, присев на задницу. А потом прикрыл глаза и стал вспоминать прошедший бой.

Честно говоря, те два часа мы продержались чудом, и этим чудом были артиллеристы. Они воспользовались моим советом менять позицию после каждого двух выстрелов, благо саперы наготовили достаточно позиций, и за это время успели подбить четыре танка, пока их не подловили. Дальше уже была агония.

Немецкая пехота смогла обойти нас и по лесу подойти вплотную, но, к несчастью, наткнулась на лагерь Егорова с десятком раненых. Старшина с Беляевой успели занять позицию у вывороченной с корнем сосны, но было поздно, шалаши с тяжелоранеными красноармейцами немцы забросали гранатами. На передовой как раз в это время было небольшое затишье, поэтому, услышав стрельбу в тылу, я послал на помощь Желязны с тремя десятками бойцов. Немцев они уничтожили почти всех, но и сами полегли до одного.

Когда началась третья атака, я понял, что это конец, поэтому крикнул, чтобы передали остальным приказ отходить в лес, если не сможем отбить следующую атаку. Что мы и сделали, так как отбиваться было уже нечем. Не помог даже сбор трофеев с убитых возле окопов немцев.

— Товарищ капитан! — отвлек меня от воспоминаний о прошедшем бое Райкин. Повернувшись к лейтенанту, я вопросительно поднял бровь.

— Уцелело восемнадцать красноармейцев и три командира, не считая нас. Вооружение — шестнадцать винтовок, преимущественно немецких, два автомата, тоже немецких, пулеметов нет. Боеприпасов очень мало, у некоторых бойцов вообще нет патронов.

Кивком я дал понять, что принял информацию к сведению, и велел Райкину выставить посты, а то как бы нас врасплох не взяли, после чего объявил часовой отдых.

Глядя, как старшина достает из вещмешка медпакеты, которые сборщики собрали с тел немецких солдат, убитых у наших позиций, и отдает их Светочке, перевязывающей очередного бойца, вспомнил, как мы ворвались в лес и нас преследовали, отстав метров на сто пятьдесят, немецкие солдаты. Мы выбежали на небольшую полянку, где вповалку лежали как наши, так и немецкие солдаты. Тут и полег отряд лейтенанта Желязны в рукопашной схватке. Среди них бродили два уцелевших немца и штыками добивали выживших наших раненых бойцов. Мы их моментально смели и, прихватив укрывшихся без

единого патрона старшину с Беляевой, рванули дальше, придерживая на ходу раненых. Остановились мы только сейчас.

Встав, я стал прохаживаться по нашему временному лагерю. Мы здесь всего около получаса, а лагерь уже выглядит обустроенным. Несколько человек единственным топором рубили небольшие деревца и делали из них носилки для тех четырех бойцов, которые вложили все силы в бег и сейчас идти уже не могли.

Когда сборы были закончены, я объявил подъем и назначил дозоры по одному бойцу, так как нести и вести раненых тоже кто-то должен.

Лес казался нескончаемым и, выйдя на довольно большую поляну с пересекающей ее дорогой, я объявил привал, а сам стал осматривать поляну. Чем-то она мне не понравилась, что-то в ней было не так.

— Что-то случилось, товарищ капитан?

— Не нравится мне эта поляна, — задумчиво ответил я, не отрываясь от бинокля. Райкин тоже приложился к своему, но в отличие от моего, его аппарат был послабее, и хорошо рассмотреть противоположный край у лейтенанта не получилось.

— Ничего особенного не вижу. Ну полуторка разбитая на боку лежит, вон там вроде орудейный передок, и все.

— Нет, не все, на той стороне, на опушке что-то замаскировано, и давненько. Листья уже стали высыхать, — сказал я и отдал свой бинокль лейтенанту, чтобы он убедился.

— Точно, что-то есть и вроде... танк, товарищ капитан!

— Ну-ка дай-ка... нет, я не вижу, у тебя зрение получше будет. Пошли пару бойцов, пусть тут все осмотрят и доложат, но выходят не от нас, а сбоку, метрах в двухстах. Ясно?

— Да, товарищ капитан, ясно! Разрешите выполнять?

— Выполняй.

Я с интересом следил за двумя красноармейцами, которые, хоронясь, по-пластунски подобрались к разбитой полуторке, осмотрели ее, броском достигли орудейного передка и, скрывшись в высокой траве, исчезли из виду. Только через несколько минут спина одного из них мелькнула на противоположной опушке. Еще через несколько минут один из них вышел из леса и подал знак, что все чисто.

— Пусть раненые пока останутся здесь, а мы прогуляемся и посмотрим, что там такое, — приказал я и, прихватив пяток бойцов, мы с лейтенантом направились к противоположной опушке.

Путь до разведчиков занял гораздо меньше времени, чем потребовалось самой разведке, проделавшей этот путь на пузе. Подходя к стоящим на опушке разведчикам, я спросил, вглядываясь в смутный силуэт громады танка:

— Что там?

— Тэ двадцать шесть, товарищ капитан, и вроде как подбитый.

— Сейчас посмотрим, — сказал я и, обойдя небольшие полувысохшие деревца, которые танкисты использовали для маскировки, подошел к танку со стороны кормы.

— Точно, Тэ двадцать шестой, — сказал следующий за мной Райкин.

— Причем командирский, — подтвердил я, разглядывая машину и ее развороченную взрывом корму. После чего, вздохнув, легко взлетел наверх по поручням и заглянул в открытый люк.

«Пусто, хотя прицел и замок на месте, да и боекомплект полный, а вот пулемета нет, сняли. Хотя что это там? Не разгляжу».

Приказав Райкину осмотреться вокруг танка, я быстро залез в боевое отделение.

«О, патроны к пулемету, подойдут к трем нашим мосинкам, уже хорошо. Больше вроде ничего интересного», — подумал я и стал передавать залезшим на танк бойцам то, что могло пригодиться.

В первую очередь подал патроны, затем десяток снарядов, пополам осколочных и бронебойных, замок с прицелом тоже забрал. Больше ничего интересного в танке не было. Я, конечно, попробовал воспользоваться рацией, но она оказалась разбита. Спрыгнув с бронемашины на землю и вытирая выпачканные машинным маслом руки найденной в танке тряпочкой, обернулся к подходившему лейтенанту.

— Товарищ капитан, — козырнул он, — похоже, бронеколонна попала под удар авиации, во-о-он там, после чего танкисты с помощью другого танка отбуксировали сюда подбитый и замаскировали его, надеясь вернуться. Судя по пожухлым листьям, было это дней шесть-семь назад. Некоторые погибли — около того дерева могила со звездой, хотя надписи с именем нет.

— Ну погибшие — это понятно, вон сколько на этой жестянке, почему-то именуемой броней, отверстий от осколков, так что там лежит экипаж именно этой машины, не сомневайся, — уверенно ответил я и добавил, внимательно оглядевшись: — Все, уходим, только по пути выясним, что везли на той полуторке, и вернемся к своим.

А вот полуторка принесла нам немало сюрпризов, оказалось, машина принадлежала саперам, о чем свидетельствовали ящики с характерными надписями.

— Как только это все не взорвалось?! — ошарашенно пробормотал лейтенант, снимая фуражку и вытирая пот со лба.

Я тоже был удивлен, однако сразу же проверил содержимое всех ящиков.

— А вот и детонаторы. Лейтенант, короче, мы забираем это все.

— Товарищ капитан, но кто это все понесет?! — возмутился Райкин.

Я удивленно посмотрел на него и спросил:

— Вы что, лейтенант, будете обсуждать приказы старшего по званию?

— Но...

Приподняв брови в изумлении, я уверенно произнес:

— Лейтенант, груз понесут ВСЕ, и вы, и я в том числе! Это вам понятно?

Смутившийся Райкин кивнул, после чего, набрав те ящички, которые я приказал забирать в первую очередь, мы, тяжело нагруженные, вернулись к нашим. За остальным я послал старшину, уж этот-то точно ничего там не оставит, кроме голого корпуса.

Взрывчатку распределили среди бойцов, благо пару вещмешков я нашел в машине, теперь было куда положить детонаторы и бикфордов шнур.

— Лейтенант, отдых закончен, идем дальше, командуйте, — приказал я.

— Есть!

Поправив лямки рюкзака, я подошел к Беляевой и, улыбнувшись ей спокойной, чуть усталой улыбкой, сказал:

— Потерпи, Свет, немного осталось. Можно сказать, последний бросок.

— Выдержим, мы крепкие, — ответила она, кивнув на раненых.

Я хоть и не их имел в виду, но тоже кивнул и потопал в голову строившейся колонны, за два часа мы должны были пройти не меньше пяти километров, если раненые не будут нас тормозить.

Вперед уже ушла передовая группа, и все ждали меня. Когда я подошел, то скомандовал

начать движение.

— Ну что там? — спросил я нетерпеливо.

Райкин, оторвавшись от бинокля, ответил:

— Плохо видно, товарищ капитан, деревья мешают, но вроде все чисто.

— Хорошо. Разведка, вперед! — распорядился я, повернувшись к лежащим неподалеку от нас бойцам.

Три красноармейца, шустро двигая конечностями, поползли к дороге. После того как они вернулись и доложили, что обнаружены следы трех телег, оставленные еще утром, я достал карту и стал ее изучать.

— Тут неподалеку деревня, похоже, кто-то проехал туда. Подождем и посмотрим, все равно раненым нужен отдых. Лейтенант, выставьте пост со стороны деревни. Вместе с каким-нибудь бойцом из тех, кто хорошо бегают, остальным отдых.

Козырнув, Райкин убежал выполнять приказ, а я с бойцами вернулся в лагерь, разбитый в трехстах метрах от опушки. Отстегнув флягу с пояса, закинув голову, стал жадно пить, невольно разглядывая небо.

«Солнце заходит, скоро совсем стемнеет, пора бы уже кому-нибудь показаться на дороге. Может, повезет и мы разживемся чем съестным?»

Убрав фляжку обратно, я сел около дуба в два обхвата и прикрыл глаза.

— Товарищ капитан, идут! — Этот тихий окрик вывел меня из дремоты.

Посмотрев на стоящего рядом молодого бойца, явно первогодка, переспросил с раздражением:

— Кто идет? Вас, боец, что, не учили, как докладывать командирам?

— Так телеги едут, три, а в них вооруженные люди в гражданском. Полицаи вроде, у этих тоже повязки белые, как и у тех, что в деревне были.

— Уже хорошо, — обрадовался я и велел поднимать людей.

Боя как такового не было, от предложения сдаться полицаи отказались. Попрыгав с телег и стреляя на бегу, рванули к нам, даже не пытаясь укрыться. Решили нахрапом взять, однако залп в упор быстро их остановил. Приказав добить двух уцелевших, спрятавшихся за одной из повозок, мы вышли на дорогу и стали осматривать убитых.

— Вот, товарищ капитан, у старшего нашел.

Я переступил через труп одного из убитых полицаев, подошел к бойцу, обыскивающему старшего полица, и взял фотографию из рук.

На еще довоенном снимке была семья: на стуле сидела миловидная женщина и улыбалась, сзади стоял командир в форме капитана милиции и, положив руку на плечо женщины, строго смотрел в объектив.

Я опустил на колени рядом с полицаем и сравнил лица, после чего, вздохнув, встал и подошел к Райкину, исполняющему обязанности особиста у нас в отряде.

— Лейтенант, смотрите, что нашли у убитого предводителя. Приобщите к рапорту.

— Вот сволочь, скурвился, — возмутился лейтенант, он тоже сразу уловил сходство и возмущался от души.

Я повернулся к подошедшему старшине и спросил:

— Ну что там?

— Не выживет скотина, ее бы к коновалу, а так... эх, — огорченно махнул рукой

старшина.

Мельком глянув, как двое бойцов возьмется у тяжелораненой лошади, приказал:

— Распрягайте ее, вторую телегу прицепите к этому битюгу. Уж он-то выдержит, если что — бойцы помогут. Раненых грузить именно туда, а на отдельную телегу взрывчатку и трофеи.

— Есть, — козырнул старшина и убежал выполнять приказ.

— Собираем трофеи и уходим! Лейтенант, трупы утащить в лес, место боя замаскировать. Ясно?

— Да, товарищ капитан, ясно.

— Выполнять, — заложив руки за спину, приказал я и направился к появившимся из-за поворота разведчикам.

— Железная дорога впереди, товарищ капитан, — сразу же доложил один из них, заметив мой нетерпеливый жест.

— Заметили кого?

— Никого не было, товарищ капитан, мы не видели. Пусто на дороге.

Развернувшись, я подошел к стоящему около одной из телег в окружении жующих что-то бойцов лейтенанту Райкину, откусывающему кусок от бутерброда, сооруженного из захваченных продуктов. Мой желудок сразу же голодно забурчал. Подумав, я объявил получасовой отдых на обед.

После обеда приказал выдвигаться к обнаруженной железке, оставив за старшего лейтенанта Райкина, а сам в сопровождении разведчиков направился к дороге.

— Раненых везут, — вслух сказал один из лежащих рядом бойцов. Я молча кивнул, продолжая наблюдать за движением.

С перестуком колес поезд удалился, оставив медленно рассеивающееся облако дыма. Я быстро осмотрел оба направления и махнул рукой. Трое бойцов, пригибаясь, побежали к железке, я отставал от них ненамного, но насыпи мы достигли вместе.

Отдышавшись от бега, мы стали взбираться наверх.

«Эх, жаль не успели изучить примерное расписание. Как бы не вляпаться!»

Однако, вопреки моим опасениям, мы все успели и сейчас отходили, быстро разматывая катушку с проводом, боец позади его старательно маскировал.

Плюхнувшись рядом с Райкиным, я достал подрывную машинку и, зачистив концы, подсоединил один из них, после чего стал терпеливо ждать подходящего поезда.

— Товарищ капитан, слышен гудок, — вывел меня из дремоты голос наблюдающего за дорогой бойца. Рядом со мной шевелились, просыпаясь, остальные бойцы. Мельком глянув на наручные часы, я понял, что проспал около часа. С момента закладки заряда прошло около трех часов.

Взяв в руки подрывную машинку, накрутил второй провод и приготовился, наблюдая за движением.

— С фронта идет, товарищ капитан. Наверное, там опять раненые, — сказал наблюдающий в бинокль Райкин. Однако через некоторое время я понял, что он ошибся.

Мимо нас шел товарняк с грузовыми платформами, на которых стояла подбитая техника. Несмотря на такое радостное зрелище, никаких воплей и других проявлений радости, кроме дружеских тычков, не было, все помнили мой приказ о соблюдении полной

маскировки.

— Лейтенант, ты видел, на второй и третьей платформе техника была закрыта брезентом?

— Да, товарищ капитан, правда так, мельком!

— Я тоже, но мне показалось, что везли наши танки. «Тридцатьчетверки», если я не ошибаюсь. Запиши это на всякий случай, мало ли что.

Отсоединив провод, я снова завалился спать, приказав дозорному сразу меня будить, как что-нибудь услышит.

— Хорошо, товарищ капитан, — ответил рябой боец лет двадцати пяти.

— Товарищ капитан, идет. Товарищ капитан, поезд идет в сторону фронта, — пытался пробиться в мое сознание голос бойца. Наконец я смог понять, что мне говорят, и, длинно зевнув, приготовился.

Вдали показался дым, вскоре стал виден и эшелон.

— Похоже, наш клиент, — сказал я, разглядывая в бинокль то, что было видно на платформах.

— Вроде какая-то артиллерийская часть, товарищ капитан, — отозвался Райкин, наблюдая за поездом.

— Будем рвать его. Наверняка в тех теплушках боеприпасы, так что рвем. Другого более жирного клиента ждать не будем. Всем приготовиться! — громко скомандовал я и приготовил машинку. Бойцы продолжали жадно наблюдать, даже не пытаясь укрыться.

— Товарищ капитан, он почти наехал, — азартно прошептал лейтенант.

С прищуром наблюдая за составом, я, подождав, пока заложённая взрывчатка окажется под паровозом, крутанул ручку, иницируя заряд.

От взрыва меня подбросило на полметра и откинуло в сторону. Зажав ладонями уши, я открывал и закрывал рот. Оглушен был изрядно. Насколько я успел понять плавающим сознанием, остальные делали то же самое. В это время сверху посыпался всякий железный мусор, создавая реальную опасность для жизни. Прижавшись к стволу дерева, я ждал, когда обломки поезда перестанут падать на нас сверху.

Через несколько минут я опасливо вышел на опушку и посмотрел на кратер, появившийся на том месте, где была дорога. Послышался хруст веток, и рядом встал Райкин.

— Ого, как бабахнула, товарищ капитан, от поезда почти ничего не осталось! Во, как мы их! — громко кричал лейтенант, явно оглохнув от взрыва.

С разворота я хлестко дал ему затрещину и заорал:

— Взрывчатки маловато?! Я тебе что говорил, мудаку, что слишком много! А ты что доказывал, специалист доморощенный?

Вместо ответа я услышал от удивленного лейтенанта:

— О, звук вернулся. Вон я даже слышу, как горит тот вагон.

— А-а-а! — махнул я на него рукой и приказал собираться, мы уходили.

— Если бы я знал пропорции заложения взрывчатки, то не получилось бы такого конфуза.

— Если не знаешь, чего было советовать? — ворчал я, шагая рядом с лейтенантом.

— Зато, товарищ капитан, вон как бабахнуло, — оправдывался смущенный Райкин.

— Бабахнуло?! Да этот взрыв в Берлине, наверное, слышно было! На нас сейчас таких

собак спустят, что только держись, а у нас раненые!

— Так, товарищ капитан, где взрыв, а где наши, до них же еще двадцать километров топтать.

— Все равно опасность есть. Теперь, по крайней мере, я знаю, что закладывать надо меньше семидесяти килограмм и укрываться не на ста пятидесяти метрах, а дальше. Повезло, что у нас никто не пострадал, а то бы еще и раненых тащить. Как ты там говорил, лейтенант? «Кладите больше, товарищ капитан, кашу маслом не испортишь»? Как бы нам это масло боком не вышло.

До нашего обоза с ранеными мы добрались без особых проблем, прячась от ставшей активно летать над нами немецкой авиации.

— Во разлетались. Кажется, кому-то хвост накрутили за поезд, раз столько налетело. А вы как думаете, товарищ капитан? — обратился ко мне Райкин, наблюдая за несколькими самолетами-разведчиками, крутившими в соседних районах воздушные пируэты, в прямой видимости с того места, где мы стояли.

— Похоже, что так, — ответил я рассеянно, продолжая изучать карту.

От одной из телег, укрытых в тени как от жаркого солнца, так и от наблюдательных немецких асов, ко мне направилась Света, жуя высохший хлеб с салом. У раненых только что закончился ужин, и сейчас остатками ужинали здоровые бойцы. Проблема с продовольствием вставала уже остро. То продовольствие, что мы захватили у полицаев вместе с телегами, за последние два дня подошло к концу. Сейчас я как раз об этом думал, и ничего другого, кроме того как разбойничать на дороге, мне не приходило в голову.

«Конечно, можно заходить в деревни, но там как раз ждут окруженцев полицаи и сами немцы, уж я-то теперь знаю!» — размышлял я.

Подошедшая Беляева села рядом на охапку срезанной травы и, поджав ноги, обняла их руками. Поглядев на нее, я повернулся к Райкину и приказал:

— Лейтенант, соберите всех командиров.

— Есть, — козырнул он и побежал к заканчивающим ужин бойцам.

Поглядев на собравшихся командиров, я озвучил свое решение:

— Наша задача — это дойти до своих, но двигаться, прячась по кустам и болотам, я не намерен. МЫ будем бить, вы слышите? Бить немцев! Опыт, пусть и не совсем удачный, хотя некоторые думают по-другому... — я посмотрел на лейтенанта, — у нас есть. Однако у нас обоз, поэтому половина бойцов остается с обозом, остальные будут воевать и бить немцев. Так бить, чтобы у них земля горела под ногами! Но первая задача — это, конечно, продовольствие.

— Товарищ капитан, — обратился ко мне один из сержантов, — а кто останется? Мой вопрос к тому, что оставшиеся обидятся, поскольку им не доверяют в бою.

— А вам, Васютов, не кажется, что защищать своих раненых товарищей и есть их долг на данный момент? — спросил я у сержанта.

— Так-то оно так, но...

— Все будут воевать. Разделимся на две группы, одна в охране, другая устраивает диверсии, потом меняются. Еще вопросы есть?

— У меня, товарищ капитан, — поднялся старшина Егоров и спросил: — Кто будет командовать второй группой?

— Я буду обеими, не переживай, выдержу.

Еще в течение часа мы разрабатывали наши планы. Постоянным старшим над обозом я подтвердил старшину Егорова.

Когда почти стемнело, нам удачно попала машина с тремя немцами, спешившая куда-то в одну из частей, и проблемы с продовольствием на ближайшее время меня перестали беспокоить.

Земля и в самом деле стала гореть у немцев под ногами, особенно это наглядно было видно, когда облитый бензином деревянный мостик вспыхнул прямо под двумя грузовиками с немецкими солдатами. Водитель первого то ли с испугу, то ли от неожиданности дернул руль в сторону и, сбив хиленькое ограждение, повис кабиной над стремительной речкой, что стало со вторым, я не увидел из-за стены огня и дыма. Но вроде он начал сдавать задом и тоже застрял. Добив тех немцев, которые факелами смогли спрыгнуть в речку, мы побыстрому свалили.

Эта не останавливающаяся карусель боев, подрывов и обстрела за прошедшие три недели надорвала бы любого, но у меня лишь накопилась усталость. Как только я стал заметно тупить, то объявил отдых на два-три дня, благо раненых у нас не было. Мы отдали их попавшемуся нам неделю назад санбату, шедшему в сопровождении стрелкового полка почти полного штата. Они с радостью ухватились за шесть наших телег, которые набрались за это время, даже с довеском из раненых, которых и у самих хватало. Вместе с ранеными я избавился и от тех бойцов, которые мне были не нужны. Ну кому в тылу противника пригодятся работники хлебопекарни или бухгалтеры. Вот кого я не смог заставить уехать, так это Беляеву. Она вместе с Егоровым настояла на том, что пойдет с нами. Я тогда был сильно задолбанным и просто махнул рукой.

Сейчас же, скинув сапоги и размотав портянки, просто отдыхал, ни о чем не думая, зная, что меня никто беспокоить не будет, если только рядом не окажутся немцы. Все вопросы по лагерю я взвалил на Егорова еще в первый день наших метаний по немецким тылам, так что с этой стороны от житейских проблем я был освобожден. Так незаметно я и провалился в сон.

Разбудили меня голоса. Пошевелившись, сел, протирая глаза. Как ни странно, но чувствовал я себя достаточно бодро, только заметная пустота в желудке давала о себе знать.

Широко зевнув, осмотрелся, судя по всему, меня уснувшего положили на небольшой стог свежескошенной травы и укрыли шинелью, положив под голову вещмешок. Хмыкнув, я встал и, потянувшись, обнаружил, что стою в одном исподнем.

«Еще и раздели, вот это дал я храпака, раз не заметил!» — мысленно покачал головой.

— Товарищ капитан проснулся, — воскликнул кто-то невидимый голосом виртуоза-пулеметчика, красноармейца Тонина, из недавно присоединившихся к моей группе.

Из зарослей кустарника вышли несколько человек. Одного из них, невысокого крепыша, идущего рядом с Егоровым и Беляевой, я с изумлением узнал и от удивления воскликнул:

— Молчунов, ты-то здесь откуда?

— Пешком пришел, товарищ капитан, — ответил он, улыбаясь. Сграбастав своего радиста, я крепко его обнял.

Отстранившись, снова обнял.

— Как здесь оказался — попозже расскажешь, — велел я радисту и, повернувшись к Егорову, спросил: — Старшина, где моя форма? Что-то я ее не вижу.

— Товарищ военфельдшер ее постирала, сушится она, — пожал плечами, ответил он.

— Подожди, тут что, рядом вода есть?

— Да, товарищ капитан. Бойцы обнаружили неподалеку небольшое лесное озеро, у них как раз сейчас банно-прачечный день, там и постирали.

— Отлично, нужно помыться, а то я уже потом пропах, — обрадовался я и, плюхнувшись на пятую точку, велел: — Давай рассказывай! Ты один или нет?

Вздыхнув, Молчунов начал:

— Шестеро нас, все танкисты. Собрались понемногу, вот и идем к нашим.

— Рассказывай с самого начала, — приказал я, устраиваясь поудобнее, но тут же встрепенулся, не увидев Райкина. — А лейтенант где? — спросил я у старшины, присевшего неподалеку на старый трухлявый тополиный ствол, похоже, уже давно поваленный непогодой.

— Так он допрашивает остальных бойцов, тех, с кем пришел Саня, — ответил он.

— Блин! Сашка, ты их хорошо знаешь? Поручиться сможешь?

— Да, товарищ капитан. Я с ними многого натерпелся, гуляя по немецким тылам.

— Я сейчас. Старшина, проводи меня к Райкину, — вскочил я на ноги и в сопровождении Егорова дошел до небольшой полянки, где заседал лейтенант.

Однако, подойдя, ничего особенного не обнаружил, пришлые бойцы сидели и жадно ели тушенку из нашего НЗ. Сам лейтенант в это время разговаривал с одним из пришлых, со знаками различия старшего лейтенанта и с бэтэшками в петлицах.

Окинув их быстрым взглядом, никого из знакомых опознать не смог.

«Ладно, хоть среди этих диверсантов вроде нет!»

Пройдя мимо бойцов, как моих, так и пришлых, я подошел к Райкину. Как и остальные мои бойцы, он не вскочил при приближении старшего по званию, так как я отменил это приветствие, как только была возможность. Чем сразу облегчил жизнь бойцов, так как шастал я туда-сюда по лагерю довольно регулярно.

— Что у вас? — спросил я лейтенанта.

— Окруженцы на нас вышли, товарищ капитан, — ответил он, продолжая сидеть. Старлей, как только услышал мое звание, вскочил, вытягиваясь, и с недоумением поглядел на остальных.

— Расслабься, старшой, на отдыхе мы, — отмахнулся я и приказал Райкину: — Докладывай.

— Час назад наш патруль, обходящий дозором лагерь, обнаружил неподалеку дым костра и сообщил об этом дежурному, который и выслал разведку. Она обнаружила семерых человек в советской форме... — Дослушав Райкина, я велел продолжить опрос пришлых бойцов и вернулся обратно к своим.

— Доел? — спросил я радиста, наблюдая, как жадно он ест, заглатывая куски мяса и заедая их сухарями.

— Да, товарищ капитан, — ответил он, дожевывая.

— Ну так рассказывай. Что дальше было, когда мы расстались? — с интересом спросил я.

— Как мы с вами расстались, я не помню. Все как в тумане от этой контузии. Очнулся уже в корпусном госпитале, на койке. Ох, как там было хорошо, — улыбнулся воспоминаниям сержант, продолжив: — Белая постель, каша манная, медсестры, ух как хорошо, а тут новый прорыв. Тяжелых сразу эвакуировали, а нам сказали добираться своим

ходом, так и закончился мой восьмидневный отдых. Мы даже до станции, где стоял санитарный эшелон, дойти не успели, как налетели «Штуки»... Разбомбили они все, что могли, даже по нам из пулеметов прошлись... я сам видел, как горит эшелон и из него выпрыгивают раненые, объятые пламенем. Тут кто-то крикнул, что надо уходить в леса, и все кинулись в ближайшие заросли, а я остался на дороге.

— Зачем? Почему с остальными не пошел? — удивился старшина.

— Товарищ капитан, меня так учили: «сперва обмозгуй все, а потом действуй!» Я так и сделал, осмотрелся и подошел к разбитой полуторке, где нашел винтовку, лежавшую рядом с убитым бойцом. Так я и обогатился оружием, боеприпасами и гранатой. Чистую форму не нашел, так и ходил в больничной пижаме, а она светлая, демаскирует, вот и пришлось ее испачкать. Потом потопал к нашим. Где-то через час встретил Ивана Водникова из разведбата, там я уже плохо помню, снова вырубился из-за усталости и контузии. Еще через два дня нам повстречались остатки моторизованного батальона. Сорок семь человек, там и познакомился с нашим братом танкистом и дальше старался держаться рядом с ними.

— Понятно, что дальше было? — спросил я, задумчиво покачав головой.

— Там старшим лейтенант был, из этих, идейных. Они все спорили с нашим старшиной Долгих, командиром танкистов, о том, что надо везде бить немцев, мол, «даже в тылу».

— И вы били? — спросил Егоров.

— Сперва не так чтобы очень, а вот после, когда немного научились, мы их стали бить, пока не обнаружили на окраине леса наш полевой госпиталь...

...Судя по рассказу сержанта, в госпитале живых не оказалось, раненые были вырезаны полностью, причем ножами, огнестрел применялся достаточно редко. Придя в ужас от вида убитых товарищей и изнасилованных и зверски замученных медсестер, они озверели не хуже немцев, совершивших такое. И начали мстить.

Я с удивлением слушал рассказ сержанта.

«М-да, они, наверное, даже меня обошли по количеству хоть и мелких, но диверсий!»

Я только качал головой, слушая глухой голос сержанта, рассказывающего, как они искали тех, кто порезвился в госпитале.

— ...нашли мы их только на вторые сутки, жители села рядом с госпиталем рассказали, что от него отъехали несколько новеньких ЗИСов, набитых советскими бойцами. — После моих рассказов радист прекрасно представлял, что такое «Бранденбург» и «Нахтигаль», и сложить все кусочки мозаики труда ему не составило.

Преследуя их пешком и у всех встречных узнавая, куда подевались новенькие машины, они наконец вышли на довольно большое село, в центре которого стояли шесть грузовиков с охранением в форме советских бойцов.

— ...план был прост, атаковать при первой возможности. Нас за время преследования набралось больше сотни бойцов, и командиром стал майор Кравченко, из саперов он вроде. Как только стемнело, мы тихо сняли часовых, там Иван поспособствовал, он в этом асом оказался, а потом мы рванули... в атаку... просто побежали, крича ура, а они, твари, нас из окон расстреливали. Успели, су...и, подготовиться.

— Дальше что было? — хмуро спросил я.

— Добежали мы, у кого гранаты были, стали их кидать в окна, те в ответ... бойня была. Самая настоящая бойня, товарищ капитан! — сказал срывающимся голосом радист.

— Хреновый вам командир попался, Санек, хреновый. Он что, вообще не знает, что такое бой? Он бы вас еще на танки с кулаками бросил! И что с ним?

— Убили почти сразу, — ответил радист хмуро.

Поглядев на слушателей, которые так же мрачно слушали рассказы Молчунова, велел:

— Давай дальше.

— Дальше они контратаковали и выбили нас. Гнали до самого леса, в живых осталось человек десять, остальные там полегли. Кто в селе, кто в поле. Я за товарищем старшим лейтенантом бежал, мы как-то оторвались от остальных и дальше шли уже вместе.

— Кто он такой?

— Товарищ старший лейтенант Маленький?

— Да.

— А, он командир танковой роты отдельного тяжелого полка. Так он говорил, я его документов не видел.

— Хорошо, что было дальше?

— Дальше? — задумался сержант, но потом, встряхнувшись, продолжил: — Дальше мы понемногу стали собирать бойцов из окруженцев. Их там много бродило, некоторые нас матом посылали, грозились пристрелить, а... одну банду мы уничтожили, они совсем потеряли человеческий облик, стали позорить форму советского бойца...

Рассказ Молчунова закончился только через час на том, как их группа наткнулась на охранные подразделения, прочесывающие местность. Выяснив где, я только ругнулся, это было неподалеку от нашей последней диверсии, минирования дороги и подрыва ремонтной роты одной из танковых подразделений. После почти двухчасового преследования они смогли оторваться, теряя по пути и людей и оружие. Только компактная группа из шести танкистов с командиром смогла выйти к вечеру в лес, где через некоторое время и повстречалась с нами.

Дослушав до конца, я встал, велел старшине организовать обед и после него привести ко мне старшего лейтенанта Маленького. Мне хотелось с ним побеседовать.

Отдав приказы, я в сопровождении Светы направился к озеру, повстречав по пути своих бойцов, возвращавшихся с водных процедур. Пропустив мимо себя почти четыре десятка крепких парней, я последовал дальше, непринужденно болтая с девушкой.

Ответив на окрик часового, мы через десять минут вышли к озеру.

— Хорошо-то как, — сказал я, потянувшись и с удовольствием оглядываясь. Посмотреть было на что, вокруг озера, устремив верхушки в небо, росли стройными рядами сосны. Берега озера заросли камышами, и это придавало ему уютный вид. Спустившись к берегу, где бойцами был очищен от камыша берег, я разделся, не обратив внимания на Свету, голышом вошел в воду, нырнул в неожиданно ледяную воду и поплыл под водой.

— Хорошо-о-о! — крикнул я, выныривая, и на спине, широко загребая, поплыл к противоположному берегу.

Поплавав туда-сюда, я вылез на берег, где в это время Света вешала на камыши мое белье, только что ею постиранное.

Показав кулак мелькнувшей на опушке фигуре часового, я привлек к себе девушку, и мы выбыли из реальности на некоторое время.

Маленький со своими бойцами согласился войти в мою группу, про радиста я даже не спрашивал, и так ясно, он мой боец.

Отдых в этом чудном лесу, окруженном со всех сторон буреломом и кустарником, как будто кто-то специально готовил непроходимые заросли для укрытия, оставив несколько

тропок, занял у нас почти пять дней и продлился бы еще, но стало заканчиваться продовольствие.

— Попрыгали! — приказал я, прыгая вместе с бойцами.

К тем, у кого что-то гремело, тут же устремились их сержанты. В большинстве шумели бойцы, пришедшие с Молчуновым, однако скоро все было готово, и мы, пустив вперед головной дозор, потопали за ним по маршруту, который вдоль и поперек проползали мои разведчики.

— Товарищ капитан, разведка вернулась, докладывают, что гаубичная батарея идет, и без охранения! — козырнув, доложил сержант-разведчик.

— Ну да? Они что, совсем страх потеряли? Тут же до передовой километров двадцать будет. Может, позиции меняют? — озадачился я.

— Может быть, товарищ капитан, — ответил мне сержант Евнухов, бывший у меня командиром разведчиков.

— Ну гаубицы, танки, какая разница? Будем уничтожать. Эх, жаль только взрывчатка последняя, — посетовал я на то, что вся взрывчатка у нас закончилась и сейчас мы в основном пользовались найденными снарядами, прикапывая их на дороге и используя для подрыва крохотные остатки взрывчатки.

— О, идут, — сказал сержант и стал опасливо отползать от меня подальше в тыл. Евнухов был из тех немногих оставшихся, кто присутствовал при первом подрыве, и впечатление от этого у него сохранилось на всю жизнь, как и лозунг: «Пусть взрывают, только я отойду подальше».

Проводив его насмешливым взглядом, я стал прислушиваться к шуму двигателей. Вот показался мотоцикл-вездеход с двумя немцами, который проследовал дальше, не заметив закладок. Следом за ними из леса показался тупоносый тягач, тащивший стопятидесятимиллиметровую гаубицу.

Подождав, когда из леса выедут грузовики с боезапасом, тыловыми службами, и убедившись, что первый тягач достиг первой закладки, крутанул ручку подрыв-машинки.

«Эх, жаль только двести метров заминировали, на задних не хватило, хотя тех, кто попал под разрывы, перекожежило основательно. Теперь только на переплавку, как орудия, так и технику!» — размышлял я, анализируя и подсчитывая потери немцев.

Дождавшись, пока пулеметчики основательно пройдутся по замыкающим машинам, вызвав на них пожары, и саперы смотают провод, который использовался для подрыва, дал приказ к отходу.

Последний раз бросив взгляд на чадно горевшую разгромленную колонну, я рванул за своими бойцами. Обогнать мне их труда не составило, так как я бежал налегке, а бойцы несли вооружение и боеприпасы. Заняв свое место в начале колонны, я приказал повернуть на север, где согласно докладам разведки было чисто от немецких отрядов.

«Что-то в последнее время немцы довольно резко стали реагировать на наши шутки», — думал я, наблюдая за авиаразведчиком, барражирующим над нами уже второй час.

В том, что он нас не успел засечь, я был уверен на все сто, благо наблюдатели за небом не сплеховали на марше, и мы успели нырнуть в эти крошечные заросли, с трудом вместившие пять десятков бойцов. Однако беспокойство все равно свербило меня.

Неподалеку был слышен отчетливый храп, бойцы слишком прямо исполнили мой приказ отдыхать, пока самолет не уберется. Наблюдатели, расположенные с разных сторон этой непонятной рожи, раскинувшейся на огромном поле, где нас застал разведчик, передавали, что все чисто.

Растолкав посапывающего неподалеку Маленького и оставив его дежурным, я завалился спать, пользуясь своим правом командира.

Разбудили меня под вечер, когда наконец этот гадский наблюдатель убрался на свой аэродром.

— Что-то долго он у нас над головой висел, — озадачился я, потягиваясь.

— Так двое их было, товарищ капитан, один улетел, а тут же сразу второй показался, — ответил мне Райкин, который оказался дежурным, когда я проснулся.

— Теперь понятно, почему у него горячка не кончилась.

Привстав, я высунул голову из кустарника, настолько он был маленьким, и осмотрелся.

«Еще полчаса — и стемнеет, надо убираться отсюда как можно дальше, — подумал я. — А то как бы не нарваться. Не успели мы далеко уйти от прошлой уничтоженной колонны, хоть и использовали табак и перец, чтобы отбить нюх у собак!»

Приказав Маленькому готовиться к выдвигению, вышел из кустарника на открытое пространство.

Тихими тенями скользили впереди дозоры, разведка ушла еще пять минут назад, после чего мы последовали за ними.

Когда уже совсем стемнело, разведчики привели ко мне человека, в котором я с трудом опознал, уже в полной темноте, советского командира.

— Вот, товарищ капитан, обнаружили наших артиллеристов, в составе одиннадцати бойцов при одном орудии, — доложил старший.

— Представьтесь, — приказал я командиру.

— Сержант Сенин, командир орудия второго взвода, третьей батареи, отдельного противотанкового дивизиона.

— Орудие — сорокапятка? — спросил я сержанта.

— Да, товарищ капитан!

— Сколько у вас боеприпасов и продовольствия?

— Семь снарядов на орудие. Продовольствия нет... голодаем мы, товарищ капитан, с трудом орудие сюда прикатили, уже сил не осталось идти дальше.

— Ну уж с продовольствием мы вам поможем. Мы тут утром удачно поохотились, и кое-что осталось. Вам хватит, только сперва вас осмотрит наш медик, можно вам есть или нет!

Проводив глазами сержанта, уходящего в сопровождении Светы, Егорова с тремя бойцами и Райкина, исполняющего обязанности особиста, направился к одному из постов.

Лагерь мы разбили неподалеку от артиллеристов, что облегчило работу Светы и Егорова, изрядно опустошившего свои запасы провизии.

Утро снова встретило нас ярким солнцем и кружкой горячего чая, заваренного дежурными. Дуя на кипяток, я осмотрелся, окинув проснувшийся лагерь быстрым взглядом.

Все было как обычно, дежурные наливали чай кому в котелки, а некоторым счастливицам в кружки, если таковые имелись. Допив и объявив о выходе через полчаса, я

плеснул из фляги на ладонь и с шумом и отфыркиванием умылся.

Вытираясь серым полотенцем, увидел приближавшегося дежурного, одного из командиров групп.

— Что там, Васютин?

— Разведка вернулась, я их два часа назад послал, как только заступил на дежурство. Они доложили, что обнаружили полевую дорогу, идущую в сторону фронта, и довольно наезженную.

— Ну что ж, надо посмотреть, может, что опять немцам сделать сможем?

Дорога была действительно хорошо наезжена, даже со следами ремонта. Посмотрев в сторону передовой, откуда был слышен далекий рокот артиллерии, спросил Райкина, устроившегося рядом:

— Разведка вернулась?

— Пока нет, товарищ капитан. Рано еще, — отрицательно покачал он головой.

Я только вздохнул, еще раз окинув взглядом поле без каких-либо признаков растительности и дорогу на нем, пробежавшую мимо нас.

— Судя по этому сгоревшему танку, долбили его с воздуха, — сказал я, ткнув пальцем в закопченный остов БТ-5.

— Да, товарищ капитан, воронки видны, и засыпанные, и свежие... О, кажется, разведка идет... Что скажешь, Евнухов? — спросил лейтенант, повернувшись к группе бойцов, появившихся сзади.

По рассказу я понял, что дальше, километрах в трех от нас, находится разбитая бронеколонна, в которой можно устроить засаду.

— Засаду говоришь? — спросил я и, вытащив листок бумаги, велел нарисовать, как стоят разбитые машины и возможные пути отхода.

Еще через час я сам разглядывал это скопление разбитой техники. Впереди колонны шел Т-40, который первым и подбили. После получения снаряда, пробившего лобовую броню, танк перегородил дорогу. Из-за глубоких канав, изображающих кюветы, остальные машины, в основном полуторки, не смогли его объехать и сгорели от огня из засады. БТ, стоящий в середине строя, чуть в стороне, с двумя пробоинами в корпусе в районе моторного отделения, как ни странно был на вид цел. Даже не горел.

Немцы, которые ремонтировали дорогу, оттащили или просто сбросили в кювет перегородившую технику, освободив проезд.

— Лейтенант, что там? — крикнул я в сторону танка, около которого возились несколько танкистов.

Из люка показалась голова Маленького, и он, наполовину высунувшись, ответил:

— Боекомплект полный, товарищ капитан, но нет прицела и затвора.

Я задумался, припоминая, и заорал:

— Егорова ко мне!

Через пять минут прибежал запыхавшийся старшина. Он устраивал в глубине близкого леса лагерь, где сейчас под присмотром Светы лежали три раненых бойца.

— Товарищ капитан, по ваше... — начал доклад старшина.

— Отставить. Федя, напомни мне, куда делись прицел и замок с того танка, что мы разоружили?

— Так куда они денутся, в вещмешке они были, сейчас принесу, — ответил он и быстро

убежал.

— А снаряды? — спросил я, принимая замок и прицел.

— Вы что, товарищ капитан, не помните? Мы же их еще на той полевой дороге использовали, когда на саперов напали.

— Ах да, точно. Ну да ладно, снаряды есть.

— Товарищ капитан, немцы едут! — крикнул мне в люк какой-то боец, когда я закончил устанавливать прицел и замок уже стоял. Проверив их, я наполовину вылез из танка и, достав бинокль, всмотрелся в приближающуюся пыль.

— Мотоциклы впереди... три танка... два грузовика. Один вроде с пушкой, — говорил я, разглядывая приближающуюся колонну противника.

— К бою! — скомандовал я, нырнув в танк. Бойцы уже не первый раз устраивали подобное, так что готовились неспешно, уверенно.

Сидевший на месте заряжающего Молчунов загнал в ствол первый снаряд. Улыбнувшись злой усмешкой, я стал крутить штурвал, держа на прицеле головной танк.

* * *

— Сашка, снаряд!

— Готово! — И хлопок по плечу.

Наведя перекрестья прицела под башню Т-IV, проезжающего мимо подбитого Т-40, выстрелил. На месте «четверки» вспух огненный шар, и нашу «бэтэшку» изрядно потрянуло. По броне замолотили осколки от сдетонировавшего боекомплекта. Башня Т-IV, кувыркнувшись, отлетела на несколько метров. М-да, стрельба в упор это «не есть гут».

— Снаряд!

— Готово!

Картина боя на мгновение остановилась. Вот два грузовых «Опеля» с немецкой пехотой — к заднему прицеплена противотанковая пушка Pak.35/36 — расстреливаемые нашей пехотой и безлошадными танкистами почти в упор. Вот выскочившая из-за «Опелей» «тройка» получает бронебойный снаряд в борт от замаскированной сорокапятки сержанта Сенина. Вот последний немецкий танк, спрятавшись за подбитой «тройкой», выстрелил в мою «бэтэшку». Раздался громкий удар, в ушах зазвенело, и время толчком пошло своим чередом.

— Рикошетом попали, товарищ капитан, — сквозь шум в ушах услышал я крик заряжающего.

Быстро наводя под башню второй «тройки», выстрелил. Почти тут же добавили артиллеристы, немецкий танк стал медленно разгораться. Никто из танкистов не смог выбраться. Дым от горящих «троек» застилал дорогу, и не был виден последний грузовик, замыкающий колонну. Дав несколько очередей из башенного пулемета в ту сторону, я приказал покинуть машину. Прихватив оружие, мы выскочили и залегли в кювете рядом с двумя танкистами с МГ.

Оглядевшись, я заорал:

— Осмотреться, есть живые немцы?!

Мой приказ передали по цепочке.

— Под последним грузовиком залегли пяток немцев, тащ капитан, — крикнул старший лейтенант танкист.

— Пулеметчики — прикрывающий огонь, гранатометчики — вперед!

Заранее разбитые на несколько групп — по два бойца с гранатами и одним в прикрытии с нашим или трофейным автоматом — скоординировавшись, поползли к машине. Через мгновение прозвучали несколько разрывов.

— Прекратить огонь! Досмотровая группа, вперед! — скомандовал я.

Десяток бойцов, вооруженные автоматами и пистолетами, двинулись к расстрелянной колонне. Подходя к телам немцев, начали делать контрольные выстрелы. После зачистки колонны я приказал доложить о потерях, собрать трофейное вооружение и амуницию.

— Товарищ капитан, потери: один человек погиб, красноармеец Тухваттулин, трое ранены, ими сейчас товарищ военфельдшер занимается. Трофеи: один мотоцикл целый, из передового дозора. Четыре пулемета и два МП, одно орудие со снарядами. Карабины подсчитываются, — доложил мне старшина Егоров, показывая в сторону разбитой полуторки, около которой складывали трофеи.

— Ясно. Так, забираем оружие и боеприпасы, остальное уничтожить. Собрать носилки, забираем раненых и уходим, и быстрее, а то сейчас у этих «троек» бэка рванет.

— Есть, — козырнул старшина и побежал торопить бойцов. Раненых уже уносили в лес.

В это время ко мне подошла военфельдшер Беляева, вытирая окровавленные руки.

— Что с ранеными, Светочка?

— Двое транспортабельны, я их перевязала, но нужна операция, один тяжелый, младший сержант Семенов дорогу не переживет.

— Товарищ капитан, товарищ капитан, немцы! — Ко мне подбегал запыхавшийся боец из легкораненых, которых я отправил в дозор, откуда пришла колонна.

— Сколько?

— Шесть танков впереди, два бронетранспортера и пехота на грузовиках, дальше не видно, пыль мешает. Впереди два мотоцикла с пулеметами.

— Всем внимание! Уходим, уходим!

Следуя за своими бойцами, замыкающим добежал до леса. Остановившись и зайдя за дерево, достал бинокль. В полукилометре из-за холма выскочили два мотоциклиста и понеслись к расстрелянной колонне. Мой дозор успел скрыться, маскируясь складками местности, уйдя в сторону. Эх, жаль, заминировать ничего не успели, да и нечем было, последнюю взрывчатку мы использовали вчера, когда заминировали дорогу и уничтожили гаубичную батарею на марше. Мы тогда подорвали орудия и после этого расстреляли уцелевших артиллеристов огнем из засады, когда они перлись одни и без охраны. Грех было не воспользоваться таким шансом.

На дороге показался передовой танк. Посмотрев в бинокль, я узнал французский R35. Башня танка повернулась в мою сторону.

«Блин, валить надо!» — подумал я.

Развернувшись, рванул за своими ребятами. Около дуба устроились два танкиста с пулеметом Дегтярева, меня прикрывали. Сзади, со стороны немцев, громко хлопнуло, и земля вдруг ударила меня в лицо.

Очнулся я как-то внезапно, просто открыл глаза и уставился в потолок. Блин, как глупо. Выстрел же явно был слепым, просто выстрелили туда, куда мы могли уйти, прикрывая мотоциклистов или опасаясь засады.

Вздыхнув, огляделся, пытаюсь понять, где я. Явно не у немцев, те бы меня просто шлепнули. Скорее всего, мои же бойцы вынесли. Однако, оглядевшись, понял, что в сорок первом радиоприемников «акаи» и оконных стеклопакетов нет. Я вернулся в свое время. Судя по всему, нахожусь в больнице. Четыре койки, две пустые. Одна заправлена, но хозяина нет. Сев на кровати, что вызвало довольно сильное головокружение, опустил ноги на пол, что-то при этом задев. Переждал, пока перестанет кружиться комната, и посмотрел под кровать.

«М-да, утка. Это же сколько я без сознания был?» — подумал я.

— Надеюсь, Райкин сделает то, что должен был сделать! — глухо пробормотал я, задумчиво глядя в окно, вспоминая о Шведе.

Если в сорок первый я попал на полтора месяца, то здесь, судя по головокружению и тону мышц, прошло не более пары дней. Почувствовав некоторое давление внизу живота, я понял, что нужно срочно посетить туалет. Встав и подождав, когда пройдет головокружение, надел тапочки, обнаруженные под кроватью. Не обращая внимания на то, что на мне одни трусы, бегом рванул в туалет. В самой палате входа в это место для размышления не было, пришлось пользоваться общим. Вернувшись в палату, обнаружил соседа, плотного мужика лет пятидесяти, с интересом на меня взиравшего.

— Э-э-э, здрасте. Вы не подскажете, где моя одежда?

Мужик молча показал на шкаф, не сводя с меня заинтересованного взгляда. Открыв шкаф, я обнаружил сумку с вещами, которая оставалась в общежитии. Видимо, сестра принесла. Достав сумку из шкафа и одеваясь, познакомился с соседом. Найдя мыльно-рыльные принадлежности, пошел приводить себя в порядок. Вернувшись, обнаружил в палате медсестру, мужик опять куда-то пропал.

Обернувшись на шум открывающейся двери, молоденькая медсестричка всплеснула руками:

— Больной, кто вам разрешил вставать?

— Так я себя нормально чувствую.

— Нормально, не нормально, это доктору решать. Вот Эдуард Викторович осмотрит вас, только тогда и узнаете, можно вам вставать или нет. И вообще, ложитесь немедленно, сейчас обход будет! Вот нельзя на пять минут оставить без присмотра, уже больные пропадают. Хорошо, что Петр Семенович сказал, что вы встали.

Эта «Трындычиха», не замолкая, отобрала у меня полотенце, пасту с щеткой и начала сдирать с меня одежду. Уложив меня в кровать, выглянула из палаты.

— Пока никого нет. — Обернувшись, добавила: — Сейчас обход будет, ждите. — И попыталась выскользнуть из палаты, но не тут-то было, у меня накопилось множество вопросов.

— Стойте, я хочу спросить. Сколько я здесь уже нахожусь и что со мной?

— Вас позавчера привезли, где-то к обеду. С вами сестра была, она и вещи привезла. У вас поражение электрическим током, так в больничном листе написано.

— Ага, ясно, она сейчас здесь?

— Нет, она домой поехала, себя в порядок привести, а меня попросила за вами присмотреть, пока не вернется.

И тут же выскользнула за дверь, пока я раздумывал.

«Так, надо привести мысли в порядок», — почесав затылок, подумал я.

— Ну-с, больной, очнулись? — донеслось до меня как сквозь вату. С трудом открыв глаза, увидел перед собой доктора.

— Что, простите?

— Как себя чувствуете, больной? — спросил доктор и, взяв мою руку, стал слушать пульс.

— Нормально я себя чувствую.

Из-за спины доктора выглянула давешняя медсестра и сразу наябедничала:

— Он сам очнулся, Эдуард Викторович. И встал. Я еле его уложила.

Доктор, отпустив мою руку, произнес:

— Больной, встаньте. Только осторожно. Головокружения нет? — и, придерживая меня за локоть, помог подняться.

— Да нет, нормально я себя чувствую. А когда меня выпишут?

— О, какой торопыга! Обследуем, и если все нормально, то завтра выпишем. Галочка, через час больного ко мне в смотровую, — сказал он и вышел из палаты.

— Больной... — начала Галочка, но я ее перебил:

— Почему сразу больной? Меня Михаилом зовут, можно просто Миха, и, кстати, когда кормить будут?

Медичка только фыркнула:

— Обед уже был, ужин будет только через два часа. Там к вам сестра пришла, сейчас позову, — и выскочила из палаты.

Я оглянулся, молчаливого соседа снова не было. И тут в палату ворвалась Ленка. С ходу выпалив:

— Как ты? — она ощупала меня взглядом.

— Да нормально все, нормально, — отмахнулся я и тут же задал волнующий меня вопрос: — Что-нибудь поесть принесла? А то есть охота, сил нет!

— Принесла, принесла. Знала, как очнешься, кушать захочешь. Вот. — Она стала выкладывать продукты на стол. Я схватил банан, почистил и стал с урчанием его поедать.

Сестренка с улыбкой за мной наблюдала, и вдруг я понял, что родителям она ничего не сообщала, боясь их потревожить. У отца слабое сердце. Не знаю, откуда взялись эти знания, но я это знал точно, видимо, по наитию.

— Спасибо, что родителям не звонила.

Ленка с удивлением посмотрела на меня.

— А ты откуда знаешь, догадался?

Не в силах говорить я только кивнул и взял второй банан.

— Афкафи со сега выло, — невнятно попросил я.

— Что? Ты сначала прожуй, а потом говори.

Я быстро пережевал.

— Расскажи, что вчера было, — повторил я.

Ленка помрачнела.

— Все у меня на глазах произошло, я тебя еще в маршрутке увидела, ты к Кольцу подходил...

Лежа после обследования на кровати, я обдумывал сегодняшний день. Завтра выпишывают, сестренка ушла домой. После ее ухода я позвонил родителям, успокоил их, почему не звонил, почему номер недоступен. Сказал только одно — «черная дыра». Вопросы сразу отпали. Сказал, что сессия закончилась и что я, погостив пару дней у сестры, приеду домой. Мама к моему приезду обещала сделать отбивные. Сглатывая слюну и подавив желание рвануть домой немедленно — полтора месяца без нормальной еды! — прикрыл глаза.

Начиная подремывать, я вдруг увидел себя со стороны. Вот я лежу на кровати, в палату заглядывает Галочка, говорит:

— Больной, время ужина. Столовая на втором этаже направо, — и, улыбнувшись, уходит.

Вот я сажусь на кровати и, свесив ноги, пытаюсь нащупать тапки, и тут раздается стук за окном. Повернув голову, я вижу голубя. Балансируя на небольшом сугробе, он требовательно стучит в окно. Тут отворяется дверь, и в палату входит Петр Семеныч. Увидев голубя, он улыбается и говорит:

— А, Михайло Викторович прилетел! Вот я тебе припас, — и, открыв окно, выпускает голубя на подоконник.

И тут я открыл глаза и сел, вернувшись в реальность. Опустив ноги на пол, огляделся, в палате, кроме меня, никого не было.

«Уф! Просто глюки!»

Бесшумно открылась дверь, и в палату вошла Галочка:

— Больной, время ужина. Столовая на втором этаже направо, — и, развернувшись, удалилась.

Проводив ее выпученными глазами, я стал усиленно чесать затылок:

— Что за?.. — но договорить не успел, в окно застучали.

Посмотрев в окно, я уже знал, что там увижу. Голубь глядел на меня бусинками глаз и стучал в раму. Тут в палату вошел Петр Семеныч и, улыбнувшись, радостно произнес:

— А, Михайло Викторович прилетел! Вот я тебе припас, — и, открыв окно, выпустил голубя в комнату.

Перебравшись на подоконник, голубь, вопросительно наклонив голову, посмотрел на соседа.

— Сейчас. На вот... Тут печенье, крошки хлеба, все как ты любишь. — Он достал из тумбочки небольшую тарелку со сколом на боку и стакан с водой. Поставил перед голубем, умиленно наблюдая, как голубь склевывает корм. Обернувшись ко мне и увидев мои ошалевшие глаза, поспешил объяснить:

— Да это Михайло Викторович, талисман нашей палаты. Кто-то из прошлых жильцов этой палаты приманил его, прикормил, теперь каждый день прилетает поклевать, и вот... — объяснял он, как будто мне был интересен этот голубь.

«Ну нифигасе! Это что, я будущее вижу?!»

Не слушая соседа, я лихорадочно обдумывал ситуацию.

«Так, так, так! Надо проверить, что это было». — Прикрыв глаза, я мысленно скользнул в себя и стал глядеть, что я из будущего делаю. Посмотрел сколько смог — черт, не больше

пяти минут. Дальше не получалось. Встав с кровати, подошел к радиоприемнику и включил его. Послышался молодой бодрый голос диктора:

«...забавный случай произошел в США, в пригороде Чикаго. Грабители, покидающие место преступления — один из домов в деревеньке Арлингтон-Хайтс, — решили убить немых свидетелей: аквариумных рыбок, внимательно за ними наблюдавших. Они налили в аквариум с тремя рыбками острый соус, горчицу и кетчуп, а также засыпали специй. Грабителей, пойманных по горячим следам, обвиняют в ограблении и жестоком обращении с животными...»

«Класс! Прямо точь-в-точь, как я увидел и услышал в будущем!»

Обдумывая и анализируя все, что только что произошло, вместе с Петром Семенычем сходил в столовую, где нас удивительно хорошо и вкусно покормили. Когда вернулись в палату, сосед, накинув на плечо полотенце, вышел, оставив меня одного.

Хмыкнув, я задумался. Первый вопрос: что мне было нужно? Ну это понятное дело — деньги, потом... деньги и тоже деньги. Денег надо много. Ленке квартиру купить, а то она на съемных мается. Брат у простых граждан, это... это вообще конченным козлом надо быть! У кого можно и не жалко? Так, первые — это всякие чиновники коррупционеры, бандиты, ну и банки-грабители. Начнем, пожалуй, с коррупционеров и бандитов как с легкой добычи. Банки мне пока не по зубам. Я лег на кровать, расслабился и стал перебирать, что мне надо сделать в первую очередь.

После полутора месяцев войны я стал ощущать себя по-другому. Я оказался прав, когда говорил Рамилю, что стал другим и мой характер не изменится, когда я вернусь обратно в свое тело и свой мир.

«Блин! Вот он — привет с войны!» — подумал я без особой злости.

Также не было привычной уверенности, когда рядом нет оружия, да и на окружающее я стал смотреть как-то не так, совершенно не так. Когда заходил сосед, я напрягался. Внимательно просеивал взглядом его пижаму на наличие оружия и намечал точки ударов из того положения, в котором находился. Это немного напрягало, но надеюсь, что со временем подобные рефлексии пройдут.

Ладно, утро вечера мудренее, тем более уже было двенадцать часов ночи. Взяв банные принадлежности, я пошел в душ. В больнице оказалась первоклассная душевая кабина с гидромассажем. Намылив голову, я встал под струйки воды, которые действительно неплохо массируют тело. Так, стоя и балдея, обдумывал свою проблему. Или массаж помог, или холодная вода, внезапно хлынувшая на меня, но у меня возникла неплохая идея... Выскочив из душа, я стал энергично растираться, обдумывая ее. Вернувшись в палату, обнаружил, что соседа все еще нет. Ну мне же лучше, некому будет храпеть над ухом, пока засыпаю.

— Ну и горазд же ты спать. Уже девять утра, — произнес сосед, улыбнувшись. Сидя на своей кровати, он читал газету.

Потянувшись, я ответил:

— У человека с чистой совестью и сон хороший. — На что сосед только хохотнул.

Открылась дверь. Не оглядываясь, я поздоровался:

— Здравствуй, Галочка.

— Ой, а как вы догадались, что это я?

— Учуй запах ваших духов, Галочка. — Не объяснять же ей, что я знаю, что со мной

произойдет, на пять-десять минут вперед.

— Михаил Геннадьевич, вас выписывают, так что пройдемте за мной, — строго сказала Галочка.

Быстро одевшись и потирая глаза, я спросил:

— Умыться-то можно?

— Конечно. Я жду вас у стойки дежурной медсестры. — Сказав это, Галочка вышла в коридор.

Приехав на съемную квартиру сестры — она в это время была на работе — и закинув сумку в шкаф, я лег на кровать и задумался. Идея, которая пришла мне в душе — это разговаривать с собой, находящимся в будущем, невербально (говорить пробовал, не получается). Для меня его речь (то есть речь меня из будущего) была невнятной, а с помощью ручки и бумаги общаться можно, потому как я вижу все, что видит он, его глазами. Когда я ехал на маршрутке к сестре, то постоянно смотрел в будущее и знал, кто и на какой остановке выйдет или войдет.

Так, что бы мне хотелось узнать? Достав из сумки ручку с тетрадкой, я задумался. ЧТО? Немного подумав, я, для проверки, решил узнать лекарство от СПИДа. Заглядывая в будущее, я быстро переписывал то, что мне пишет... Блин, а как мне его называть? Может, Миха? Нет, Миха — это я. Может, Михась? Ладно, пусть будет Михась. Так вот, записав за Михасем полтетрадки каких-то формул, графиков и уравнений, в которых совсем не разбираюсь, я опять задумался. Может, еще про рак узнать? Точно, еще про рак перепису.

Переписав за Михасем еще полтетрадки, я остановился и задумался, не обращая внимания на то, что Михась продолжает строчить и дальше. Если что — потом перепису. А что если спросить у Михася про «черную дыру»? Почему пропадают вещи вокруг меня и можно ли от этого избавиться? Взяв чистую тетрадь, я стал быстро за ним записывать. И пока записывал, мои глаза открывались все шире и шире. Никогда, повторяю, никогда я от «черной дыры» не избавлюсь. Это же, это... А как я раньше проклинал ЭТО.

Никак я не могу от волнения выразить свою радость от обладания подобным умением! Как бы объяснить, что это такое? Вот представьте себе межпространственную щель, в которую можно запихнуть все что угодно, даже круизный лайнер, только без людей. Живую материю он не принимает. Или танк, или еду. Причем засунешь, например, горячий пирог, через двадцать лет достанешь, он будет такой же горячий и вкусный, и это не учитывая веса предмета. То есть можно что угодно, с каким угодно весом, для меня все равно! Проще говоря, на мне закреплен только вход-выход. Веса на мне нет. Продолжая записывать, я довольно мурлыкал любимую песенку «Бременских музыкантов» про то, как хорошо жить на свете. Закончив писать, попытался осмыслить написанное.

М-да... Пользоваться межпространственной щелью мне еще учиться и учиться. И если положить в щель я смогу без особого труда, то вот вытащить! Найдя у сестры коробок спичек, разложил их перед собой. Взяв тетрадку в руки, несколько раз перечитал, как втягивать вещи.

Сперва у меня ничего не выходило, но вдруг спичка, которую я напряженно сверлил взглядом, исчезла. Получилось? У меня получилось!

Я радостно засмеялся: два часа мучений, литр пота и — вуаля! Все спички исчезли. Причем после каждой спички мне было все легче и легче. Отложив тетрадку с формулами лекарств, я написал на титульном листе, что там и для чего. Потом убрал тетрадку в сумку.

Вдруг Михась встал и начал одеваться. Быстро вскочив, я последовал его примеру. Выйдя на улицу, мы дошли до ближайшей остановки и сели в автобус. Доехав до нужной остановки, вышли и, пройдя пару кварталов, зашли в хозяйственный магазин. Михась, достав из внутреннего кармана куртки блокнот, написал несколько строк. Прочтя, что там написано, я подошел к продавщице и попросил принести внутренние входные замки. Из десятка коробок с замками выбрал себе один ничем не примечательный замок. Оплатив покупку (блин, дорого! Денег почти не осталось), вышел из магазина. Зашел в какой-то подъезд, достал из кармана коробку с замком и вытащил связку ключей. Отсоединив один ключ, я убрал коробку с замком «за пазуху» (так я решил назвать щель. А что, удобно! Убрал «за пазуху», достал «из-за пазухи»).

Выйдя из подъезда, прошел вслед за Михасем шесть кварталов. Немного замерз. Не май месяц, зима все-таки. Потом зашел в ничем не примечательную, самую обычную пятиэтажку. Поднявшись на четвертый этаж, достал ключ. Подойдя к самой обычной, обтянутой черным изрезанным дерматином двери, вставил ключ и без проблем повернул его. С громко бухающим сердцем толкнул дверь. Скрипнув, она отворилась.

Зайдя в квартиру, закрыл дверь на замок. Потом уже спокойно вошел в комнату, прекрасно зная, что там увижу. Михась в это время доставал из зеленого армейского ящика АКМ в заводской смазке. Обычная однокомнатная квартира была заставлена зелеными ящиками. Затем, последовав примеру Михася, я отодрал подоконник и обнаружил там тайник с деньгами. Достав деньги, быстро пересчитал пачки. Семьдесят тысяч евро, сто десять тысяч долларов и шесть миллионов рублей. Оставив одну пачку рублей и одну с валютой, остальные деньги сунул «за пазуху».

Повернувшись к ящикам с оружием, быстро их осмотрел, пересчитал и тоже сунул «за пазуху», кроме одного ТТ с резьбой на стволе, с двумя запасными магазинами и с патронами россыпью. Магазины сунул в специальные кармашки, а патроны высыпал в карман куртки. В одном из ящиков нашел с помощью Михася глушитель и поясную кобуру, быстро ее надел. Оглядевшись и проверив, ничего ли не забыл, вслед за Михасем покинул квартиру, запер ее и поскакал вниз по ступенькам.

Выйдя на улицу, мы почему-то пошли не на ближайшую автобусную остановку, а, пройдя дворами несколько кварталов, зашли в подъезд девятиэтажки. Уже зная, что там увижу, я рванул подвальную дверь и быстро спустился вниз. Из плохо освещенного тусклой лампочкой угла доносилось мычание, хрипы и громкое сопение. В углу я увидел паренька студенческого возраста, навалившегося на девочку лет двенадцати. Зажимая ей рот левой рукой, он пытался правой стянуть с девочки трусики с колготками. Подскочив к ничего не замечающему насильнику, я мощным футбольным ударом в бок сбил его с девочки. Уже спокойно подошел к этому гаду, скорчившемуся в позе эмбриона, ногой перевернул его на спину, сделав вид, что не замечаю, как девочка судорожно приводит себя в порядок, а затем спокойно наступил насильнику на горло и резко нажал. Раздался хруст. Медленно стекленеющие глаза парня уставились в потолок, а по телу пробежала небольшая судорога. Повернувшись к девочке, поправляющей юбку, спросил:

— Ты как? Домой проводить или сама дойдешь?

Испуганно глядя на меня большими глазами, она стала то согласно, то отрицательно трясти головой.

— Понятно. Ладно, пошли, провожу.

Девочка, испуганно глядя на тело насильника, бочком-бочком попятилась и, подобрав

розовый школьный рюкзак, робко подошла ко мне.

— Не беспокойся, я его надолго вырубил, часа два проваляется. Пойдем, провожу.

Черт, не знаю, как себя с детьми вести, тем более в подобной ситуации. То, что о произошедшем с ней нельзя говорить, это точно. Нужно про школу, про дом, про что-нибудь приятное. Девочка шла рядом, опустив голову и невпопад отвечая на мои вопросы. По крайней мере, я узнал, что ее дом следующий, что ее зовут Даша, что ей тринадцать лет и что она учится в музыкальной школе. Как только речь зашла о школе, Даша подняла голову и быстрой скороговоркой стала взахлеб рассказывать: про учительницу, про других девочек и о своей новой подруге.

Рассказывая, Даша начала размахивать руками, смеяться, глаза у нее заблестели. Доведя девочку до двери квартиры и попрощавшись, я быстро спустился вниз. Немного отойдя от дома, поймал такси, назвав остановку рядом с домом сестры. Показывать таксисту, где временно живу, я не собирался. Береженого Бог бережет.

Выйдя из такси, я зашел в небольшой продуктовый магазинчик, где набрал полные сумки всяких вкусняшек, и потопал к дому. Зайдя в квартиру, быстро рассовал продукты по холодильнику и шкапам и попытался связаться с сестрой по мобильному, но не смог — она была вне доступа. Позвонил родителям и полчаса болтал с мамой.

После разговора достал из кобуры ТТ и, разрядив, стал быстро разбирать его. Память Шведа осталась там, во сне. Но все, что со мной происходило в сорок первом, в памяти сохранилось. Руки делают то, что тогда я делал не раз. Сходив на кухню, я поискал ненужные тряпки. Не найдя, вернулся и, достав сумку, взял самую нелюбимую футболку. Накрутив обрывок футболки на шомпол, стал тщательно чистить ствол. Не спеша почистив пистолет, убрал его обратно в кобуру.

Тут как раз заиграл мелодию мобильник. Потянувшись, я взял его в руки. Звонила Ленка.

— У меня тут сообщение вылезло, что ты звонил! Чего хотел? — раздался в динамике ее голос.

— Привет! Ты что, с самым любимым братом даже поздороваться не хочешь?

— Ну привет. А чего это с самым любимым братом? Ты у меня, слава богу, один. Мне и одного вот так хватает! — И я услышал, как она ударила ребром ладони по горлу.

— Не любишь ты меня, — проворчал я, пытаюсь сделать несчастный голос.

— Любишь, не любишь, хватит прикалываться. Чего звонил-то? — с любопытством спросила сестра.

— Ресторан! — трагическим шепотом простонал я.

— Что ресторан? — тревожно спросила Ленка.

Попалась! И уже нормальным голосом я сказал:

— Как ты смотришь на то, чтобы вечером сходить в ресторан или в клуб, отметить сдачу сессии? Я плачу за все.

Ленка сказала, что только за. Быстро договорившись, где и во сколько мы должны встретиться, я нажал отбой.

— Ты стал другим... — Ленка задумчиво крутила бокал с вином в руке. Потом, приподняв, стала разглядывать меня сквозь стекло.

Я озадаченно спросил:

— В смысле? Я себя нормально чувствую!

Сестренка нахмурилась:

— У тебя взгляд изменился. Я еще в больнице заметила. Думала, это последствия от удара током. Раньше ты часто смеялся над любой шуткой, а сейчас даже не улыбаешься и взгляд всегда серьезный. И смотришь как-то вот холодно... Нет, не на меня, на других. Но все равно по-другому.

М-да, озадачила меня сестра, озадачила. В ответ на ее слова я только пожал плечами. Объяснений для нее у меня не было. Мы развлекались до полуночи, но я часто ловил на себе задумчивый взгляд сестренки.

— У-у-у! Я устала, как Снегурочка в Новый год, — простонала Ленка, когда мы вернулись домой. — Сейчас я постелю тебе на диване, иди пока в ванную.

Умывшись, я лег на скрипучий диван и, подождав, когда Ленка уляжется в свою кровать, сказал:

— Знаешь, я, наверное, в Москву уеду. Хочу там квартиру снять. В общем, есть чем заняться. Уволюсь с работы и рвану в Москву.

Скрипнула кровать, и насмешливый голос спросил:

— Интересно, а что мама скажет? Она тебя не отпустит. Нет, точно не отпустит! Помнишь, как я уезжала?

М-да, проблема. Мама у нас матриарх семьи, без ее согласия ничего не решается. Но я уже не мальчик — так я сестре и заявил.

— Ну-ну. Слова не мальчика, а мужа! Ладно, спать пора. Спи давай. Ха, в Москву он уедет! Так тебя и отпустят... Спокойной ночи, — сказала она, поворочавшись.

— Просыпайся, соня, — сказал кто-то, тормоша меня. Я открыл глаза и тупо осмотрелся, не понимая, где нахожусь.

— О, проснулся наконец! А то я тебя бужу-бужу, а ты не реагируешь! — весело сказала сестренка, отходя к настенному зеркалу.

— Да все в порядке, просто отсыпался, — ответил я, поняв, что нахожусь в квартире сестры. Отпустив рукоятку пистолета, вытащил руку из-под подушки.

Я до сих пор был там, в том времени, и слова сестры доходили до меня как сквозь вату. Сообразив, что она ожидает от меня ответа, нетерпеливо постукивая расческой по ладони, ответил первое, что пришло в голову:

— Да так, мысли вслух, странный сон мне приснился.

— Расскажешь? — спросила она, повернувшись обратно к зеркалу.

— Да ничего интересного, так, про войну, воевал я.

— Ты-ы! Воевал? Ой, держите меня семеро. Да ты прощения просил у петуха, когда ему голову отрубал, уж я-то помню, сама слышала.

— Не смешно, это был просто сон, — ответил я, сделав обидчивый голос, хотя мне было глубоко фиолетово, хотелось просто лечь на кровать и ни о чем не думать.

Сестренка удостоила меня тихим смешком и чуть презрительным «вояка».

— Ладно, нечего разлеживаться, мне на работу пора, да и тебе домой. Или ты останешься? — спросила меня Ленка, пнув босой пяткой мою ногу.

— Не, я домой, есть некоторые планы, — ответил я, вставая с кровати. Меня заметно повело в сторону.

«Нифигасе, это что, я уже отвык от своего родного тела? В больничке же такого вроде

не было?» — задумался я и, обойдя сестренку, направился в санузел. Вернувшись в комнату, я понял, что все рефлексy снова в норме, как и моторика движений.

Упав на пол, я стал делать отжимания, не обращая внимания на стоящую рядом Ленку, смотрящую на меня с отвисшей от удивления челюстью.

На семнадцати я «сдох» и, упав на пол, старался отдышаться.

— Ты чего это? Ты что, не в себе? Ты же никогда не занимался спортом, решил от живота избавиться? — засыпала меня вопросами сестренка, отойдя от шока.

— Нет, это я хотел посмотреть на твое лицо, когда ты меня увидела отжимающегося, — ответил я ей, поднимаясь с пола, так как одышка уже прошла. Чайник на кухне засвистел, и она направилась туда.

— Тебе током не только сознание вышибло, но и мозги! — заключила сестренка, наливая в стаканы чай.

— А что, плохо будет, если стану стройным и красивым? — спросил я, усаживаясь на табурет и беря самый большой бутерброд.

— Да нет, как хочешь, это твое дело, — ответила она, отпивая кипятка, который она называла чаем.

Закончив завтрак, мы стали собираться, я достал сумку, уложил вещи и застегнул молнию.

Попрощавшись у автобусной остановки, мы разъехались в разные стороны. Она на работу, а я на железнодорожный вокзал, где находилась стоянка маршрутных автобусов.

Найдя свой, который шел в Алексеевское, и узнав, что до отправления еще почти час, положил сумку на сиденье. Заняв место, направился на рынок, который был неподалеку, всего в двух шагах. Набрал покупок, благо в деньгах стеснен теперь не был — даже сестренке оставил под матрасом. Сама бы не взяла, проявляла самостоятельность, — и направился обратно, время отъезда уже подходило.

Заняв свое место, я откинулся на спинку и, воткнув в уши наушники плеера, закрыл глаза.

— Парень, приехали, Советская улица, пора на выход, — тормозил меня сосед.

Сладко зевнув, я поблагодарил его, забрал сумку и, расплатившись с водилой, направился к дому родителей, перейдя шоссе.

— Ну что ты не позвонил, я хотя бы салатки наделала, а так одно мясо с хлебом ешь, — причитала мама, крутясь около плиты.

— Мам, я всеядное, а не какое-нибудь жвачное животное, мясо вкуснее и сытнее, — пробормотал я, впиваясь в сахарные ребрышки, захрустевшие на зубах как хворост.

— А салаты — это витамины, — ответила мама, подняв палец.

Я в ответ только вздохнул.

— Ух, какой ты худющий, — сказала она, обняв меня со спины, при этом ее пальцы щупали мой живот, проверяя, как сильно я похудел.

— Ну мам, хватит, дай поесть! — взвыл наконец я.

После обеда, немного отдохнув, я взял лопату и стал расчищать двор от снега, его в мое отсутствие успели изрядно запустить. Отец просто не понимал, зачем чистить, если весной все равно все растает. Однако чистил двор я не для этого, а просто для зарядки и чтобы подышать свежим воздухом. Двор я очистил примерно наполовину и решил, что на сегодня

хватит.

Вернувшись в дом, я зашел в свою комнату и, плюхнувшись на стул перед компьютером, включил стрелялку, просто чтобы разгрузить мозг, однако бывшего кайфа это не принесло — настрелялся. Поэтому, выключив игру, я стал лазить во всемирной паутине.

Утро воскресенья встретило меня воплями соседской детворы, катавшейся с ледяной горки, она была неподалеку от моего окна.

День я решил начинать с зарядки, поэтому, натянув теплый спортивный комбинезон, в котором я изредка ездил на лыжную базу, и выбежав во двор, взял низкий старт.

Пятикилометровый марш-бросок высосал из меня все силы, и домой я не пришел, а приполз. Отмахнувшись от матери, начавшей ругаться, что я гроблю свое здоровье, взял лопату и стал снова таскать снег со двора.

Видимо, мама поняла, что со мной что-то не так, и поняла еще вчера, судя по ее взглядам, но не вмешивалась и ни о чем не спрашивала, просто наблюдала.

Вечером я застал ее за разговором с сестрой по телефону, и, судя по ее лицу, Ленка пока не выдала, что меня шандарахнуло током. Разговор об отъезде в Москву я даже не заводил, понимал, что попытаются отговорить.

На следующий день я вышел на работу и первым делом написал заявление об уходе по собственному желанию, однако, несмотря на все мои просьбы, начальник меня без отработки не отпустил.

«Что ж, эти две недели я пушу на физические тренировки и тренировки с „пазухой“», — подумал я.

Через неделю мать узнала от знакомых о том, что я уволился, и устроила мне форменный допрос. Его я с трудом, но выдержал и получил ее согласие, сказав, что хочу продолжить образование в Москве.

Хуже было с отцом, я глядел на его сгорбленную фигуру и с тяжестью на сердце пытался объяснить, почему уезжаю, стараясь найти убедительные доводы.

— Сынок, как же мы одни-то будем? — спросил он надтреснутым голосом.

В общем, уезжал я с тяжелым сердцем и болью в душе.

Дальше было просто: железнодорожный вокзал, билет, несколько часов в купе — и вот она столица, принимай еще одну «деревню».

* * *

Прижавшись к стене из красных кирпичей, в одной из подворотен в старом районе Москвы, я старался остановить кровь, текущую из простреленного плеча. Достав «из-за пазухи» чемоданчик с красным крестом, открыл его и стал перебинтовываться, при этом анализируя то, что случилось со мной.

«Блин, три с половиной года я в этой Москве, и первый раз меня так зацепили!»

Подстрелили меня, когда я уходил с лежки, с которой полчаса назад послал пулю из снайперки в одного нехорошего депутата, которому лично вынес приговор. Он числился последним в моем списке, но оказался слишком охраняемым. У меня был выбор: или убрать его и получить пулю, или уйти, и я сделал свой выбор.

Убивал я не просто людей, а тех, кто привел к развалу мою страну, тех, кто активно

дергал за ниточки, управляя этим хаосом, называемым «перестройка», в те далекие девяностые.

Ведь с помощью Михася я узнал ВСЕХ самых активных виновников, тех, кто люто ненавидел Россию. Всех, кто в этом участвовал, все сто двадцать восемь человек. И сегодня умер последний.

Закончив, я убрал чемоданчик обратно и, достав чистую, не испачканную кровью одежду, морщась от боли, переоделся.

Пользуясь информацией Михася, я обошел все посты и вышел на проезжую часть, где мне удачно попало пустое такси.

— Куда? — спросил меня водитель.

— Домой, — ответил я, стараясь не потерять сознание от потери крови, и назвал адрес съемной квартиры.

Глядя на пронсящиеся мимо припаркованные машины, деревья и дома, я пытался осмыслить, как дошел до жизни такой.

Сразу вспомнился первый день в Москве и, честно говоря, смутно. Переполненный впечатлениями, я быстро с помощью Михася нашел бабульку, сдающую квартиру в центре города, и снял «двушку».

Квартира мне понравилась, к тому же метро было в двух шагах. Заплатив сразу за три месяца, я стал устраиваться. Первым делом сбегал в магазин, купил продуктов и, пожарив яичницу, достал тетрадку и стал записывать за Михасем то, что я должен буду сделать в ближайшее время.

Тут хотелось бы сказать: о том, что со мной произойдет в ближайшее время, в течение примерно получаса, не знал и Михась. Все из-за долбаного «эффекта бабочки». Нет, конечно, он мог посмотреть, что происходит впереди, но вариантов будущего было множество, и один накладывался на другой, из-за чего будущее дальше десяти минут было для меня просто серой мутью с мелькавшими обрывками картинок.

Так что Михась мог предсказать только ближайшее будущее других людей, но не мое. Я записывал то, что должен сделать, а не то, что сделаю, все зависит только от меня.

Чем больше я записывал, тем больше у меня становились глаза.

«Ну ни хрена себе у него... то есть у меня планы», — озадаченно подумал я, продолжая записывать. И как только тетрадь закончилась, Михась остановился.

Быстро пробежавшись по списку и фамилиям тех, кто обеспечит мне выполнение этих планов, я задумался.

«Так, что мы имеем? Михась предлагает закупить продовольствие, это ладно, это пусть! НО количество?! Тут только соли больше двух сотен тонн. Ладно, продовольствие на первом месте, но первым делом — покупка фальшивых документов у некоего дельца, благо Михась написал где и у кого. И все это почему-то в течение трех месяцев».

Я задумчиво прочитал список в третий раз и пошел готовиться ко сну. Уже был вечер, и выполнение планов пришлось отложить до завтра.

Утром, вызволив такси, поехал по первому адресу, где некий Саша изготавливал фальшивые паспорта и права. Причем высокого качества.

Заранее созвонившись с ним и сказав пароль, договорился о встрече. Встреча тогда прошла нормально. Выяснив, что я хочу и сколько, он взял предоплату и начал творить.

К обеду я стал обладателем шести паспортов и стольких же прав.

Забрав документы и расплатившись, сразу поехал в регистрационную палату и подал заявку на регистрацию небольшой фирмы перекупщика продовольствия, обозвав ее «Арефа», переставив вторую и четвертую буквы.

К вечеру я договорился о съеме комплекса складов, пустующих на бывшей территории воинской части в пригороде Москвы. Снял я их также на три месяца.

На следующий день решил заняться финансами. Те деньги, что я прихватил с оружием, уже подходили к концу, а так как доставать «из-за пазухи» еще толком не научился, то пришлось изыскивать средства другим способом. Сделал просто, с помощью Михася пробежался по значкам, спрятанным в разных местах, хотя, честно говоря, брал я только ворованное, честно заработанное не брал. Правда, мне такие схронки и не попадались, не было у наших людей подобных сумм, честно заработанных.

К вечеру я сидел у себя в квартире и пересчитывал наличные. Оказалось около трех миллионов долларов в разных купюрах, как в рублях, так и в долларах, попадались и евро.

Пока регистрировалась моя фирма, я решил затариваться пока теми продуктами, которые по бумагам никак не проведешь. Да, я решил закупить у военного ворья.

Полковник Смирнов смотрел на меня с открытым ртом, когда спросив, сколько машин тушенки мне надо, получил ответ:

— Мне не машинами, мне эшелонами надо.

Договорились мы быстро, и, оставив аванс двести тысяч долларов и список того, что мне нужно, я написал адрес складов, куда это надо доставить. За доставку платил также я, просто не хотелось заморачиваться этим, оставив проблемы полковнику.

А через пять дней раздался звонок от полковника с сообщением: склады забиты под завязку. Запрыгнув в «девятку», которую купил по поддельному паспорту, я поехал к складам.

Мельком, для вида, я осмотрел то, что мне привезли, так как знал, просроченного нет, это заранее было оговорено с полковником — я просто пригрозил расторгнуть наше соглашение, если обнаружу подобное.

Закончив осмотр, я сказал терпеливо ходившему за мной человеку полковника, представившемуся Сергеем (по выправке было сразу видно, что он тоже военный):

— Ну что ж, все в порядке. Склады будут освобождены к завтрашнему утру; когда будет следующий завоз?

В общем, с помощью своей фирмы и ворья в погонах я заполнял склады восемнадцать раз, убирая «за пазуху» привезенное. Зачем это, я не понимал, но Михась говорил, что «надо». В принципе запасы не помешают, тем более они не портятся.

Живя в Москве, я попытался разыскать своих парней, с которыми воевал в чужом теле, но на все мои запросы был один ответ: «пропал без вести в июле сорок первого». Спросив о своих бойцах Михася, я получил краткий ответ: «Ты был в параллельном мире, там время течет по-другому, забудь». Но забывать я не хотел, и мне улыбнулась удача, я нашел потомка старшины Егорова, живущего в Воронеже. Однако поездка ни к чему не привела, так как никаких фотографий деда не сохранилось, а внук, пятидесятилетний мужик, который на старшину ни на грамм похож не был, извинительно сказал:

— При переезде затерялось...

Но мне уже было все равно, судя по всему, я ухватил ложный след. Вряд ли это

родственники старшины, так и закончились мои поиски двойников моих бойцов.

За время пополнения запасов я стал все лучше и лучше чувствовать «за пазуху», дошло до того, что стал сортировать то, что уже успел туда засунуть, по разделам. В каждом разделе я мысленно сделал как бы полки, куда аккуратно укладывал закупленное. За месяц полностью разложил те вещи и предметы, которые успел запустить туда. Была проблема только с мусором, накопленным за долгие годы, когда неуправляемая «за пазуха» затыгивала в себя все что могла, но теперь такого не было. Я твердо ею управлял, сожалея, что до сих пор ничего не мог взять из нее, так как мне это пока было недоступно.

После того как закончил с продовольствием, я занялся оружием и за два месяца изрядно пополнил свои запасы, было даже несколько Т-62 и МИ-24, не говоря уже о бронетранспортерах разных модификаций, все после капремонта. Понятное дело, и ЗИП, и боеприпасы для них я не забыл.

Проблемы были только с горючим, ну не продавалось оно теми количествами, что мне нужно, поэтому я пошел на хитрость.

Своих грабить мне не хотелось, но вот Америка... я изрядно прошелся по их резервуарам, хорошенько пополнив свои запасы. Правда, когда они угрозили охрану, пришлось закругляться, понятное дело, я не платил, просто воровал, используя все возможности. Также связался с местным оружейным бароном и хорошенько пополнил его счет, совершив немалые покупки списанной техники США.

Вернувшись в Россию, я продолжил пополнять свои запасы согласно списку. Кстати, горючее я просто заливал «за пазуху», полностью изолировав эти разделы. Резервуары получились по октанам. Дизельное отдельно.

После того как список закончился, — уложился чуть больше, чем за год, — решил отдохнуть. Отпуск я провел вместе с родителями, взяв путевку в кругосветное путешествие, продлившееся около двух месяцев. Вернувшись, задумался: что делать?

Однако вопрос не стоял, у Михася уже был список. Переписав его, я задумался: «Ладно схроны чеченов пощипать и всяких террористов — это святое, но воровать на военных складах?!» — однако приписка пояснила, что на складах уже все уворовано и это собираются скрыть путем пожара, так почему бы нам не поживиться?

Так что следующий месяц у меня снова был занят, и я успел пройтись по схронам и складам, заполучив немалые трофеи.

Закончив с ограблением боевиков и военных, я решил поступить так, как сам никак от себя не ожидал. Решил сам, без Михася. Я решил идти в армию, что и сделал.

Поступил просто, нашел генерала и, объяснив ему, что мне нужно, заплатил требуемую сумму. Генерала чуть кондрашка не хватила от удивления, обычно платят наоборот.

Дело в том, что я никак не мог прийти в нормальную форму, несмотря ни на какие тренировки, которые я зачастую из-за загруженности пропускал.

Поэтому и было такое решение, уж в армии-то научат. Генерал был не армейский, а из Внутренних Войск. Глядя на обрюзгшее лицо с прижатой к щеке телефонной трубкой, я старался не думать о нем плохо, а то еще больше осложню отношения с ним.

Я сидел за столом, когда после стука вошел майор в краповом берете.

— Майор, у меня для вас специальное задание. Вот этому молодому человеку нужна полная подготовка, преимущественно одиночки. Вам ясно?

В отличие от меня, майор не больно-то скрывал свое отношение к генералу, но говорил он нейтрально:

— Так точно, товарищ генерал. Понял.

— Хорошо. — И уже мне: — Держите.

Поймав удостоверение, которое генерал толкнул в моем направлении по столу, я открыл его.

На меня смотрела моя физиономия и надпись «рядовой» с моей же фамилией.

«Быстро генерал работает, за неделю и с моим районным военкомом договорился, и все подготовил!» — подумал я.

Этот год был просто адским, особенно первое время. Скрашивали существование только ежемесячные приезды родителей, которым я, понятное дело, сказал, что меня забрали в армию. То, что у меня стали проявляться бойцовские способности Шведа, сильно продвинуло меня в обучении. Я даже неожиданно заговорил по-немецки, из-за чего инструкторы только удивленно качали головами. Но время в армии, по моему мнению, я провел не зря, так как меня прогоняли не только по стрелковому делу, но и по бронетехнике. Я, конечно, асом не стал, но теперь хоть знал, что и как.

Свой краповый берет я так и не заработал, хотя и надеялся. Но все-таки получил то, что хотел — это знания.

Вместе с родителями, которые ожидали меня на КПП, мы заехали в ближайший ресторан, где хорошенько отметили мой дембель.

Дальше был просто отдых, я катался по курортам, ничего не делая, просто отдыхая и развлекаясь, но все когда-нибудь кончается. Вернувшись в Москву, я стал анализировать свои дальнейшие планы и понял, что их у меня просто нет.

Раздумывая о будущем, я продолжал накапливать запасы, и деньги на этот раз брал в банках. Оказывается, в некоторых иностранных банках есть и такие счета, где можно получить деньги просто назвав определенный код. Личность получателя значения не имела.

Но случилась беда, я влюбился, и влюбился серьезно, с признанием, надписями «люблю» на асфальте во дворе дома любимой и другими странностями, которые отличают влюбленных от нормальных людей.

Мою избранницу звали Юлия Арианова, училась она на актрису в одном из театральных вузов столицы. Юля была младше меня на четыре года и в свои двадцать пять казалась мне совсем молодой и неоперившейся.

Потом была свадьба, знакомство с родителями и полгода семейного счастья, которое продлилось так недолго. Все решила небольшая бумажка из женской консультации, случайно обнаруженная мною, и то, что я там прочитал, просто убило меня наповал.

Я по характеру очень трудно прощаю, а после войны и армии уже просто разучился, и убийство своего ребенка не простил и не прощу никогда.

Серьезного разговора не получилось, Юля просто не понимала, что я от нее хочу.

— Миша, ну ты пойми, у меня карьера, ну какой ребенок? — спрашивала она озадаченно.

Тут хотелось бы рассказать о том, что Юлю заметили. Ее броская фигура и красивое утонченное лицо стало мелькать в сериалах. Сперва на вторых ролях, а месяц назад начался сериал, где у Юли была главная роль. Это решило все, я заметил, что у жены началась так называемая «звездная болезнь», но не обратил на это особого внимания, так как дома она была сама собой, хотя теперь это для меня уже не имело никакого значения.

— Юль, ты же знаешь, что я хотел ребенка?! — Я не говорил, хрипел. Грудь сжималась

от боли, было тяжело дышать. То, что это мой ребенок, узнал от Михася. На мои нападки узнать, почему он не предупредил меня, был дан философский ответ: «Эффект бабочки, кто знал, что ей внезапно стрельнет в голову зайти в консультацию, мимо которой она проезжала, и сделать аборт».

Хотя мне кажется, что Михась намеренно не сообщил мне об этом.

Общего языка мы с женой не нашли, а я даже не пытался, она для меня умерла, и выход был только один — развод.

Родители, как мои, так и ее, не понимали, почему расходится такая замечательная пара. Не обращая внимания на их умоляющие взгляды, я молча показал справку, сразу оборвав все вопросы. Внуков они тоже ждали.

Чтобы развеяться, я уехал в Америку и прожил там три месяца, покупая разное и нужное оборудование и медленно отходя от последствий развода, наделавшего столько шума в прессе.

Возвращение обратно в Москву я бы не назвал приятным. Мелкий осенний дождик навевал черную меланхолию; сидя в теплом нутре такси, которое медленно, рывками передвигалось в очередной пробке, я бездумно смотрел на тротуар, по которому непрерывным потоком двигались прохожие. Тут мое внимание привлекла невысокая сухонькая старушка в мокром, аккуратно заштопанном пальто и с протянутой рукой. Посмотрев на нее, я увидел, как стекают капли дождя по ее лицу, и понял, что это не дождь, а слезы, ей было стыдно стоять и просить деньги.

Посмотрев в будущее, я увидел, как Михась, выйдя из машины, подошел к бабушке и, недолго поговорив с ней, посадил в такси.

«А, черт, хватит только о себе думать!» — мысленно выматерил я себя и, велев таксисту ждать, вылез из машины под мелкий, уже стихающий дождь.

Подойдя к бабке, спросил у нее, как она тут оказалась и что случилось. Разговорить Антонину Анатольевну оказалось проще некуда, и, послушав ее короткий рассказ, как у нее отобрали квартиру, предложил пока пожить у меня. И, несмотря на попытки отказа, все-таки уговорил, пообещав разобраться с ее проблемой.

Мы приехали в мою новую квартиру, — старую я оставил своей бывшей, — закупив по пути продуктов.

Антонина Анатольевна была тружеником тыла и в свои семьдесят шесть была довольно подвижной старушкой. Как только вскипел чайник, мы стали есть бутерброды, запивая их крепким черным чаем. Посмотрев, как она жадно ест, я с жалостью понял: «Господи, да она же голодная!»

Расспросы много времени не заняли. Проанализировав с помощью Михася все, что она мне сообщила и что этому поспособствовало, я решил ей помочь. У меня появилась хоть и временная, но цель. Вся наша жизнь — это определенная цель, кто этого не понимает, долго не живет.

Честно говоря, разобраться с теми ублюдками, которые выкинули на улицу три десятка владельцев квартир, мне труда не составило. Сперва я составил аналитическую схему, изумившись простоте и наглости методов обдуривания людей, после чего составил план и, действуя по нему, прошелся по верхушке черных риэлторов.

К моему удивлению, главным у них был сынок главы администрации района, где я жил, и с помощью папаши он немало поработал на поприще обдуривания народа.

«Хорошо, что я не забросил тренировки, а то хрен бы по этой стене поднялся!» — думал я, вися на одной руке на высоте пятнадцати метров. Раскачавшись, забросил ногу на крышу роскошного особняка, принадлежащего жене главы района, и подтянулся.

«Уф, так где это окно?» — вспомнил я наконец, зачем забирался на дом. Тихо ступая кроссовками на мягкой подошве по железной крыше, подошел к полуоткрытому окну.

Это была спальня, и она была пустая, о чем я был прекрасно осведомлен.

Тихо ступая по ковру, стал спускаться вниз. Мне был нужен кабинет, где находился сейф хозяина. Первую заначку в гараже и вторую, закопанную в лесу, я уже нашел и в течение ночи прибрал к рукам. Эта — последняя.

Я решил действовать так же, как и они, не привлекая внимания, просто забрать. Не украсть, а именно забрать ворованное у воров, что я и сделал, полностью лишив верхушку награбленного.

«Жаль, что они квартиру Антонины Анатольевны продать успели, мог бы вернуть, хотя...» — размышлял я. Отключив сигнализацию, я набрал код на пульте и, встав у сейфа, закрутил ручку, набирая шифр. С тихим щелчком дверца приоткрылась...

То, что было внутри, конечно, могло ввести меня в ступор, если бы Михась не написал, что и сколько там лежит.

Открыв висящую на плече сумку, я стал складывать туда деньги вместе с драгоценностями, обнаруженными на одной из полок.

«Это хорошо, что они не успели увезти их в банк. Вот опоздай на два дня — и все, облом!» — весело думал я, закрывая сумку, сейф и включив сигнализацию обратно. К машине я вернулся уже через дверь, открыв ее изнутри.

Глава местной администрации был последним, кого я посетил за эту ночь, лишив всех сбережений, кроме тех, что были в банке.

«Все, пора закругляться, а то уже рассветает, да и вечером у меня работа!» — думал я, подходя к машине. Закинув сумку в машину, сел и поехал домой отсыпаться.

«Блин, да где же он? Вон эти уже волнуются!» — думал я, глядя через оптический прицел на стоявших у своих машин парней из группировки черных риэлторов, дожидających свою крышу в лице главы района.

Наконец на той стороне поляны послышался тихий рокот двигателя, и показалась тупая морда джипа, на котором глава ездил в нерабочее время.

Дождавшись пока он выйдет к ждавшим его парням, я стал нажимать на спусковой крючок, переводя ствол ВАЛа с одного на другого.

«Хорошо, шесть выстрелов, пять трупов, но нужна зачистка!» — думал я, глядя на лежащие тут и там тела убитых мной парней и их начальника.

Однако выходить я не собирался, а сделал просто, всадил еще несколько пуль в лежащие тела. Убедившись, что все лежат неподвижно, я встал и двинулся к оставленной в двух километрах от засады машине, на ходу убирая комбинезон, оружие и остальную оснастку «за пазуху».

«Операция проведена успешно, и меня никто не сведет с трупами, а вот квартиру Антонины Анатольевны я выкуплю обратно или, если она пожелает, куплю другую, лучше!»

За пару дней я решил жилищный вопрос и перевез Антонину Анатольевну в новую квартиру.

Те деньги, что я взял с черных дилеров, потратил на покупку нужного мне оборудования и вещей. Закончив с задачей, которую поставил перед собой, я задумался, чем заняться, а заняться было нечем.

Уничтожением тех, кто развалил страну и продолжает разваливать, я решил заняться совершенно случайно, после просмотренной передачи, где один индивид рассказывал «правду» о Второй мировой войне и о том, как нам теперь хорошо живется, после того как мы сбросили сталинский режим. Меня просто переключило от его речей, и я чуть не разнес кафе, где обедал, лениво слушая бормочущий рядом телевизор. Заплатив за разбитый в приступе злобы стакан, я понесся домой. У меня появилась цель: уничтожить тех, кто привел страну к тому, что творится сейчас на ее просторах. Я честно скажу, что это было не только от обиды за родину или чего-то подобного, а больше из справедливости, да и просто чем-то заняться было необходимо, к тому же я помнил тот приток адреналина, когда уничтожал ту мразь, что грабила одиноких стариков.

При планировании я выяснил, что те, кто привел страну к развалу, в основном живут в России, но четыре десятка жили в Америке и были коренными американцами, с них-то я и решил начать.

За три месяца я выполнил свой план, пришлось даже одного профессора-пендоса расстреливать из танкового орудия. Добраться до него через охрану даже с помощью Михася не представлялось возможным, слишком хорошая она была.

Танк я достал «из-за пазухи». Так как к тому времени уже научился ею пользоваться, причем научился как-то сразу, от неожиданности, во время памятного возвращения из кафе, а дело было так.

Шагая по тротуару и придерживая полы плаща, я тихо ругался, вспоминая политика из телевизора. Мельком глянув на зеленый свет светофора, стал по зебре переходить дорогу, как вдруг мимо, буквально в нескольких сантиметрах, оттолкнув меня потоком воздуха, на запретельной скорости пронеслась спортивная машина.

Я тогда и сообразить не успел, как у меня в руках загрохотал АКМ, посылая пулю за пулей вслед машине. Зато успел сделать четыре одиночно-прицельных выстрела. Спорткар, успевший отъехать метров на триста, занесло и кинуло на припаркованные машины. Такого взрыва, как показывают в фильмах, не было — просто искореженная груда железа. Посмотрев на прыгающее по дороге оторванное колесо, мельком глянув на прохожих, которые с интересом смотрели на меня, я прикрыл автомат полкой плаща, убрал его обратно «за пазуху» и, надвинув кепку на глаза, двинулся дальше по пешеходному переходу под взглядами дисциплинированно остановившихся водителей.

* * *

Свою первую цель я запомнил надолго, так как она была женщиной. Моложавой, когда-то ослепительно красивой, с восхитительной фигурой, которую не испортило время и прожитая жизнь.

После того как Михась составил список, я задумался, с кого начать, мое внимание сразу привлек отдельный столбик с данными. Внимательно прочитав его, решил начать именно с этого столбика. В списке были только иностранцы.

Мэри Джоанн Кэмпбелл была специалистом в психологии народов, то есть те волнения в начале девяностых в кавказских регионах были пробой ее сил, и только после того как Мэри набралась опыта и создала команду, они принялись за Союз. Хотя, в чем она сама призналась, быстрота развала поразила даже ее.

Из Москвы в Сан-Франциско я вылетел вечером, самолет прибывал утром, так что я рассчитывал выспаться.

— Мистер... мистер, мы приземлились! — донесся до меня женский голос, и только через несколько секунд я сообразил, что говорят на английском, который я более или менее знал. Выучил за последнее время. Продрав глаза и широко зевнув, я потер лицо, смущенно улыбнулся стюардессе и пробормотал:

— Так хорошо уснул, что ну никак не могу проснуться.

Улыбнувшись в ответ, симпатичная стюардесса ответила:

— Вам еще повезло, некоторые пассажиры не могут и этого, из-за боязни высоты.

— Да, наверное, — ответил я.

Вставая, обвел взглядом полупустое помещение салона, из которого уже выходили последние пассажиры. Вытащил из отделения для ручной клади сумку, хотя все, что там лежит, мне не особо было нужно, так как я начал всю эксплуатацию «за пазуху», но для виду она была необходима.

Пройдя таможенный досмотр, вышел из кондиционерного рая аэропорта в жаркие городские тропики.

Такси как всегда не было, пассажиры, вышедшие до меня, уехали на всех свободных машинах, оставив меня и еще нескольких невезучих под палящим солнцем.

Ждать было не с руки. Вернувшись в здание аэропорта, я подошел к стойке, где сдавали напрокат машины, и попросил предоставить мне транспорт. Однако девушка, стоявшая за стойкой, смущенно улыбнувшись, ответила, что свободных машин практически не осталось. Есть одна, но никто ее не берет. А я взял.

«Подумаешь, я ездил на том, что выдает наш автопром, что нельзя даже с натяжкой назвать машиной, а тут им не нравится, что кондиционера нет. Жлобы!» — думал я, разглядывая небольшой семейный минивен.

Вздыхнув, я достал ключи и открыл дверцу, изнутри дохнуло таким жаром, что у меня волосы начали потрескивать на груди.

«Ну и кто додумался поставить ее на самом солнцепеке? Блин, надо было заранее заказать машину. Не додумал!»

Открыв все дверцы, я закинул сумку на переднее сиденье рядом с водителем и, сев в горячее нутро автомобиля, тронулся с места. На выезде с парковки я предъявил талон охраннику и спокойно выехал на улицу.

Когда я немного разогнался и ветер стал обдувать меня, охлаждая закипавшие мозги, стал смотреть на названия улиц, нужная мне попала через полчаса. Свернув, поехал по ней и через час выехал на окраину, где был недавно отстроенный частный сектор. Проехав мимо дома номер одиннадцать, я с интересом изучил его, именно там жила моя цель.

Ждать долго я не собирался и, припарковавшись неподалеку, у небольшого кафе, пообедал, оставив машину рядом на парковке. После плотного обеда направился к нужному дому.

Незаметно пробравшись во двор, я осторожно подцепил крючком язычок замка

бокового окна. Так как эта часть дома была с одной стороны огорожена высокой живой изгородью из кустарника, дающей тень, а с другой гаражом, то делал я это спокойно. Знал, что меня никто не обнаружит.

Со щелчком язычок ушел в сторону. К моему удивлению, дом был без сигнализации; похоже, что дамочка никак не заботилась о своей безопасности и вела спокойную жизнь пенсионерки.

Запрыгнув в комнату, я достал «из-за пазухи» пистолет с глушителем, специально выбрав американский «кольт», и стал осматривать дом. Десятиминутный осмотр показал, что в доме пусто, но хозяйка ушла недавно, чайник на электрической плите был еще горячий.

Вернувшись к окну, закрыл его и, пройдя в гостиную, спокойно уселся на диван, терпеливо ожидая хозяйку.

Миссис Кэмпбелл вернулась домой с... пробежки, чего я никак не ожидал от подобной старушенции.

«Они тут все зациклились на здоровом образе жизни, даже старики спортом занимаются», — думал я, удивленно покачивая головой.

Хозяйка, не заметив меня, пронеслась мимо, что меня изрядно удивило, так как не заметить меня было просто невозможно — я находился в трех метрах от парадного входа. Вздохнув и передернув затвор, я последовал за хозяйкой. Хозяйка была на кухне; стоя у открытого холодильника, она пила воду из запотевшей бутылочки.

Я не стал говорить за что и почему, как это делают в фильмах. По моему мнению, это было глупо, так как сделанного не воротишь. Вероятно, хозяйка что-то почувствовала и начала оборачиваться, но не успела. Глушитель кашлянул два раза, и моя первая цель медленно сползла на пол, уронив одну из полок холодильника.

Застыв в каком-то оцепенении, я осознал, что это первое убийство в этом теле, которое пришлось совершить лицом к лицу. Теперь эмоции Шведа мне не помогали. Встряхнувшись и убрав ногу в сторону от текущего ручейка молока, я задумался. После чего, ухмыльнувшись, взял губную помаду и нарисовал на дверце холодильника красную звезду. Кому надо — те поймут.

Бросив последний взгляд на тело хозяйки, я вышел из дома так же, как и вошел, то есть незаметно.

Проснувшись утром в номере гостиницы, в фойе взял свежую газету и поинтересовался криминальными новостями. К моему удивлению никаких новостей об убийстве Кэмпбелл я не нашел.

«Похоже, заинтересовались спецслужбы, ведь она была не последним человеком в их организации!»

За полтора месяца я огнем и свинцом прошелся по Америке, и ЦРУ, на первом десятке вычислившее на кого я охочусь, организовало на меня настоящую охоту, которую я обходил играючи, так как знал все их планы. И вот наконец остался последний в иностранном списке, руководитель. Им был некто профессор экономики Майкл Гулинич, который и разработал в действительности план развала и первым толкнул камешек, впоследствии вызвавший лавину.

Разглядывая в бинокль виллу, где под охраной взвода спецназа находился профессор с семьей, я, задумчиво покусывая травинку, разглядывал один из амбаров, где стоял в полной готовности бронетранспортер.

Вызов по рации отвлек меня от наблюдения, взяв рацию одного из убитых бойцов, которые занимали тут позицию дальнего поста наблюдения, вслушался в шум помех.

Была переключка постов, я ответил так же, как отвечал и до этого, зная все пароли.

Как только я отложил рацию в сторону, то со стороны гор уловил приближение вертолета. Шустро накрывшись специальной накидкой, — на вертолете был тепловизор, — дождался, пока вертолет сделает круг и вернется обратно. Скинул накидку и с подозрением посмотрел вслед вертолету: что-то было не так, слишком быстро он улетел.

«Черт, я же про солдат с поста забыл, они же остыли уже, вот пилот их и не увидел, наверняка дал сигнал, раз так быстро улетел!»

Решение пришло молниеносно, как только я увидел выползающую из амбара тушу бронетранспортера, набитого десантниками.

«Сейчас посмотрим, кто кого!» — подумал я, насмешливо глянув на бронемашину.

Скатившись с холма, где был пост, я замер. В мертвой от наблюдения зоне, как со стороны виллы, так и других постов, на песчано-галечной почве появился Т-62М. Вскочив на башню, я забрался внутрь и, закрыв люк, пролез на место мехвода.

— Сейчас посмотрим, чья возьмет! — смеясь, сказал я вслух, представив лица экипажа вражеской машины, когда они увидят этого монстра.

Двигатель сразу схватился, как только я нажал на кнопку стартера. Двигатель не остыл, так как я требовал демонстрации и проверки при покупке.

Включив вторую передачу, рвя сцепление, выскочил из-за холма и, не обращая внимания на то, что после резкой остановки танк стал покачиваться с носа на корму, шустро перебрался на место наводчика.

Бронетранспортер к тому времени, как я навел на него прицел, уже шустро улепетывал, пыля по дороге и довольно профессионально уходя рваными зигзагами. Экипаж явно принимал участие в боевых действиях. Опытный попался.

Заранее заряженная фугасным снарядом пушка медленно шевельнулась, отслеживая пылящую машину. Как только я понял, что они вот-вот свернут, чуть довернул и нажал на педаль пуска.

Танк содрогнулся от выстрела, а на месте бронемашины уже чадило разорванное месиво из металла. Закинул следующий тяжеленный снаряд, включив систему очистки воздуха, все-таки надумало изрядно. Наведя прицел на то место, где должна была быть комната профессора, снова нажал на спуск. Дав еще четыре выстрела по совету Михася, только тогда, когда он дал отбой, я прекратил стрельбу. Вернувшись на место мехвода за рычаги, я развернул танк и на максимальной скорости попылил в сторону ближайшего холма, где были небольшой лесок и речка, пора было сваливать.

Как только я сунул танк обратно, в стороне послышался звук вертолета, и над верхушками появилась уже знакомая машина.

— Вот разлетались! — возмутился я, доставая Иглу. Ракета, после пуска пройдя в окно между ветками и оставляя дымный выхлоп, устремилась к вертолету. Я с интересом следил за ее полетом и попаданием. Огненный шар в окружении обломков упал на землю, отчего почва заметно содрогнулась.

«Класс, специально бы целился в бак, фиг бы попал, а тут... случайность!»

Что ни говори, меня все-таки ждали, и то, что я уничтожил последнюю цель в Америке, меня не спасало, ловушка захлопнулась.

Я шустро двигал конечностями, стараясь оторваться от погони, и вот наконец впереди в

просвете леса заблестела вода, мимо пробежала довольно глубокая и быстрая речушка. Остановившись у кромки воды, я стал быстро раздеваться, убирая маскхалат «за пазуху» и доставая оттуда же гидрокостюм. Вставив в рот загубник и повернув вентиль подачи воздуха, осторожно вошел в воду и, нырнув, поплыл по течению, благо из-за груза, который я догадался надеть, наверх меня не поднимало.

Это был самый запоминающийся день в моей жизни. Под водой я пробыл почти девять часов, меняя только баллоны, из-за чего мне приходилось под прикрытием растущих на берегу деревьев вылезать на берег, удалившись от места, где я вошел в воду, километров примерно на тридцать.

Вынырнул я у самого берега под прикрытием веток и листвы, внимательно осмотревшись, понял, что вертолетов не видно, так как при прошлых всплытиях они во множестве летали над головой.

«Ну наконец-то, а то уже терпеть мочи нет!» — подумал я, с трудом вылезая на берег. Скинув с себя все, я отбежал в кусты, избавившись от излишков, которые поднакопились за это время. Как только гидрокостюм высох, я убрал все «за пазуху». Достав цивильную одежду и переодевшись, прогулочным шагом двинулся полевой дороге в сторону шоссе.

Однако прошел я не так много. Как оказалось, правительство ввело военное положение, и мне повстречалось одно из подразделений национальной гвардии, прочесывающее небольшой лесок, до которого я не успел дойти. Прячась в высоких зарослях кукурузы, которая была выше моего роста, я размышлял, поглядывая на оставленные грузовики и стоящих кучкой водителей.

«Зажали. Судя по пыли слева, там тоже гвардия, а как можно спрятаться от охотников? Только если стать самому охотником, в смысле таким же, как и они!»

Мне оставалось только ждать, и ожидание не продлилось долго. Надо мной пролетел вертолет и сел неподалеку от грузовиков, из него вылез грузный офицер и подошел к вытянувшимся водителям. Через минуту один из них рванул в лес.

«А это еще что за шишка?» — сам у себя спрашивал я, с интересом разглядывая в бинокль офицера. На его погонах я разглядел знаки различия полковника.

Через минуту водитель вернулся с капитаном в плащ-палатке и в каске. Автомат, уже довольно устаревший Томпсон, не знаю, с каких складов попавший в руки этому капитану, висел у него на плече.

Откозыряв, они о чем-то поговорили, полковник отошел к грузовикам, а вертолет, завывая двигателем, поднялся и, немного наклонившись набок, унесся куда-то к горизонту. Под шум удаляющегося вертолета из леса стали появляться гвардейцы как группами, так и поодиночке.

«М-да, с дисциплиной у них не очень, раз такой разброд, и это хорошо, это облегчает мою задачу!»

Построившись в шеренгу по двое, гвардейцы слушали полковника, о чем-то толкавшего им речь. И если первая шеренга хоть немного делала вид, что слушала, то задняя откровенно развлекалась. Я видел, как мелькала бутылка, кочующая из рук в руки, и каждый уже успел к ней приложиться.

«Вот обалдуи, они же опасного преступника ищут, а им все развлечение. Одно слово, мобилизованные!»

После того как полковник закончил, они не стали садиться в машины, как я надеялся, а

построившись в цепь, направились в мою сторону.

«Вот блин, делать им, что ли, нечего?» — думал я, отползая от края поля. Вскочил на ноги и перебежками стал удаляться вглубь, забирая вправо. Через некоторое время, пропустив мимо двух гвардейцев, из пистолета с глушителем снял обоих. После чего подскочил и стал снимать одежду, один из солдат застонал, и мне пришлось добить его, никаких угрызений совести я не испытал, так как они были для меня врагами. Надев на себя форму одного из гвардейцев и оттащив тела в сторону, я накрыл их специальным покрывалом, имитирующим земляное покрытие. Оно очень хорошо маскировало, по крайней мере, когда я лежал под ним, гвардейцы, проходя мимо, ничего не заметили.

Выйдя вместе со всеми из кукурузы, я также залез в грузовик, стараясь не подставлять лицо под взгляды, да и не было никому до меня дела. В кузове звучали смех и шутки.

К моему удивлению, никакой переклички или еще чего не было, мы просто сели в машины и поехали в другое место, где снова стали прочесывать довольно большой лес, правда, не одни, там уже стояли машины с гвардейцами. Во время прочесывания я отошел в сторону, спокойно переоделся и, выйдя на шоссе, сел на попутку. Еще через двое суток я прошел таможду в Варшавском аэропорту. Такие сложности были необходимы, поскольку в Америке я работал под чужим именем реально существующего человека. Мы с ним были действительно похожи, особенно если подкорректировать внешность гримом, так что, представляясь Яном Ковальских, никаких проблем я не испытывал. Угрызений совести у меня тоже не было, так как он был ярким патриотом Польши и русофобом, что не скрывал и демонстрировал, особенно проявил себя Ковальских в деле с Катынским вопросом, подняв изрядный вой. Так что проблемы ему были гарантированы, поскольку я оставил пару зацепок для спецслужб Штатов.

Сменив имидж, я на поезде прибыл в Россию, где и залег на некоторое время, отдыхая от того бешеного темпа, что сопутствовал мне в Америке. По-другому было просто нельзя. Они меня почти вычислили, так что я свалил из страны, можно сказать, на последней волне. Промедлил бы — и все.

В Интернете я с улыбкой читал о своих похождениях, так как СМИ и не думали скрывать от зрителей и слушателей такое. Один из маститых репортеров даже дал мне имя, которое теперь все используют, и имя это — «Стрелок». Самая животрепещущая тема в новостях, это откуда взялся старый советский танк и куда он потом делся. К моему удивлению, были фотографии моего танка, правда, смазанные, но звезду на башне было хорошо видно.

«Это, судя по ракурсу, меня сняли с соседнего поста... О, вот и видео, посмотрим!»

Съемка была непрофессиональная, объектив постоянно дергался, но, в общем, видно было хорошо. Дождавшись, пока видео загрузится, я, включив пуск и откинувшись на спинку кресла, заложил руки за голову и с интересом стал смотреть в онлайн свое выступление.

Сперва показали, как из амбара выехал бронетранспортер и в него на ходу запрыгнули восемь бойцов в спецназовском горном камуфляже.

«...Смотри, Билл, сейчас парни Хенкса возьмут его, спорим, что... О, боже мой... там танк!» — послышался голос за кадром, перешедший в панический вопль.

В это время объектив стал дергаться и было непонятно, что происходит, но вот оператор справился с волнением, и показали мою шестидесятку, которая, покачиваясь, остановилась. В этот же момент ствол пушки — оператор навел объектив на нее, показывая какой у нее чудовищный калибр — стал как будто приноживаться, немного поворачиваясь, и

в этот момент грянул выстрел. Под непрерывные ругательства одного и молитвы другого показали пылающие остатки бронетранспортера. Чуть в стороне я заметил дымящиеся останки члена экипажа, кажется, оператор тоже их заметил и приблизил изображение.

«Хм, а я вот их не видел, корпус бронетранспортера мешал, и, судя по виду, тело просто выбросило из машины, выбив люк из крепления!»

Досмотрев, как после четвертого выстрела вила скрылась под огромным облаком пыли и как мой танк, блестя траками, развернувшись, скрылся в дымовой завесе, устроенной посредством дымшашек, я перешел на другой сайт. Там шло обсуждение, кто такой Стрелок, что ему надо и чего он добивается. То, что Стрелок одиночка, уже было озвучено, но в это пока никто не верил. Мои подвиги уже попытались было присвоить несколько террористических групп, но были довольно быстро отловлены спецнами из ЦРУ, которые довольно болезненно реагировали на эти заявления, и уничтожены при захвате, так что больше таких попыток не было, ну разве у пары сумасшедших.

Я изрядно посмеялся над предположениями всяких говорунов и тут задумался: «А ведь действительно, я их валю, а ни они, ни народ, да просто никто не знает, за что. Хм, надо подумать!»

После часовых раздумий, которые я провел в модном молодежном кафе, не потому что люблю тут бывать, а потому что оно самое близкое к моему дому, я решил создать свой собственный сайт, где буду выкладывать все почему и за что. Но проблема заключалась в том, что создать сайт я не мог, не умел, и значит, мне был нужен специалист. Вот к нему я и поеду следующим утром. Адрес мне написал Михась.

При выходе из кафе я мельком глянул на экран телевизора и увидел крупным планом лицо Ковальского с двумя симметричными синяками под глазами. Оно выражало столько эмоций! От: «Как же так? Я к вам всей душой, а вы меня международным преступником объявили?!» до: «Ну попадитесь вы мне». Диктор с нескрываемой радостью сообщила, что пойманного Стрелка по приказу польского президента уже передали в руки сотрудников полиции США. Из кафе я выходил с улыбкой на все лицо.

Специалист по программам был асом в прямом смысле этого слова. Задача, которую я ему задал, была ему на один зуб, и делал он ее с удовольствием, так как был очень сильно обижен чиновниками.

Алексей Сарычев был из чеченцев, и не по национальности, а по месту службы, где и получил повреждение позвоночника. Так что все мытарства и палки в колеса его инвалидного кресла он запомнил надолго и воспылал к чиновникам нового правительства просто лютой любовью. Особенно за то, что группу инвалидности Алексей так и не получил. Вначале я попытался просто купить программу, но по совету Михася просто пришел к нему и поговорил по душам, и теперь более верного союзника у меня не было. Алексей обещал составить программу для сайта всего за три дня, убрав в сторону все срочные заказы.

— Готово, можешь забирать, — протянул мне флешку Алексей. — Тут все и плюс инструкция для пользователя, — и присовокупил пару листков, исписанных мелким почерком.

— Спасибо, Лех, век не забуду, и... вот тебе на пропитание. — Я попробовал протянуть ему деньги, но рука была немедленно отбита в сторону, и на меня уставились бешеные глаза.

— Я... тебе... не... за деньги... делал!!! Засунь ты их себе знаешь куда?! — Он не кричал, а хрипел.

Я успокаивающе положил ему руку на плечо и сказал спокойным тоном, кляня себя за случившееся, ведь понятно, что такие парни у своих не берут, но я замотался, вот и допустил такую оплошность.

— Все, ладно, не кипятись, я понял. У тебя с едой как?

— Нормально, не бедствую, программы составляю, на жизнь хватает, — ответил он хмуро, заметно успокоившись.

— Спасибо тебе. Большое спасибо!

— Да ладно, у меня только небольшая просьба, хлопни пару нелюдей и за меня, лады?

— Не вопрос, конечно!

Что и говорить, мой сайт, который я назвал «Стрелок», вызвал натуральный шок и по популярности превзошел все знаменитые сайты, как и по посещаемости.

Там было практически все, от первого уничтоженного мной человека и до последнего, когда я работал в Америке. На сайте был описан каждый, и за что он получил пулю или нож, и как это произошло.

Сайт я создал не для того чтобы информировать о своих планах и действиях, а для того чтобы те, кто живет в России и соседних республиках, знали, что возмездие придет, ведь ожидание смерти страшнее самой смерти. Понятное дело, полный список я не выкладывал, и не потому что боялся напороться на засаду, просто не хотел, чтобы они успели смыться.

К моему удивлению, после того как я, сидя в полупустом трамвае, отправил через ноут информацию на сайт, мол, займусь теми, кто вредил Союзу, уже в России, то в аэропортах началось настоящее столпотворение. Репортеры просто писались от восторга, сообщая о бегстве влиятельных шишек, а вот президент был в бешенстве, лишившись нескольких министров, которые срочно заболели, и большей части их замов, улетевших на тропические острова лечить нервы. Жить хотелось всем.

Первый, кого я отработал в России, был заслуженным деятелем государства в свете информации и общественного мнения. Матвеев Павел Борисович был из тех, кого простой народ называл «болтунами из телевизора» и другими нелицеприятными словами. Именно по приказу Матвеева и при помощи его друзей замалчивался геноцид русского населения в Чечне. И ответом на все попытки этих несчастных получить компенсацию, которую в полной мере получают чеченцы, называя ее «контрибуцией», было полное молчание. Матвееву не нужны были «нахлебники» из русского населения Чечни, свой гешефт он делал именно с чеченцами.

Тщательно изучив свою цель, я немедленно приступил к исполнению задачи. Почему-то в последнее время Михась изрядно торопил меня, ничего не объясняя.

— Я второй, все чисто, можно выходить! — пискнул голосами сканер рядом со мной.

— Понял, выходим! — Эти слова заставили меня приготовиться.

Включив подсветку прицела, я сосредоточился на выходе из казино, где возле легкобронированного джипа стоял высокий крепкий парень в костюме. Заметив, что он приложил пальцы к уху, прислушался.

— ...внимание, выходим! — сказал динамик сканера.

Потирая подушечку указательного пальца для большей чувствительности, я ждал.

Когда входная дверь открылась и оттуда вышел Матвеев в окружении пяти телохранителей, приложившись щекой к ложу винтовки Barrett M82A1 с ночным прицелом, которую купил у американских оружейников, навел прицел на живот цели.

«Пора!» — понял я, заметив, что никто, кроме Матвеева, под выстрел не подставляется.

Спуск был мягким, но последовал мощный удар в плечо, все-таки винтовка изрядно лягалась.

Снова посмотрев в прицел, Матвеева я не заметил, только легкую красную пыль там, где он стоял, и ошарашенные фигуры телохранителей, застывших рядом. И только присмотревшись, я понял, что две кучки и были останками правозащитника. Месть свершилась.

Быстро собрав и убрав винтовку «за пазуху», я, скользя по веревке, стал спускаться вниз с той высоты, где сидел, ожидая цель. Ушел я чисто и посчитал это хорошим предзнаменованием.

Вечером выложил в сеть, за что и почему Стрелок уничтожил Матвеева. Какой тут поднялся вой правозащитников из-за убийства их сотоварища, но после того как я объявил, что в моем списке еще остались цели из их коды, вопли сразу стихли.

В течение полутора месяцев я отработал еще шестьдесят фамилий, уничтожая порой до трех человек в сутки, так как активно пользовался помощью Михася. После такой моей деятельности уже никто не заикался о том, что Стрелок — это одиночка.

Когда в списке осталось всего одиннадцать фамилий, я решил устроить себе небольшой недельный отпуск, чтобы отдохнуть от той беготни, которую устроил по России и соседним республикам. Кстати, когда я в столице Грузии нашел одного из своих спрятавшихся клиентов, то мне на глаза совершенно случайно попался кортеж президента Грузии, проезжающий в двух кварталах от меня.

После возвращения из этой мятежной республики, где начались похороны и выборы нового президента, мне на сайте задали вопрос, «зачем» я это сделал. Мой ответ был прост: «За Цхинвал».

Несколько дней я провалялся в постели, отдыхая и душой и телом, совершая только небольшие пробежки по утрам и вечерам. Глядя в экран огромного плазменного телевизора, с интересом слушал одного депутата из оппозиции, который, опасливо поглядывая в объектив, что заставляло меня улыбаться, говорил, что в России настали новые времена и нет такой свободы слова, как раньше. Мол, простой народ поднял голову.

— Было зафиксировано несколько нападений простых граждан на сотрудников Думы! — возмущенно говорил он, грозя кому-то кулаком. Видимо, нападавшим. — И в ответ на попытки их утихомирить были слышны вопли: «Стрелок вам еще покажет...», продолжая уже нелицеприятно! — продолжил он.

«М-да, а ведь народ стал вспоминать все, что сделали с ним за последнее время, и теперь пытается напомнить уже политикам», — хмыкнул я.

Посмеявшись, я задумался, как бы все это не привело к гражданской войне, а что, вполне может быть. Вздохнув, решил, что пусть все идет своим чередом, ведь в правительстве сидят думающие люди и не допустят подобного, по крайней мере, я на это надеялся.

До конца назначенного мне самим собой отдыха оставалось еще пару дней. Посмотрев на настенные часы, я стал одеваться для вечерней пробежки, на которую уже опаздывал —

надо держать себя в форме.

Прыгая по ступенькам, сбежал вниз, проигнорировав лифт. Да и вообще, в последние месяцы я им и не пользовался, тренируя икры, хоть и жил на двадцать шестом этаже элитного дома.

— Добрый день, Таисия Викентьевна, — поздоровался я с консьержкой, пробегая мимо.

— И вам доброго здоровья, Кирюша, — раздалось в ответ, когда я уже подбегал к дверям.

Дальнейший разговор она не заводила, так как знала, что я сам остановлюсь с ней поболтать, когда буду возвращаться, чтобы отдохнуть перед подъемом в квартиру.

Выскочив на улицу и вдохнув свежий морозный воздух, я поправил лямки рюкзака с песком для утяжеления. Поскрипывая настом, врезаясь в него шипами горных ботинок, побежал в сторону парка. Ночную мглу рассеивали только редкие фонари, и поздняя пробежка была моим любимым занятием, из-за того что вокруг было не так многолюдно, как утром, когда пробежкой занимался не я один.

— Ух, хорошо-то как! — громко сказал я. Остановившись, крутнулся на пятке и побежал по маленькой тропке, которую лично пробил к спортивному городку и которой пользовался только я один.

Подбежав, с ходу вцепился в перекладину и стал подтягиваться. С небольшими передышками я скакал по железным перекладинам, разминая и тренируя тело.

Закончив отжиматься, выбежал на дорожку и побежал к ларьку, в котором всегда покупал минералку для восстановления баланса после тренировок.

— Здравствуйте, Кирилл, что-то вы сегодня запаздываете, — приветливо улыбаясь, поздоровалась продавщица Татьяна, протягивая мне маленькую бутылочку воды.

— Было много дел, вот немного и запоздал, — ответил я, расплатившись, и, отпив из бутылочки, спросил: — Ну что, больше проблем не было?

Спрашивал я из-за того, что пару недель назад трое подвыпивших подростков, угрожая ножиком, напали на нее, пытаясь изнасиловать и ограбить. Мои ботинки тогда хорошенько прошлись по их ребрам, показывая, что я такого не одобряю. Так что теперь наши с Татьяной отношения перешли на дружескую ногу, давая мне возможность передохнуть и поболтать, узнавая местные новости.

Почесав немного языком, с удивлением узнал, что в соседнем районе снова было изнасилование, на этот раз пострадала пятнадцатилетняя девушка.

— Как жалко-то ее, совсем же еще маленькая, — печально вздыхала продавщица, отдавая бутылку пива пареньку.

— Что-то я об этом не слышал. Это когда начало происходить?

— Дык четыре дня уже, последняя третьей была.

Поклявшись себе, что займусь этим ублюдком как можно скорее, распрощался с Татьяной до завтра и побежал дальше, скрипя плотно, до состояния льда, утоптанном снегом.

Когда я пробежал по одной из дальних тропинок, уже собираясь домой, услышал тихий крик в глубине кустарника и возню.

«Неужели?» — спросил я себя и рванул туда.

Сбивая снег с веток, я перевалил через кустарник и увидел темные фигуры, бьющиеся на земле. И если мне сперва показалось, что у них все по согласию, то Михасю так не показалось. Подскочив к парочке, он сбил насильника с девушки и стал пинать его ногами.

Встряхнувшись, я вернулся в настоящее время и, подбежав к парочке, зеркально повторил его движения, сбив парня с жертвы.

Поглядев на скрюченное тело, я повернулся и, загребая снег ботинками, подошел к рыдающей девушке. Встав рядом с ней на одно колено, встряхнул ее и спросил:

— Как ты? Все нормально? — и сразу же получил по рукам.

Хмыкнув, я встал и не глядя на девчушку, запахивающую легкую меховую дубленку, подошел к насильнику. Парень был самым обычным, каких можно во множестве встретить на улице. Проще говоря, неприметная серая личность. Даже крупный нос не привлекал к нему внимания. Схватив его за ворот куртки и резко подняв, изо всех сил приложил его о ствол дерева. Они встретились со сдвоенным стуком. Подойдя, достал «из-за пазухи» веревку и крепко привязал парня к дереву, скрутив руки за спиной.

Повернувшись к девушке, заметил, что она держит в руках кофр с каким-то музыкальным инструментом. Я взгляделся в ее лицо, едва различимое в свете показавшейся луны, и спросил:

— Слушай, а мы не встречались? Где-то я тебя видел.

— Не знаю, вроде нет, — ответила она, продолжая пристально изучать меня.

И тут я вспомнил эти глаза. Усмехнувшись, сказал:

— Вспомнил. Знаешь, знакомые ассоциации помогли. Насильник, девочка и я, только вместо розового рюкзака кофр.

— Ой, так это вы? Я папе рассказала. Он вас искал-искал, но так и не нашел.

— Не будем ворошить прошлое, тебя проводить?.. Даша, кажется?

— Да, не забыли. Я вон в том доме живу, — показала она рукой.

— Я так и думал, что ты именно так и скажешь, все знакомо, — сказал я, вздохнув.

— Ой, а я что, тогда так говорила? — спросила девушка, когда мы выбрались на тропинку.

Я только кивнул в ответ. Отобрав у нее кофр, шел рядом, слегка помахивая им и разглядывая Дашу.

«Однако, судя по одеянию, ее папаша не стеснен в средствах. Одна дубленка тянет штуки на три евро!»

— А вы зайдете к нам? Я вас с папой познакомлю, — спросила девушка и даже приостановилась в ожидании ответа.

— Нет. У меня нет времени.

К моему удивлению, шли мы, болтая на разные темы, к тому дому, где я снимал по поддельному паспорту квартиру. Распрощавшись с девушкой у парадной, я не стал заходить в подъезд, чтобы не светить перед Дашей то, что здесь живу, так как Таисия Викентьевна обязательно бы со мной заговорила.

Помахав ей рукой вслед, я направился обратно, у меня еще были дела. Узнав с помощью Михася, что вырубленный парень и есть насильник, который уже четыре дня терроризирует район, поставив на уши не только полицию, но и всех родителей, имеющих детей подобного возраста, я решил действовать.

Найдя относительно целую скамейку, плюхнулся на нее и достал один из чистых телефонов. Активировав его, набрал написанный на листочке номер.

— Алло, слушаю? — ответил чуть хриплый мужской голос.

— Андреевы? Это у вас изнасиловали дочку?

— Кто вы такой? Что вам нужно? — вопросом на вопрос ответил мужчина.

— Насильник пойман, он привязан к дереву. Делайте с ним что хотите... найдете его там-то и там-то... — После чего я созвонился с остальными пострадавшими и повторил примерно то же самое.

Отключив мобильник, я убрал его обратно «за пазуху». «Да свершится месть!» — сказал я себе и, запрокинув голову, стал смотреть на звезды. Минуты через три, встряхнувшись от этого гипнотически-завораживающего зрелища, вскочил и побежал домой.

У дороги я чуть было не столкнулся с резко остановившейся машиной, из которой выскочили три парня с битами и побежали в глубь парка. Я проводил их взглядом, понимая, что это родственники одной из девочек. Перебежав дорогу, я потрусил к дому, но вновь услышал звук тормозов и, обернувшись, увидел еще одну остановившуюся машину, из которой на этот раз выскочили четверо и тоже убежали в глубь парка.

«А народу-то прибывает, такими темпами скоро тут и полиция объявится. Пора делать ноги, и не только отсюда, но и из квартиры. Она теперь засвечена, а жаль!»

Перепрыгивая через сугробы, я побежал по тропинке, где пропуская, а где обгоняя пешеходов и просто гуляющие парочки.

— Что-то ты сегодня задержался, Кирюша, обычно пораньше прибегаешь... что-то случилось? — спросила консьержка, когда я забежал в фойе.

— Да что вы, Таисия Викентьевна, просто встретил знакомого, и мы пообщались. Как внучка? — спросил я, чтобы увести тему в сторону, у меня это прекрасно получилось. Консьержка тепло улыбнулась и ответила:

— Все хорошо, скачет егоза. Ох, Кирюша, если бы не твоя помощь, не знаю, что бы мы с дочкой делали... спасибо тебе за лекарство и врачей, спасибо.

Заметив, что она вот-вот заплачет, я торопливо сказал:

— Да все в порядке, Таисия Викентьевна, для меня это не проблема, обращайтесь еще. Я к себе, сообщите, если ко мне кто придет, хорошо?

— Конечно, Кирюша, как и договаривались, сразу позвоню, — кивнула она, вытирая глаза платком.

«Уф, всегда теряюсь, когда вижу женские слезы», — подумал я, подходя к двери, за которой находилась лестничная площадка. Как только я взялся за ручку двери, послышался шум подъехавшего лифта, из которого выпорхнула моя знакомая Даша в сопровождении трех мужчин. Один из них точно был ее отцом, выдавало семейное сходство.

— Ой, папа, это он! — немедленно ткнула в меня пальцем девушка.

Бежать было глупо, поэтому, отпустив ручку двери, я стоял и терпеливо ждал вопросов.

— Добрый день, это вы помогли моей дочери спастись от насильника?

— Не понимаю, о чем вы, — сделал я недоуменный вид, не обратив внимания на озадаченное лицо девушки.

— Но ведь это вы! — крикнула она.

Таисия Викентьевна, активно греющая уши, приподняла брови, но промолчала, продолжая с интересом и азартом слушать. Сериал на экране маленького телевизора был мгновенно забыт.

— Девушка, на улице ночь, вы просто ошиблись, — посмотрел я на нее как на несмышленного ребенка, отчего она прикусила губу. Только сейчас при свете я разглядел, какая она красавица. У Даши была неяркая внешность фотомодели, прекрасно дополняющим штрихом были яркие чувственные губы, которые она сейчас покусывала.

— Но ваш белый комбинезон... ботинки... рюкзак, это были вы! — крикнула она

возмущенно.

— Извините, я тороплюсь и продолжать глупые споры не намерен, — сказал я коротко ее отцу, который с интересом изучал меня. Потом, чуть заметно кивнув Даше, открыл дверь и стал подниматься по лестнице. Девушку с отцом я отшил не оттого, что мне не нужны их благодарности, а потому что я торопился, нужно освободить квартиру как можно быстрее. Появилось нехорошее предчувствие.

Звонок в дверь отвлек меня от протирания холодильника, я подчищал свои отпечатки пальцев. Положив пропитанную спиртом тряпку на кухонный стол, я неторопливо направился к входной двери, на ходу осматривая квартиру.

«Вроде все забрал, ничего не забыл», — подумал я, шаря глазами по комнатам. Посмотрев с помощью Михася, кто за дверью, я со вздохом открыл дверь.

— Проходите, — сказал я отцу Даши, сделав приглашающий жест.

Молча кивнув, он зашел в прихожую и, звякнув стеклом в черном полиэтиленовом пакете, представился:

— Извините, что вот так врываюсь, я, как вы поняли, отец Даши, Эдуард Константинович, и хотя вы отказались признаться в том, что помогли моей дочери, и мне непонятны ваши мотивы, я пришел лично выразить свою благодарность, — произнес он, приподняв пакет.

Кивнув, я пригласил его на кухню, где мы с удобствами устроились на мягких стульях.

— Ну как вы понимаете, в благодарностях я не нуждаюсь, — предупредил я, положив локти на край стола и глядя на гостя.

— Я это прекрасно понимаю, но дочка настаивает, чтобы я пригласил вас к нам на ужин, а ей я отказать не могу, слишком люблю свою крошку, — извинительно ответил он с улыбкой.

— Тогда почему она оказалась одна в парке? — спросил я, лениво наблюдая, как из пакета появляются фрукты, балык и пара бутылок темного стекла, в которых я с изумлением узнал элитный коньяк.

— Да, что уж говорить, глупо получилось. Даша должна была закончить попозже, а мой шофер заехать за ней в клуб, но стечение обстоятельств — и машина сломалась, и дочка раньше закончила, — ответил он, протирая бутылку от пыли.

Я достал два бокала на высоких ножках, поставил их рядом с гостем и спросил, садясь на место:

— А в Казани? Знаете, два раза — и рядом случайно оказываюсь я, а если будет третий раз? Меня просто может не оказаться рядом!

— Вот за этим я и пришел, что вы скажете о работе телохранителя? Насколько я успел разузнать, квартира не ваша, вы ее снимаете, а я могу предложить хорошую сумму за ваши услуги, — сказал он, пристально глядя на меня.

Несколько секунд я с недоумением смотрел на него, а потом захохотал. Отсмеявшись, спросил насупившегося гостя:

— Эдуард Константинович, вы польский фильм смотрели? «Сара», кажется, так там очень похожая ситуация. Это я к тому, что по-любому пересплю с ней, нравится она мне, что уж тут говорить. Так что мой ответ — нет.

— Ну и хорошо, — с облегчением ответил он с посветлевшим лицом; видно, этот разговор тяготил его.

Он довольно прохладно распрощался со мной. Проводив его до двери и закрыв за ним, с

улыбкой вспоминая прошедший разговор, я продолжил прерванное занятие.

— Ну вроде все, — сказал я, оглядываясь. Проверив все еще раз, оделся и, захлопнув за собой дверь, поскакал по ступенькам вниз, насвистывая на ходу песню велосипедистов.

— Кирюша, ты надолго? — спросила меня Таисия Викентьевна, оторвавшись от газеты.

— Да вот вызвали. В командировку отправляют в соседний город. Так что скоро не ждите.

С пожеланием доброго пути я вышел на улицу. Укутав шарфом подбородок от пронзительного морозного ветра, спокойно пошел в сторону супермаркета, посверкивающего вывеской, и на первой же попутке доехал до одной из своих резервных квартир.

Доработал остальных я в течение двух недель, оставив самого жирного напоследок.

Моей последней целью был депутат Верховного Совета Российской Федерации, послушная собачка в руках штатовцев.

Полная проработка операции заняла у меня почти пять дней, я пытался найти хоть малейшую лазейку в его охране, но охраняли его фэсэошники, усиленные спецнами из антитеррористических подразделений. Охрана была усилена по одной причине — они знали, что депутат Маркелов был моей следующей целью, так как я сам сообщил об этом, написав на сайте Стрелка.

Это не была блажь или что-нибудь подобное, нет. Они должны не только знать, за что я их уничтожаю, но и ощутить все прелести загнанного зверя, на которого ведут охоту. Именно такими и стали пятеро последних в моем списке.

Я сам решил так, и первую цель уничтожил играючи, так как спецслужбы не особо старались охранять этого правозащитника.

А вот охрана следующих уже была проблемой, так как учла все возможные мои ходы, но я находил лазейки, пока не дошел до Маркелова, и вот здесь я споткнулся. Его охрана была просто великолепна.

— Товарищ майор, у нас вызов, спрашивают вас! — окликнул майора Васильева растерянный сотрудник отдела связи.

— Кто вызывает? — остановившись, безразличным тоном спросил майор. Так как голова Васильева была забита мыслями о Стрелке, то и ответ оказался неожиданным:

— Он представился Стрелком.

— Что-о-о?! Немедленно в аппаратную! — Майор ринулся в спецотдел, но окрик сотрудника остановил его.

— Товарищ майор! Он звонит... с вашего номера.

— Не понял? — остановился в недоумении Васильев, взявшись за ручку двери в аппаратную.

— Стрелок звонит, пользуясь номером вашего мобильного.

Достав из кармана телефон, майор активировал его и, послушав ровное гудение ответа станции, отдал мобильник сотруднику со словами:

— Капитан, проверь, — и вошел в аппаратную.

Вместе с капитаном они подошли к помаргивающей лампочками аппаратуре, за которой сидели четверо парней.

Чуть помедлив, майор взял трубку и хорошо поставленным голосом произнес:
— Майор Васильев у аппарата!

Орех никак не желал разгрызаться; мучаясь и перекладывая его с зуба на зуб, я слушал пощелкивания на линии. Наконец после очередного сжатия что-то хрустнуло, правда, я сперва не понял что, то ли зуб, то ли орех. Выплюнув треснувший орех на ладонь, я вытащил ядрышко и, закинув его в рот, стал пережевывать, а скорлупу бросил в вазочку, когда наконец услышал:

— Майор Васильев у аппарата.

— У какого именно? У телефона или вашего спец-оборудования, что вам привезли из Германии? — любопытствовал я, доставая из фарфоровой розочки очередной орех.

— Хм, вам это так интересно?

— Да не особо. Я к чему звоню-то, у меня очень много информации, которая может вам помочь. — На этот раз орех я раздавил щипцами.

— Какая информация? Может, она нам не нужна? — поинтересовался майор.

— Ну смотрите сами, я перечислю, а вы выберете... и кстати, меня вы вычислить не сможете. Для этого вам просто не хватит времени, мои спецы утверждают, что на это вам понадобятся месяцы и другая аппаратура. Ваша уже устарела, — сказал я, любовно проведя рукой по открытой крышке небольшого чемоданчика, куда вели провода трубки, которую я держал.

— Я вас слушаю, — ответил майор.

— У меня очень много информированных агентов, так что я знаю практически все. Маньяки, террористы...

Я быстро пробежался по всем данным, что записал с Михасем, и сейчас, закончив перечислять их с экрана ноутбука, щелкнул мышкой, отправляя файлы на номер ФСБ, пользуясь также номером телефона майора.

Васильев, сидя в кресле, быстро пролистал файлы, которые только что пришли, и спросил:

— Это все?

— А вам что, мало?! — возмутился Стрелок.

— Ну-у-у...

— А, понятно. Да не вычислите вы меня, я же говорил, и, кстати, голос, который вы записываете, тоже не мой!

Майор с изумлением услышал, как взрослый мужской голос с легкой хрипотцой сполз до детского мальчишеского.

Я прокрутил колесиком обратно, возвращая прошлый голос на место, и спросил майора:

— Так вы будете спрашивать, зачем я убиваю этих ублюдков?

— А зачем, на вашем сайте все подробно прописано. У меня приказ поймать вас, а не обсуждать ваши дела, — ответил майор.

— Ну нет, так нет. Пока, и счастливо меня поймать. — И я положил трубку на место.

Хоть немного, но я увел их внимание в сторону. Им волей-неволей придется отрядить часть сотрудников заниматься моей информацией, и мне же будет легче заняться последней целью, хотя и ненамного легче!

Васильев повернулся к капитану, застывшему у одного из приборов.

— Вася, только попробуй мне сказать, что вы его не засекали.

Капитан встал и виновато развел руками, сказав:

— У него оборудование на несколько поколений лучше нашего.

Васильев только беззлобно выругался в ответ.

Приподняв край плаща, я опасливо выглянул и осмотрелся. Пока все было чисто. Натянув ткань, скрывающую тепло моего тела, обратно на голову, я немного сдвинулся с места, стараясь не привлекать к себе внимания.

Снайперы на соседних высотках очень внимательно наблюдали за обстановкой, и быстрые и резкие движения легко привлекали их внимание.

Ткань была белого цвета, так что я был практически невидим на слежавшемся снегу. Медленно двигаясь до парапета крыши, где была мертвая зона со всех постов, я стал ждать, слегка подмерзая в комбинезоне. Он был совершенно мокрым от пропитавшего его пота.

Посмотрев на часы, я осторожно сделал несколько разминочных движений, поглядывая по сторонам. Наконец часы показали нужное время, и я, достав «из-за пазухи» винтовку, приготовился. У меня был только один шанс, только один выстрел.

Игра со спецами-охотниками изрядно вымотала меня, но добить список я решил полюбому и как можно быстрее. К тому же Михась постоянно советует заканчивать побыстрее, мол, «нас ждут великие дела».

Осторожно выглянув из-за парапета, я быстро окинул взглядом улицу, стараясь особо не высовываться.

Хотя я и был в мертвой зоне, но и стрелять отсюда было невозможно, я не видел цели. Поэтому был только один шанс, это выскочить из мертвой зоны и произвести выстрел навскидку, надеясь, что пуля долетит куда надо.

«Все, пора!» — пронеслось у меня в голове, когда стрелка сдвинулась к нужному делению.

Сделав пару глубоких вдохов, я вскочил на ноги, быстро приложил приклад к плечу и, прицелившись в окно, где были наклеены вырезанные из салфеток снежинки, нажал на спуск. После чего, под визг пролетевшей мимо пули, упал под прикрытие парапета и молниеносно закинул винтовку обратно «за пазуху».

Перед моими глазами, как будто я сам нахожусь на острие пули, замелькали картинки. Вот я влетаю в окно с приклеенными снежинками, пролетаю комнату насквозь, коридор, следующая комната, снова окно с детскими красочными шторами, улица, снова окно — и в кухне на барном табурете сидит моя последняя цель, которую крупнокалиберная пуля разрывает на две части.

Шустро двигая конечностями и чувствуя, что время стремительно утекает, я полз под прикрытием парапета к нужному мне месту. Снайперы не стреляли, так как не видели меня, но это не значит, что они не следят за крышей, так что я благоразумно прикрывался этой ненадежной защитой.

Наконец достигнув крепко завязанного троса, я накинул на него ролик и, оттолкнувшись, заскользил вниз. Рядом со мной впритирку прошла пуля, не задев, но обдав бетонной крошкой.

«Похоже, этот стрелок за нас, вон как чуть ли не в упор мажет!» — весело подумал я.

Достигнув земли под непрерывающимся обстрелом, который никакого вреда мне не причинил, я, отстегнув альпинистскую сбрую, побежал в глубь дворов. Пора было уходить, но тут я вышел под прицел второго снайпера и от удара в плечо полетел на землю. Быстро вскочив, я метнулся под защиту стены дома и скрылся во дворе.

* * *

Раздавшийся треск рации отвлек меня от воспоминаний.

— Двести первый, ответьте, прием, — хрипел женский голос в динамике. Таксист, лениво потянувшись, взял в правую руку микрофон, закрепленный на приборной панели и, нажав кнопку включения, ответил:

— Двести первый на связи!

— Двести первый, где вы находитесь? — Этот вопрос заставил меня насторожиться.

— Улица Карла-Маркса!.. — И замолчал, когда ему в затылок уткнулся холодный цилиндр глушителя.

— Положи микрофон на место, — тихо попросил его я, чуть подавшись вперед.

Таксист резко вспотел и, чуть помедлив, умоляюще заговорил, повышая голос:

— Не убивайте меня, пожалуйста, у меня трое детей!..

Я громко хмыкнул и, чуть нажав на затылок пистолетом, беззлобно произнес:

— Неплохая попытка. Я тоже фильмы смотрю, так что оценил, можешь отпустить кнопку. Хватит нашим слушателям и того, что ты тут наговорил, хотя...

Я забрал микрофон и, растянув провод, удобно устроился, откинувшись на спинку сиденья. Нажав на кнопку, спросил в микрофон:

— Майор? Можешь ответить, я знаю, что ты там!

Ответом мне был только шум помех и далекие голоса в эфире.

— Поверни здесь направо и через ту арку езжай на соседнюю улицу, — велел я водителю, обратив внимание, что он снизил скорость и мы едва плетемся. И снова сказал в микрофон: — Майор, я знаю, кто убил твою семью. — Это была опасная попытка, но я ее использовал.

— Кто-о-о! — немедленно услышал я вопль в динамике.

— Майор, ну ты же профессионал, неужто ты думаешь, что я это скажу в открытом эфире. Просто имей в виду, на случай если будешь меня брать, — сказал я и вернул микрофон на место, не дожидаясь ответа майора.

Откинувшись обратно на спинку сиденья, я вытер лоб ладонью и заметил на ней слой грима, который наносил для изменения внешности. Быстро достав «из-за пазухи» карманное зеркальце, посмотрел на свое лицо.

«Блин, грим потек. Хорошо же меня в пот бросило из-за ранения!» — подумал я с раздражением. Убрав зеркальце, достал омовскую шапочку-маску и положил ее в карман, так, на всякий случай.

— Здесь останови, — приказал я водителю, заметив знакомый проход между домов. Он имел разветвленную сеть проходов через дворы и подъезды, так что уйти от полицейских не проблема, а вот от ФСБ — это да, проблема. К моему сожалению, именно ФСБ шло по моему следу, слишком многим стал поперек горла неуловимый Стрелок, раз на его поимку пустили лучших ищек.

Аккуратно отсоединив штекер крепления микрофона, я сунул его в карман и сказал насупившемуся таксисту:

— Найдешь его в ближайшем мусорном баке, а пока извини. — Кинув на сиденье пару купюр, я вылез из машины и пошатываясь направился во двор дома, где через проходную и черный ход можно было попасть на соседнюю улицу.

Шатало меня все сильнее и сильнее, к тому же боль в руке все нарастала; похоже, болеутоляющее, которое я вколол в плечо, перестало действовать.

Мне надо было уйти как можно дальше. Поэтому, наплевав на здоровье, я вколол второй тубик в плечо.

Боль довольно быстро сошла на нет, оставив в плече некоторую слабость, но я все равно не пользовался рукой, сунув ее за ремень. Быстро шагая, на ходу достал телефон и, набрав номер сестры, быстро заговорил:

— Лен, привет! Слушай, я тут уеду на некоторое время... нет, не знаю. Может, на год, может, на два — точно не скажу, так что ты родителям передай, хорошо? — Отключив телефон, я вытащил из него симку и подошел к бочке, в которой жгли мусор. Даже сейчас он усиленно чадил, выбрасывая в «чистый» городской воздух дым сгорающей пластмассы. Туда я и кинул разобранные части телефона и симку.

«Так им меня будет труднее найти, хотя и возможно!» — думал я, шагая к выходу со двора в глубоко надвинутой на глаза кепке, чтобы идущие навстречу прохожие не увидели мое поплывшее лицо.

Выйдя на улицу, я огляделся и сразу же нырнул обратно во двор. «Это явно работа таксиста, быстро они меня вычислили!» — думал я на бегу.

На улице я увидел майора и пару парней неприметной наружности, наверняка его оперов. Стоящие рядом микроавтобусы ясно давали понять, что у майора с собой крепкая поддержка в виде группы захвата.

Через некоторое время за моей спиной послышался множественный топот ботинок по разбитому асфальту. «Заметили-таки, черти. Надо было все-таки одежду поменять, явно по ней узнали!»

В легких клокотало, но бежать я не прекращал, хотя на ногах как будто висели свинцовые гири. Понятное дело, что от спецназа я убежать не смог, поэтому, завернув в первый же попавшийся дворик и заметив тени за спиной, едва успел нырнуть в небольшую нишу между домами. Быстро вытащив «из-за пазухи» автомат, дал очередь по арке так, чтобы пули от ricochetили от стены.

«Надеюсь, я там ни в кого не попал!» — с надеждой прислушался я. Однако в арке было тихо, но я тоже был не лыком шит и прекрасно понимал, что выход из ниши на прицеле. Хоть я и находился в мертвой зоне, но выйти мне теперь было невозможно. Мелькнула мысль воспользоваться бронетехникой, но после некоторого размышления я от нее отказался. Из-за того, что я находился в нише, вытащить технику и поставить ее можно только под прицелами спецназовцев, которые точно не дадут мне в нее забраться.

Мне было реально плохо, не знаю, что задела пуля, но силы уходили довольно быстро. Сунув к повязке другую руку, я нащупал текущую кровь.

«Черт, я так кровью истеку еще до того, как меня будут брать!» — подумал я, глянув на окровавленную ладонь.

— Стрелок, это я, майор Васильев!.. — Услышав голос, я достал маску и натянул ее на голову, что одной рукой было ой как непросто.

— ...так ты позволишь мне подойти? — спросил майор, закончив стандартный монолог, что деться мне некуда и лучше сдаться.

— Подходи! — крикнул я в ответ.

Через пару секунд появилась фигура с поднятыми руками и стала медленно приближаться ко мне.

Прижавшись к стене, чтобы не упасть, я внимательно отслеживал все его движения, держа на прицеле автомата.

— Ближе чем на десять метров не подходи, уровень твоей подготовки я прекрасно знаю, так что так пообщаемся, на расстоянии! — выдохнул я.

Майор остановился и, крутнувшись вокруг своей оси, чтобы показать, что оружия у него нет, стал жадно меня рассматривать, запоминая речь, фигуру и форму черепа.

«Профессионал, блин!» — подумал я.

— Что ты знаешь о том, кто убил моих? — Кажется, этот вопрос особо волновал майора. Что было неувидительно, я на его месте тоже бы все силы пустил на это.

У майора два года назад зверски, прямо в своей квартире, убили жену и двух дочерей, он не знает, кто и за что, но искал их изо всех сил, однако никаких следов за это время не обнаружил. Даже он, один из лучших оперативников ФСБ.

— Да, знаю.

— Кто?! — В его голосе было столько чувств, от застарелой боли до жадного интереса.

— Я, конечно, дурак, но не настолько. Это мой шанс, и я хотел бы его использовать.

В это время Михась зашевелился и, на секунду отвлекшись, чтобы проследить за его движениями, я продолжил:

— Не морщись, я тоже понимаю, что выпустить меня ты не можешь. Просто дай приказ не стрелять в меня, пока я иду к середине двора.

В его глазах был вопрос, однако он что-то быстро сказал в рацию, гарнитуру которой достал из кармана.

— Можешь идти, — кивнул он и зашагал рядом, требовательно смотря на меня. В его фигуре прямо читался вопрос, мучивший его.

Чувствуя спиной множество глаз, я нетвердой походкой шагал по дворику, убрав перед этим автомат за спину, чтобы майор не видел, как убираю его «за пазуху».

Когда до моей цели осталось меньше пяти шагов, я остановился и, чуть помедлив, повернулся к майору.

— Тебе все или только общее? — спросил я его.

— Давай все, — велел он, впиваясь в меня глазами.

Глянув на его напряженную фигуру, я пожал плечами и ответил:

— Времени нет, но я напечатал и оставил тебе в одном месте письмо, ты его быстро найдешь — там подробно. А если поверхностно, то это твой начальник, хоть и бывший. Ты слишком быстро подобрался к делишкам, которые крутил его сын, вот он, зная твою хватку и бескомпромиссность, решил таким способом отвлечь тебя.

— Полковник Горюнов?

— Да, — коротко ответил я и, быстро объяснив, где оставил пакет с информацией, повернувшись, начал разбегаться.

Дело было в том, что в десятиминутном будущем Михась вышел в середину двора, разбежался и, подпрыгнув на полметра, исчез у всех на глазах.

«Не знаю, куда он делся, но это даже лучше, как мне кажется, чем в камеру!» —

подумал я, подпрыгивая.

Через мгновение меня накрыла темнота, жуткий холод и перекрутила жгучая боль, которая в основном сконцентрировалась в плече. Не выдержав, я заорал и потерял сознание.

Очнулся я как-то сразу, увидев ярко-голубое небо перед глазами, и неожиданно легко поднял голову. Вокруг была зеленая трава по пояс, в которой я лежал гольшом. Без труда поднявшись на ноги, я осмотрелся.

«М-да, на прерию похоже. Одна трава вокруг и горы вдаль с белоснежными шапками ледников на вершине. Черт, куда же я попал?!» — спросил я себя озадаченно.

Проведя рукой по плечу, я изумленно замер... Мало того что на мне не было одежды, так и раны тоже у меня не было, на плече виднелся едва заметный шрам, который исчезал буквально на глазах.

«Вот блин, хорошо-то как!» — обрадованно подумал я и, поведя плечом, легко подпрыгнул от радости, меня переполняла какая-то веселость, хотелось прыгать и плясать.

Присмотревшись к своему телу, я только сейчас понял, что оно стало моложе, практически исчезли те рельефные мускулы, которые я накачал. Теперь я снова стал голенастым подростком.

Попытавшись достать «из-за пазухи» зеркальце, я не смог этого сделать, я ее просто не чувствовал.

«Нифигасе, это сколько я копил запасы, и все пошло прахом?!» — Меня просто переполняла злоба от такой подставы. Попытка связаться с Михасем тоже не увенчалась успехом.

«Зашибись, мало того что оказался непонятно где, так еще без снаряжения... да вообще без всего!» — К очередным неприятностям меня скрутил жуткий голод, и напала жажда. Нет, не так. ЖАЖДА. Я до жути хотел пить; видимо, сказалась большая кровопотеря. Держась за живот, где требовательный желудок-сосун явно давал понять, что без воды и пищи я долго не протяну, направился в сторону гор, ойкая, если наступал голый ногой на колючки.

Через полтора часа, пройдя примерно около пяти километров, я присел в тени одинокого дерева и, поведя начавшими обгорать плечами, стал выдергивать колючки из подошв ног.

Остановиться на часовой отдых, несмотря на жажду и голод, я решил именно под деревом, пользуясь тенью.

Лежа на уже надоевшей траве, я размышлял, что делать и как выжить, но тут мое внимание привлекли птицы, кружившие вдалеке над одним местом. Километрах примерно в трех от меня.

— Надо дойти посмотреть, вдруг что интересное, может, там вода? — с надеждой вслух спросил сам у себя.

Со стоном встав на исколотые ноги, я направился в ту сторону. Вскоре я смог разглядеть какую-то темную массу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась пасущейся лошадью или конем, честно говоря, не разбираюсь в этом.

Она подняла голову и, настороженно посмотрев на меня, заржала.

— Тихо, спокойно, спокойно, — бормотал я, медленно приближаясь.

Подойдя ближе, я понял, почему она не отходила, ее поводья были намотаны на кисть руки крепкого мужчины в смутно знакомой одежде, похожей на форму.

Судя по виду, убит он был недавно, так как запаха я еще не ощущал, несмотря на жаркое

солнце. Первым делом я поднял и надел на голову шляпу с широкими полями, в которых обычно ходили ковбои в старинных фильмах-вестернах.

Подойдя к отпрянувшей от меня лошади и сняв флягу с седла, я стал пить мелкими глотками.

— Ну-с, посмотрим, что мне перепало, — уже веселее глядя на окружающий мир, бодро спросил я и, склонившись над убитым, стал его осматривать.

Первым делом мое внимание привлекла закрытая кобура на поясе. Перевернув труп на спину, чтобы было удобней расстегнуть ремень, я снял его и, расстегнув кобуру, осмотрел оружие.

К моему удивлению, это был Кольт-Драгун, о чем гласила надпись на револьвере. Открыв барабан, я озадаченно стал рассматривать его. Патронов внутри не было. Потянув за капсуль, я вытащил его из каморы и осмотрел барабан более внимательно.

«М-да, раритет, тут что, еще патроны не изобрели? Все по старинке заряжают, как кремневые ружья, шомполом?»

Барабан был съемным и заряжался отдельно; вытащив его, я вытряхнул бумажный кулек с порохом из каморы и посмотрел на оставшуюся пулю, после чего, снова зарядив его, стал искать сменный барабан, но не нашел; наверное, он был в чересседельных сумках. Дальше я стал снимать с убитого одежду и обнажил раны на теле, которые меня заинтересовали.

«Так, судя по всему, в него попали трижды, и все в спину, но вот четвертая рана, точнее огрызок стрелы, торчащий из нее, наводит на определенные размышления!»

Покачав головой, я собрал одежду в куль и повесил ее на седло рядом с сапогами. Надевать их я пока не стал, решив сперва где-нибудь постирать их. В том, что неподалеку должен быть какой-нибудь водоем, я не сомневался, глядя на зеленое море травы, явно не знавшей проблем с влагой.

Закончив с трупом, я занялся лошадью, а точнее сумками, перекинутыми через седло. К сожалению, ружейная кобура была пуста, а вот в сумках было много чего интересного. Это и запасная рубашка, которую я сразу натянул на себя (штанов, к моему сожалению, не было), и запасные заряды для Кольта, и несколько десятков патронов в бумажных пачках — судя по размеру, они были явно от винтовки. Отдельно лежали три снаряженных барабана. И главное, там была еда.

Я с жадностью накинулся на вяленое мясо, запивая его водой, но быстро взял себя в руки. Съев немного, остальное убрал обратно, подумав: «Надо поменьше есть, а то мало ли что».

Перекинув ремень с кобурой через плечо, так чтобы кобура оказалась под мышкой, так было удобно доставать оружие, я отвязал поводья от руки убитого, подошел к седлу... и остановился в замешательстве. Нет, я, конечно, видел, как садятся на лошадей и как ездят, но смотреть это одно, а вот самому — поди попробуй.

Лошадь насмешливо наблюдала за мной, чуть всхрапывая.

С подозрением поглядев ей прямо в глаза, я взялся за луку седла, вставил ногу в стремя и легко закинул в седло свое тело.

Что было дальше, описать нетрудно.

Во-первых, я плюхнулся голым задом на раскалившееся на солнце седло, что заставило меня вскрикнуть и привстать.

Во-вторых, лошадь не зря смотрела на меня как на жертву, так как мгновенно подпрыгнула задом, отчего я полетел через ее голову на землю.

Подождав, пока небо перестанет крутиться, я встал и, продолжая крепко сжимать поводья, снова подошел к седлу. Зло глянув на лошадку, которая продолжала насмешничать и заржала, убедительным тоном произнес:

— Так, тушенка ходящая, если я еще раз упаду, будешь кормом вон для тех добреньких птичек, которые ждут, пока мы уедем, чтобы полакомиться твоим бывшим хозяином. Ясно?!

Не знаю, поняла она или нет, но снова вскочив в седло, предварительно постелив на него плащ убитого, я крепко стукнул ее кулаком между ушей. Лошадь стояла смирно. С подозрением посмотрев на нее, я тронул поводья и ударил пятками по бокам, как это делали бойцы.

«Кстати, а ведь птички, это ведь грифы, я что, в Америке? Кстати, форма... что-то подобное я видел в книгах по истории. Да и в фильмах было что-то похожее. Если я не ошибаюсь, в такой ходили солдаты, которые воевали за негров. Очень интересно!»

Мы спокойно стали удаляться от убитого, которого хоронить я даже не думал, так как не посчитал нужным. Главное выжить, а то без воды это будет проблематично, во фляге оставалось совсем немного.

Тяжело поводя боками, конь, которого я назвал Черныш, так как он был абсолютно черным, медленно шел в сторону заходящего солнца.

— А ведь ты пить хочешь. Так давай вези меня к воде, вместе и попьем... хотя, может, из фляги тебе налить, там осталось чуток? — спросил я, похлопав коня по холке.

Остановившись, спрыгнул на землю и, достав флягу, налил воды в шляпу и протянул ее Чернышу. Шляпа была достаточно плотная, так что вытечь вода не успела. Конь одним хлюпом втянул всю влагу и ткнулся мордой мне в плечо, прося еще.

— Ша, и так все тебе отдал, не оставив себе, так ты еще просишь. Ищи воду, ищи, — ласково бормотал я, поглаживая голову Черныша.

Надев влажную шляпу обратно на голову, я запрыгнул в седло. Через пару секунд мы снова потрусили по прерии в сторону гор, там должна быть вода, просто обязана быть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net